

## Когда приходит прошлое

В детстве я очень часто просила бабушку: «Расскажи, как было, когда ты была маленькая». И она с удовольствием, не спеша, рассказывала о жизни в имении в Белоруссии под Бобруйском, о реке Березине, по которой ходили баржи, по-белорусски берлины, и пароходы прадедушки Бориса Ильича Чарного, в саду росли яблоки - антоновка, штрифель, груши сапожанки, такое название груш я не слышала ни от кого и никогда. Прадедущка родился в 1861 году. Он происходил из очень бедной еврейской семьи, жил в местечке около Бобруйска. Местечки - это поселки в черте оседлости, за пределами которой евреям запрещалось находиться. Только там они имели право заниматься мелкой торговлей, иметь небольшое хозяйство, сапожную или портняжную мастерскую, держать трактир или постоянный двор. Евреи из местечек могли приезжать на ярмарки и торговать. Жить за чертой оседлости разрешалось купцам 1-ой гильдии, дипломированным специалистам, врачам, провизорам, некоторым ремесленникам, отслужившим рекрутам, крещеным евреям. Чтобы представить быт обитателей местечка, их жизнь, пережить вместе с ними нищету, погромы, радости и слезы, страдания и надежды, я читала Шолом-Алейхема. Мама прадедушки умерла, когда он и два его брата были совсем маленькими, отец женился, родились две сестры, одну из них звали Злата. В 15 лет прадедущка влюбился в мою прабабушку Фрейду Соломоновну Вайнштейн. Ее родители Ита-Рейзл Березкина и Соломон Вайнштейн имели много детей, если не ошибаюсь, выжили только пять девочек, а ведь надо было всех замуж выдать, всем приданое дать, но Ита-Рэйзл оптимисткой была и говорила: «Придет казак, возьмет и так». У них был трактир, крестьяне по дороге на ярмарку останавливались у них, чтобы поесть. Так вот, Бере в 15 лет полюбил Фрейду, ей тоже было 15 лет, но по обычаям тех мест он не должен был ухаживать, подарки дарить и т.д., по правилам, она не должна была видеть его лица, но она видела и влюбилась сразу. Как быть – хочешь жениться, думай, как дом построить, как жену и детей обеспечить. И Бере Чарный в 15 лет связал или сбил плот, купил на одолженные деньги бочонок меда, бочонок дегтя, пеньку и по реке Березине через Днепровские пороги прибыл на Украину, на ярмарку. Все свои товары он продал и купил сахар, соль, муку и на этом же плоту прибыл в Бобруйск. Будущему своему тестю сделал подарок – полмешка муки и полмешка сахара. Ита-Рэйзл и Соломон в трактире булочки пекли и так называемый «кофе» с сахаром варили из цикория и что-то еще добавляли. Так прадедущка делал много – много раз, и лет через 8-9 у него уже была своя маленькая берлина (баржа), его знали на Березине и на Днепре, а прабабушка его ждала. И наконец, они поженились. Прабабушка получила приданое – сундучок с бельем, зонтик, перчатки и вексель. Вскоре подошло время, сестрам ее замуж выходить, и Фрейда без разрешения мужа отдала своему отцу Соломону этот вексель для сестры. Бере, обнаружив, что векселя нет, за голову схватился, испугался, что опять стал нищим – ведь у него, кроме баржи ничего не было. Его любимая жена Фрейда призналась, что это она взяла вексель и отдала отцу, чтобы он мог выдать замуж вторую дочь. Бере понял все и простил свою любимую женушку. С этим векселем всех сестер замуж выдали. Фрейда каждой сестре к свадьбе покупала сундучок с бельем, зонтик и перчатки. Вексель, в конце концов, остался у младшей сестры. А Бере тестю своему Соломону, возвращаясь из Украины, привозил все больше муки и сахара. Торговля шла успешно. У Фрейды и Бере родился мальчик, но через несколько дней умер. Они очень страдали. А в 1889 году в Пурим – праздник на переломе от зимы к весне у них родилась доченька, ее называли Эстер – Эсфирь. Эсфирь – библейская героиня, заступница униженных и обреченных перед беспощадной высшей властью, спасительница, она избавила от гибели еврейский народ, но равнопочитаема всеми тремя религиями – иудаизмом, христианством и мусульманством. Эстер - Эсфирь – моя любимая двоюродная бабушка, тетя Фира. Через 2,5 года родилась моя бабушка, Соня, еще через 2,5 года родилась Зина, еще через 2,5 года появился на свет долгожданный сыночек Гриша, а в 1900 – младшая доченька Ева. Дела у прадедушки шли успешно. По Березине, Днепру и другим рекам ходили его баржи и пароходы. Купечество приняло его в свою гильдию, человеком он был исключительно порядочным и честным. Вот однажды, приезжает прадедущка в Киев, остановился в гостинице с видом на Днепр, идет к доку – посмотреть свои баржи, как товар грузят, и видит баржи своего знакомого купца, а погрузкой командует его молодой зять. Прадедущка постоял, посмотрел, понял – сломается баржа, не знает молодой человек, не соображает, как равномерно добро на барже распределить. Борис Ильич говорит: «Нужно грузить так...» А купеческий зятек говорит: «Еврей не может пройти и совета не дать, идите по своим делам». Вдруг ночью прадедущка слышит треск, шум, крики: «Спасите, помогите!». Видит прадед из окна гостиницы: баржа зятя трещит, ломается на глазах, товар в холодную воду падает - осень, дождь. Прадед, в чем был, выбежал из гостиницы, разбудил своего атамана и на баржу – товар перераспределять, все сделал быстро, четко, спас почти все. Атаман, так называли главного среди матросов на баржах, направил своих ребят восстановить баржу. Уж как благодарил испуганный зятек прадеда, как

извинялся. Думаю, на всю жизнь урок получил, как себя вести и как грузить нужно, а прадед приехал домой простуженный, но болел не долго, - сильный был и крепкий – подкову гнул одной рукой. Но сердце имел доброе и мягкое, очень любил жену и детей, всегда носил в кармане сюртука, на груди их фотографии. Он любил повторять: «Весь свет – один подлец, но делай добро и знай: на добро добром редко отвечают». Обидят тебя - «отрежь полу». Кусают, хватают - не отвечай тем же, отрежь и забудь. Держал прадед слово купеческое, он доверял и ему доверяли. Сидит он в ресторане, подходит к нему знакомый купец и говорит: «Борис Ильич, одолжите, пожалуйста, 10.000 рублей», в то время пуд сахара стоил 18 копеек, корову можно было купить за 10 рублей. Прадед берет салфетку и пишет в банк: « Прошу выдать подателю 10.000 рублей. Б.Чарный ». Да, и в мыслях не было, что купец обманет, подведет. А однажды в банке кассир выдал прадеду вместо 1.000 рублей -10.000, прадед говорит: «Вы ошиблись», тот отвечает: «Я? Да Вы считайте, как следует!» Прадед настаивает на своем: «Считайте». Уж как кассир извинялся, как благодарил, - деньги-то огромные, и пожелал: «Чтобы у Вас всегда деньги были, чтобы Ваши дети, внуки и правнуки ни в чем не нуждались». Бабушка эту историю очень любила повторять. В конце 50-х годов мы познакомились с семьей Григория Савельевича Пастернака, в 30-е годы он работал на московском автозаводе дизайнером и фотохудожником, хорошо знал Лихачева. Сидят они как то за преферансом, бывое вспоминают, бабушка рассказывает о своей жизни, услышав, что бабушка из Белоруссии и фамилия ее отца Чарный, Григорий Савельевич почтительно-уважительно выпрямился и спросил: «Неужели самый известный на Березине и Днепре купец Борис Ильич Чарный – ваш отец? Он был очень благородным и порядочным человеком, помогал многим, а моего отца спас от разорения». Григорий Савельевич встал, поклонился, поцеловал бабушке руку, а меня поцеловал в лоб. \*\*\* Самым дорогим на свете для прабабушки и прадедушки были их дети. «Фрейда, береги детей», всегда говорил прадед, уезжая из имения. Дом стоял на берегу Березины, летом купаться бегали, зимой на коньках катались. Коньки тогда дорогим удовольствием были, они привязывались к валенкам шнурками или веревками. Борис Ильич привозил коньки, игрушки, книжки из Киева. Раввин приходил в семью уважаемого человека учить его детей грамоте и основам Торы. Детей воспитывали в любви и уважении к старшим и друг к другу. Сонечка была самой ласковой и прилежной. Эсфирь была самой отчаянной, она переплывала Березину, что не разрешалось категорически, бегала ночью на кладбище, однажды она спряталась на печке в избе деревенской подружки, нашла ее прабабушка поздно ночью, стыдила, шлепнула. Скажи: «Не буду больше», - но Эсфирь так и не повинулась, она с детства считала все свои поступки правильными. А Сонечка нежная была, ласковая, послушная, папина любимица, чуть напроказничает, сразу говорит: «Больше не буду». Зина (Злата) на цыганочку была похожа - яркая, уверенная, гордая, глаза большие, карие. Гриша шалун был, крепыш, ловкий, умный, любимец мамы. А Евочка была общей любимицей, маленькая, болезненная, очень хорошенькая. Все дети были очень удачные, моя бабушка любила это слово. Со старых фотографий на меня смотрят очень красивые люди с умными лицами, гордыми осанками, в красивых платьях и костюмах. Какие прически, какие шляпы! Как они умели носить такие шляпы!? Бабушка Соня рассказывала как они, дети, прибежали домой, разгоряченные веселые, а любимые блинчики – треугольные уже были готовы. Я ни у кого не видела блинчиков такой формы – только в нашей семье. В чугунок укладывались слоями блинчики с разной начинкой, нижние слои блинчиков - с мясом, верхние - с творогом, заливали все сметаной, топленным маслом и томили в русской печке, нижний слой и верхний получались с поджаристой корочкой, в середине – без корочки. Бабушка очень образно рассказывала, как дети садились за стол, как прабабушка раскладывала блинчики по тарелкам – нижний, средний, верхний. Слюнки текут. Вкуснятина. По определенным дням готовили фаршированную рыбу, цимес, кисло-сладкое мясо, курицу, куриную шейку, куриный бульон с подушечками из теста, они назывались мандлех, лапшу раскатывали сами. Очень любили сладости – струдель с изюмом, мак с медом и орехами, кусочки теста с медом, похожие на козинаки - тейглах. Дети любили смотреть и участвовать в приготовлении блюд. Я помню, как все это у нас дома готовили во времена моего детства. Особенно я любила «козинаки». Бабушка Соня раскатывала крутое тесто колбасками, резала очень ровно на маленькие кусочки, они подсыхали и превращались в подушечки. Подушечки варились в кипящем меду в кастрюле, из кастрюли бабушка ловко выкладывала их на доску и рукой, обмотанной полотенцем, утрамбовывала, затем она брала нож, опускала его в кастрюлю с холодной водой и резала козинаки так, что получались ромбики одного размера. Вкуснота потрясающая! Но девочки подросли, и пришло время отправить их в гимназию, в Киев, любимых детей надо хорошо кормить и хорошо учить. И вот Борис Ильич повез 12-летнюю Эсфирь и 10-летнюю Сонечку в Киев, в гимназию Евсеевой. Это был, приблизительно, 1903 год. Киев был за чертой оседлости, евреям нельзя было там жить и торговать, но существовала, так называемая « процентная норма для учащихся» и некоторых еврейских детей принимали в гимназию. Прадедушка уже был купцом 1-ой Гильдии, имел право жить и торговать, где хочет, так что на законных основаниях девочки стали гимназистками. Им сняли квартиру с полным пансионом, т.е. с

завтраком, обедом и ужином, у мадам, фамилию ее я не помню, обедневшей дворянки, вдовы с двумя детьми. Она должна была ухаживать за девочками и кормить их. Думаю, что кормила она их не очень-то добросовестно, потому что завтрак в гимназию – пол французской булки с котлетой, они съедали сразу по дороге из дома в гимназию. Учились девочки в одном классе, родители решили, что так будет лучше для них, учились легко, по дому, конечно, тосковали. Зимой было в комнате холодно, мадам сэкономила на дровах, и вот 11-летней Сонечке снится сон: она дома, под теплым пуховым одеялом, на мягкой перинке, так хорошо-хорошо, но вдруг проснулась и, о Боже, простыня мокрая. Сонечка плакала - сон не досмотрела и что делать дальше, не знает – стыдно, гимназистка ведь. Эсфирь сразу пришла на помощь к сестре, и так будет всегда. Очень любопытно посмотреть гимназический аттестат того времени и узнать какие предметы изучали, по каким учебникам. Предметов было много. Конечно, грамматику русского языка с церковно – славянским и словесность учили по Л.И.Поливанову, арифметику, алгебру и геометрию – по А.П.Киселеву, физику по К.Д.Краевичу, физическую и математическую географию – по И.В.Янчину, изучали также историю всеобщую и русскую, французский язык, немецкий. Интересно, что от Закона Божьего они были освобождены, а в аттестате было указано: “вероисповедания Иудейского”. У сестер было много подружек. Особенно дружили с Леной и Таней Гудзий и их братом Николашей, через много лет он стал известным филологом, пушкинистом и толстовцем, академиком, профессором МГУ. Уже в советское время они встретились в Москве, продолжали дружить. Николай очень ухаживал за Сонечкой, делал ей предложение. В 50-е годы Николай Каллиникович Гудзий подарил нам полное собрание сочинений Л.Н.Толстого со своими комментариями. Это издание у нас дома и сейчас занимает почетное место среди книг. В 60-е годы мы с бабушкой ходили к ним в гости, жили они вчетвером: Таня, Лена, Коля и его жена, не очень привлекательная дама преклонных лет – бывшая аспирантка. Все было чинно-благородно. Профессорская квартира-библиотека в Университетском доме на улице Грановского, старушки аккуратненькие, гостеприимные, церемонные, все со слуховыми аппаратами, чай с конфетами и пирожными из Столешникова, пирожками из Елисеевского. К концу 60-х годов Елена Каллиниковна осталась одна, квартиру она завещала Университету, а все книги, редкие и уникальные издания передала по описи в библиотеку МГУ, при условии, что один из залов назовут именем Н.К.Гудзия. Условие пока не выполнено. Бабушка всегда тщательно готовилась к встрече, надевала норковый жакет от Сорокоумова (в 80-е годы я из него сшила себе модный жакет, он и сейчас висит в шкафу как реликвия), подкрашивала губы, припудривалась. Не скажу, что бабушка очень любила встречаться с гимназическими подругами, объясняя так: «Ничего не слышат, говорят о болезнях, все путают. Не интересно. Позвоню и все». Бабушка и в молодости и в старости любила преферанс, интересных людей, рассказчица она была замечательная, прекрасно пела и очень любила петь, знала множество русских романсов, оперных арий. Голос у нее был удивительный - сильный, звонкий, душевный. \*\*\* Все дети в семье Чарных были очень музыкальны, пели, играли на фортепьяно, Гриша играл на кларнете, по праздникам устраивали концерты. Бабушка часто вспоминала, как в Киеве видела Шаляпина. Идут они из гимназии, весна, яркий солнечный день, на Крещатике каштаны цветут. Девочки в красивых пальтишках, в шляпках с полями, ранцами на спине, остановились у круглой театральной тумбы с афишами, читают: гастроли солиста оперных театров Ф.И.Шаляпина. Популярность Шаляпина была огромна, его обожали, считали небожителем. И вдруг, как во сне, обернулись и видят – Шаляпин – огромного роста, в светлом костюме, с тростью, веселый, улыбающийся, обнял их и говорит: «Гимназисточки вы мои!». Девочки обомлели от счастья, всю жизнь помнили эту встречу, а как красочно и живо рассказывали! Боготворили в те времена Шаляпина, Анастасию Вяльцеву, Надежду Плевицкую. Я часто просила: «Бабушка, расскажи, как ты Шаляпина встретила». Синематоргафов тогда в Киеве не было, ходили в театр, на балы в купеческом или дворянском собрании. Гимназистам можно было ходить в театр, но даже старшеклассникам не на все спектакли, а только на разрешенные. На балы, на вечерние прогулки – только в сопровождении родителей или старших родственников. Не дай Бог классная дама, кто-то из учителей или директриса увидит в непопозволенном месте, в непопозволенное время гимназистку, это касалось и гимназистов. А Эсфирь уже в старших классах имела поклонников, ненавистное гимназическое платье с белым воротничком и фартуком дома просто срывала с себя, своевольная и свободолюбивая была девушка. А однажды она пришла в гимназию с завитушками. Классная дама подошла, взяла за руку, повела в туалет, голову – под кран, чтобы кудельки раскрутились, а в умывальниках тогда горячей воды не было. Вот такие порядки были в гимназиях. Еще девочки любили ходить в « Контрактный дом», это типа постоянной выставки-продажи продуктов, где купцы выбирали, что им нужно и в каком количестве, а также заключали сделки купли – продажи. Все можно было попробовать, учредители выставки даже радовались, что народ к ним заходит, реклама! Девочки, конечно, выбирали отдел сладостей. Сонечка очень любила халву, рассказывала: входишь в зал, у стен полки, сверху донизу на полках халва – тахинная, подсолнечная, шоколадная, с изюмом, с орехами, пробовать можно все. Работник в белом фартуке и нарукавниках отрезал куски щедрой рукой,

но много не съешь – питье не предлагали. Напробуются девочки сладостей, и домой – обедать и уроки готовить. Прадедущка очень часто навещал любимых дочек, а на каникулы – рождественские, пасхальные, летние - он увозил их домой. Радость была! Вся родня собиралась, веселились от души, играли, пели, отсыпались, отъедались! У прабабушки был двоюродный брат – Лев Шкловский, он учился на медицинском факультете Дерптского Университета, позже он стал политическим деятелем, членом правительства Ленина. Прабабушка была очень доброй, помогала всем родственникам и не родственникам. Она пригласила бедного студента провести летние каникулы, не предполагая, что он уже тогда стал начинающим революционером. Так вот, прадедущка и прабабушка уехали, оставив дом и детей на управляющего и прислугу. А Лев Шкловский, по-домашнему Лейвик, лекции им читал об эксплуатации трудящихся, угнетении рабочих, злодеях угнетателей, о свободе и освобождении от рабского труда. Через три дня прабабушка приехала и в ужас пришла. Коровы не доены, мычат, страдают, куры-утки-гуси не кормлены, около дома и в доме грязь, беспорядок. Прислуга, увидев хозяйку, сразу в ноги бросилась, прости барыня – матушка, дурака послушали, сейчас порядок наведем. У прабабушки мягкий был характер, добрый, но все-таки полотенцем Лейвика отходила – не затем учиться отправили, чтобы глупые идеи проповедовал, беспорядочничал.

\*\*\* Вспоминала бабушка Соня и события 1905 года. Приходят они в гимназию и видят, что учителя собрались группами и стоят у дверей гимназии. Одни – с красными лентами на лацканах шинелей и пальто, а другие - стояли отдельно и без лент, все взволнованы, возбуждены. Директриса объявила: «Уроки отменяются. Все отправляйтесь по домам». Либерально настроенная молодежь, учителя, студенты, интеллигенция шли по Крещатику рядами, взявшись за руки, пели «Интернационал», все с красными бантами на одежде. Это была первая демонстрация, которую увидели Эсфирь и Сонечка, они шли в одном ряду с учителями их гимназии. Вдруг появились казаки, верхом, с шашками наголо, нагайками. Жандармы свистели и кричали: «Р-р-азойдись!». Лошади врывались в толпу и разделяли ее, казаки нагайками били направо – налево, люди кричали, плакали, бежали, падали, началась паника и страшная неразбериха. Но лошади были так обучены, что на людей не наступали. У 13-летней Сонечки ноги подкосились, она упала на колени, на булыжную мостовую Крещатики, от страха с места сдвинуться, беденькая, не могла, но все-таки голову подняла, видит – над ней проносится лошадь, прижалась Сонечка к мостовой, руки вытянула, но все-таки лошадь копытом чуть-чуть задела тыльную сторону ладони. В память об этом у бабушки на правой руке, чуть выше пальцев остался маленький белый шрам. Девочки, конечно же, потеряли друг друга. В какой-то момент стало тихо, на мостовой никого не осталось, но Сонечка подняться не могла, ноги не слушались, вдруг кто-то ее подхватил, взял на руки и перенес на тротуар. Потом закричали «Казаки!», люди ринулась к дверям магазинов, домов, трактиров, но все двери оказались закрыты. И вдруг Сонечка увидела бегущую толпу, вооруженную палками, кольями, молотками. Лица страшные, разъяренные, они били витрины, орали: «Бей жидов, спасай Россию!». Сонечка еще больше испугалась, побежала, шляпку и ранец потеряла и вдруг около нее остановилась лошадь, чьи-то руки подхватили ее и посадили в коляску: «Девочка, успокойся, не бойся», сказал человек высокого роста с бородой. И в этот момент вооруженные черносотенцы взяли лошадь под уздцы - «Вылезай, жидовская морда!». «Ты кому это говоришь, сволочь, смотри – крест!». Господин с бородой порвал на себе рубашку и показал золотой крест. «Прости барин, езжай с Богом!». Этот высокий господин с бородой был крещеным евреем, купцом 1-ой Гильдии и фамилия его была Мостовой. Он привез испуганную Сонечку к себе домой, семья у него была большая, дружная, девочку успокоили, накормили, спать уложили. Бабушка провела у них несколько дней, мобильной связи тогда не было, но Бориса Ильича Чарного знали многие и Сонечку передали из рук на руки. Какая была радость! Этот погром в Киеве, после организации в феврале 1905 года «Союза русского народа», возглавляемого полковником Романовым – самодержцем Николаем II, продолжался несколько дней и унес сотни жизней. Погромы – убийства беззащитных людей в разных уголках России, стали обычным явлением. Страшно и позорно! \*\*\* Через два года Эсфирь и Соня окончили гимназию, и прадедущка решил отправить их учиться медицине в Швейцарию. Эсфирь уехала в Женеву сразу после окончания гимназии, ей исполнилось 17 лет, а Сонечке, видимо, не очень хотелось уезжать, она еще год проучилась в гимназии, получила дополнительный аттестат домашней учительницы и приехала домой. Вскоре к прадедущке пришли уважаемые люди города и губернские представители с предложением участвовать в строительстве женской гимназии, а место директрисы предложили занять его дочери Соне. Борис Ильич поблагодарил, деньги на это благородное дело выложил, но сказал, что дочь его уезжает в Швейцарию, учиться дальше. Сонечке купили паспорт (в те времена заграничные паспорта покупали), проводили, посадили на поезд в Минске, и поехала девушка – красавица в Женеву, это было в 1909 году. Поезд ехал через всю Европу с пересадками в мировых столицах, все красиво, интересно, но «не мое все, чужое, хочу домой» рассказывала бабушка. Через несколько дней в Женеве, на вокзале ее встречала любимая старшая сестра. Эсфирь стала студенткой медицинского факультета Женевского Университета. Очень стройная,

красивая, серо-голубые глаза с поволокой сияют, одета со вкусом, очень изысканно, на западный манер. Эсфирь уже свободно говорила по-французски, всегда ее окружали поклонники, она была, как и в детстве, отчаянной, уже летала на первом аэроплане, ездила на велосипеде, учиться ей нравилось, училась она очень хорошо и чуть ли не на втором курсе решила стать врачом – гинекологом. И вот первый день Сонечки в Женеве. С скромная квартирка – две комнаты. Все чистенько – аккуратненько, садик, фонтанчик, мраморное крылечко. Отправились в магазин. Эсфирь сразу сказала: «Будешь покупать все сама, говори по-французски». Сонечка стеснительная была, краснела по поводу и без повода, боялась ошибиться, хотя в гимназии хорошо училась по всем предметам, французский и немецкий знала неплохо. А Эсфирь настаивала – «Говори и все», – и заговорила девушка. Бабушка очень любила шоколад и вспоминала, какой вкусный был шоколад в Женеве – «Макс Борман» и «Тоблер», и белый, и молочный, и темный горький (самый любимый). В первый же день вечером Эсфирь и Соня в сопровождении молодых людей пошли на Женевское озеро. Болтали, веселились, показывали Сонечке гору Монблан, называли ее фамильярно «Сахарная голова», гору «Голова Наполеона», горы, очертаниями похожие на разных зверей. А Сонечке не до того – спать хочется, глаза слипаются. Молодежь весельем упивается, «Смотри, смотри, какое небо над озером, какая красота кругом!». А Сонечка смотрит: «Ну, озеро, как озеро, ничего особенного, домой бы скорей, спать хочу, устала». Так в первый раз Женевское озеро не произвело на бабушку впечатления. Зато потом всю жизнь рассказывала о красотах Швейцарии, о горах, сказочных озерах, об альпийских лугах, огромных собаках Сен-Бернарах, спасавших людей, попавших в горах под снежные лавины. Сонечка проучилась на медицинском факультете всего один год. На первом курсе изучали химию. Рядом с Сонечкой за лабораторным столом сидел очень интересный студент, красавец – мулат по имени Нико. Его отец, если не ошибаюсь, из Южной Африки, был владельцем алмазных разработок, а мать – парижанка. Влюбился Нико в Сонечку без памяти, опекал ее, помогал химические опыты ставить, нужные для экспериментов золотые чашечки и колбочки дарил, ухаживал очень красиво. А ведь могли бы мы все быть темнокожими! Но Сонечка очень по дому тосковала. А когда на втором курсе началась анатомия, она поняла, что медицина не ее призвание – боялась трупов и вида крови. Эсфирь и Соня были хорошо воспитаны, вели себя в Женеве очень достойно, ничего лишнего себе не позволяли, но их всегда окружали поклонники и всегда они были в центре внимания – красавицы! Они ходили на концерты, в театры, участвовали в карнавалах, танцевальных вечерах, в те времена студенты тоже умели устраивать праздники. В Женеве было много русских, в том числе политэмигрантов. Политикой сестры не интересовались, но несколько раз слушали Плеханова, а Ленина тогда мало кто знал. Сонечка написала родителям в Березино письмо: «Дорогой папочка, очень скучаю, хочу домой, медицину изучать не могу, мне плохо при виде крови. Я хочу учиться пению». Вскоре она получила от родителей письмо с разрешением вернуться, попрощалась с любимой сестрой Эсфирью, с Нико, с Женевским озером и поехала домой. Приезжает в имение, чемоданы выгрузили, коляску с кучером отпустили, мама, сестры, брат встречают Сонечку, а папы нет, что такое? Оказывается, Бориса Ильича арестовали и отвезли в полицейский участок. Начальник полицейского участка (полицмейстер или пристав, не помню, как бабушка называла его должность) подлец и взяточник имел на прадедушку «зуб» и придумал судебную тяжбу с ним. Якобы баржи и причал у купца Чарного в антисанитарном состоянии. Сонечка, даже не переодевшись и не передохнув с дороги, села в коляску и поехала в Минск к генерал-губернатору. Подъехала к его дому поздно ночью, звонит, никто не выходит, через какое-то время вышел заспанный лакей: «Барин спит». Сонечка: «Будите барина, доложите – мой отец в тюрьме!» Лакей не хочет докладывать: «Ночь, барышня», но Сонечка волнуется, говорит громко, и на шум появился генерал-губернатор. Он извинился, что вышел в халате, выслушал Сонечку внимательно и сказал: «На действия этого начальника полицейского участка уже поступает не первая жалоба, я разберусь, а вы спокойно езжайте домой, Ваш отец утром будет освобожден». Борис Ильич утром приехал домой, а начальник полиции был уволен. Может ли в наши дни студентка среди ночи достучаться до мэра города? \*\*\* Сонечка дома отдыхала, пела, радовала родителей и близких, ездила на балы и к соседям в гости, все восторгались ее красотой, изысканными нарядами, фигура у нее была прекрасная, талия тонкая, бюст высокий, а голос!... Шел 1910 год, Сонечка пела все популярные романсы того времени: «Чудный терем стоит и хором много в нем...», «Отцвели уж давно хризантемы в саду...», «Не пробуждай воспоминаний...», «Калитку», «В том саду, где мы с вами встретились...» и многие другие. Сонечка играла и пела, прекрасно танцевала и была украшением общества. У Бориса Ильича дела шли успешно, дети росли, шалили, радовали своими успехами, любимая Фрейда – мать его замечательных пятерых детей была рядом. Фотографии детей Борис Ильич всегда носил на груди в кармане сюртука и с гордостью показывал друзьям и знакомым. Но Сонечке скучновато было в имении, она уговаривала папу отправить ее учиться в Варшаву, в консерваторию, по классу вокала. Прадедушка уступил уговорам любимой дочки. Польша входила в состав России, виза не нужна, Варшава не так далеко от Минска – не Женева. Борис Ильич поехал в Варшаву с Сонечкой, снял ей

хорошую квартиру в центре. В консерваторию Соню приняли без экзаменов, на прослушивании ей сказали: «У Вас природой поставленный голос – лирико-драматическое сопрано, Вы готовая оперная певица». Но в то время девушке из приличной семьи петь на сцене было позором, к тому же Сонечке с трудом удавалось побороть волнение, робость, она краснела, а однажды вышла на сцену консерватории и не могла взять ноту. Но петь она любила больше всего на свете и новая жизнь ее закружила. Очень интересно рассматривать бабушкины фотографии тех лет. Какие платья! Даже не представляю, как портнихи шили такое: не платья – произведения искусства – фалдочки, складочки, защипы, кружева, отворотики – чудо! Как ткани подбирали! А какие шляпы – изысканная клумба на голове! И как это все смотрелось на бабушке – по-королевски! Есть и фотографии, на которых бабушка без шляпы, в платье со шлейфом. Головка гладко причесана, на затылке коса, собранная в пучок, украшена большой черепаховой заколкой и цветами. Изящная туфелька чуточку выглядывает из-под платья. Я храню пряжку от туфельки бабушки или тети Эсфири, она сделана из черного серебра и украшена жемчужинками. Когда мне было лет 15, я прикрепила эту пряжку не цепочку и носила как кулон. А еще у нас дома долго-долго хранился бабушкин корсет, он затягивался шнурками, чтобы подчеркивать талию и поддерживать грудь. Чтобы корсет держал форму, в него были вставлены китовые усы. Как изящно и прочно все было сделано - ручная работа мастериц! Совсем недавно я устроила генеральную чистку в шкафах и обнаружила потрясающее нижнее белье моих бабушек - в идеальной сохранности. Очень интересно, что же надевали они, кроме корсетов, под свои фантастической красоты платья? Панталоны, с поясочком на перламутровых пуговичках с разрезом посередине, рубашечки с тонкими бретельками, все отделано кружевами и нежной вышивкой в виде маленьких розочек с листочками. Вышито все цветными шелковыми нитками, а сшито вручную, с удивительной аккуратностью, из тонкой шелковой туали. Чудо! А еще мое воображение поразил комбинезон с воротничком и кармашками удивительной формы, с подвязками и перламутровыми пуговицами в виде сердечек, возможно, предназначен он был для занятий спортом или плавания. Через знакомых я передала все это в дар историку моды, искусствоведу Александру Васильеву. Он очень благодарил и сказал, что в его коллекции подобных вещей нет. Я спрашивала бабушку, что тогда читала окружающая ее молодежь, чем увлекалась? Она перечисляла близких ей по духу писателей и поэтов. Конечно, Пушкина, Лермонтова, Толстого, Чехова, Горького, Короленко. Очень увлекались Есениным, Бальмонтом, Брюсовым, Куприным, слушали оперу, ходили на концерты Шаляпина, Собинова, Вяльцевой и Плевацкой, ждали приезда на гастроли столичных театров – Художественного и Малого. О классовых отношениях в бабушкином окружении много не думали, не говорили, но царя называли «Николашка», он всегда и во всем был не прав, и в первую очередь потому, что ввязывал Россию в войны, не мог справиться со взяточничеством и т.д., сохранял черту оседлости, возглавлял черносотенную организацию «Союз русского народа». Но и революционеров они не любили, так как те, кого они знали, в том числе и их родственники – революционеры были бездельниками и смутьянами, жили за чужой счет, в купеческой среде так жить было неприлично. Но вернемся в Варшаву 1911 года. Все у Сонечки складывается прекрасно: консерватория, балы, опера, интересные встречи. И вот явился принц – Яков Палей – красавец, умница, капитан дальнего плавания, владелец больших торговых пароходов, яхт, ему было 30 лет. Он бредил морем с детства и, не окончив гимназию, сбежал из дома и устроился матросом на торговое судно и отправился в Александрию. Родители чуть с ума не сошли, сначала очень сердились, потом простили. А Яков самоутверждался, добросовестно изучал морские науки, иностранные языки и к 30 годам стал достойным совладельцем крупной паровой компании своего отца, но остался капитаном – романтиком. В Варшаву он приехал по делам своей компании, на балу увидел Сонечку Чарную и влюбился без памяти. Их отцы были знакомы, но Борис Ильич был купеческого сословия, а семья Палей – аристократы – неравный брак, но молодые люди слушать никого не хотели и обменялись обручальными кольцами 3 июня 1912 года. Обручальное кольцо с надписью «Яков. Варшава. 3 июня 1912 года» моя бабушка носила до самой смерти 27 марта 1989 года, теперь оно хранится в заветной шкатулке. Яков и Соня очень любили друг друга и жили счастливо. Дедушка Яков был невысокого роста, но хорошо сложен, выглядел элегантно, щеголем, ему очень шла форма капитана – белая, с золотыми якорями и пуговицами. Он был очень суеверен, носил на счастье и от дурного глаза золотую цепь на щиколотке левой ноги, при встрече со священником расстегивал пуговицу, а если кошка или какой-то зверек дорогу перебежит, мог иногда и дела отменить. Яков страстно любил свою жену – красавицу, певунью, веселую, общительную, жизнерадостную. Он безумно ревновал ее и всегда находил для этого повод. А однажды, возвращается он из рейса - Сонечки дома нет. Яков заперся в кабинете, крушил там все подряд и до крови искусал свой палец указательный. В гостях или на приемах он ничего не ел, возвращались домой обычно под утро. Сонечка, уставшая после танцев и всеобщего внимания, быстро и крепко засыпала, а Якову ставили самовар, и он ужинал. Просыпалась Сонечка к обеду румяная, веселая, Яков к тому времени успокаивался и все счастливый. Яков баловал любимую женушку, одаривал

ее дорогими украшениями, французскими духами. Я храню флакон с остатками французских духов. Внутри этого флакона роза (настоящая, живая), конечно, она имеет не тот вид, что 100 лет тому назад, но сохранилась неплохо. Большая притертая пробка из фигурного стекла тоже сделана в форме розы. Пытались мы открыть этот флакон и в детстве, и не так давно – не получается. Стоит это произведение искусства в уголке и мы, дети, внуки и правнуки вспоминаем былое. А еще у меня сохранилась часть спальни – кровать и зеркальный шкаф из букового дерева. Это остатки спального гарнитура, модного тогда стиля «Модерн», который дедушка подарил бабушке в день свадьбы. На внутренней части спинки кровати осталась наклейка с эмблемой фирмы – «Акционерное Общество венской мебели Якова и Иосифа Конь». Гнутая венская мебель конкурирующих фирм «Тонет» и «Конь» считалась самой модной в конце XIX и начале XX века и пользовалась большим спросом, фирмы имели свои фабрики и магазины в Европе, Америке, России. Как-то бабушка, вспоминая прошлое, рассказывала, как в газетах того времени эффектно рекламировалась прочность венской мебели: стул фирмы «Конь» был сброшен с Эйфелевой башни, спружинил, подскочил и не разбился! В 1913 году, на кровати этого спального гарнитура родилась моя тетя Мария – Мурочка, в 1919 - моя мама Берта – Бебочка, эта же кровать приняла меня, на эту же кровать я положила мою дочку Леночку, когда мы привезли ее из роддома в июне 1981 года. А сколько интересных людей и событий видело зеркало за эти годы! Для меня это история. От чего же так быстро проходит жизнь?! \*\*\* Когда Сонечка забеременела, они уехали в Париж – имение родителей дедушки в Белоруссии, на Днепре, около Гомеля. Мурочка родилась в мае 1913 года, все были рады и счастливы. Яков подарил Сонечке в честь этого события большую яхту, ее называли «Ласточка». Бабушка рассказывала, что кают-компания яхты была белой с позолотой и отделана мягкой красной кожей. Бра, зеркала - все было изящно. Серебряные столовые приборы – «Болинъ», столовый и чайный сервизы были изготовлены по рисунку дедушки на фабрике М.С.Кузнецова. Когда Яков проходил по Днепру на пароходе мимо имения, он давал сигнал своей «Сиреной», это такой свисток с определенной мелодией (у каждой «Сирены» своя мелодия) и Сонечка выходила на берег Днепра помахать ему рукой или платочком. «Сирена» хранилась у бабушки долго и пропала куда-то во время эвакуации из Москвы в 1941 году. В Париже жили родители дедушки, его младшая сестра Ольга часто приезжала в имение с двумя детьми – шестилетним Ляликом и Жанной, на год старше Мурочки, младшая – Дина родилась в сентябре 1919 года. Ольга жила с семьей в Минске, фамилия ее мужа была Демиховский, у него была своя зубокабинетная клиника. Во время гражданской войны он работал в госпитале и очень подружился с Георгием Константиновичем Жуковым, будущим маршалом, а тогда красным командиром. До революции Жуков был скорняком и видно скучал по своему ремеслу. Тетя Жанна мне рассказывала, как в 20-е годы он приходил к ним в дом и просил: «Ольга Захаровна, можно потрогать ваши соболя и каракуль погладить?». Будучи уже маршалом, Г.К.Жуков не забыл своего доктора и друга, не раз помогал ему, а в 1943 году спас ему жизнь. Ольга умерла в 1929 году, Демиховский женился на домработнице Анельке, которая присвоила все, что осталось в доме родителей дедушки. Лялик Демиховский был очень талантливым, в восемь лет он умудрился провести электричество в беседку около дома, и это в 1916 году! В начале 30-х годов он закончил в Москве институт связи, его дипломной работой была радиофикация Кремля. Во время Великой отечественной войны он работал в ведомстве Берии, после войны – на радио, а в 50-60-годы – на Мосфильме и на телевидении на Шаболовке. В 1944 году, после освобождения Румынии Красной Армией, Лялик в составе комиссии по изучению и сбору трофейной техники с целью репарации прибыл в Бухарест. Там он разыскал Петра Лещенко – известного певца, исполнителя запрещенных тогда русских романсов и познакомился с ним. Лещенко оказался в эмиграции не по своей воле - в 1918 году Бессарабия, где жила его семья, вошла в состав Румынии. Он жил и работал в Бухаресте, гастролировал по всей Европе. Моя мама рассказывала, что популярность его была огромна, его голос звучал почти в каждом доме, где был патефон. Сейчас на CD вышла серия «Великие исполнители XX века» и я слушаю романсы и песни Петра Лещенко – «Черные глаза», «У самовара», «Саша», «Марфуша», «Чубчик», «Стаканчики», «Не уходи» ..., мне кажется, что любят его в наши дни не меньше, а даже больше, чем при жизни. Лещенко был гражданином Румынии, его призвали в армию, в 1942 году он выступил с концертом в оккупированной Одессе, и советское правительство обвинило его в измене Родине. После освобождения Румынии нашими войсками, он обратился к Сталину с просьбой разрешить ему вернуться в СССР. Через десять лет он получил долгожданное разрешение, но не успел им воспользоваться – его арестовали во время концерта. Он стал одним из строителей Дунайского канала и умер в лагерьной больнице в 1954 году. Петр Лещенко был любимцем европейской публики 30-х годов, «королем» танго, фокстротов и романсов, с ним были знакомы и о нем много рассказывали А.Вертинский, В.Козин, Тамара Церетелли, Алла Баянова – знаменитая исполнительница романсов, вернувшаяся в Россию в 90-е, ныне здравствующая. Так вот, Петр Лещенко и Лялик познакомились в Бухаресте, подружались, и знаменитый артист подарил офицеру Красной армии свои пластинки, но у нас в Советском союзе они были запрещены. В самолет его с

пластинками не пустили, в Москве его ожидало суровое наказание, но Лялика остановить было трудно, он любил создавать сложные ситуации и выходить из них. Он вернулся к П.Лещенко и тот написал, что дарит свои пластинки почитателю и знатоку русских романсов капитану Красной Армии Л.Демиховскому. Это был тот короткий период, когда в нашей стране – победительнице фашизма, играли в демократию, поэтому и разрешили вывести пластинки, они были очень большой ценностью. Лялик жил на Знаменке, напротив Кремля, занимал одну комнату в коммунальной квартире, высота потолков там была 5 метров. В этом доме сейчас галерея Шилова. К Лялику слушать Лещенко приходили Ю.Левитан, Р.Кармен, режиссер М. Калатозов, драматург В. Розов, многие артисты, сценаристы. Я, хотя и была маленькая в те годы, но помню Левитана, меня очень удивило, что его мощный голос совершенно не соответствовал его телосложению, хорошо помню Романа Кармена, Бориса Волчека и других, мама и бабушка иногда брали меня в эту компанию, хотя собирались там поздно вечером. В комнате у Лялика было много интересного: кругом провода, радиоколонки, на потолке лепнины, ангелы, в углах атланты - сказка! И лестница в комнате на второй этаж, где он сделал огромные антресоли и устроил спальню. Называл меня Лялик «нэфиш», что в переводе с идиш – душа. У Лялика было много радио-, телефонных и телевизионных изобретений. Вот одно – называется «демифон» - это типа автоответчика в телефоне. Сейчас этим никого не удивишь, а в далекие 50-60 -е годы – диковинка. Звонишь, в телефоне говорят: «Демиховского дома нет, что передать?» Мы, дети, обычно, мяукали, лаяли или собаке нашей Айне командовали: «Голос!». Лялик перезванивал и говорил: ««Нэфиш» звонила, соскучилась, пора увидеться.» Он приходил к нам обязательно с шоколадками и приводил известных своих друзей и подруг, например, актрису Шуру Завьялову, она снималась в фильме «Алешкина любовь», который только вышел на экраны. Приходил к нам журналист-международник В.Зорин, кстати, все знаменитые друзья и знакомые Лялика консультировались у моей мамы, врача – хирурга или были ее пациентами и становились ее друзьями. В квартире Лялика собирались очень большие компании, соседям было, конечно, шумно, они бурно выражали свой гнев и обещали вызвать милицию. Тогда Лялик (это в 50-е годы!) включил на полную громкость свое изобретение типа магнитофона с записью кашля и чихания, а сам ушел. На следующий день приходят соседи с пирогами и вареньем: «Приводите кого хотите, только дайте поспать, не кашляйте, умоляем». Средняя сестра Лялика Жанна Демиховская всю жизнь работала на Мосфильме, занималась монтажом киноплёнок и обожала кино. Дом Кино на Васильевской она считала родным домом. Его младшая сестра Дина закончила в 1941 году факультет журналистики Минского Университета. Свою жизнь она посвятила брату и сестре. Много лет Дина работала в знаменитом букинистическом магазине в Метрополе. Через ее руки проходили редкие и ценные издания книг, гравюр. К ней приходили многие знаменитости – любители и знатоки литературы – В.Васильев, Б.Мессерер, В.Познер. С В.В.Познером сестер связывали теплые, дружеские отношения, было приятно, что он, при своей занятости, не забывал уже очень пожилым Дине и Жанне оказывать знаки внимания. Он поздравлял их с праздниками, привозил подарки, лекарства. Жанна умерла в 2000, Дина – в 2006 году. Последние годы Дина жила тем, что продавала свои книги. Но жизнь ее закончилась печально – ее обманула одна женщина по имени Таня. Она втерлась в доверие к 86 –летней женщине, изолировала от всех, потчевала транквилизаторами, присвоила квартиру на Грузинской улице (из окон квартиры был виден любимый дом Дины и Жанны – Дом Кино). Все Демиховские похоронены на Донском кладбище. Но вернусь в Парижи. Как только Ольга узнала о приезде Сони и Якова, она взяла детей и прибыла в имение. Вела она себя агрессивно. Например, несет прислуга Сонечке на завтрак куриную котлетку, она схватит поднос и говорит: «Все хотят котлетки». Приходит портниха примерить Сонечке платье, Ольга могла его порвать или изрезать. Однажды Яков разозлился, схватил пистолет, готов был застрелить сестру, хорошо, что прадедуська Захар оказался рядом, отнял пистолет и сказал: «Жен может быть много, а сестра одна», а Яков ответил: «Я никакую сестру на мизинчик моей жены не променяю!» После этого случая Яков с Сонечкой и Мурочкой уехал в Минск. \*\*\* У дедушки Якова был старший брат Юзеф. Бабушка рассказывала, что он был народовольцем и эмигрировал в Германию. Он был очень талантливым музыкантом и играл на скрипке в Дрезденской музыкальной капелле. В 1913 году он приехал нелегально в Парижи познакомиться с Соней. Они провели незабываемый семейный вечер. Музыкантом он был прекрасным, Сонечка ему очень понравилась, он сыграл ей «Смерть Азы» Грига, а утром Юзеф уехал. Бабушка рассказывала, что он был очень красив – большая «львиная голова», правильные черты лица, волосы светлые, длинные, вьющиеся, яркие карие глаза, но у него что-то было с ногами, и после неудачной операции не сгибались колени. Сонечка видела его только один раз. \*\*\* Прадедуська Захар был из обедневшей аристократической семьи - прокутили предки состояние. В начале 80-х годов Дина и Жанна показывали мне его фотографию. Очень красивый старик с пышной бородой, во фраке и в цилиндре смотрел с фотографии умным, проницательным взглядом. Прабабушка – Ревекка Шкловская (в нашей семье всегда подчеркивалось, что родства с революционером Л.Шкловским не было) происходила из очень богатой семьи лесопромышленников и пароходоладельцев. Она



была глухонемой, скорее всего после перенесенной в детстве болезни, а не от рождения. Красавицей Ревекка не была, но сердце имела доброе, она все понимала, чувствовала, могла многое выразить жестами и анализировала события очень точно. Например, когда царь отрекся от престола, она подошла к его портрету, движением рук как бы сорвала со своих плеч погону и повернула портрет к стене. В доме еще никто не знал об отречении. Может быть, она раньше всех прочла об этом в газете? Читать она умела. Так вот, Захар Палей – аристократ, образованный и начитанный молодой человек, весельчак, балагур и красавец в 80-е годы 19 века женился, получил богатое приданое и глухонемую жену. Положение в семье жены у него было сложное – по-русски он был «примак» и распоряжаться приданым по своему усмотрению не мог, прав на кампанию Шкловских практически не имел, но все-таки получил возможность тратить довольно значительные суммы, но под контролем кампании. Сначала он переживал, а потом стал развлекаться. Собеседником он был интересным, писал юмористические рассказы, читал их друзьям, в обществе блистал остроумием и радушием. Кроме того, он был незаурядным изобретателем и проявлял технические способности, так он сделал проект спичечной фабрики, и лесопромышленники Шкловские открыли новое производство. Но прадедушке Захару нужны были новые впечатления и приключения. Он оставил глухонемую жену, троих детей и сбежал в Америку. В Америке он не нашел применения своим способностям, скучал по детям и, прожив там совсем не долго, вернулся. Его простили, приняли обратно, и он стал образцовым и заботливым семьянином. У Ревеки открылся сахарный диабет, и Захар выписал из Германии сепаратор, сам готовил обезжиренное молоко и творог для жены. Умер он в 1918 году от разрыва сердца (так раньше называли инфаркт) – не выдержал того, что большевики все отняли и разорили. А прабабушка Ревекка тихо умерла в доме своей дочери Ольги в 1920 или 1921 году. \*\*\* Поскольку жизнь в имении омрачалась поведением Ольги, Яков, Сонечка и Мурочка переехали в Минск. Мурочка была очаровательным ребенком. Меня умиляет одна фотография, Мурочке годик - она сидит в кресле, в кружевном платье с дудочкой в руках. Ее обожали все. К великому сожалению, отношения Чарных и Палей не складывались – слишком отличались уклады в семьях, взгляды на жизнь. Прабабушка Фрейда не всегда могла приехать с визитом к дочери. Сонечка была молода, у нее не было не только жизненного опыта, но и материнского опыта, а в медицине того времени – времени расцвета капитализма в России, появлялись новые течения, например, кормить маленького ребенка не материнским молоком, а козьим. Сонечка и Яков решили кормить Мурочку по новым рекомендациям. В результате, у Сонечки тяжелейший мастит, грудь разбухла, боль страшная, Мурочка заболела, очень похудела, козье молоко не усваивалось. Вызвали прабабушку Фрейду, она говорит: «Сонечка, смотри, девочка совсем посинела, дай ей на прощание грудного молочка». Дочка маму послушала, губки и щечки у Мурочки сразу порозовели – ожила девочка. Сонечкин мастит тоже вылечили старым способом: несколько раз в день на грудь надевали глиняные теплые горшки, через два дня все прошло. Новомодных врачей родители больше не слушали, и девочка росла здоровенькой. В доме было много прислуги, а у Мурочки - няня. Няня пеленала девочку, гуляла с ней, вставала к ней ночью. Сонечка вскоре после родов восстановила здоровье и красоту и вернулась к привычной жизни. Появилось у нее и новое увлечение – преферанс – очень умная азартная игра в карты. Благодаря своим удивительным математическим способностям и логике бабушка всегда выигрывала, с ней было очень интересно всегда и везде. Бабушка играла самозабвенно, не замечая времени, могла не есть, не пить, так увлекалась, а после игры она крепко засыпала. Однажды ее кровать вынесли из спальни в сад, и она проспала там до обеда. Конечно же, все это происходило, когда дедушка Яков уходил в плавание. Это увлечение бабушка сохранила до старости. На даче, в домах отдыха, санаториях, куда она очень любила ездить, бабушку всегда окружали любители преферанса и поклонники ее необыкновенного голоса – сильного, лирического, звонкого, пела она до 95 лет. Она помнила практически все слова романсов, только иногда, уже после 85 лет, делала паузу, смотрела вопросительно на мою маму и сразу, получив от нее подсказку, говорила: «Не мешай», - и продолжала петь. У моей мамы, младшей дочери Сони и Якова, был превосходный музыкальный слух, феноменальная память, она знала и исполняла очень выразительно все бабушкины романсы. Бабушка могла решить любую задачу из школьной программы. Я школу не любила, училась очень средне и без удовольствия, хотя в аттестате у меня только 4 и 5. И вот экзамены в 8 классе, это 1961 год. Для подготовки к экзамену по математике дали 200 задач. Бабушка не только решила все задачи двумя способами – арифметическим и алгебраическим, но и исправила ошибки в условиях некоторых задач, делая их решаемыми. Мои школьные учителя частенько посылали через меня бабушке задачи, она их решала, изменяя цифры в условиях. \*\*\* Для Мурочки не сразу удалось найти хорошую няню. Вот однажды приходит к Сонечке знакомая дама и говорит: «Когда я проезжала мимо трактира, мне показалось, что я видела там мурочкину няню с солдатом, они пили пиво, а мурочкина коляска стояла рядом». Оказалось, чтобы девочка не мешала няне любезничать с солдатом, ей давали пиво, и она крепко спала. Няню сразу же уволили. И в конце 1913 года появилась няня Фаня, наша любимая баба Фаня Марковна, ей было 12 лет.

Баба Фаня воспитала мою тетю – Марию, мою маму, моих двоюродных брата и сестру – двойняшек Борю и Иру, меня, восемь лет растила мою дочку Лену. Она умерла 4 марта 1991 года, чуть-чуть не дожив до 90 лет. Баба Фаня – это чудо, это явление, она отдала нам свою душу, свое здоровье, все, что у нее было. Более доброго, чистого и преданного человека я не знаю, о ней можно рассказывать бесконечно. Она была очень маленького роста – полтора метра, размер ноги детский – 33, но сложена очень пропорционально. Фигура – статуэтка – спинка прямая, ножки ровные, правильной формы, хорошая осанка. В молодости свои очень густые русо-пепельные волосы она заплетала в длинную косу, а глаза у нее были удивительные – серо-синие, они всегда светились добром. Вспоминаю ее руки – большие, натруженные, морщинистые, они немного не соответствовали ее облику. Эти руки могли делать все! Интересно, что в старости у Фанечки морщинистыми были только лицо и руки, а тело оставалось белокожим и упругим, грудь как у девушки, пальцы ног без мозолей и ничуть не деформированы. Она любила удобную обувь и практичную одежду, носила только то, что нравилось, одежда должна была быть по ней, сидеть по фигуре. Одежду ее размера можно было купить, а точнее достать, только в «Детском мире», по большому благу. Во время расцвета социализма в нашей стране, купить что-то было невозможно, все «доставали», а товары в магазины «выбрасывали». А как баба Фаня радовалась новым сапожкам, пехору с кроличьим мехом, мутоновой шубке – высший шик! Маме и мне всегда хотелось ее порадовать. А уж как она счастлива была, когда Лена в 9 лет шубку эту несколько раз надевала. Да, хорошая вещь – всегда хорошая. Баба Фаня очень следила, чтобы мы были аккуратно и красиво одеты. У нее были свои представления о детской одежде. Высшим шиком она считала матросский костюмчик. Когда мне исполнилось 3 года, баба Фаня решила увековечить мою детскую красоту. Решение с делом у нее никогда не расходилось. Она любила повторять: «Отклад не идет в лад». Прежде всего, она сшила мне, из синего шерстяного платья моей мамы, матроску с юбочкой в складочку, воротник и манжеты отделала красными и белыми ленточками – красота! На следующий день она уложила мои волосы локонами, завязала мне большой красный бант и повела в лучшее фотоателье на Кузнецком мосту, там меня посадили на подлокотник кресла и «птичка вылетела». Эта фотография в позолоченной рамке висит у нас на почетном месте до сих пор. У бабы Фани было очень тяжелое детство, папу своего она помнила плохо, он был призван в царскую армию еще до первой мировой войны и погиб в 1914 году. Был у нее брат Боря, младше на 2 года, в 10 лет его отдали в ученики к сапожнику, там же в местечке около Паричей, до 1941 года он работал в колхозе, во время Великой отечественной войны он воевал в партизанском отряде и погиб в 1942 году. Маму Фанечки звали Бася, она была прачкой – зарабатывала на жизнь тем, что стирала чужое белье в реке. Мыло стоило дорого, поэтому для стирки использовали специальную деревянную доску и золу из печки. Дети зимой из дома не выходили – не было валенок, они сидели на печке и ждали маму. Она приходила с тяжелой корзиной, полной белья, подол юбки был заледеневшим, она раздевалась и юбку ставила к печке. Из кармана старого ватника она доставала каждому по бублику, наливала в кружки кипятка – это был ужин. Летом было легче – кругом сады, ели яблоки, груши. Хозяин деревенской лавочки давал в долг бублики. Картошка всегда была, ее пекли и варили. Изредка приезжала бабушка Фанечки, имени ее я не помню, и привозила молоко – праздник! А однажды приехал дядя из Гомеля и привез торт, дети такого чуда не видели, они сидели на печке и ждали своего кусочка, а дядя сидел за столом и ложкой ел крем, так весь крем и съел, а детям достались остатки. Баба Фаня до старости рассказывала эту историю и плакала. Мы часто покупали для бабы Фани бисквитные торты с цветами из крема – «Сказка», она считала их признаком богатства и благополучия, кроме нее эти торты никто не любил. Мама Фанечки, Бася погибла во время войны в еврейском гетто. Ее фотография висит у нас дома, на стене, рядом с фотографией Фанечки и многих членов нашей семьи, уже ушедших в небытие. Читать Фаню и ее брата научил раввин, полгода они ходили в хедер (это начальная школа для еврейских детей) бесплатно, но дальше за учебу нужно было платить, а платить было нечем, и 11-летнюю девочку отдали в няньки в семью, их фамилия была Кисины. Проработала Фанечка у них полгода, а деньги ей не заплатили. Баба Фаня вспоминала об этом с обидой и со слезами, так хотелось маленькой девочке помочь маме и братику. Негодяи всегда были на свете и, к сожалению, есть. В это время искали няню для Мурочки, узнали, что у прачки Баси хорошая девочка, и 12-летнюю Фанечку приняли на работу в барский дом. Так в нашей семье в 1913 году появилась баба Фаня – самый любимый и дорогой на свете человек. Фанечка росла в бедности, радостей детства видела очень мало и, конечно же, не доиграла в куклы. Когда я была маленькая, в послевоенные годы, куклы были редкостью. Покупали голышей – это куклы из целлулоида (жесткой пластмассы розового цвета) с голубыми нарисованными глазами, маленьким носиком и красными губками бантиком. Ноги и руки у них прикреплялись к телу резинками, одежды у голышей никакой не было. В то время жили мы в Таганке, на Таганской улице в доме № 1, семья была большая – 9 человек. Баба Фаня делала все – готовила, причем каждому любимые блюда, пекла печенье и пироги, стирала нашу одежду и постельное белье (стиральных машин не было), убирала

квартиру, мыла полы, покупала продукты. Как она, такая маленькая, худенькая, таскала тяжеленные сумки. Она не жалела себя, отдавала нам свою любовь, здоровье и душу полностью, а мы, дети, принимали все это как должное. Только моя мама пыталась как-то помочь, но Фанечка не позволяла, говорила: «Не надо, руки береги, ты врач, у тебя операции, я сама». Трудно себе представить, как же она уставала! Но очень часто поздно вечером она открывала швейную машинку «Зингер» и из лоскутков шила чудесные платья для кукол-голышей. Утром я просыпалась и «о, чудо!», на моей кровати сидит кукла – школьница в коричневой форме с кружевным воротничком, с фартучком белым и черным, на фартучках маленькие кармашки со вложенным платочком, или Красная Шапочка во всей своей сказочной красе, был и голыш – негритенок в брючках с лампасами, кофточке и белой панамке. Из кусочков кожи баба Фаня шила куклам ботиночки. У нее был удивительный педагогический дар. Читала она еле-еле, но научила нас читать, она не умела плавать, хотя выросла на реке, но, тем не менее, научила нас плавать, она, не умея кататься на коньках, ходила с нами в парк им. Прямикова, и мы научились кататься, а как она научила нас кататься на велосипеде, я не понимаю до сих пор. Она нас очень любила и баловала, покупала всегда то, что мы хотели, и никогда не заставляла помогать ей по хозяйству. Многие знакомые – любители вмешиваться в воспитание чужих детей, спрашивали: «Почему Вы не приучаете детей к труду?» А баба Фаня отвечала: «Ах, нужно будет, научатся, а пока они дети и я для них все сделаю. Жизнь длинная, научатся». Ей хотелось, чтобы наше беззаботное детство длилось долго. Для Фанечки наши проблемы были самыми главными. Помню такой забавный случай. Берет она телефонную трубку, звонит мамина знакомая, спрашивает: «Фаина Марковна, как дела?» Баба Фаня коротко отвечает: «Сессия покажет». Чуть позже знакомая перезванивает маме: «Удивительно, Ваша Фанечка и за домом и за политикой следит», в то время шла очередная сессия Верховного совета СССР. Шел 1965 год, я училась на первом курсе института. Мама смеется, говорит знакомой: «Фанечка имела в виду другую сессию, Ирошкину учебную, зимнюю, для нее это сейчас самое главное». Все школьные заботы Фанечка тоже брала на себя. Покупала книжки, учебники, тетрадки, карандаши, ручки, линейки, школьную форму. Она следила, чтобы уроки были приготовлены, знала расписание, читала замечания в дневнике, например, учительница сообщает: «Пишет очень небрежно». Фанечка мне внушает: «Ирочка, пиши «брежно». Учителей она часто ругала: «Ах, черт, придирается к девочке», - возмущалась, что много задают. Если я какое-нибудь стихотворение не могла выучить, говорила «Доченька, положи книжку под подушку, ночью стих сам в твою головку придет», я верила и, что удивительно, так и было. Баба Фаня очень любила сажать цветы, кусты, деревья, все у нее росло прекрасно. А ее любимые домашние цветы алоэ – столетник, «ванька мокрый» - бальзамин, герань вырастали гигантами. Однажды она посадила сухую финиковую косточку, и выросло высокое деревце. Такие руки у нее были – волшебные. \*\*\* Вернусь в 1914 год. Сонечка с семьей жила в Минске. К этому времени Эсфирь закончила медицинский факультет Женевского университета, проучилась три года в аспирантуре Миланского университета и защитила диссертацию по гинекологии, ее руководителем был профессор Манджагалли. Любопытно, моя мама врач-хирург, заведующая хирургическим отделением, в 1970 году принимала в поликлинике, где она была и председателем месткома, врачей-гинекологов из Милана, из той самой университетской клиники, но уже имени профессора Манджагалли. В моем альбоме хранится его фотография 1913 года и фотография его приемников 1970 года. В документах тети Фиры очень много интересного: аттестат об окончании Киевской гимназии Евсеевой, ее дипломы бакалавра и магистра Женевского Университета, ее фотографии на велосипеде, автомобиле, аэроплане (а годы-то... 1906 – 1913). А также есть автореферат, написанный на французском языке. Сравниваю со своим авторефератом, написанным через 63 года (я защитила свою кандидатскую диссертацию в 1976 году). Тот же план: введение, объекты и методы исследования, результаты эксперимента и их обсуждение, практическое применение результатов, выводы, список статей. Но на титульном листе - благодарность родителям и посвящение диссертации им: Чарному Борису Ильичу и Чарной Фрейде Соломоновне. В мае 1914 года Эсфирь, счастливая, уверенная, красивая, возвращалась из Европы в Россию, в Москву, а из Москвы в Казань, чтобы в Казанском Университете подтвердить свои дипломы, то есть сдать необходимые экзамены для получения диплома российского врача. В Казань она поехала по Волге на пароходе, первым классом. Прекрасные волжские берега, пассажиры в красивых нарядах, первым классом едет «элита», выражаясь современным языком, подчеркнуто вежливая и предупредительная команда парохода, капитан приглашает на капитанский мостик полюбоваться красотами берегов. И вдруг ветер срывает шляпу с головы прекрасной молодой дамы – Эсфири. В те далекие времена приличной даме находиться обществе без шляпы было невозможно. Господин, оказавшийся рядом, отдал ей свою панаму, а матросу заплатил, чтобы тот прыгнул и достал из Волги шляпу (шляпа французская, очень дорогая и красивая, с цветами и лентами). Скорее всего, молодой человек оказался рядом с Эсфирью не случайно и рад был возможности оказать внимание. Шляпу достали, высушили, а молодые люди познакомились и понравились друг другу. Этого галантного молодого господина звали

Исаак Шабад. Он ехал в Казань из Москвы подтвердить свой кембриджский диплом инженера. Кстати, кроме Кембриджа, он еще закончил технический факультет университета в Берлине. Его семья имела дома в Санкт-Петербурге и в Москве на Софийской набережной, они владели очень доходными предприятиями по производству электрических лампочек и заводами по изготовлению дрезин – это тележки специальной конструкции, которые ездили по железнодорожным рельсам. В то время это были нужные и перспективные производства. Исаак (Изик) был единственным наследником. У его младшего брата было неизлечимое психическое заболевание, возможно связанное с тем, что боясь потерять состояние, члены клана Шабад женились на близких родственниках, у сестер тоже были какие-то отклонения развития. Отец Исаака – Азарий Шабад был почетным и потомственным гражданином Москвы, председателем общества промышленников. Молодые люди успешно сдали экзамены, получили Российские дипломы и вместе вернулись в Москву. Они полюбили друг друга, Исаак сделал Эсфири предложение, представил своим родителям. Те были очень недовольны – невеста не из их круга, а дочь купца 1-ой Гильдии – мезальянс! Не откладывая дело, молодые люди поехали в Березино, в имение к Чарным. Родители невесты тоже не рады. «Доченька, надо дерево по себе рубить»: сказал Борис Ильич. Но и в те времена дети родителей не слушались. Они поженились и решили уехать за границу. \*\*\* В августе 1914 года началась первая Мировая война. Эсфирь и Исаак остались в Москве, купили квартиру на Нижней Болвановке в Таганке, переименованной после революции в Нижнюю Радищевскую. Этот дом стоит до сих пор. Эсфирь начала работать в клинике акушерства и гинекологии медицинского факультета московского университета на Девичьем поле. Большая Пироговская улица, где находятся сейчас клиники и учебные корпуса Медицинской академии им. Сеченова называлась Большой Царицынской. Она работала под началом выдающегося профессора-гинеколога В.Ф. Снегирева – первого директора клиники женских болезней, так тогда называли клинику акушерства и гинекологии, и Института усовершенствования врачей – гинекологов. Об университетских клиниках, их создателях и профессорах я хочу написать позднее. Эсфирь получила очень хорошее медицинское образование, прекрасно разбиралась во многих областях медицины – терапии, инфекционных болезнях даже в педиатрии. Она очень любила помогать людям, давала советы, делала это от души и бескорыстно. Помню, мне было лет 15, приезжаю как-то поздней осенью к ней на дачу в Кратово, она очень любила свою дачу и жила там до холодов. Дачу она построила в начале 30-х годов, улицы тогда назывались просеками, так как дачи строили в лесу, наша улица Ломоносова называлась 3-й просек. Сейчас это моя дача, я тоже люблю жить здесь до поздней осени в окружении тех же вековых сосен и елей, которые моя мама называла берендеевскими, я пытаюсь сохранить участок и внешний вид дачи в стиле тех лет. Так вот, смотрю, идет по нашей улице тетя Фира, ей было уже больше семидесяти, она шла в резиновых черных ботах, светлом плаще, высокая, статная, в руке аппарат для изменения давления, еще ртутный, Риварочи, на шее фонендоскоп. Этот фонендоскоп в кожаном футляре приятно держать в руках, его металлические детали сохранили благородный блеск, к сожалению, резиновые трубки истлели, футляр состарился, но закрывается металлическими рычажками. В этот день она, как обычно, навещала своих пациентов, а тем, кто нуждался, приносила еду, продукты, деньги. Тетя Фира была очень добрая, доверчивая. Зарабатывала она всегда много и с радостью помогала и родным, и чужим, долги ей, как правило, не возвращали, да она и не напоминала. Она любила повторять: «У человека либо есть совесть, либо нет, хочешь проверить человека – дай ему деньги в долг». В нашей семье всегда говорили: «Денежная потеря – не потеря. Главное – человеческие отношения». У тети Фиры были свои твердые принципы и правила. Она никогда не мстила своим обидчикам, просто вычеркивала их навсегда из своей жизни. Я помню, как она говорила о ком-то моей бабушке: «Пусть он (или она) не приходит на мои похороны», – это было высшим наказанием обидчика. Сразу после начала первой мировой войны в Москве на базе клиник открылись госпитали, но раненых было очень много, мест не хватало и правительство приняло решение открыть госпитали в губернских городах на базе существующих там больниц. Эсфири, молодому врачу – женщине доверили возглавить и организовать работу госпиталя в городе Вифания недалеко от Сергиева Посада. У меня сохранился документ с печатями, написанный черными чернилами, подписанный С.П.Боткиным о назначении Э.Б.Чарной-Шабад главным врачом госпиталя. Бумага пожелтела, края обтрепались, но ее можно легко прочитать. Как долго Эсфирь проработала в госпитале, я не знаю. Исаак вошел в кампанию своего отца и управлял производством электрических лампочек – электрификация шагала по России, несмотря на войну. Строительство железных дорог продолжалось, дрезины были нужны. Производство процветало. 1914 год, шла война, недовольство царским режимом росло, только ленивый его не критиковал. Николая II обвиняли в слабости и неумении руководить, командующий армией Брусилов уличал в предательстве царицу Александру Федоровну, русская армия отступала и терпела одно поражение за другим. В городах проходили митинги, создавались новые политические партии и союзы. Эсфирь и Исаак делали взносы в фонд помощи русской армии, участвовали в благотворительных концертах

и вечерах. Но в их обществе увлекались театром, музыкой, искусством, а не политикой и тем более не революционными идеями. Они и их друзья работали на благо России, лечили, учили, создавали необходимое, нужное и ценное, помогали и спасали, кого могли. Они были людьми долга и чести, никого не убивали, не дрались, не плели интриги, чтобы получить власть. Они трудились! \*\*\* Третьей дочери Бориса Ильича Чарного Зине (Злате) в 1913 году исполнилось 19 лет. Она окончила гимназию, учиться дальше не хотела и жила с родителями. Зина была очень хороша собой и прекрасно сложена, любила танцевать, шутить и острословить. В лице ее было что-то цыганское – огромные темно-карие глаза, блестящие черные волосы, большой яркий рот и ослепительная улыбка. До старости у тети Зины сохранились прекрасные зубы, у зубного врача она никогда не была. Зиночка прекрасно пела, играла на гитаре и рояле. Со старинной фотографии на меня смотрит красавица в кружевном платье с большим вырезом, она сидит в белом кресле, в саду. В Минске, на балу в Дворянском собрании Зиночка познакомилась с бароном Григорием Гиндзманом, молодые люди сразу поняли, что они созданы друг для друга. Но по понятиям того времени это был мезальянс. Предки барона были евреями, крестились, разбогатели, купили баронский титул. Семья барона сразу очень невзлюбила невесту. Родители невесты ответили тем же. Но в 1914 году свадьба состоялась. Молодые жили в Минске. В моей библиотеке хранится одна книга из красиво изданного собрания сочинений А.П.Чехова 1915 года, на первой странице аккуратным почерком написано «Из книг баронессы Зинаиды Гиндзманъ». Но Зиночка была баронессой не долго. Григорий на несколько дней уехал в Санкт-Петербург, а Зина с его сестрами отправилась на бал. Конечно же, она танцевала, конечно же, за ней ухаживали и, конечно же, сестры наговорили Григорию о неверности, легкомыслии и изменах Зиночки. Он был очень ревнив, самолюбив и последовал советам своих родных. Они развелись, хотя сделать это было не просто, и Зиночка вернулась в родительский дом. Молодая, красивая, веселая, остроумная Злата всегда блистала в обществе и была в центре внимания, одним словом «любила погулять». Родители очень переживали, что их дочь столь легкомысленна, внушали ей свои «правильные понятия». Зиночке это надоело, своевольная была девушка, и она поехала в Москву. По дороге из Минска в Москву она познакомилась с господином Мацутой, племянником графа Потоцкого. В Варшаве у него была семья, дети. Вскоре они расстались. Зина жила в Москве в квартире у Эсфири и Исаака, ему это не нравилось, и он выражал свое неудовольствие. Эсфирь, со свойственной ей категоричностью защищала интересы сестры. Очень скоро Зиночка поняла, что беременна. Что делать, позор такой! Зина просила Эсфирь сделать аборт, но та отказалась. «Рожай!», говорит. Своих детей у тети Фиры не было, она боялась, что из-за плохой наследственности мужа дети будут не здоровы. Племянников она обожала. У Зины было много поклонников, и некоторым из них она написала о том, что ждет ребенка. Написала она и в Америку, в Нью-Йорк, Даниилу Поволоцкому. С Даниилом она познакомилась в Минске, он был революционером, состоял в партии социал-демократов и по политическим соображениям эмигрировал сначала в Берлин, потом в Нью-Йорк. Он увлекался не только политикой, но и музыкой, играл на всех музыкальных инструментах – струнных, клавишных, духовых. В эмиграции он зарабатывал на жизнь тем, что играл в кинотеатрах, ресторанах, барах. Телефонная связь через океан тогда не работала, по телеграфу передать, что хочешь, трудно, письма через океан шли долго. Однако, Зиночка быстрее, чем ожидала, получила письмо. Вот его краткое содержание: Даниил сообщал, что счастлив и влюблен, это будет его ребенок, он боготворит Зиночку и отправляется пароходом из Нью-Йорка в Ригу, а из Риги поездом в Москву. Шел 1916 год. Они встретились и поженились. Поселились они в гостинице на Домниковской улице. В январе 1917 года родился их сын Борис - дядя Боря. Он умер в августе 1987 года, не узнав историю своего рождения. \*\*\* Даниил Поволоцкий обожал Зиночку и Борю, баловал их. Времена были очень трудные – Февральская революция 1917 года, потом Октябрьская. Даниил верил большевикам, принял революцию с радостью. Кроме декретов, которые они обещали выполнить, - «Земля крестьянам», «Заводы рабочим», «Хлеб народу», большевики издали декрет о снятии черты оседлости, евреи получили право жить, где хотели, Ленин провозгласил антисемитизм формой контрреволюции. Евреям казалось, что погромов больше не будет, можно свободно работать, учиться, заниматься творчеством. Даниил вступил в союз музыкальных деятелей, его назначили директором дома культуры железнодорожников. Гостиница на Домниковской улице, в которой Поволоцкие жили до революции, превратилась в коммунальную квартиру. Они получили большую 30-метровую комнату, чулан напротив комнаты, превратился в кухню, туалет был один на 10 комнат. Я хорошо помню этот дом, коридор и комнату, тетя Зина жила там до 1963 года. От дома еще веяло романтикой начала 20 века, но было мрачно и грязно. На первый этаж вела широкая, мраморная лестница, со следами былой роскоши. Ступени были выщерблены, лепнины и атланты с разбитыми головами покрашены зеленой краской, над разломанным камином, хранившим остатки стиля «Модерн», - замазанные дырки от зеркала, камин был завален мусором и пахло нечистотами. Думаю, что в упадок все приходило постепенно. Снесли дом в середине 70-х, когда готовились к Олимпиаде-80, а Домниковской улицы

уже нет, ее расширили и проложили новый проспект - имени академика Сахарова. Большую часть 30-метровой комнаты тети Зины занимал огромный концертный рояль, под ним был целый мир интересных вещей, я любила там прятаться, играть, рассматривать старые журналы, статуэтки, открывать шкатулки, чего там только не было! Огромный темный буфет делил комнату пополам, на буфете стояла удивительно красивая серебряная ваза с хрустальной зубчатой вставкой, на стенах висели картины и гравюры. Одну гравюру небольшого размера в черной рамке тетя Зина мне подарила, она подписана автором и называется «Бетховен». В темной комнате, на диване и в креслах сидят серьезные люди в платьях 19 века, они слушают музыку, за роялем сидит сосредоточенный человек с лицом и прической Бетховена. От тети Зины на память мне осталась эта гравюра и ее фотографии. Даниил работал и состоял в профсоюзе железнодорожников, тогда это было очень почетно и выгодно. Он получал льготы, пайки (это бесплатные продуктовые заказы), имел возможность заказывать жене наряды в ателье ГУМ"а, а также получал бесплатные железнодорожные билеты и путевки в здравницы и санатории. Зина не работала и на все лето уезжала с сыном на курорт, на юг – в Крым, в Евпаторию, на Азовское море, Бердянск или в Сочи. Летом Даниил оставался в Москве один. Он руководил ДК Железнодорожников, дирижировал оркестром, играл на рояле, мандолине, делал ремонт в комнате, готовился к встрече с любимой женой и сыном. В августе 1929 года его с подозрением на аппендицит отвезли в Боткинскую больницу. Зина как раз должна была приехать с курорта, и Дане хотелось хорошо выглядеть на больничной койке, он побрился, но немножко порезался, попала инфекция, и через два дня он умер от заражения крови. Антибиотиков тогда не было. Похоронили его с почестями и с оркестром на Донском кладбище. На его могилу, видимо, никто не приходил. В 70-е годы мы пытались найти захоронение, но в регистрационных книгах кладбища он не числился. \*\*\* Зина осталась без мужа, без работы с 12-летним сыном Борей. Сказать, что Зина любила Бору, это не сказать ничего, она слепо обожала его. Он был красивым, рослым мальчиком, очень сообразительным, умным, но учился плохо, шалил и хулиганил. Как-то, уже 50-летним он вспоминал свои школьные годы. Организовал он мальчишек на «подвиг» - вскрыть замки от всех кладовок (это темные комнаты, в которых хранили нужные и не нужные вещи), взять оттуда все, что можно продать, а на полученные деньги купить мороженое. Они успели справиться только с двумя замками, как их работу увидела соседка-старушка, она закричала и они разбежались. Борин план сорвался, и он решил старушке отомстить. Мальчишки подкараулили ее, уложили на пол в коридоре и Боря написал ей в ухо. Боря считался среди домниковской шпаны хулиганом № 1. К 14 годам он имел несколько приводов в милицию. Все родственники переживали, места себе не находили, что будет дальше? Убедить Зину в том, что надо принимать серьезные меры, родственники не могли. Она защищала его, как тигрица, до конца своей жизни. Вина во всем и всегда был кто-то другой. В 1935 году, к великой радости родных, близких и учителей, Боря окончил школу. На семейном совете решили отправить его учиться в Омское военное училище. Во-первых, учеба там дисциплинирует, во-вторых, быть офицером считалось престижным, кроме того, хорошо, что Омск далеко от Москвы. Аресты уже начались и родные надеялись, что училище даст безопасность. Борис ехал в Омск с удовольствием, предвкушение свободы опьяняло его, мама Зина каждую неделю отправляла ему посылки и деньги. На втором курсе Боря женился, родилась девочка Наденька. Развелся он очень быстро, дочку забыл, ее воспитывал отчим. Она окончила омский пединститут и в 1960 году она приехала в Москву познакомиться со своим отцом. К тому времени Борис уже имел двоих сыновей Сашу и Вову. Видимо, встрече с дочерью он не был рад, с родными ее не познакомил, но показал фотографию, Наденька очень похожа на свою бабушку Зину. Вот и все, так она и уехала. \*\*\* Теперь немного истории. Сейчас мало кто помнит, что такое паспортизация, и Слава Богу. Паспортизация – это очередная «чистка», поиск врагов. Человеку могли не выдать паспорт и выслать из Москвы, лишит жилплощади и имущества, если органы НКВД найдут, что его происхождение не подходящее или работает он плохо, или ведет себя с их точки зрения не так, недостойно. Если паспорт не выдадут, вышлют через 24 часа, в лучшем случае за 100 км от Москвы, а то и дальше... О репрессиях знали не по наслышке. Что делать 35-летней вдове железнодорожного служащего Зинаиде Борисовне Поволоцкой в такой ситуации? Решение подсказала сестра Соня. Зина поступает в МИИТ на факультет строительства железных дорог. Она блестяще заканчивает его и устраивается на работу в министерство, тогда - комитет железнодорожного транспорта. Зина была красивой, уверенной и всегда верила в успех того, что делала. В то время каждый советский гражданин ежемесячно, в день зарплаты обязан был покупать облигации государственного займа и лотерейные билеты. Зина всегда выигрывала, причем немалые суммы и, конечно же, отсылала сыну. У Зины было много поклонников, но замуж она не вышла – боялась, что муж будет к Боре плохо относиться. Одним из поклонников был начальник отдела кадров комитета, где она работала, под большим секретом он сказал, что готовятся «чистки», и ее могут арестовать. В то время строилась Восточно-Сибирская железная дорога. И Зина поехала туда работать заместителем начальника строительства участка Инта – Абезь. Там и находился печально-известный Воркутинский

исправительно-трудовой лагерь. В поселке Абезь жили в бараках все - заключенные, вольнонаемные, охранники и лагерное начальство. Я нашла в географическом атласе реку Абезь на севере Коми, около Северного Полярного круга, чуть западнее Воркуты. Работала Зина в очень тяжелых условиях. Тундра, сильные ветры, вечная мерзлота, медведи, волки, комары, мошка. Ее подчиненными были заключенные - и политические, и уголовники. Об этом периоде своей жизни она никогда не рассказывала. При первой возможности она ездила в Омск с подарками для начальства военного училища – сына надо было частенько спасать от суровых наказаний. Как-то Борис удрал из училища, устроил драку, его ждал трибунал, но мама Зина приехала и выкупила его за два литра спирта. Дядя Боря рассказывал об этом очень весело. Слава Богу, тетя Зина выжила, заработала большие деньги и вернулась в 1940 году в Москву. Борис воевал, получил легкое ранение, бравым офицером вернулся из Будапешта на родную Домниковку. Он немного остепенился, женился, стал отцом двоих сыновей. Жене своей он подчинялся полностью. Жена Люся ненавидела тетю Зину, издевалась над ней. У Зины начались приступы эпилепсии, в периоды обострения она находилась в больнице, а последние два года жила со своей старшей сестрой Эсфирью. Благодаря заслугам и правительственным наградам тети Зины, а также инвалидности, полученной в результате работы в условиях Севера, семья Поволоцких получила 4-х комнатную квартиру на Коровинском шоссе. Тетю Зину туда прописали, но места для нее там не нашлось. Бориса всегда переполняли разные идеи и рационализаторские предложения, он всегда что-то изобретал. Например, ему удалось внедрить в птицеводство предложение по облучению кур гамма-излучением для повышения их яйценоскости, а в медицинскую промышленность - инъекционный шприц-тюбик без иглы для введения лекарств военнослужащим в полевых условиях. У него была толстая папка авторских свидетельств. Я помню, что он всегда ждал премий за свои изобретения. \*\*\* Вернемся в 1917 год. Сонечка с семьей благополучно жила в Минске. Мурочке уже исполнилось четыре года, она была хорошенькой и очень смысленной девочкой и удивляла близких. Как-то гуляет Мурочка около дома с няней, подходит к ним знакомая дама, здороваются и спрашивает: «Мурочка, а папа дома?», девочка отвечает: «Не знаю». Ей говорят: «Мурочка, ты же знаешь, что папа дома, почему ты говоришь «не знаю»?», Она отвечает: «А может быть папа не хочет, чтобы знали, что он дома». И это в четыре года! Как и все войны, первая мировая война унесла много жизней, принесла голод, болезни, разруху. Она дала толчок к свержению монархии, народному бунту и развитию революционных идей в умах человеческих. Об этом написано много философских и исторических книг, художественных произведений. Мои близкие попали в этот водоворот событий. Такова судьба. Далекие от политики, честные и трудолюбивые, они были плохо подготовлены к революционным переменам, но они сохранили себя, остались Людьми с большой буквы по отношению к родным, друзьям и совсем чужим людям. Я горжусь ими и люблю их. В начале 1917 года в России повсеместно начались беспорядки, Николай II отрекся от престола, было сформировано Временное правительство. Моя бабушка Соня с уважением относилась к реформам Керенского. Она рассказывала, что за очень короткое время, после Февральской революции, Временное правительство приняло ряд законов, устанавливающих политические и гражданские права, были ликвидированы религиозные и сословные ограничения, женщины получили политические и гражданские права наравне с мужчинами. Готовился законопроект о земельной реформе, крестьяне получили бы землю, на предприятиях (они работали!) был введен 8-часовой рабочий день. После падения монархии правительство Керенского провозгласило ликвидацию политики угнетения нерусских народов, независимость Польши, Финляндии, Украины. Многие с воодушевлением приняли Февральскую революцию. Но Временное правительство не сумело установить порядок и удержать власть. Реформаторские постановления Учредительного собрания практически не выполнялись. И в октябре 1917 года произошел революционный переворот. В Ленине никто не видел необычного человека, никто не мог представить его сторонником беспощадного террора, без снисхождения. И дальше жизнь показала, что в отношении к жестокости, к террору, различий между Лениным и Сталиным не было. \*\*\* Минск был провинциальным городом. Революция пришла туда с опозданием, и полной неразберихой во всем. В небольших городках и деревнях творился страшный произвол, беззаконие. Имения разоряли, реквизировали, то есть отнимали все. Оба мои прадедушки в начале 1918 года скончались, как говорили тогда врачи, от разрыва сердца, то есть инфаркта, лишившись в одночасье своих пароходов, барж, яхт, недвижимости, счетов в банках, всего того, на что потратили жизнь, что создавали трудом и умом своим. Эсфири, благодаря своей энергии, связям и везению, чудом удалось приехать в Березино, чтобы вывезти в Москву маму, брата Гришу и сестру Еву. В стране был полный хаос, грабежи, насилие, беспредел. Грише исполнилось 18 лет. Не знаю, были ли тогда какие-то правила призыва в армию, к тому же вопрос – в какую? Было много поводов волноваться за единственного в семье мальчика, взрослого в такое время. Он проучился 3 года в минском реальном училище, любил пошалить, побалагурить, был очень красивым, статным, остроумным, всегда жил легко, в окружении обожающих его близких, друзей и подруг. Он мог попасть в любую ситуацию, это было

понятно. Евочке было 16 лет, она была прелестной девушкой, но болезненной и училась в основном дома. Прабабушка Фрейда очень страдала, потеряв любимого мужа, и оказалась в полной растерянности. Она лишилась привычного внимания и заботы. Прадедушка был для всей семьи надежной опорой во всем. Эсфирь полностью взяла на себя заботу о матери, брате и сестре. В Москве в то время жилось очень трудно, как и во всей России, но безопаснее, чем в Березине. Эсфирь работала в нескольких клиниках, открыла свой гинекологический кабинет. Деньги обесценивались, и гонорар она часто получала дровами, продуктами, водкой, а водку можно было поменять на что-то нужное. Эсфирь купила квартиру для прабабушки Фрейды с детьми и делала все, чтобы обеспечить своим близким достойную жизнь в это очень не простое время. Гриша поступил в Высшее техническое училище, теперь МВТУ им. Баумана, на факультет кузнечно-прессового оборудования и закончил его в 1925 году. У Эсфири был очень широкий круг знакомых. К ней в гости приходили Утесов, Любовь Орлова, балерины большого театра, певцы Пирогов, Михайлов. Ее приглашали на концерты и в театры. Она была известным врачом в Москве и знала себе цену. Лечение у нее стоило не дешево, но очень многих она лечила бесплатно. Тетя Фира очень любила проявление к себе знаков внимания и уважения. От своих пациентов она получала все это в полной мере. Ее очень часто обманывали, долги не отдавали, но по этим поводам она не огорчалась. Она была бесконечно доброй, доверчивой, к человеческим слабостям относилась снисходительно. Люди помнили ее очень долго, звонили нам, спрашивали, где она похоронена, приносили к месту захоронения на Донском кладбище цветы. Вспоминаю такой случай. Лет через 25 после ее смерти приходит к нам на дачу в Кратове (тетя Фира очень любила дачу и завещала ее моей маме) подвыпивший мужик их соседней деревни Тумановка и говорит маме: «Хозяйка, купи грабли», грабли старые, ржавые, со сломанным черенком. Мама отвечает: «Мне не нужны твои грабли». «Эх ты, много лет назад здесь жила добрая женщина, врач, всех лечила бесплатно, нас уважала и всегда выручала, а ты жадная». Мама расчувствовалась и дала ему денег на бутылку водки. Еще был интересный случай. 1985 год, почти 30 лет прошло, как тетя Фира умерла. Поздняя осень, Леночка маленькая, мы на даче, подходит к забору девушка лет 19 и спрашивает, не знаю ли я, где найти рабочего-строителя и сразу задает вопрос: «Здесь ли жила врач Эсфирь Борисовна?» Я отвечаю: «Здесь, она умерла в 1965 году, а откуда Вы ее знаете, Вы так молоды?» Девушка мне рассказала, что фамилия ее дедушки Прокофьев (я помню, что тетя Фира не раз упоминала эту фамилию), живут они на нашей же улице Ломоносова. В их семье очень часто вспоминают рассказ ее дедушки о том, какое участие в их жизни принимала Эсфирь Борисовна. Если бы не ее помощь, они бы не выстроили дачу, и семье негде было бы жить. Вспоминаю и такой случай. Моя бабушка рассказывала, как одна пациентка тети Фиры не закончила лечение и исчезла. Эсфирь беспокоилась, нашла ее адрес, приехала и увидела, что женщина живет очень бедно. Тетя Фира пошла в магазин, купила продукты, лекарства, все, что было нужно, лечила ее, пока та не выздоровела, а ухаживать за этой женщиной посылала свою домработницу. Таких историй было много, но тетя Фира их не любила рассказывать. Как я понимаю теперь, благополучие семьи со дня приезда прабабушки Фрейды с детьми в Москву полностью держалось на Эсфири. Конечно же, ее муж Исаак Шабат выражал недовольствие по этому поводу, но семья, родные были для нее главным. Она была святой женщиной – готова была всегда помочь людям. \*\*\* В начале 1918 года Россия уже вышла из первой мировой войны, был заключен Брестский мир, но из Западной Белоруссии еще не были выведены военные части ни Германии, ни Австро-Венгрии, ни Антанты (российская армия входила в состав Антанты). Но к лету 1918 года в Белоруссии, как и во всей России, образовывались многочисленные группировки и правительства, выступавшие против Советской власти, неразбериха была ужасная. В это время семья Якова и Сони находилась в своем имении в Паричах, это как раз Западная Белоруссия, видимо, они считали, что здесь будет безопаснее, чем в Минске. Советское правительство создало Красную Армию и перешло к политике «военного коммунизма», таким образом, первая мировая война перешла в войну гражданскую. Линия фронта меняла свое положение несколько раз в день. Бабушка рассказывала, что ложились спать при Юдениче, просыпались при анархистах, обедали при белых, ужинали при красных. Стреляли и грабили постоянно. Но к октябрю 1918 года стало ясно, что власть перешла к красным. Якову и Соне было очень тяжело, всех спасала Фанечка. Она не только вела хозяйство, нянчила Мурочку, но выращивала на огороде картошку, овощи, разводила кур. И, конечно же, поддерживала свою любимую барыню Сонечку и красавца-капитана Якова. Якова взяли на службу – капитаном на его собственный пароход, конечно же, пароход был национализирован. Семья теперь жила во флигеле, дом превратили в штаб. В доме жил и красный командир по фамилии Труханнин. Человек, видимо, хороший, добрый, он приносил Мурочке кусочки сахара, делился большевистским пайком, уважительно относился к Якову и Соне. И вот однажды, прибегает к Сонечке ее подруга мадам Лапидус, кстати тетя знаменитого актера и директора театрального училища им. Щукина Владимира Этуша, встревоженная, плачет, кричит: «Соня, я видела, как Якова два красноармейца в кожанках повели на расстрел!». Сонечка, в то время беременная моей мамой,



выбежала из флигеля и в штаб – к Труханину, объяснила, что случилось. Слава Богу, Труханин подоспел вовремя. Дедушка уже стоял под прицелом красноармейцев за непролетарское происхождение, за то, что белый китель с якорями носил, фуражку-капитанку, ботинки, начищенные до блеска, и вообще, был на Николая II похож. Дедушку Труханин освободил, но страх быть убитым или растерзанным остался. В мае 1919 года Сонечка родила девочку, назвали ее Берта, в честь дедушки – Бориса Ильича. Яков был счастлив, хотя очень хотел сына. Малышка была на него удивительно похожа не только лицом, но чертами характера и привычками. Роды у Сонечки были тяжелыми, с сильным кровотечением, она очень ослабла. Фанечка сразу же взяла на себя заботу о девочке, особенно после такого случая: Фаня отнесла Бебочку Соне в постель кормить, и через какое-то время она услышала хрипловатый писк, побежала в спальню и увидела, что Сонечка спит, малышку почти не видно, она посинела, задыхается и еле-еле пищит под материнской грудью, а грудь – то большая была, сейчас бы сказали, номер 8. Фанечка схватила Бебочку, успокоила, барыню свою отругала и с тех пор не доверяла свою любимицу никому. Трудно описать, как они обожали друг друга. Это продолжалось до конца жизни каждой из них. В 1919 году всем было очень тяжело: болезни, холод, голод. Фанечка предложила купить корову – будет хотя бы молоко и масло детям. Соня и Яков поехали зимой на санях в соседнюю деревню за коровой. Купили худую корову со сломанным рогом и одним глазом. На улице мороз, пожалели скотинку, положили ее в сани и повезли, а когда приехали домой, поняли, что Буренка ноги отморозила, но они ее вылечили, выходили – в экстремальных условиях быстро выздоравливают и люди, и животные. Фанечка на санках привозила картофельные очистки и помои из солдатской столовой, коровка очухалась и скоро начала давать молоко, да столько, что его даже продавали. Очень благодарная оказалась Буренка и скоро подарила теленочка. Фанечка ловко управлялась со всем хозяйством. Зимой она дрова подворовывала в солдатской казарме, но все-таки было холодно. Фанечка плакала, рассказывая, как у маленькой Бебочки опухли от холода ручки. Девочка была очень хорошенькая, умная, общительная, но очень нервная, часто плакала. Успокоить ее могли только Фанечка и папа Яков. Еды было мало, поэтому пили много чая, чай был морковный. Бебочка любила сидеть на коленях у папы, забиралась первая, а Мурочка говорила: «Одно колено мое». Они пили чай, он читал им стихи, рассказывал сказки и веселые истории. Когда приходил из штаба Труханин, Бебочка встречала его и говорила: «Туханин, пики, баки». Пики – означало спички, а баки – табак, видимо, он был куряка. Он брал ее на руки, давал по кусочку сахара ей и Мурочке и все садились пить морковный чай. Привычку пить много чая мама сохранила на всю жизнь. В два с половиной года Бебочка уже научилась читать. Читала все – газеты, книги, запоминала все прочитанное, удивляла всех своей памятью. У меня сохранилась чудесная детская книга «День Лизы» 1913 года издания, большого формата, изрядно потрепанная, с пожелтевшими страницами, но в хорошем состоянии. Ее читали и Мурочке, и Бебочке, бабушка Соня читала ее и мне. Сейчас вспоминаю и слышу бабушкин красивый голос, ее интонацию, четкое произношение каждого слова. Упоительно! Текст составлен прекрасно, в лучших традициях начала 20 века, конечно, с «Ъ», рисунков много, все предметы изображены детально, с фотографической точностью, как бы тушью и пером. Девочка Лиза – ну, просто кудрявый ангелочек, спит в кроватке, очень точно нарисованы и кроватка, и прикроватный коврик с барашками, пододеяльник, подушка, простынка с кружевами. Няня в чепчике и фартучке с доброй улыбкой будит девочку: «Просыпайся, Лиза, солнышко уже встало, барашки проснулись, под подушкой тебя ждет пряник». Следующая картинка – Лиза достает из-под подушки пряник в форме овечки, потягивается, встать не хочет и вспоминает, что ей вчера подарили забавную игрушку «Чумичку». Очередная картинка – Лиза берет из ящика с игрушками ларчик, открывает его и оттуда выпрыгивает на пружинке веселый, чумазый и лохматый человечек. Дальше Лиза умывается, надевает панталончики, чулочки, совершенно изумительное платье и идет завтракать и так далее. Очень подробно с чудесными наивными картинками описывается день девочки Лизы, девочки начала 20 века. Я очень люблю эту книжку. Хорошо бы сделать репринтное издание. Современные дети примут Лизу за инопланетянку или доисторическое чудо. \*\*\* Вернусь в 1921 год. Политику военного коммунизма сменил НЭП – новая экономическая политика. В советскую Россию начал привлекаться иностранный капитал, разрешили частное предпринимательство, открылись артели, рестораны. Это время очень хорошо описано у Ильфа и Петрова, Зощенко, Булгакова, продлилось оно до 1928 года. Многие покидали Россию добровольно – понимали, что послабление временное. Многих выслали, так в 1922 году был отправлен за границу, так называемый, «философский пароход». Лучшие умы – ученые, теоретики и практики, философы, экономисты, историки, литераторы, в принудительном порядке были изгнаны из своей страны. Никто не думал, что оставшихся служить Родине, ждет страшная судьба – кого тюрьма, кого лагерь, кого расстрел без суда и следствия. В 1921-1922 годах выходило много газет с разной тематикой. В одной из них Сонечка прочла, что Злата Вассерман, урожденная Чарная, гражданка США, жительница Бостона, разыскивает свою сестру; нашедшему ее, обещалось большое вознаграждение. Сонечка вспомнила, что

Злата Вассерман – сводная сестра ее отца Бориса Ильича. Сонечка написала Злате о родстве и о том, что поможет ей найти сестру, а вознаграждением может быть приглашение в США для Сони и ее семьи. Яков целый год искал сестру Златы везде, где мог, но безрезультатно. Однако, переписка продолжалась, семьи подружились и в начале 1923 года Яков получил от Златы официальное приглашение. Решили, что Соня с детьми поедет позже. У мужа Златы была зубо врачебная клиника, дело процветало, они были очень богаты, у них был большой собственный дом, антиквариат. Злата заказывала себе платья в Париже. Яков понимал, что получить лицензию капитана в Америке не просто, и освоил специальность стоматолога – протезиста. Он окончил школу протезистов, купил нужные инструменты, несколько месяцев практиковался у мужа своей сестры Ольги – врача-стоматолога Демиховского. До США можно было добраться только пароходом, плыли через Атлантический океан около месяца. Пишу и вспоминаю рассказы Марка Твена «В Америку». Яков и Соня оставили девочек на попечение Фанечки и поехали в Москву. Остановились у Эсфири. Яков получил визу в США, все складывалось хорошо, будущее казалось ясным и безоблачным. Яков и Соня повидались с родными, побывали в театрах, ресторанах – НЭП это свобода, изобилие. В 1922 году началась денежная реформа, рубль превратился в конвертируемую валюту, кроме того в Москве на золотые царские монеты можно было купить многое. Якову купили все, что нужно в дорогу, а также вещи, необходимые на первое время в Бостоне. Яков неплохо владел английским, а Сонечке он купил в Москве самоучитель английского языка. Эта книжка мне очень дорога, ее страницы хранят тепло рук моих дедушки и бабушки. Из ценностей дедушка взял золотую медаль, полученную его предками за участие в войне с Наполеоном, немного столового серебра, николаевские золотые монеты и шубу на бобровом меху. В марте 1923 года Яков и Соня приехали на Виндавский, теперь Рижский вокзал. Нужно было поездом ехать до Риги, а из Риги пароходом через Атлантический океан в Нью-Йорк. Они были молоды, красивы, будущее свое видели прекрасным, говорили о дочках, расставаться не хотелось. Они очень любили друг друга. Никто не думал, что расстанутся они навсегда. \*\*\* Соня вернулась в Париж. Через два месяца она получила первое письмо от любимого Якова. Все в порядке, Вассерманы очень гостеприимные люди и приняли его хорошо, работает пока у них помощником протезиста, но скоро сдаст экзамен по английскому языку и специальности, получит гражданство и сразу вышлет официальное приглашение (shift-card) Соне и детям, а потом Фане. Он снял квартиру в спокойном районе Бостона на Main Street, начал готовиться к приезду семьи, купил дочкам куклы с закрывающимися глазами в красивых платьях. Его письма приходили часто, он подробно писал о своем житье-бытье в Америке. Ему нравилось, что на улице незнакомые люди улыбаются и приветствуют друг друга, вновь приехавшим помогали не только знакомые, но и община, причем независимо от национальности и вероисповедания. Незнакомые люди приходили, рассказывали о жизни в Бостоне, давали практические советы, приносили вещи, одежду, мебель. По моим наблюдениям, а я была в США несколько раз, такое отношение к новоприбывшим и гостям сохранилось до сих пор. В мой первый приезд в Нью-Йорк я жила в доме моих друзей, Сусанны и Фреда, на Лонг Айленде. Всегда буду помнить, как они приняли меня, как помогали во всем, только благодаря им, я могла решить свои проблемы. Как они были дружелюбны, внимательны ко мне, знакомили со своими друзьями. Это было незабываемое время, и мне хочется написать об этом отдельно. Меня задарили подарками, я привезла в Москву две большие сумки с одеждой, в 1992 году это было большой ценностью и, главное, радостью для моих близких. Дедушка Яков в своих письмах восхищался Америкой, ее прекрасными дорогами, широкими, прямыми, правильно спланированными улицами, парками, небоскребами, а главное, возможностью чувствовать себя защищенным. Сонечка писала о девочках, о себе, о том, как они скучают и ждут встречи. Мурочке шел 11-ый год, она уже училась в школе, была разумной, послушной девочкой. Но бабушка Соня начала замечать, что девочка иногда хромает. В чем дело? Оказалось, что она бежала, споткнулась, и ножка начала болеть. Соня повезла Мурочку в Минск на консультацию, врачи поставили диагноз – вывих тазобедренного сустава. Соня сразу сообщила об этом Эсфири в Москву. Эсфирь телеграфировала: «Немедленно приезжайте. За вами выезжает Гриша. Вызов Якова из Америки получите в Москве. Ждем вас, квартиру я уже приготовила. Консультировать Мурочку будет профессор Бомм – лучший специалист по детской травматологии». Я пишу и плачу. Куда делись, где найти такие родственные чувства, такую помощь и поддержку близких?! Из ныне живущих родственников таких нет. Последней была моя мама. \*\*\* Соня, девочки и Фаня в сопровождении Гриши приехали в Москву в конце 1923 года. Эсфирь купила для них квартиру в Таганке. В том же районе была ее квартира и квартира прабабушки Фрейды. В прежние, мирные времена второй половины XIX века владельцем дома на улице Большие Каменщики, где они поселились, был книгоиздатель Катков. Дом был двухэтажный, во дворе росли липы и яблони, в середине двора – фонтан, конечно, не действующий. В 1917 году дом национализировали, превратили в коммуналки, во дворе поставили деревянные столы и скамейки для посиделок и песочницу для малышей. Купить комнату, тогда любое жилье называлось «жилплощадь», можно было только через жилищный комитет. На каждую

семью полагалась только одна комната. Руководили этими жилищными комитетами партийцы, как правило, отставные комиссары или красноармейцы. Думаю, что Эсфирь «заинтересовала» одного из них – «нашла подход» и купила для Сони с семьей две большие комнаты на первом этаже, а чуть позже еще одну – для прабабушки и Гриши. Ева осталась жить в квартире на Нижней Радищевской улице. Сколько там было комнат не знаю, но почему-то туда вселилась чужая семья, и квартира превратилась в коммуналку. Предполагалось, что после отъезда Сони в Америку, Ева переедет к маме и брату. В комнатах были печи, дрова покупали неподалеку, в Дровяном переулке около Таганской площади. На кухне был водопровод, к удивлению Фанечки, из крана текла вода, в ванной кран тоже был, но воды не было – ходили в баню, в Тетеринском переулке, детей мыли на кухне, а воду грели на печке в ведрах или больших кастрюлях. Продукты Фанечка покупала на рынках – Тетеринском, около Никольской, Рогожском – на Абельмановской и Зацепском – около Павелецкого вокзала. В кухне была большая русская печь, ее топили, готовили еду, керосинки тоже были, и можно было на них готовить, но Фанечка считала, что на печке вкуснее. Пироги к праздникам пекли в печке по очереди, угощали друг друга, делились секретами начинок и теста. А куличи пекли ночью, днем опасались – партия ВКП(б) объявила борьбу с церковными предрассудками и пережитками капитализма. В Таганке почти все церкви к 1923 году были уже закрыты. Рогожско-Симоновский монастырь разрушили, храм Мартина-исповедника на Алексеевской улице (Большой Коммунистической) превратили в склад. Кстати, на Алексеевской был завод по производству канители (очень тонкой проволоки из золота) и доходные дома промышленника Алексеева – отца знаменитого режиссера К.С.Станиславского. К.С.Алексеев получил инженерное образование и некоторое время работал на этом производстве. Недавно красавец-храм восстановили, но улица долго называлась Б.Коммунистической. После смерти писателя и правозащитника Солженицына в 2008 году, ее назвали улицей Солженицына. \*\*\* Жизнь в Москве была совсем не такой как в имении, но постепенно все встало на свои места. Мурочку показали доктору Бомму, он подтвердил диагноз минских врачей и назначил лечение. Для начала ножку загипсовали, чтобы зафиксировать тазобедренный сустав. Гипс нельзя было снимать несколько месяцев. Девочку носили на руках, через какое-то время она научилась ходить на костылях. Ножка под гипсом чесалась, бабушка Соня придумала «почесалочку» - длинную тонкую спицу. Мурочка очень мучилась, плохо спала, но держалась мужественно, она была очень терпеливой. Представляю, что переживала бабушка, видя страдания своего ребенка. Через четыре месяца гипс сняли, косточки срослись правильно, но девочке нужно было вновь учиться ходить, а кроме того, на ножке, под гипсом образовались очень болезненные фурункулы, было нестерпимо больно, но она терпела, держалась стойко, выполняла все предписания врачей. Фанечка самоотверженно ухаживала за Мурочкой, не отходила от нее ни на шаг, тетя Эсфирь каждый день приходила делать перевязки, привозила на консультации лучших врачей. Все родные помогали, вкладывали и силы и деньги, делая все возможное и невозможное. Зимой Мурочка начала ходить без костылей. Усилия были вознаграждены! Новый, 1924 год праздновали всей большой дружной семьей. Дети, их здоровье и судьба, были главной заботой семьи в это очень непростое, неоднозначное время. Как научить их не сдаваться перед трудностями, чувствовать, где лицемерие и ложь, сохранить здоровье и нормальную психику, видеть хорошее и мечтать о счастье? После зимних каникул Мурочка начала ходить в школу, пока нога была в гипсе, она училась дома. У нее появились подруги и друг – покровитель Гриша Фролов. Мурочка очень хотела «быть как все». Ей сшили школьную форму, такую же, как у большинства девочек в классе – сатиновое синее платье с белым воротничком без кружев, купили коричневые ботинки на шнурках фабрики «Скороход», с собой на завтрак – только черный хлеб с маргарином. Но уж этого Фанечка не могла позволить и тайком мазала на хлеб сливочное масло. Серьезная была девочка, все понимала и боялась выделяться – все должно быть, «как у всех». Бабушка Соня этому не препятствовала, она всегда относилась к детям с пониманием, да и к взрослым тоже. Мурочку приняли в бойскауты, они должны были беспрекословно подчиняться установленным в школе порядкам, хорошо учиться, ходить по улицам строем, салютовать друг другу при встрече. Скауты Страны Советов того времени старались походить на европейских скаутов – спортивных, самостоятельных мальчиков и девочек, умеющих ориентироваться в любом месте при любых условиях, разжечь костер при любой погоде, приготовить еду из того, что найдут в лесу, в поле. Детей торжественно, под барабанный бой, принимали в организацию, они давали клятву, им повязывали галстуки, уроки начинались под звуки горна. Вскоре скаутов называли пионерами и выдали им красные галстуки. \*\*\* Бебочка, моя мама, была полной противоположностью сестры. Она любила наряжаться, кокетничать, капризничать, была веселой, баловницей, пела, танцевала, мечтала стать балериной или актрисой, настроение у нее менялось каждую минуту. И в это время, невыносимо трудное и голодное, время «пролеткульта» вместо правды, моя бабушка, оказавшись в совершенно непривычных условиях новой жизни, нашла в себе силы приспособиться, не паниковать, дать детям хорошее образование. К девочкам приходили учительницы немецкого и французского языка,

преподававшие до революции в гимназиях. Когда моя мама читала наизусть стихи Гейне и французские басни, она всегда называла по именам своих первых учительниц. Девочек учили музыке. Мурочка согласилась учиться при условии: «Чтобы никто не знал. Никому не говорите», видимо по-детски отрекалась от буржуазности. У Бебочки был абсолютный музыкальный слух и ее приняли в школу при музыкальном училище им. Ипполитова-Иванова. Учителем был студент консерватории Аргамаков, он стал известным концертмейстером и профессором Московской консерватории. Он был очень строг, если ученица фальшивила, бил по рукам, такого отношения к себе девочка не могла допустить, вторым учителем стал студент Клячко, известный в будущем профессор консерватории. Уже с ранних лет было видно, что Бебочка очень талантлива и эмоциональна, а память у нее была феноменальная. Она запоминала любой текст – стихи, прозу, статьи из учебников, прочитав один – два раза. Но никакая сила не могла заставить ее сделать то, что она не хотела. \*\*\* Наступила весна 1924 года. Яков написал, что получил гражданство США, высылает жене и детям приглашение и подтверждение финансовой состоятельности, то есть по своим доходам он может содержать семью. По этим документам Соня должна получить загранпаспорт на себя и детей с разрешением ГПУ на выезд к мужу, затем в посольстве США в паспорт поставят визу. Яков писал, что встретит их в Нью-Йорке, скучает, ждет дорогую Сонечку и девочек. Бабушке нужно было получить еще кое-какие бумаги, собрать все необходимое, отъезд планировался на май. Но в апреле приходит на имя бабушки большой конверт с четырьмя черными печатями. Случилось страшное. Злата Вассерман писала, что Яков был у них в день празднования Пасхи, было все хорошо, гости веселились. У Якова было очень хорошее настроение, он говорил о скорой встрече с семьей, поздно вечером они распрощались, договорившись о встрече на следующий день вечером. Этот день назывался 2-ой сейдер. Яков был очень точным человеком, но в назначенное время он не пришел и не позвонил (в США уже были домашние телефоны), на следующий день он тоже не пришел и не дал о себе знать. Вассерманы начали беспокоиться и решили поехать к нему. Дверь квартиры никто не открыл. Вызвали полицию, вскрыли дверь, Яков лежал в своей постели, он был мертв. В свидетельстве о смерти было написано, что смерть наступила в ночь с 21 на 22 марта 1924 года в результате острой сердечной недостаточности, похоронен он на кладбище Berth David. \*\*\* В 32 года Соня осталась вдовой с двумя детьми. Как жить дальше? Ее образование – женская гимназия и незаконченная консерватория по классу вокала. Очень мало для того, чтобы обеспечить семью, Сонечка это хорошо понимала. Эсфирь полностью взяла на себя заботу о семье любимой сестры. Первым делом сняла на лето дачу в Серебряном бору – дети должны быть на воздухе, купила Мурочке путевку в детский санаторий в Анапе. Для всех родных забота о Соне с детьми, их благополучие стало самым главным делом. Они не просто утешали и сочувствовали, они решали все ее проблемы. Гриша был всегда любимым и любящим сыном, братом, дядей, а в то время он старался заменить девочкам отца. Мама рассказывала, как однажды, ей было лет пять, Гриша взял ее за руку и они поехали на трамвае к Мюру (магазин Мюр и Мерлизи, который в 30-е годы стал называться ЦУМ), купили там красно-синий мяч в сетке – самый желанный предмет детей того времени. Май, солнечный день, Бебочка в клетчатом платьице, в беленьких носочках, новеньких туфельках, за руку с добрым и веселым дядей Гришей, идет с мячом, подпрыгивает от счастья. А вот еще мамнины воспоминания из детства. Зима, приехала за девочками тетя Ева, и они поехали в Художественный театр на извозчике, их укутали пологом, тепло, уютно, снег идет. Приехали в театр, первым делом – в буфет, там чай с пирожными, сельтерская вода, вафли «микадо» (это треугольные хрустящие вафли с прослойкой из меда). Из буфета – в зрительный зал, а там чудо – спектакль «Синяя птица». В театр девочек водили часто. Эсфирь, Соня и Ева очень любили театр, концерты. Они часто бывали в Художественном и в Малом театрах, обожали оперу и балет. Эсфирь лечила многих артистов Большого театра, дружила с ними. Очень часто они приносили контрамарки в ложу и девочки с мамой или тетушками отправлялись слушать Собинова, Обухову, Пирогова, Козловского, Лемешева. Бебочка обожала балет, особенно «Лебединое озеро» и «Спящую Красавицу». Готовились заранее: во-первых, вели себя примерно – праздник нужно заслужить, надевали нарядные платья с кружевными воротничками, завязывали банты, туфельки брали с собой, в специальном мешочке для обуви, заботливо сшитом Фанечкой. У каждой девочки была театральная сумочка, в ней театральные бинокль, носовой платочек, туда же клали номерок, обязательно покупали программки. Иногда и Фаня ходила с девочками в театр, но оперу и балет она не любила, говорила: «Ходят, чего-то поют, ноги задирают, не интересно». А «Синяя птица» и «Смерть царя Федора» ей нравились. Девочки были прехорошенькими, и Фанечка очень заботилась о том, чтобы они были красиво одеты и хорошо выглядели, сама шила и из старого перешивала для них платья. У меня есть фотография Муры и Бебы тех лет с Фанечкой. Сколько любви и заботы она отдала им, она хотела, чтобы у них было все, о чем она мечтала сидя на печке, когда была маленькой. Но и девочкам выпало не безоблачное детство. Ох, какое не простое было время! Фанечке очень хотелось поехать в Америку с Соней и детьми, но она не знала, как все сложится и волновалась. Волнения были напрасны, баба Фаня вспоминала, как

хорошо ее приняли, все родные относились к ней с уважением, Эсфирь говорила ей «Вы» и предлагала жить у нее после отъезда Сони и детей в Америку. Яков мог прислать приглашение Фане только после приезда жены. Фанечка была членом семьи, самым родным и любимым человеком. Однажды она уехала к своей маме в Белоруссию, познакомилась с женихом, дело шло к свадьбе. Но Бебочка написала, что скучает и без любимой Фанечки жить не может. Фанечка бросила жениха и приехала, она обожала девочек, особенно Бебочку, просто растворялась в любви к ней. Фанечка была для моей мамы всем – жизнью. Вернусь к тому тяжелейшему для нашей семьи времени. Бабушка получила похоронное письмо. Конечно же, в Америку она не поехала – ее там никто не ждал. В то время много было людей озлобленных на нищенское существование, неустроенность, разочарованных и настроенных на радикальные действия. Интеллигенция выражала недовольствие и ей была объявлена война. Советы и комитеты боялись, что интеллигенция отодвинет их от власти. Создавались новые партии – троцкистов, бундовцев и т.д. Объявленный в 1921 году НЭП после смерти Ленина в январе 1924 года уже терял свои позиции, но предпринимателей еще считали членами социалистического общества, наряду с рабочими, крестьянами и служащими. Однако, было ясно, чтобы быть гражданином страны Советов, надо где-то работать, иметь трудовую книжку и стать членом профсоюза. Вспоминается известная фраза Ильфа и Петрова «Пиво отпускается только членам профсоюза». Сонечку Господь одарил красотой, прекрасной фигурой, замечательным голосом, математическими способностями, ясным, практическим умом. Кроме того, она прекрасно шила, придумывала фасоны, сама делала выкройки, сейчас бы ее назвали модельером – дизайнером. Она вязала на спицах и крючком изумительные кофточки, платья, шапочки. Обладая художественным вкусом, она очень красиво подбирала сочетания цветов и рисунки изделий. А как аккуратно она все делала! Я сохранила несколько вещей, связанных бабушкой на тонких спицах – петельки ровные-ровные, ни одного пропуска, можно подумать, что связано на машине. Бабушка любила все точно измерять, кроила без отходов, швы, как будто линейкой проведены. Бабушкин принцип работы: «Семь раз измерь, один раз отрежь». Итак, думали-думали и решили, что Сонечке нужно вступить в профсоюз швейников. Эсфирь, среди своих многочисленных знакомых нашла руководителя артели по изготовлению и сбыту шелковых вязаных галстуков и шапочек, такие вещи были в то время модны. Соне купили вязальную машину и разноцветные шелковые нитки. Работа пошла успешно, на галстуки и шапочки, связанные Софьей Борисовной был большой спрос. Изделия получались красивыми, нарядными, она несколько раз ездила в Ленинград с партией изделий, выполненных по спецзаказу. Совсем недавно, в августе 2009 года я была на выставке модной женской одежды 20-30-х годов из коллекции Александра Васильева. На головах нескольких манекенов были маленькие вязаные шапочки из разноцветных шелковых нитей. Может быть, они связаны моей бабушкой? Я помню, в далеком детстве, бабушка доставала из мешочка свои изделия, показывала мне и рассказывала о том времени, называя себя «кустарь-одиночка по вязальному делу». Жаль, что шапочки и галстуки не сохранились. Но сохранился документ, выданный бабушке в 1927 году - «Патент на личное промысловое занятие. Б.Каменщики дом 12 квартира 2. Наименование промысла – вязальщица на дому». Фанечка тоже освоила это дело и работала, причем вязала она очень быстро и иногда допускала брак. Соня тщательно проверяла ее работу, если надо было, поднимала петли специальным крючком. Фанечку приняли в профсоюз, она получила звание рабочей – надомницы, то есть почти пролетарское происхождение, что было необходимо, так как граждан нашей страны ждало новое испытание – паспортизация. Итак, приехав их Белоруссии, Соня с семьей жила в коммунальной квартире на улице Большие Каменщики. Соседей было много. С некоторыми из них я была знакома, они приходили к нам просто в гости или с какими-то просьбами, их встречали, как любимых родственников, о некоторых я знала по рассказам. К семье Костиковых было особое расположение. Ефрем приехал в 1922 году в Москву из Тулы, учился на рабфаке, затем стал студентом Высшего технического училища (теперь МВТУ им. Баумана), окончил его, женился на Оле – девушке из рабочей семьи. В 1926 году у них родился сын Лев. Он был самым младшим в квартире, и всем детям хотелось с ним поныничать Оля (ей было 19 лет), устанавливала очередь. Бебочке она доверяла сына с большим удовольствием, чем другим, зная, что Фанечка зорко следит за детьми и младенца не оставит – накормит и успокоит. Больше всего на свете Оля любила романы, читала их самозабвенно, днем и ночью. Всю жизнь она проработала в районной библиотеке. Я помню ее очень бойкой и разговорчивой седовласой старушкой с голубыми наивными глазами. Ефрем увлекался техникой и политикой. Он был троцкист, и у него часто собирались друзья – единомышленники. Возможно, сына он называл в честь Льва Троцкого. Когда начался процесс по разоблачению троцкистско-зиновьевского блока, Ефрем срочно уехал куда-то далеко, и моя бабушка ночью помогла Ольге сжечь в печи все, так называемые компрометирующие документы. Рано утром сотрудники ГПУ приехали с обыском, но ничего не нашли и никто из соседей «не настучал!». Ефрему чудом удалось избежать ареста. Вернувшись в Москву он вступил в партию большевиков ВКП (б), защитил диссертацию, стал доцентом, до

конца жизни тихо работал в МВТУ. Умер он перед началом Великой отечественной войны. Отношения с Лево́й Кости́ковым были особенно теплые, родственные. Несколько лет подряд, с 1967 года, его семья проводила лето у нас на даче в Болшеве. Каждое воскресенье собиралась компания играть в преферанс, играли до вечера. Бабушка, конечно, выигрывала. После преферанса обязательно устраивали ужин. Вспоминали соседей, разные истории. Лева называл бабушку Соню «Софи Лорен, но прекраснее», вставал перед ней на колени, целовал руки, благодарил за все и просил спеть романс «Не пробуждай воспоминанья». Бабушка пела, мама подпевала, было очень здорово! Лев Ефремович, как и его отец, окончил МВТУ им. Баумана вступил в ряды КПСС, защитил диссертацию, стал доцентом на кафедре теплопередачи, потом профессором, несколько лет работал в Париже, потом в Женеве по линии ЮНЕСКО. Мама и Лева по первому зову приходили друг другу на помощь, при этом говорили: «Есть дворовое братство!». В 90-е годы он купил дом недалеко от нашей дачи, летом мы часто встречались. Умер он в 1999 году. Еще были соседи Семеновы. Моя мама дружила с девочкой Симой. Я хорошо ее помню – высокая, полная с бархатым голосом. Она стала врачом – акушером – гинекологом. В 1981 году, когда я была беременна, я пришла к ней на консультацию в ЦНИИАГ. Она приняла меня как родную, самую близкую и тоже говорила о дворовом братстве. С мамой они не виделись лет 40. Ее папа работал на каком-то заводе, а до 1917 года был жандармом в Тамбове, конечно, он это скрывал и в анкете писал «рабочий». Все соседи это знали, но никто на него не донес. В этой же квартире жила семья инженера Бендерова, он был нэпман, его жена очень гордилась высоким положением мужа и ни с кем из соседей не общалась. У них были две дочки. Когда НЭП кончился, у нэпманов все реквизировали, то есть отбирали не только предприятия, магазины, рестораны, но и домашние вещи. Комнаты в квартире были смежно – изолированными, то есть имели две двери, одна выходила в коридор, другая – соседнюю комнату. Как правило, в коммуналках у межкомнатных дверей ставили шкаф, буфет или тяжелый диван. Так вот, ночью звонят в квартиру, всем понятно, что пришли к Бендеровым реквизировать вещи. Идут люди в штатском по коридору, а в межкомнатную дверь Кости́ковых кто-то тихонько стучит. Ефрем и Оля сразу поняли – это соседи Бендеровы. Кости́ковы быстро отодвинули буфет и в их комнату въехали чемоданы, пианино, ковры, пальто, вазы. Быстро, оперативно, без слов все приняли, дверь закрыли, буфет поставили на место. Отбирать уже нечего. Нэпмана Бендерова не арестовали. На следующий день устроили общее застолье и Бендеровых приняли в дружную семью коммуналки. Вскоре после этого жильцы квартиры, вместе со всеми гражданами Страны Советов подверглись новому испытанию – паспортизации. В январе 1924 года была принята новая Конституция, с Декларацией об образовании СССР и установлением единого гражданства. Новое название страны – новые паспорта, новые «чистки», призванные сохранить идейную чистоту граждан СССР. \*\*\* В наследство от революции или от царского режима, что практически одно и то же, Москве, как и всей России, досталось много беспризорных детей, нищих, обездоленных и несчастных людей. В районы Хитровки, Преображенки, Сухаревки, Ильинки и других, где были рынки, даже днем было опасно ходить, вырывали сумочки, срывали пальто, шапки. У Зи́ны сре́дь бела́ дня разрезали бритвой сзади котиковую шубку, вырезали кусок меха, она и не заметила, как спину оголили до панталон. Ловко и нахально орудовали карманники, они были повсюду: в магазинах, в очередях, в трамваях, а о бандитских нападениях легенды ходили. Это прекрасно описано многими писателями: Шейниным, Вайнерами, Ардаматским и другими. Даже если только 20% правды написано, все равно достаточно, чтобы представить, как и что было. В Москве есть музей МУР'а, устроен он так: стеклянные витрины, как в магазинах, в них фотографии преступников, орудия их преступления, описание содеянного. Например, витрина, посвященная известному фальшивомонетчику: воспроизведена комната- кабинет, где он работал, стоит его станок для печатания банкнот, тут же краски, клише и фотография преступника за работой. Есть в музее и корыто Комарова – кровавого убийцы, витрины людоедов. Много криминального было и, к сожалению, есть, но жизнь продолжается! Объяснялось, что цель паспортизации выявить иждивенцев, социально-подозрительных граждан, не вписывающихся в новую жизнь. Похоже на борьбу с туеядством, не правда ли? Советская власть не прощала и непролетарского происхождения. Заполнялась анкета. Спокойны были те, кто писал – крестьянское происхождение или из рабочих, хуже – из служащих. Кстати, 5-го пункта – «национальность» в анкетах паспортизации и паспортах того времени не было, он появился в паспортах нового образца в 1932 году. Инженеры и прочие техники, ученые, юристы, артисты считались интеллигенцией, то есть классом не прямо вражеским, но неблагонадежным. Паспортизации очень боялись. Бабушка Соня работала тогда плановиком – экономистом и написала в графе происхождение «служащая», Фаина числилась рабочей – надомницей. Слава Богу! Все взрослое население квартиры, в том числе и бывший жандарм Семенов, получило паспорта. Устроили грандиозный праздник. Накрыли во дворе столы. Несли все самое лучшее и вкусное: пироги с капустой и мясом, голубцы, селедочку «иваси», яблоки, соленые огурцы, маринованные грибы, варенье и, конечно, самогон. Пир на весь мир! Дети тоже сидели за столом. Семенов наливал детям бражку,

а взрослым самогон, водку и наливочку. Пели Интернационал, Марсельезу: «отречемся от старого мира, отряхнем его прах с наших ног». Софья Борисовна запевала громко, своим чистым голосом, лирико-драматическим сопрано, дворовый хор подпевал. Веселились от души. К концу праздника детей, в том числе и маленькую Бебочку, вытащили из-под стола – наклюкалась бражки и уснула. Бабушка Соня переживала: «Семенов - говорит, - зачем Вы это сделали, детей напоили?», а он ответил: «Ничего, Софья Борисовна, пусть привыкают к новой жизни!» К «новой жизни» пришлось привыкать всем. \*\*\* В конце 50-х годов мы с мамой иногда ходили гулять в Б.Каменщики. В то время еще стоял дом книгоиздателя Каткова, где они жили, но знакомых среди жильцов не было. Все деревья вырубili, видимо, сожгли в печах во время войны. На месте фонтана – груда мусора. В 90-е годы я хотела показать дом моей дочке Леночке, но не могла его найти. Все снесли вместе с остатками Таганской тюрьмы. Мама показывала мне дом, где жил Маяковский с Лилей и Осипом Брик в Гендриковом переулке. У Маяковского были две машины, мама даже помнила их номера, въезжая в переулок, он притормаживал, ребятишки кричали: «Дядя, прокати!», - набивалась полная машина малышни, он всех катал. Мама часто видела Маяковского: высокий, красивый, он гулял со своей собакой, раздавал конфеты в фантиках, что особенно ценилось, так как семьям многих детей это было не по карману. Он улыбался ребятам, но никогда с ними не разговаривал. Вообще мы мало знаем Маяковского, хотя сейчас много разного написано о нем. Сложной была жизнь поэта, вынужденного воспевать торжествующее насилие и ложь, угадывать желания властей и ненавидеть то, что писал. А один раз я видела его музу Лилию Брик. Совсем недавно я прочла, как он попал в ловушку и все написанное посвящал ей, которая была сексотом (секретным сотрудником ГПУ и НКВД), и «чемпионкой среди ведьм» (по выражению поэта Вознесенского). В начале 60-х годов, мы уже жили на Сухаревской, мама заказала себе норковую шляпу у известной в Москве шляпницы Блюмы Марковны, она жила в нашем же доме в седьмом подъезде. Я пошла с мамой, заходим, мама примеряет свою шляпу и видит на вешалке очень красивое норковое мантио. «Какая красота, чье оно?» - спрашивает мама Блюму Марковну. Та отвечает: «Это мантио Лилии Брик, его прислала из Парижа ее сестра Эльза Триоле, я его немножко переделала. Лилия моя давняя заказчица, она сейчас придет». У мамы глаза загорелись: «Блюма, я Вас умоляю, я в далеком детстве жила рядом с домом Бриков, где жил и Маяковский, я гладила его собаку, помню Лилию Брик, знаю, что известный французский поэт Луи Арагон – муж Эльзы, я хочу увидеть сейчас легендарную женщину и музу Маяковского». Звонок в дверь. Блюма Марковна говорит: «Конечно, я вас познакомлю, иду открывать». В квартиру вошла маленькая худенькая женщина. Мне было 15 лет, и она показалась мне старушкой. Очень ухоженная, из-под шляпы были видны крашенные рыжие волосы. Лицо было невыразительным и малоподвижным, брови очень тонко очерчены. На лице выделялись глаза – большие, неопределенного цвета и ярко напыленные губы. Блюма Марковна нас представила, Лилия поздоровалась, никакого интереса не проявила, но мама была очень довольна. Еще бы, Лилия Брик, история! Воспоминания детства всегда греют душу. \*\*\* К концу 20-х годов НЭП закончился. Коллективизация принесла голод, болезни. Страшный голод в Поволжье, на Украине, по всей стране. Люди умирали. Артель по производству галстуков и шапочек прикрыли. Соня лишилась работы. Что делать? Надо работать на производстве, иметь трудовую книжку и быть членом профсоюза, иначе вышлют из Москвы за 101-й километр без права вернуться, лишат жилплощади. Где и как искать работу на производстве? Ева, самая младшая из сестер, и Соня пошли на биржу труда, зарегистрироваться, как безработные. Им предложили работу нормировщиков на обувной фабрике «Парижская коммуна». Очень скоро Соня сделала несколько рацпредложений и ее, как перспективную работницу, направили на курсы экономистов – плановиков. Закончив их в 1929 году с отличием, она устроилась на работу в планово-экономический отдел ЦУМ'а. Говорят, талантливый человек, во всем талантлив, и это так. Бабушка быстро продвинулась по служебной лестнице, стала начальником планового отдела ЦУМ'а. Ее очень уважали и ценили, ежеквартально премировали, выносили благодарности, выделяли путевки в санатории, причем все это с занесением в трудовую книжку. Я храню эту реликвию. Бабушка Соня умела и любила работать и дружить, никогда не паниковала, не отчаивалась, всегда спокойно искала выход из ситуации и находила. «Всегда можно найти выход из положения, нужно спокойно подумать» и «Верь в успех дела, не унывай, не опускай крылья, и все будет хорошо» - эти слова бабушка часто повторяла. \*\*\* Моя бабушка Софья Борисовна была красива, умна, прекрасно пела, была душой любой компании, ее окружали поклонники, делали ей предложения, но замуж она не вышла. Сравнивала мужчин с любимым Яковом, не хотела, чтобы у девочек был отчим. Бабушка очень хотела узнать подробности смерти дедушки. Однажды ей приснился сон – Яков прислал за ней белый пароход, они должны встретиться и он расскажет ей обо всем, но вдруг, бабушку кто-то разбудил. Сон больше не повторялся. Мне очень хотелось поклониться могиле дедушки от всей семьи, но Америка была для нас недостижимой – другой планетой. Но началась перестройка, наступил 1991 год. Мой двоюродный брат, Борис Уриновский, сын Мурочки, к тому времени уже кандидат технических наук, доцент института гражданской авиации,

специалист по эксплуатации самолетов КБ им. Ильюшина, автор многих книг по авиации, соавтор сценария к кинофильму «Экипаж», занялся бизнесом и организовал мне поездку в США. Предполагалось, что я запатентую там одно из моих авторских свидетельств по хранению овощей и фруктов. Так, благодаря Боре, в декабре 1991 года, под католическое рождество, я прилетела в Нью-Йорк. Что я чувствовала, когда из иллюминатора ТУ-114, я увидела ту самую Статую Свободы, которую увидел в 1923 году мой дедушка, подплывая к ней на пароходе с Атлантики? Передать это трудно, у меня текли слезы. Завершив свои дела в Нью-Йорке, я отправилась в Бостон. Был конец января 1992 года. Мои чудесные, заботливые друзья Сусанна и Фред, к которым я свалилась, «как снег на голову» под рождество, снабдили меня в дорогу сэндвичами, йогуртами и напитками, испекли специально для меня Carrot cake, проводили на автостанцию. Я ехала в удобном автобусе компании Grey Haund (она существует лет 100). Ем вкусности, любуюсь пейзажем. Автодорога проходила через горы. Температура была минусовая, и горные трещины, заполненные водой, замерзли. Казалось, это бежали горные ручейки, но чего-то испугались и остановились. Как приятно ехать по хорошим дорогам! Американские дороги прекрасны! Везде указатели, дорожные знаки, сообщения о том, что ждет впереди, с какой скоростью лучше ехать, все светится, класс! Думаю, вот бы нам, в Россию, такие дороги! Неожиданно, автобус сворачивает на более узкую дорогу. Читаю – дорога Сикорского. Я встретила с Сергеем Игоревичем Сикорским по поручению Бориса и его друга, очень милого и внимательного Александра Сереброва – знаменитого лётчика-космонавта, совершившего четыре полета в космос. А.А.Серебров сказал мне, что мистер Сикорский – владелец крупной фирмы, сын знаменитого летчика, изобретателя и конструктора первого вертолета. Я обещала передать папку с документами по назначению. Звоню, оставляю сообщение на английском. Мистер Сикорский мне перезвонил и на чистейшем русском языке предложил встретиться в Нью-Йорке в ресторане Red Russian Room на 5-ой Авеню. Ресторан шикарный, вхожу, про себя думаю, хорошо, что Сусанна слышала наш разговор и подсказала мне, как одеться нужно на эту встречу. От Сусанны я узнала, что мистер Сикорский – уважаемый и известный человек, миллионер, живет в штате Нью-Хавен, где находятся принадлежащие ему заводы по производству вертолетов. Мэтр встретил меня, со словами «Вас ждет мистер Сикорский», проводил к столику. Я с трудом скрыла удивление – из-за стола поднялся, ну просто коломенский или тверской мужичок небольшого роста, в скромном, черном костюме, белой рубашке с не модным тогда узким галстуком. Мне казалось, что настоящий миллионер, должен выглядеть не так. Я готовилась увидеть «мистера Твистера». Он заказал «русский обед». Официанты, американские двухметровые парни в русских красных рубахах-косоворотках, подпоясанные, в лакированных сапогах, принесли закуску – черную икру, семгу, а затем щи. Что такое щи в лучшем нью-йоркском ресторане – это холодное, вязкое варево с картошкой, капустой и сметаной, на второе – бефстроганов, тоже почти холодное. Сергей Игоревич объяснил, что принято подавать все блюда не горячими, так как при такой-то температуре по Фаренгейту или 60 градусов по Цельсию начинается развитие и рост бактерий. Многие американские врачи считают, что при ангине нужно пить холодную воду. Разговаривать с мистером Сикорским было очень легко и приятно. Все в ресторане было красного цвета, и скатерти, и салфетки, и стены. На стенах висело много картин русских художников начала XX века. Я не большой специалист в живописи, но сразу узнала М.Шагала, Б.Григорьева, Н.Рериха, картины футуриста Д.Бурлюка, русских авангардистов, а также картины передвижников (не зря я частенько бывала в Третьяковке с мамой, а потом с дочкой). Спрашиваю, откуда в ресторане столько картин, копии это или подлинники? Сикорский ответил, что, в основном, подлинники, но копии старинных картин сделаны хорошими мастерами. Художники, приехавшие из Советской России, не имели никаких средств и за обед расплачивались своими картинами. У многих эмигрантов тоже денег не было, поэтому они платили за еду привезенными с собой фамильными драгоценностями и картинами. Хозяин ресторана, имевшего тогда другое название, видимо, хорошо относился к русским и любил искусство. Часть картин он оставил в ресторане, некоторые продал и дал своему заведению новое название «Красная русская комната», включил в меню русские блюда. Рядом с рестораном «Карнеги Холл» – лучший концертный зал Нью-Йорка. Когда Сергей Игоревич маленьким мальчиком приехал с родителями в Нью-Йорк из Парижа, они часто обедали в этом ресторане, а после обеда шли на концерт в «Карнеги Холл» слушать Рахманинова, с которым был дружен его отец. И вот я еду по дороге Сикорского, через город Сикорского, где находятся его производства вертолетов, основанные в том самом 1924 году. Я еду в Бостон, поклониться через 67 лет своему дедушке, которого я никогда не видела. На автовокзале меня встретила моя знакомая Ната Валецкая, с которой мы подружились в МХТИ им. Менделеева, где я училась в аспирантуре и защитила кандидатскую диссертацию. На следующий день мы поехали на метро (Subway) в центр Бостона. По карте я нашла и Main Street, где жил дедушка и Berth David Cemetery, где он был похоронен. Мой друг Фред уехал в США в начале 90-х годов и женился на Сусанне. Они, до отъезда Сусанны, работали вместе, полюбили друг друга, но обстоятельства сложились так, что Сусанна с маленькой дочкой Бригитой, мужем и его родителями



эмигрировали в США в начале 80-х. Поддерживать отношения, и даже переписываться в то время было невозможно. Уезжали навсегда! Но она не переставала любить и мечтать, через случайные каналы узнавали о жизни друг друга. Но вот наступила перестройка, и Фред получил от Сусанны письмо с приглашением приехать. Мы все его поддержали – конечно же, ехать! Шел 1988 год, железный занавес открывался потихоньку. Фред пришел прощаться и в этот вечер мы рассказали ему историю отъезда дедушки. Никаких документов и писем у нас не осталось. В 1937 году или в послевоенные годы, я не знаю когда, бабушка, боясь репрессий и ареста, сожгла все. Очень многие пострадали даже из-за переписки, намек на какие-то связи с другими странами. Фред был очень добрым, отзывчивым, остроумным, в нашей семье он был родным человеком. Мой муж Аркадий, даже слегка ревновал его к нашей дочке, Леночка называла его двоюродным папой. Так вот, Фред сказал: «Найдем могилу дедушки, подтвердим его гражданство, значит и Софья Борисовна и Ирина (второе имя моей мамы) Яковлевна – граждане США. Все будем жить в Америке!» Через несколько месяцев получаем письмо Фреда из Нью-Йорка. Бригита, дочка Сусанны, написала письмо-запрос в Сити-Холл Бостона и получила в ответ свидетельство о смерти дедушки Якова, где было указано, когда он умер, год, месяц, число, в результате какого заболевания, по какому адресу жил, на каком кладбище похоронен. Благодаря этому, я и нашла на карте Бостона и улицу Main Street и кладбище Berth David. По этому адресу стоял не очень большой дом, двухэтажный, с гаражом, с двумя входами. Я обошла его кругом, сфотографировала. Рядом с домом – здание суда и автозаправка. У хозяина заправки, пожилого человека в синем комбинезоне, я спросила, давно ли стоит дом, сказала, что из России и ищу квартиру деда. Он пригласил меня и мою знакомую выпить по чашечке кофе, на улице было довольно холодно, и ответил, что этому дому лет 50, а дом, который стоял на его месте и имел тот же номер, сломали, когда расширяли дорогу. Мы его поблагодарили и отправились на железнодорожный вокзал, чтобы доехать до станции, где находится кладбище. Приехали, добрались до кладбища, нашли смотрителя, он что-то сосредоточенно мастерил. Было понятно, что мы отвлекли его от серьезного дела. Я коротко рассказала ему свою историю, показала свидетельство о смерти дедушки. Смотритель выслушал меня с сочувствием и пониманием и сказал, что Berth David Cemetery находится в 30 минутах отсюда. Американцы, на вопрос о расстоянии, отвечают не сколько миль, а сколько минут нужно ехать. К тому времени, я уже месяц находилась в США и начала привыкать к доброжелательности и дружественному отношению американцев. К хорошему быстро привыкают. Но когда совершенно незнакомый человек – смотритель кладбища, предлагает подвести, так как мы не на автомобиле, а на улице холодно и автобус будет через два часа, становится очень приятно и хочется жить в этом мире. Я поблагодарила его и все - таки предложила деньги, но он сказал: «Вы столько лет помнили о дедушке, с которым не были знакомы, хотели приехать и не могли, летели через океан много часов, чтобы увидеть его могилу, я хочу выразить свое уважение и помочь». По дороге мы заехали к смотрителю Berth David Cemetery, наш провожатый попросил еще раз рассказать мою историю, его коллега взял регистрационные книги за 1924 год (все хранилось в идеальном порядке), нашел имя дедушки, затем спросил, нужно ли нам его сопровождение. Мы ответили: «Да, конечно, спасибо». Мы пересели в его автомобиль и минут через 15-20 приехали. Огромная территория кладбища была разделена на участки по вероисповеданию захороненных и годам их захоронений (за 2 – 3 года). Например, иудейский участок, захоронения с 1923 по 1926 годы или православный участок, захоронения с 1923 по 1925 годы, также мусульманский, были там и участки без указания вероисповеданий, но с указанием времени, этот порядок не менялся никогда. На кованых чугунных воротах были изображены символы вероисповеданий, и годы. Мы нашли свой участок, я открыла калитку, день был морозный и солнечный, желтые листья на земле хрустели. Могил было много, они все были одинаковые, одного размера, из черного и серого мрамора и стояли на равном расстоянии друг от друга. Слезы текли, мешали искать, но ничего не могла с собой сделать. Я искала, смотритель и моя знакомая тоже, осмотрели все, уже начало темнеть, но могилу дедушки я найти не могу. Смотритель высказал предположение, что на могиле, видимо, поставили не памятник, а камень. Вдалеке, у стены я увидела много серо-белых бесформенных камней, больших и маленьких, они лежали рядами, друг за другом, на некоторых из них были видны номера. А некоторые, просто лежали на земле, без номеров. Время, ветер и солнце их не пощадили, стерли все. Под одним из этих камней и лежит мой дедушка Яков Палей. Я взяла с кладбища горсть земли, привезла в Москву. На Донском кладбище, где похоронены все мои близкие, урна с этой землей и урна с прахом любимой жены Якова Сони стоят рядом. Это будет всегда. Вот так я поклонилась могиле дедушки. Такова жизнь. \*\*\* Но вернусь в Москву конца 20-х начала 30-х годов. Как жила моя семья, что происходило с моими близкими, родными в те годы, которым в учебниках истории начала 90-х годов дано определение – установление тоталитарного режима. Там же и объясняется, что появление такого государственного строя, связано с переходом от аграрного общества к индустриальному обществу, и что при этом меняется все – политика, экономика, культура, психология, образ жизни и мышления. В этих же учебниках

объясняется, что в условиях тоталитарного режима основным средством контроля над обществом являются репрессии. В 1925 году был провозглашен курс на индустриализацию. От экономики требовались огромные капиталовложения. Где их взять? Голод, болезни, забастовки рабочих, восстания крестьян, говорили о том, что страна переживает глубокий экономический и социальный кризис. Рабочие выступали за демократическую политику в стране, требовали отмены спецраспределителей, пайков и привилегий для большевистской элиты. Комиссары, рвались к власти и хотели иметь все, как у «проклятых буржуев». В 1928 году был принят план первой пятилетки с главной задачей – «Превратить страну из аграрной в индустриальную». И основной проблемой стал поиск средств для его выполнения. Западные страны кредит не давали. Россия экспортировала на Запад зерно, пшеницу, лес, уголь, руду, нефть, металлы, золото, антикварные предметы искусства из музеев, драгоценности, картины из Эрмитажа, Русского музея. Много бесценных вещей разворовали «честные коммунисты» - сборщики. На полученную валюту закупали машины, оборудование, технику, строили заводы – гиганты: Магнитогорский металлургический комбинат, Харьковский и Сталинградский тракторные заводы, Уралмаш, автозаводы - Нижегородский ГАЗ, Московский ЗИЛ и другие. Немало средств государство получало от займов. Все рабочие и служащие обязаны были покупать гособлигации «по разнарядке» в день зарплаты. Регулярно они отдавали займы государству свой 2-3-х недельный заработок, иначе деньги в кассе не выдадут, заклеят позором на собрании партячейки, объявят выговор, а могли и уволить. Я была как-то на «Блошином рынке» в ТК «Тишинка» там продавался плакат тех лет - «Мы с радостью отдаем свои сбережения!». В газетах периодически печатали таблицы выигрышей, счастливицы иногда что-то выигрывали. Облигациям придали значительный вид, они были довольно большого размера (25х15см), из плотной цветной бумаги с водяными знаками. Облигаций у людей скопилось много, никто не верил, что советское государство выполнит свои обязательства, но выбросить было жалко и в послевоенные годы ими оклеивали стены туалетов и использовали вместо газет при ремонте квартир. На индустриализацию также шли деньги, полученные от продажи водки «Рыковки», названной в честь председателя СНК А.И.Рыкова. Он проявил к народу «уважение, понимание и любовь». Во-первых, предложил увеличить производство водки и сделать этот продукт социального потребления 30-градусным, а не 40 (по Менделееву). Во-вторых - добавить соду, уксусную кислоту, за счет ухудшения качества снизить цену до рубля с полтиной за один литр и продавать ее в 2,5-х - литровых бутылках (четвертях), а не 0,5 или 1-литровых. Хитрили – мудрили большевики, знали, что «На Руси бытие есть питье» и «Дали вина, так и стал без ума». Но валюты не хватало, и коммунисты придумали коллективизацию, чтобы подчинить крестьян государству и заставить их отдавать хлеб по низким ценам. Никто из моих близких не занимался сельским хозяйством, но жизнь крестьян тех лет я, послевоенный ребенок, представляла по рассказам Петра Ивановича Егорова, дяди Пети. В середине 50-х он частенько навещал своего родного брата – нашего соседа по коммунальной квартире в Таганке Николая Ивановича Егорова, дядю Колю, рабочего Курской железной дороги, отца пятерых детей. Дядя Петя жил под Угличем, в деревне Криушино. Приезжал он ранним утром, звонил три звонка Егоровым и сразу объявлял, что прибыл на «речном трамвайчике» (так называли небольшие пароходы), что это дольше, чем поездом, но лучше и дешевле. Он привозил на продажу сметану и творог в больших бидонах, корзину с яйцами, куски сала, завернутые в холщевые тряпочки. Одет он был всегда одинаково: ватник, под ним серо-белая рубашка с маленьким воротником, застегнутая на все пуговицы, ватные штаны, валенки с галошами, на голове старая солдатская шапка или засаленная кепка с маленьким козырьком, «повидавшая виды». Спал он в ванной комнате, прямо в ванне, на одеяле. Борода у него была ярко рыжая, а седоватый чубчик он тщательно приглаживал, чтобы, как требовал деревенский шик, закрыть лоб наискосок. Его нос напоминал картофелину сложной формы и носил следы драк и разборок. С рынка дядя Петя возвращался, как правило, в хорошем настроении. Пообедав, он выходил на кухню, садился на табуретку спиной к окну, клал ногу на ногу, доставал из кармана ватных штанов ровно нарезанные куски газеты, кистет с самосадом и скручивал «козью ножку». Как мастерски он слюнявил, склевал, как ловко заправлял газетную трубочку своими огромными корявыми пальцами, загляденье! Из-под рыжих бровей смотрели маленькие, хитрющие, серо-зеленые глазки, на лице играла лукавая улыбка. Баба Фаня не любила общество дяди Пети – «Всю квартиру табачищем и потом провонял, ни на кухню, ни в ванную войти нельзя», но творог, сметану и яйца у него покупала и хвалила. Как я сейчас понимаю, он любил рассказывать и ждал на кухне слушателей. Как-то выхожу на кухню вечером (было мне лет пять), а на широком треснувшем мраморном подоконнике, на красной тряпочке сидит мышонок и умывается, я замерла, а дядя Петя говорит – «Пусть послушает, а я тебе о Криушине расскажу, о том, как в Угличе царевича Дмитрия убили слуги Бориса Годунова». Дядя Петя излагал эту историю, как очевидец, и она потрясла мое детское воображение. В нем был какой-то огонек, обаяние, моя бабушка иногда беседовала с дядей Петей, он этим гордился и говорил дяде Коле – «Мы тут с Софьей Борисовной о жизни разговаривали...», видимо, этим он придавал особую

значительность своим речам. А однажды мы поехали в Криушино, в гости к дяде Пете и его жене тете Кате. Нас встречали с почетом, от вокзала было недалеко, но везли нас на телеге, застеленной матрасом с подушками, лошадка шла медленно, дядя Петя правил лошадкой и представлял нас всем, кого мы встречали - «Это мои знакомые из Москвы». Нам, детям, в Криушине нравилось, но городских детей в деревне всегда подстерегают неприятности. Моего двоюродного брата Борю невзлюбил большущий гусь, он преследовал мальчика, не давал пройти через двор и, в конце концов, сорвал с него трусы и уцепился ниже спины. Моя двоюродная сестра Ира чуть не утонула в пруду. Деревенская жизнь с парным молоком, медом, яйцами прямо из-под кур, жуками, мухами, мошками и мне на пользу не пошла, я заболела дизентерией. Но все равно, детские воспоминания греют душу. Семья Егоровых в Криушине до коллективизации была достаточно большая. Три поколения жили под одной крышей в просторной избе. И хозяйство было немалое – коровы с телятами, три лошади для работы в поле, козы, куры, гуси, огород. Сами ткали, вязали, шили. Помню, когда мы были у них в гостях, тетя Катя показывала мне свой ткацкий станок и прялку. Работы по хозяйству было много, никто даром хлеб не ел, все трудились с утра до вечера, и конечно, хотели продать то, что вырастили, а не отдать все «за просто так» государству. Но к крестьянам применили статью 107 УК РСФСР о спекуляции и конфискации имущества. На проведение коллективизации мобилизовали 25 тысяч партийных и комсомольских активистов (их называли «двадцатипяти тысячниками»), а также местных начальников, сотрудников ОГПУ. Дядя Петя рассказывал, что продотряд коммунистов выгреб из сусеков и увез все до последнего зернышка. Они обыскивали крестьянские дома, конфисковывали имущество, инвентарь, зерно, хлеб, муку, живность, зерно для посева. Под лозунгом «Дашь раскулачивание!», из крестьянских домов выносили все, людей выбрасывали на улицу, снимали одежду и обувь даже с детей. Учета никакого не было, все это было похоже на ночной грабеж. Средний брат, Николай, дядя Коля быстро «смекнул», как выжить – отсекся от семьи, вступил в комсомол, в 1933 году пришел в сельсовет, сказал, что хочет пойти на «рабфак» учиться на железнодорожника, получил паспорт и подался в Москву. Учиться он не стал, устроился работать на Курский вокзал обходчиком вагонов, вступил в партячейку, женился. Петр на брата не обижался и не судил – «Рыба ищет, где глубже, а человек, где лучше». Старший брат Павел боролся за свое добро, спастись ему и его семье не удалось, его признали кулаком, угнали в Сибирь, там они все и погибли. Никто не считал, сколько крестьянских семей в неотапливаемых товарных вагонах для скота и обозах вывозили в спецпоселения на Север, в тундру, в голую степь, где не было ничего. Петру удалось кое-что спрятать в лесу, его жена и ребенок выжили, но трое детей его сестры умерли. Крестьяне протестовали и жестоко расправлялись с партийными и комсомольскими активистами, сжигали зерно, забивали скот, проводили демонстрации в городах, писали жалобы на произвол Всероссийскому старосте М.И.Калинину. Население голодало, дядя Петя рассказывал, как они пекли хлеб из лебеды, мякины, молотой коры. А однажды приехали из Углича коммунисты, на машине, в черных кожаных куртках с револьверами на поясе. Церковь опустошили, иконы и церковные книги сожгли, а отца Иоакима увезли с собой. Веселые деревенские комсомольцы, подрывались под фундамент колокольни, зацепили тросом и с великим грохотом повалили, а в церкви устроили советский клуб. Число погибших от голода насчитывало несколько миллионов, были случаи людоедства. Из деревень в город устремились тысячи крестьян и беспризорных детей. Голодающие несли в город инфекционные заболевания, сыпной тиф и другие болезни. Но официально голод не признавался. Плач и стон стояли по всей стране. В 1932 году провели очередную паспортизацию. Государство «прикрепило» крестьян к земле, паспортов они не получили. Коммунисты добились полной коллективизации к 1937 году. К этому времени были полностью ликвидированы крепкие хозяйства, произошло отчуждение крестьян от собственности и от земли, они потеряли интерес к сельскохозяйственному труду. Люди голодали и теряли веру. Бежавшие из колхозов от голода, холода и нищеты, обессилевшие женщины с малыми детьми ходили по квартирам, просили хлеба, одежду, «хоть что-нибудь». Мои родные всегда давали им еду и вещи. Эсфирь приютила Таню, она приехала из деревни, из-под Владимира. Она была очень некрасивая, прихрамывала, глаза смотрели в разные стороны. Но она была очень доброй, аккуратной и, что редко встречается, удивительно, благодарной. Когда ее семью выбросили из избы, забрав единственную корову, ей удалось спрятаться. До Москвы она добралась пешком, какое-то время жила в котельной дома 13/15, в Машковом переулке, на Покровке, в этом доме жили Эсфирь и Исаак. Эсфирь всем помогала, помогла и Тане - выхлопотала паспорт, оформила своей домработницей. В середине 50-х годов сестру Тани реабилитировали, они встретились и уехали вместе в деревню. Помню, на мой школьный вопрос о первой 5-летке, бабушка, приложив руку губам, что означало «Никому не говори», вспомнила шутку того времени, за которую можно было получить 10-15 лет. «Ну, как поживаете?» - «Слава Богу, в нынешнем году живем лучше, чем в будущем». Средств на индустриализацию по-прежнему не хватало. Многие строительные гиганты не вышли на проектные мощности. Во всех неудачах Сталинское руководство обвиняло «врагов народа», их поиск и уничтожение

становилось основной задачей общества. Успехи индустриализации достигались за счет снижения уровня жизни народа, не хватало продуктов, товаров потребления, жилья. В 1929 году ввели продовольственные карточки, то есть нормированное распределение. В магазинах продуктов практически не было. Было установлено, какой категории граждан, сколько полагается хлеба, масла, мяса, сахара и т.д. Москвичам выдавались спецкнижки, по которым можно было забирать (отovarивать) продукты в прикрепленных магазинах. Отovarить карточки и получить хорошие продукты, было проблемой. Бабушка рассказывала, что наш родственник Марк Нисанович Вайнштейн (член ВКП(б) с 1907 года) работал в наркомате продовольствия, возглавлял отдел «Главликерводка». Он «прикрепил» родственников к ОРС'у, помог получить карточки литер «А», которые отovarивали в гастрономе на Болотной площади – знаменитом, благодаря Ю.Трифонову, доме на Набережной. и наша семья могла питаться нормально. Бабушка всегда вспоминала об этом с благодарностью. Я хорошо помню Марка Нисановича, в 50- 60-е годы он приходил к нам в гости с внуком Колей. Выглядел он очень импозантно: среднего роста, с ленинской бородкой, в черном пальто и широкополой шляпе, с толстой тростью, всегда церемонно раскланивался, старым и молодым дамам целовал руку. Он рассказывал, что видел и слышал Ленина на митингах и заседаниях. Но самым популярным и выдающимся большевиком – героем гражданской войны и вождем пролетариата, по его словам, был Л.Троцкий. В ранние школьные годы я гордилась, что среди моих родственников есть большевик – верный ленинец. Марк Нисанович был женат на Олимпиаде Осиповне Сухой - сестре авиаконструктора Павла Осиповича Сухого. Они похоронены на Донском кладбище. Закрытые распределители - «ЗРК» и «ОРС'ы» - отделы рабочего снабжения должны были создаваться только на заводах, а открывались они в основном в наркоматах и учреждениях для разного рода начальников. Были закрытые столовые, якобы для рабочих – «Ударников социалистического труда» - там обслуживались высокие чиновники. \*\*\* На цели индустриализации требовалось много валюты, и ее по-прежнему не хватало, но коммунисты были дьявольски изобретательны и в 1929 году открыли «Торгсин» - Всесоюзное общество по торговле с иностранцами. Сначала только гости из-за рубежа могли в этих особых магазинах обменять валюту (боны) на продукты и другие товары. В этих особых магазинах было все, о чем можно было мечтать гражданину Страны Советов – мясо, ветчина, колбаса разных видов, семга, икра черная и красная, сыры мягкие и твердые, марципаны, фрукты в сахаре, халва, шоколад и т.д. Я перечислила далеко не все любимые продукты моей бабушки, которые лежали на прилавках «Торгсина». М.Булгаков в «Мастере и Маргарите» очень красочно описал «Торгсин» на Смоленской и лучше не передашь состояние человека, увидевшего вдруг такое изобилие хороших продуктов, вкус и запах которых он почти забыл. В начале 30-х годов начался голод, и люди умоляли работников «Торгсина» принять что-то в обмен на возможность купить продукты сверх нищенского снабжения по карточкам. В 1931 году «Торгсин» слегка реформировали и открыли для простого населения. Если люди имели золото, серебро, драгоценности, предметы старины, они могли поменять их на чеки, а чеки – на продукты питания или другие потребительские товары. Появились торговые точки, куда люди несли последнее, что осталось от старых времен – столовое серебро, золотые украшения, ризы от икон, крестики, монеты царской чеканки... Несли свои самые дорогие вещи, отдавали их за бесценок, по весу как лом. Несли, чтобы выжить! Чекисты многих отслеживали, устраивали обыски, пытали для «добровольной передачи». Приемщики бессовестно обманывали, неправильно взвешивали, выламывали из ювелирных изделий драгоценные камни и присваивали их. Был создан рай для спекулянтов и бандитов. Через «Торгсин» все направлялось в Наркомвнешторг, а затем за рубеж. Таким образом, все валютные ценности, сохранившиеся после 1917г., в годы гражданской войны и накопленные при НЭП'е были отданы государству для осуществления планов индустриализации. По объемам валютной выручки «Торгсин» перегнал экспорт леса, хлеба, нефти, а по своей эффективности превосходил добычу драгметаллов в ГУЛАГ'е. К 1936 году «Торгсин» выполнил свои задачи и был закрыт. Его руководители были расстреляны. \*\*\* Уже концу 20-х годов под контролем партийно-государственного аппарата оказалось все: экономика, культура, наука, комсомольские, пионерские организации, общества филателистов, шахматистов и т.д. Установился тоталитарный режим, удержать его могли только жестокие репрессии. Общество искало и уничтожало «врагов народа». Любое высказывание, не совпадающее с официальной точкой зрения, рассматривалось как «распространение связей, порочащих советский строй», а это уголовное преступление, арест, расстрел. Репрессии внушали страх, покорность, готовность жертвовать друзьями и близкими. Людей запугивали, ломали, расстреливали без суда и следствия. Царили страх, ощущение собственной незначительности, незащищенности. Жизнь человека могла оборваться в любой момент. Дела фабриковались не только по команде сверху, выявлять «врагов народа» помогали доносчики, причем многие делали это с удовольствием, а не по принуждению. НКВД заранее до суда определял категорию наказания: расстрел, тюремное заключение от 8 до 25 лет, высылка в лагерь. Для упрощения арестов и ускоренного следствия работали «тройки» - внесудебная расправа. Три человека, во главе с начальником

районного НКВД, выносили приговор с пометками, Р. – расстрел, цифры 25, 10, 8 или 5 означали, на сколько лет человека лишали свободы. Эти пометки малограмотных людей (среди членов партии было мало образованных), иногда бывших уголовников, революционной братвы решали судьбу человека. Для того чтобы труд миллионов заключенных был вкладом в экономику, в 1929 году большевики придумали гигантскую рабовладельческую систему принудительных работ – ГУЛАГ, она существовала до 1960 года. Через ГУЛАГ прошло более 10 миллионов человек. Многие, прошедшие через этот ад, написали свои мемуары. По сути это рассказ о том, как человеку удалось выжить в нечеловеческих условиях. И сейчас еще живы те, кто пережил репрессии. Они помнят ложные обвинения, доносы, помнят, как их пытали, унижали, издевались, проверяли на них действие ядов, влияние высоких и низких температур. Граждане страны Советов раскрывали заговоры, верные ленинцы расстреливали неверных. Палачи в любой момент становились жертвами. Для советской системы принципиально важно было запятнать всех. Мне кажется, что люди этого поколения прожили свою жизнь со страхом, но они были молоды и старались видеть хорошее. Многим хотелось верить, что жизнь станет лучше, трудности пройдут, что сделанное ими останется, и они строят светлое, справедливое, счастливое и богатое будущее для новых поколений. В сознания людей внедрялись простые и понятные постулаты в виде лозунгов, песен и стихов. Песни, кинофильмы, публикации тех лет внушали любовь и трепет, страх и уважение к режиму. Но и сейчас мы слушаем эти песни с удовольствием, вспоминаем замечательных композиторов. В TV- передаче 2009 года «Достояние республики» исполняли чудесные старые песни, в том числе и песни того времени. «Широка страна моя родная», «Нам нет преград ни в море, ни на суше», «Эх, хорошо в стране советской жить», «Любимый город», марш «Все выше, выше и выше...», «О Каховке», «Спой нам ветер ...». Все не перечислить! Мы не можем оторваться от экрана телевизора, когда идут фильмы тех лет «Броненосец Потемкин», «Трилогия о Максиме», «Веселые ребята», «Цирк», «Волга-Волга», «Свинарка и пастух» и другие. В наших домах, Слава Богу, еще есть вещи из прошлого, в альбомах сохранились фотографии наших бабушек и дедушек. Мы привязаны к прошлому, испытываем интерес и нежность к сумочке, зонтику, перчаткам, коробочке из-под «Монпансье», флакончику от духов «Lorigan de Coty», и «ТЭЖЭ», песням, кинофильмам, именно потому, что они принадлежат просто нашему прошлому, а не тоталитарной эпохе. \*\*\* Вот какие были времена. В 1926 году моя мама пошла в школу № 13 Замоскворецкого района, она находилась на Пустой улице, в здании бывшей мужской гимназии. В 20-годах улице дали новое, идеологическое название – Марксистская, но старожилы называли ее по-прежнему. Большинство учителей, после упразднения гимназий в 1917 году остались работать в школе, многие из них и жили при школе. Сохранилась фотография маминого класса. На этой фотографии 36 семи – восьми - летних первоклассников. Первые два ряда – мальчики, они лежат или сидят на полу, у некоторых в руках книжки, вероятно «Буквари», все стрижены наголо и одеты одинаково – темные сатиновые рубашки с поясками. Учительница стоит в середине, она коротко подстрижена, в сером строгом платье, смотрит напряженно. Девочки и несколько мальчиков в третьем ряду сидят на стульях, а в четвертом, верхнем ряду, все дети стоят. Маленькая Бебочка стоит в верхнем ряду, с краю. На ней скромное платьице, как положено, но с фантазией – впереди вставка и кокетливый воротничок из клетчатого материала (шотландки). Думаю, что Сонечка придумала фасон и выкроила платье из двух старых платьев, а Фанечка сшила такую красоту своей любимице. У Бебочки стрижка «каре», справа заколка, личико открытое, красивое, держится независимо, но видно, что волнуется. На заднем плане фотографии видна огромная стенгазета - «Школьный прожектор» орган Учкома, ячейки ВЛКСМ и Форпоста. Форпосты - это школьные пионерские организации, созданные в 1923 году для борьбы за «новую школу», для контроля над школьниками и учителями. Идея Н.К.Крупской организовать и воспитать новое поколение, полностью преданное коммунистической партии, воплотилась в жизнь в 1922 году. Организацию называли «Юные пионеры имени Спартака», а в 1924 году, после смерти вождя мирового пролетариата – именем В.И.Ленина. Первоначально в пионеры принимали только детей рабочих. Символы организации, а также слово «пионер» (быть первым) заимствованы от скаутов. Например, красные галстуки, вместо зеленых, три языка пламени костра на пионерских значках, вместо трех лепестков лилии, на скаутских. Но девиз скаутов - «Будь готов!» и ответ «Всегда готов!» сохранили. В пионеры всегда принимали в торжественной обстановке. Помню, я училась в третьем классе, нас принимали в пионеры в коридоре музея В.И.Ленина, вожатые повязали нам красные галстуки, мы дали торжественное обещание «Жить и работать, как завещал великий Ленин». После этого мы смотрели документальный фильм о Ленине и его соратниках, где Ленин выступал на броневике, на трибуне, трудился с рабочими на субботнике – нес бревно, шел по Кремлю, работал в кабинете, общался с детьми на празднике, гладил кошку. В конце фильма всенародный траур - прощание с Лениным. Кстати, в музее Ленина было много интересного – картины, вышивки, ковры, коллекции камней, вазы, это были подарки вождю от пролетариев советских республик и разных стран. В музее стоял огромный блестящий автомобиль Ролс- Ройс Silver, на котором шофер Степан Гиль –

начальник ГОН'а (гаража особого назначения), возил Ленина. До революции это авто принадлежало императрице Александре Федоровне. Была витрина с личными вещами вождя, мне запомнились обведенные мелом и аккуратно обшитые красными нитками две дырочки на черном пальто – следы от пуль. Считали, что именно полуслепая Фани Каплан ранила Ильича на заводе Михельсона. Между прочим, музей Ленина - бывшее здание Московской городской думы, а площадь перед ним (площадь Революции) называлась до 1918 года Воскресенской. Отвлеклась я чуть-чуть от темы. Так вот, наша страна проявляла к пионерам заботу и внимание. В многочисленных Дворцах и Домах пионеров работали кружки стрелков, связистов, санинструкторов и другие, проводились военно-спортивные игры, соревнования. Пионеры собирали макулатуру, металлолом, «тимуровцы» помогали стареньким и маленьким. У пионеров была своя газета - «Пионерская правда», журналы - «Пионер» и «Костер», свой гимн – «Взвейтесь кострами синие ночи, / Мы пионеры – дети рабочих...». Были и так называемые «пионерские дозоры». Дети должны были следить за «непорядками» в школе, дома, везде, где они бывали, и сообщать о них в органы ГПУ. «Деткоры» свои доносы на учителей, знакомых и родственников публиковали в газетах. Самые активные «дозорники» и «деткоры» награждались грамотами и путевками в Артек и другие пионерские лагеря. Детям прививали другие понятия о чести и совести, заставляли одинаково думать и видеть, вырабатывали привычку подчиняться и бояться.

\*\*\* Бебочка не позволяла управлять собой, была очень открытой и впечатлительной, остро реагировала на все и всегда высказывала свое мнение. Она была очень обидчива и заступалась за обиженных, боролась за правду и справедливость. На первые летние каникулы Бебочка захотела поехать со своими одноклассниками в пионерский лагерь. Через неделю, в первый же родительский день к ней приехала Фанечка – привезла котлеты, клубнику, печенье-варенье, мыло и большой бидон с теплой водой - голову девочке помыть. Бидон она замотала газетами и полотенцами, чтобы вода не остыла. Бебочка сразу сказала, что хочет домой, в лагере ей не нравится – рано утром горн будит, надо быстро встать, делать все по команде вожатых, а главное, вечером свет выключают, читать не разрешают. Расположились на полянке. Фанечка накормила, напоила, обласкала любимицу и приступила к мытью ее головы. И тут... такого количества вшей в волосах ребенка она никогда не видела! Все решено: ребенок в этих условия находиться не может. Сонечка сняла на лето для семьи дачу в Серебряном бору. Бебочка росла очень яркой, талантливой, музыкальной, поражала своими способностями и феноменальной памятью и никогда не хотела быть «как все». Пионеркой она не была, - рассказывала, что не нравилось ей заниматься общественной работой, маршировать и салютовать «Всегда готов!». Многие учителя ее не любили, занижали оценки, девочка переживала, плакала. Сонечка своим спокойствием и уравновешенностью умела успокоить дочку, она, как никто, понимала, что родиться в 1919 году и жить в такое время для психики столь одаренного человека безумно тяжело. В семье делали все возможное, чтобы девочки чувствовали себя защищенными в этой жизни. \*\*\* Мурочка, Слава Богу, выздоровела и превратилась в хорошенькую девушку, очень умную, очень осторожную. «Быть как все» - это не было желанием ее души, это был страх, который искажает человека, делает его конформистом. После девятого класса она поступила учиться в электромеханический техникум и стала «синеглазницей» - членом молодежной профсоюзной организации «Синяя блуза». Она носила ботинки со шнурками, кожаный планшет, синюю сатиновую рубашку с ремнями через плечо и на поясе (портупю) на военный лад, по-красноармейски. «Синяя блуза» пропагандировала революцию и революционное искусство, ее называли «живой газетой», агитационной эстрадой. Мурочка была членом агитбригады своего техникума. Они выступали с литературно-художественным монтажом, пролетарскими стихами, сценками, отражающими общественную жизнь, международные события, с физкультурными и гимнастическими упражнениями. «Синеглазники» выезжали на заводы и фабрики, выступали в цехах, клубах, в красных уголках. У них был свой гимн (музыку написал А.Кац) - «Мы «синеглазники», мы профсоюзники - // Нам все известно обо всем... // Мы только гайки в великой спайке // Одной трудящейся семьи». Кстати главным идеологом «Синей блузы» был О.Брик. Мурочка окончила техникум с отличием и поступила в очень престижный энергетический институт (МЭИ), открытый в 1930 году, на электроэнергетический факультет. Стране нужны были свои квалифицированные специалисты, и план ГОЭЛРО следовало выполнить. Практику она проходила на электромашиностроительном заводе «Динамо», который производил электродвигатели и электроаппаратуру. Там она познакомилась с молодым инженером Давидом Уриновским, научным руководителем ее дипломного проекта. Он жил с родителями в подмосковном городе Раменское. Давид был высокого роста, красивый, у него были добрые карие глаза, а взгляд казался по-детски беспомощным. Отец его, Самуил Моисеевич Уриновский родился в 1880 году в местечке Соколы, что около польского города Ломжа, в 35 км от Белостока, он происходил из бедной еврейской семьи, был призван в царскую армию солдатом, рассказывал, что в молодости даже агитировал за советскую власть, ему удалось окончить фельдшерские курсы. Мама, Лея Яковлевна была медсестрой или, как тогда говорили, сестрой милосердия. Она рассказывала, что родилась в 1882 году в местечке под Слонимом

Гродненской губернии, в западной Белоруссии, фамилия ее отца – Суравич, он был раввин. Молодые люди познакомились, поженились и прожили в мире и согласии, не расставаясь, больше шестидесяти лет. Их единственный сын Давид родился в 1911 году. Во время первой Мировой войны они работали в Раменском, в больнице, ставшей госпиталем. У их внуков, Бори и Иры, моих двоюродных брата и сестры, хранятся фотографии тех лет – Самуил Моисеевич и Лея Яковлевна среди выздоравливающих раненых, с медперсоналом госпиталя. Политикой они мало интересовались, они любили друг друга, и им было хорошо вдвоем. Вероятно, из-за голода и беспорядков гражданской войны они перебрались в деревню Мячково, недалеко от больницы, где продолжали работать. Они развели огород, купили корову, кур, посадили яблони. Имея свое хозяйство, было легче выжить. Детство и школьные годы Давида прошли в деревне. Он был очень трудолюбивым, хотел учиться, шел в школу в любую погоду, а школа была далеко от дома. Деревенские мальчишки издевались над ним, били, бросали в него грязь и камни, дразнили – «жид, жиденок». Он не дрался, не пытался защититься, он убегал, плакал, и учился. Давид был удивительно способным и талантливым человеком, но никогда не отстаивал свою правоту, не повышал голос. Он испытывал робость, боязнь, неуверенность перед многими людьми, которые знали и понимали значительно меньше, чем он. Давид рано понял, в какое время он живет и, что в это время - стабильно-постоянных репрессий, нужно вести себя тихо и покорно. Да, страх очень меняет жизнь человека, не дает использовать свой талант и право жить, как хочется. Успехов и постов добивались «никакие». Давид окончил школу, ФЗУ, институт, стал инженером. Родители его жили тихо и скромно, всю свою жизнь они посвятили сыну, боготворили его, гордились его успехами. Он был удивительно добрым, благодарным и благородным человеком. Меня поражало его отношение к родителям - такого заботливого и внимательного сына, я не встречала никогда. Помню, в 50-е годы, когда мы все жили в одной квартире в Таганке, дядя Давид каждое воскресенье, утром (тогда был только один выходной, и автомобиля у него не было), отправлялся с продуктами в рюкзаке и сумках к родителям, на 42км. Погода не имела значения - дождь, снег ветер его не останавливали. А летом он утеплял и благоустраивал дом, чтобы старикам было тепло. Возвращаясь с юга, из командировок, он привозил корзины с виноградом и фруктами и говорил бабе Фане – «Фаина Марковна, это для моих родителей, кроме меня им никто ничего не привезет. Вот деньги. Купите детям фрукты и все, что нужно». В начале 30-х годов Уриновские переехали из деревни Мячково в Раменское. Они получили комнату в кирпичном доме с центральным отоплением – бывшем общежитии прядильной фабрики, недалеко от больницы и железнодорожной станции. Удобно – работа рядом, ФЗУ, где учился Додик тоже не далеко и легче добираться до Москвы, что было очень важно – вскоре Давид поступил в московский энергетический институт. В середине 30-х годов Уриновские получили участок около станции 42 км для строительства дома в дачном кооперативе «Красный техник». В это время под Москвой создавались дачные кооперативы, участки для строительства дач и разведения огородов выдавали на производствах за особые заслуги в работе, но некоторые граждане, предъявив справки, что их доходы «трудовые», имели право купить участок. В 1932 году Эсфирь купила участок в Кратове, в ДСК «Инженер», приятно, что название сохранилось. Дачу построили быстро, и наша семья обрела кусочек рая на земле. Перед Великой Отечественной войной Уриновские выстроили дом, в котором постоянно жили Самуил Моисеевич и Лея Яковлевна, а на лето приезжали их внуки Боря, Ира и я. Баба Фаня была всегда с нами, никому не доверяла детей, мы должны были быть все вместе у нее на глазах. О нашей детской жизни на 42 км я расскажу позже. Кратово и 42 км находились (и находятся) рядом и в пяти километрах от Раменского. \*\*\* Совсем недавно я узнала, что словом «рамень» в старину называли опушку леса. Владельцами тех мест при Петре I были Мусины-Пушкины, при Екатерине II – Волконские, а соседние земли принадлежали Голицыным-Прозоровским. Раменское называлось – Троицкое – Раменское. В шестидесятые годы 19 века купец Малютин построил там бумагопрядильную (хлопчатобумажную прядильную) фабрику. После открытия железнодорожного движения от Москвы до Коломны, фабрика расширилась и превратилась в огромную мануфактуру. Ее директором был профессор Высшего технического училища Ф.М.Дмитриев. Он оснастил фабрику современным оборудованием, построил новые производственные корпуса, школу, больницу, жилье для рабочих, баню, почту. Сейчас от красного кирпичного здания фабрики остались стены с разбитыми окнами, крыша провалилась, жалко смотреть. Но больница и школа в хорошем состоянии. В больнице работают хорошие специалисты, школа выглядит неплохо. Жилые корпуса (общежития) с небольшими окнами, обрамленными белыми полукруглыми наличниками, построены, как и производственные здания из красного кирпича. После революции их превратили в коммунальные квартиры, они существуют, и по сей день. Один корпус перестроили, там сейчас «Салон красоты» с бассейном и сауной. Около почты стоим памятник Ф.М.Дмитриеву. \*\*\* Давид окончил энергетический институт, получил диплом с отличием и хорошее распределение - на завод «Динамо» - флагман отечественной электротехнической промышленности. Под руководством Давида Мурочка проходила практику и

писала диплом, они полюбили друг друга. Он красиво ухаживал – дарил цветы, конфеты, приглашал в театр, тетя Мура вспоминала, как однажды они слушали в Большом театре оперу Н.А.Римского-Корсакова «Сказание о невидимом граде Китеже и деде Февронии». Вскоре Давид и Мура поженились. Мурочка получила диплом инженера. К тому времени наша семья переехала в квартиру на Таганской улице. Молодые жили в большой тридцатиметровой комнате и работали на заводе «Динамо». Научные разработки на заводе внедрялись лабораторией ВЭИ (электромашиностроительного института), которой руководил молодой профессор А.Г. Иосифьян. Это был гениальный ученый. Его работа по теплолокации системы обнаружения кораблей противника прошла испытания, была принята на вооружение и удостоена Сталинской премии. В конце 30-х годов лаборатория ВЭИ была преобразована в ВНИИЭМ, а впоследствии был создан и опытный завод института - НПО (научно-производственная организация). Директором был назначен А.Г.Иосифьян. В ВНИИЭМ проводились работы по усовершенствованию двигателей для вертолетов, дистанционно управляемых торпед и танкеток для подрыва танков и дзотов, разрабатывались источники питания для радиостанций и сами переносные радиостанции, электродвигатели для морских торпед, системы управления и защиты атомных реакторов, космических аппаратов и спутников, все перечислить невозможно. Направление электромеханических разработок менялось и развивалось в связи с новыми потребностями отечественной промышленности. Сейчас ВНИИЭМ входит в состав «РОСКОСМОС'а». Профессор А.Г.Иосифьян сразу заметил талантливого и трудолюбивого инженера Уриновского и пригласил его работать в свой институт. Давид стал ведущим специалистом по математическим расчетам, разработке и усовершенствованию электродвигателей для самолетов, вертолетов, морских торпед, различных видов военной техники, источников питания для радиостанций, в том числе и знаменитого танка Т-34. А.Г.Иосифьян видел талант и уникальность своего любимого сотрудника, ценил и оберегал его. В конце 40-х годов, во время очередной волны репрессий против еврейских специалистов, он откомандировал Давида на работу в Ереван, по сути, спас ему жизнь. Давид защитил кандидатскую диссертацию, у него множество авторских свидетельств, статей, его изобретений хватит на несколько поколений специалистов, работающих над синхронными и асинхронными двигателями. В родном институте он проработал до выхода на пенсию в 1970 году. ВНИИЭМ присвоено имя академика А.Г.Иосифьяна. Но, к сожалению, институт сейчас потерял свое значение и престиж. Мурочку тоже пригласили работать в ВНИИЭМ, в лабораторию по исследованию композиционных материалов из редкоземельных металлов на основе серебра для контактов, используемых в электротехнических аппаратах. Руководил лабораторией профессор В.В.Усов. Мурочка была очень добросовестным, кропотливым, даже «дотошным» и очень основательным исследователем. В 1949 году группе ученых-практиков ВНИИЭМ во главе с профессором В.В.Усовым, в том числе и Муре, была присуждена сталинская премия. Мурочка стала первой женщиной – лауреатом сталинской премии по технике. На работе ее очень уважали. Она держалась всегда гордо и скромно, по-прежнему хотела «быть как все», не выделяться. При этом старалась быть замеченной руководством, вела себя уверенно, сдержано, подчеркивала свою деловитость, бескомпромиссность, честность, справедливость, была настойчива, умело скрывала свои слабости. Раньше, до 1991 года, на всех предприятиях, в институтах и организациях были так называемые первые отделы, там, в специальных папках, хранились анкеты сотрудников, информация об их политических взглядах, допусках к документам с грифом секретности, сведения о родственниках, поездках за границу, высказываниях, публикациях и т.д. В этих отделах, как правило, работали товарищи из органов Госбезопасности. Мура с гордостью рассказывала, как однажды пришел к ним новый кзгэбэшник, Михаил Ефимович Плешаков и ей удалось убедить его в чем-то важном, но на вопрос – «В чем же?» – не отвечала, и лицо ее делалось очень строгим. Мура редко говорила «Да» и «Нет». Например, на вопрос, – «Какого цвета апельсин?», она отвечала – «Возможно, при детальном рассмотрении, это цитрусовое, но для полной уверенности нужно провести исследование, а относительно цвета, можно предположить, что это не зеленый и не голубой, но окончательное заключение следует сделать только после проведения научно-технических испытаний». Вот так. На собраниях она тихим, бесстрастным голосом, полускрыв глаза, отстаивала интересы лаборатории, в которой проработала много лет. В 1972 году она получила персональную пенсию и посвятила себя самому главному - воспитанию внука Вовы.

\*\*\* Летом 1941 года вся наша семья находилась в состоянии приятного ожидания и волнения – Мурочка готовилась стать матерью. И вот 19 июня 1941года все собрались у крыльца раменского родильного дома, наконец, врач-акушер вышел покурить и объявил: «Поздравляю, у вас родился мальчик!». Все начали обниматься, целоваться. Вдруг вышла встревоженная медсестра, что-то тихо сказала врачу, он бросил папиросу и быстро ушел. Родственники продолжали радоваться и поздравлять друг друга. Вскоре врач вновь появился на крыльце и сообщил: «Поздравляю, у вас девочка!». Давид робко возразил: « Это ошибка, у нас мальчик». «У вас теперь и мальчик, и девочка», - сказал, улыбаясь, врач. Все ахнули, Давид сел на ступеньку, чуть сознание не потерял.



Бабушка Соня спросила – «Сколько они весят?», врач ответил: «Девочка весит 1 кг 500 грамм, а мальчик «великан» - 1 кг 800 грамм». «Доктор, они будут жить?» - задает следующий вопрос бабушка Соня. « По конституции они имеют право не только на жизнь, но и на образование», - ответил врач. Через три дня объявили о начале войны, думали, что продлится она не долго. Мурочку с детьми выписали из роддома и привезли домой, в Москву. Вот первые впечатления бабушки Сони. Они были очень маленькими, для сравнения, хорошая курица весила два килограмма. Мурочка их покормила, но боялась к таким крошкам прикасаться. Но Фанечка была рядом и сразу все заботы о детях взяла в свои волшебные руки, уж она-то точно знала, что и когда нужно делать. Двойняшек она перепеленала и положила обоих на кровать, на одну подушку. Боря не плакал, голову не поворачивал, глаза не открывал, лежал неподвижно, бабушка волновалась, что он глухонемой, а Ирочка вдруг, как птеник, открыла рот, он казался очень большим на маленьком личике, и улыбнулась, какое счастье! Молока у Мурочки было маловато, но с бабой Фаней не пропадешь, она, как всегда, спасала и детей и взрослых своим вниманием, добротой, умением выхаживать, создавать семье при любых обстоятельствах нормальные, привычные условия для жизни. Наступил октябрь 1941 года. Шли бои на подступах к Москве, в центре была слышна канонада. Вражеские десантники были в Химках, немецкие самолеты прорывались к Москве. Смотрю на карту – страшно, от линии фронта до Москвы – рукой подать. Неужели это было? Жителей учили ведению уличных боев, минировали основные промышленные предприятия и важные городские объекты, действовали комендантский час и строгая светомаскировка, нельзя было включать электричество, за это - расстрел. Давид смонтировал под обеденным столом маленькую электролампочку, чтобы там пеленать детей. Дни с 15 по 19 октября были страшными, их называют «Дни октябрьской паники в Москве». Сейчас о них вспоминают как о днях ужаса, мрака, насилия, мародерства, бегства, предательства... и массового героизма. Власть, занятая своим спасением, практически бросила столицу на произвол судьбы. Партийные чиновники бежали со своими семьями и личным имуществом, прихватив крупные суммы денег и ценности. Москвичи все это видели и негодовали. Информация полностью отсутствовала. Когда распространились слухи о том, что руководство страны должно покинуть столицу, началась паника. 15 октября вошло в нашу историю позорной датой, датой трусости, растерянности и предательства партийных чиновников. Моя бабушка и тетя Эсфирь рассказывали, как сотни тысяч людей, охваченных паникой, бежали из города со своим скарбом. Поезда, машины, тележки, повозки уходили на восток. Паника породила неразбериху, мародерство, бандитизм. Начали грабить магазины, прежде всего ювелирные и продовольственные, взламывать квартиры, склады, расхищать вещи и ценности, устраивать самосуды. Чтобы это прекратить, московские милиционеры расстреливали мародеров и грабителей на месте, с паникерами и дезертирами тоже не церемонились. Не все рвались на фронт и в ополчение! Некоторые покупали справки, получали «липовую» бронь. Но были и другие москвичи, и их было гораздо больше. Они не бежали. Они по своему желанию шли добровольцами на фронт, в народное ополчение. Это они ополченцы – москвичи ценой своих жизней остановили врага. Ева – младшая сестра моей бабушки Сони была в ДНО, строила оборонительные сооружения, рыла окопы, муж Евы – Василий Данилович Новиков – кавалерист, красный командир, участник гражданской войны, воевал на Волоколамском направлении в гвардейском кавалерийском корпусе легендарного генерала Л.М. Доватора. Эсфирь сказала, что должна быть со своими больными, а когда будет нужно, уйдет из Москвы с ними, она осталась работать в госпитале. Мои родители, 22-х летние врачи, получив дипломы 1-го медицинского института, в сентябре 1941 года ушли на фронт. О них я расскажу позже. 16 октября правительство приняло решение об эвакуации промышленных предприятий и учреждений. Какой-то порядок милиции удалось восстановить. Люди, работающие на предприятиях готовых к эвакуации, получали полный расчет, зарплату за месяц, мешок муки и трудовые книжки. Многие спешно уничтожали партийные и комсомольские билеты – их сжигали, так надежнее. Баба Фаня рассказывала, как сосед по квартире Николай Иванович Егоров, он работал на Курском вокзале обходчиком вагонов (я упоминала о нем и его брате Петре, когда писала о коллективизации), включил духовку и метался по двадцатиметровой кухне – никак не мог решить - сжечь партбилет или порвать. Она дала ему мудрый совет – «Подождите, пока спрячьте куда-нибудь». После войны он стал парторгом обходчиков. Он был интересным человеком, и его история заслуживает подробного изложения. 17 октября эвакуировали ВНИИЭМ, где работали Мура и Давид. Соня сказала Фане – «Если ты с ними не поедешь, дети погибнут». Фанечка, конечно, согласилась, ее включили в список как члена семьи. Ехали за Урал несколько недель, в общих вагонах «теплушках», где сушить пеленки, молоко у Муры пропало, чем кормить четырехмесячных двойняшек? Эсфирь привезла ящик сгущенного молока, крупы для каш, сахар, мясные консервы. Сгущенное молоко – универсальный продукт для детей и взрослых. Можно было разводить его в воде и давать детям, варить на нем кашу или просто съесть ложку сгущенки – это большое наслаждение даже сейчас. С собой взяли чемоданы с продуктами, необходимые вещи для себя и детей, деньги, ложки-вилки, колечки-брошки, чтобы продать, когда деньги кончатся, а

также подушки, одеяла и простыни, они-то оченьгодились – ихменяли намолоко и хлеб. ДоКрасноуфимскадобирались почти месяц, поездшелмедленно, счастыми и долгими остановками. Навстречушлипоезда с молодыми красноармейцами - сибиряками, ониехали на фронт. Ониспрашивали, откуда поезд и, узнав, что из Москвы уверенно говорили – «Не волнуйтесь, Москву не отдадим!». \*\*\* Сотрудники ВНИИЭМ были направлены на Красноуфимский опытно-экспериментальный завод, чтобы наладить там выпуск продукции для нужд фронта, в том числе деталей для миномета «Катюша» и танка Т-34. Через месяц, в ноябре, прибыли в Красноуфимск, холодно, температура -20 градусов по Цельсию, где жить? Никто не хотел иметь постояльцев с двумя маленькими детьми, наконец, одна семья сжалилась – пустили их в проходную комнату, без печки; у Фанечки кровати не было – она спала на маленьком сундуке, поджав ноги. Чудеса героизма она проявляла каждый день. Мура и Давид утром уходили на завод. Фанечка кормила малышей, мыла, пеленала их, укладывала спать, засыпали они плохо - было холодно, она грела их своим теплом, прижимала к груди, качала, и, наверное, пела им жалостливую еврейскую песенку, как бедные дети сидят у печки, старенький раввин их учит читать и рассказывает, сколько горя и слез им предстоит узнать, а они смотрят на огонь и мечтают о хорошей жизни. Эту песенку баба Фаня пела и моей маме, и мне, и моей дочке Лене. Мы подпевали. Как мне хотелось найти слова этой песни прямо сейчас! Я нашла, и у меня слезы потекли. «Oyfn pripetshik brent a fayer!// Un in shtub iz heys!// Un der rebe lernt kleyne kinderlerkh!// Dem alef beys. Фанечка укачивала сначала маленькую Иру, потом Борю, он, лежа на подушке, терпеливо ждал своей очереди. Хотела Фанечка, чтобы дети выросли здоровыми, крепкими, умными, не болели, по ее понятиям все это мог дать куриный бульон. Задача была поставлена. И однажды она увидела около дома петуха, – он спокойно гулял, не думая о своей участи. Дочь квартирной хозяйки Вера оказалась рядом, они вдвоем схватили петуха, тот почти не сопротивлялся. А что делать дальше? Лишить петуха жизни она не могла. Решили позвать на помощь сына хозяйки, он с поручением справился. Петуха ощипали и сварили бульон. «Ка...акой был бульон!» восхищалась каждый раз баба Фаня, когда вспоминала эту историю. Сама она только косточки обглодала – все съели Мура, Давид и дети. \*\*\* Хочу рассказать историю про курицу Цыпу. За несколько лет до войны моей маме подарили двух цыплят, выжил только один и превратился в беленькую курочку, ее называли Цыпа. Курочка Цыпа жила в большом деревянном ящике под столом. Она любила виноград, арбуз, котлеты, красную икру, печенье. Когда накрывали на стол к обеду, курочка требовательно стучала клювом, видно хотела сказать – «Не забудьте обо мне, я голодная». Она (без петуха!) неслась, каждый день по одному яйцу. Каждое утро Фанечка гордо доставала из-под Цыпы большое яйцо и говорила радостно – «Смотрите, опять яйцо!». Бабушка Соня называла эти яйца золотыми – она ведь была экономистом. Цыпу все очень любили. Есть забавная фотография. Мура сидит за письменным столом, в правой руке она держит карандаш – что-то чертит, а на ее левой руке стоит Цыпа и внимательно, наклонив головку, смотрит на чертеж. Курочка просыпалась рано, начинала кудахтать, и Фанечка, чтобы не разбудить Муру и Бебочку, уносила ее за пазухой на улицу, гулять. Если погода была хорошая, теплая, она привязывала к ножке Цыпы веревочку, спускала на тротуар, и они шли за продуктами в гастроном, напротив дома. Около них собирались зрители, их знали и ждали. А однажды Фанечка решила на лето сдать шубы на хранение в ломбард, в холодильник. Пришла туда утром – шубы в сумках, курочка – за пазухой, заняла очередь. Цыпу пустила на пол погулять на веревочке, все смотрят, улыбаются, а маленький мальчик говорит – «Мама, посмотри, тетя курочку пришла сдавать в ломбард». В начале войны наша квартира опустела, все разъехались – на фронт, в эвакуацию, в ополчение, Цыпу отвезли к Уриновским на 42км. В каждом своем письме с фронта моя мама спрашивала, как ее любимая Цыпа, и очень плакала, когда приехав в отпуск, узнала, что ее курочку постигла участь обычных бройлеров. Родители Давида были хорошими людьми, но они относились к «братьям нашим меньшим» как к источникам питания, а мои близкие считали их членами семьи. Все люди разные! \*\*\* В феврале 1943 года наши войска одержали Победу под Сталинградом, это положило начало коренному перелому в ходе Великой отечественной войны, 5 августа освободили Орел и Белгород, в ознаменование этой Победы, в Москве был первый салют, 23 августа разгромили врага под Курском! Промышленные предприятия Москвы обеспечивали выпуск спецпродукции для фронта, совершенствовали ее качество, началось восстановление электротехнического производства. Эвакуированные предприятия, в том числе и ВНИИЭМ, возвращались в Москву. Мура, Давид и их дети получили разрешение, а на Фаню пропуска не было, в вагоне поезда ее прятали на третьей полке, за чемоданами. Бабушка Соня к тому времени вернулась из Самарканда и радовалась их приезду. Но в Москве всех ждало печальное известие – умерла прабабушка Фрейда. Ей было 82 года, и она не хотела ехать в эвакуацию, видимо чувствовала, что не перенесет длинную дорогу в неизвестность. Жила она с Эсфирью в доме на Покровке. Эсфирь много работала, но всегда заботилась о любимой маме - в квартире было тепло, хороших продуктов достаточно, знакомые, оставшиеся в Москве, навещали ее. Прабабушка очень тосковала по своим детям, внукам и правнукам. Она ничем не болела, не

жаловалась на здоровье, но однажды утром не проснулась. Это случилось зимой, в начале 1942 года. \*\*\* Теперь расскажу о моем двоюродном дедушке – Григории Борисовиче Чарном, о моем любимом дяде Грише - родном брате моей бабушки. С фотографии на меня смотрит молодой щеголь - высокий, улыбающийся. Все годы учебы в московском электромашиностроительном институте (ГЭМИКШ) Гриша жил с мамой, с сестрой Соней, ее дочками и Фаней в квартире на улице Б.Каменщики. Часто приходили Эсфирь, Ева, Зина с сыном Борей, родные и близкие. Жили дружно, одной семьей. К Грише приходили друзья, все ели – пили, развлекались, играли в преферанс, читали, пели, говорили о жизни. Гриша был веселым, остроумным. Мурочка и Беба его очень любили, доверяли свои секреты, можно сказать, что он был и их братом, и отцом, и дядей. В то время он оставался единственным взрослым мужчиной в семье. Он был очень талантливым и образованным человеком, прекрасным инженером, грамотно решал все технические вопросы. Гриша получил хорошее техническое образование - три года проучился в минском реальном училище, окончил факультет кузнечно - прессового оборудования московского электромашиностроительного института, стал дипломированным инженером – механиком и по распределению уехал во Владивосток. Там, работая в Совторгфлоте, он получил второе высшее образование – закончил Дальневосточный политехнический институт, получив диплом инженера – механика судомеханической специальности. В 1932 году его назначили главным инженером Тралтреста Тихоокеанского бассейна. Очень скоро он сообщил, что женился, и они приедут в Москву. Его жене 18 лет, ее зовут Дора Степановна Бугаец, она работает его секретаршей. О детстве Доры я знаю очень мало. Ее отец, Степан Васильевич Бугаец, работал сторожем на одном из складов в порту Владивостока. Мама, Маланья Петровна, вела хозяйство в доме. У Доры была младшая сестра Наташа и сводный брат Кирилл. Семья по тем временам небольшая. Они приехали во Владивосток до революции 1917 года. Жили бедно. Поселились на мысе Эгершельд в бухте Золотой Рог. Из деревянных ящиков и глины построили маленький домик, крыша была из соломы. Маланья Петровна умело вела хозяйство, выращивала овощи на огороде, разводила кур, были у нее козы и корова. Все трудились. Маленькая Дора каждый день отправлялась с двумя бидонами в богатые дома продавать молоко. Семья была крепкая, дружная, но, как известно, «Берут завидки на чужие пожитки» и «Сосед спать не дает – хорошо живет», отравили соседи коровушку – кормилицу толченым стеклом. Собрали деньги на новую корову Маньку, вскоре она родила телочку Зорьку. У Маньки молоко было жирное, вкусное - его продавали, а у Зорьки «так себе» - его оставляли для себя. Любимицей Маланьи Петровны была младшенькая, Наташа, а Доре доставалось больше работы и меньше ласки. Она с досадой рассказывала, что ей в жизни как-то сразу не повезло. На ее крещение у отца был только один рубль, а нужно было два, поэтому священник дал ей неблагозвучное имя Хведора, окрестил ее «в полкреста» - не полностью, и сказал – «Когда принесешь еще рубль, окрещу, как следует». Но лишнего рубля у Степана Васильевича не появилось. Лучшим временем своей жизни он считал годы работы (до 1922 года) сторожем и кладовщиком, на русско – американско - китайском продовольственном складе. Начальство его уважало, поощряло за честный труд. Выражением благодарности были продукты – консервы, черный и красный перец, корица, имбирь, мед, сахар, конфеты в красивых коробках, чай в разрисованных металлических упаковках. Все лакомства заморские, красивые, вкусные. Степан Васильевич иногда баловал семью – ловил корюшку, приносил вареных крабов, их продавали нанизанными на длинные палочки. Дети радовались. Жили не бедно - не богато, копили деньги. Экономили на всем и построили новый дом. До 60-х годов в нем жила Наташа с мужем и дочкой Олей, по плану реконструкции этот дом снесли. Очень приятно, что правнуки Степана Васильевича и Маланьи Петровны - Миша, Ирэна и Наташа (дочь Оли) поддерживают родственные отношения. О моих любимых, очень близких и родных детях и внуках Гриши и Доры я напишу позже. Вскоре после присоединения Владивостока к РСФСР в 1922 году склады разворовали и подожгли. Дора вспоминала, как со склада в тихоокеанскую бухту Золотой Рог стекали темные, вязкие потоки из меда, масла и много другого. Дора была способной девочкой, хорошо училась, но надо было на жизнь зарабатывать и, окончив школу в 1932 году, она пошла работать в Тралтрест. Была она очень хороша собой – высокая, голубоглазая, яркая, волосы светло-русые. Думаю, Гриша увидел ее и сразу влюбился. Очень скоро она стала женой главного инженера Тралтреста Чарного и гордилась этим. Гриша решил уехать из Владивостока домой. До Москвы ехали поездом больше трех недель. Дора была полна радужных надежд. Она ехала в столицу! Ей хотелось красиво и модно одеться, быть замеченной и любимой, произвести хорошее впечатление. Она надеялась, что Гришины родные будут рады ее приезду, сразу примут ее в свою семью. Оказалось, все не так, как она себе представляла. Приняли ее холодно, сразу невзлюбили, отнеслись к новоиспеченной родственнице критически. Она была из другого мира, они не понимали друг друга. Но прабабушка Фрейда отнеслась к молодой жене своего любимого сына тепло, ласково, подарила ей колечко. Жили в квартире в Б.Каменщиках, было тесновато – две семьи в трех комнатах. Фанечка вела хозяйство, Соня работала начальником

планового отдела ЦУМ'а, девочки учились, Гриша искал работу. Приближался 1934 год. Дора забеременела, чем пробудила к себе добрые чувства родственников. По просьбе Гриши Соня и Эсфирь помогли Доре обновить гардероб, купили отрезы (так называлась отмеренные куски ткани) на пальто и платья. Моя бабушка, улыбаясь, рассказывала, как Доре сшили красивый домашний халат (капот), к нему нужны были пуговицы, и как молодая невестка проявила самостоятельность - пошла в Торгсин и обменяла старинное колечко на пластмассовые пуговицы и резиновые боты на каблучке. Сестры объяснили, что поступила она не правильно. Видимо, хотели, чтобы она сразу повзрослела! Дора обиделась, заплакала. Гриша принял решение уехать из Москвы. Вскоре он получил работу в Горьком (Нижнем Новгороде), на ГАЗ'е – горьковском автомобильном заводе имени В.Молотова. Горьким город назывался с 1932 по 1990 г.г. Там с 1932 года налаживалось производство легковых и грузовых автомобилей на базе американских автомашин марки «Ford». В 1933 году выпустили первый легковой автомобиль ГАЗ-А – фазтон, в 1936 уже началась сборка ГАЗ-М-1 – знаменитой «Эмки», а также автобусов, грузовиков самосвалов, военной техники. Гриша был назначен главным инженером ГАЗ'а. В мае 1934 года родилась их дочь Зина. Гриша скучал по родным, при первой возможности они приезжали в Москву. Зиночку все обожали, внешне она была очень похожа на Эсфирь. Дядя Гриша был талантливым, грамотным и добросовестным специалистом, его ценили и уважали. Вел он себя скромно, тихо, не забывая о том, где живет и в какое время. Проработал он на ГАЗ'е всего четыре года. В это время наша страна выполняла главную задачу второй пятилетки 1933-1937 г.г. - реконструировать все народное хозяйство, освоить новую технику и новые производства, повысить уровень жизни трудящихся. Цена за счастливое будущее становилась все выше! Убийство С.М. Кирова в 1934 году стало поводом для начала «Большого террора». В 1935 году, для окончательной расправы Сталина с политическими противниками - неугодными членами Политбюро и ЦК, старыми членами ВКП (б), НКВД было раскрыто «Кремлевское дело». Вместе с ними миллионы партийных и беспартийных, служащих, рабочих, военнослужащих арестовывались, расстреливались, ссылались в лагеря, пополняя даровой рабочей силой стройки коммунизма. Не буду перечислять названия заводов, каналов, строек (этих объектов тысячи и они известны), которые стоят на костях миллионов замученных людей. Членов семей «врагов народа», в том числе детей и подростков, автоматически репрессировали, расстреливали, заключали в ГУЛАГ, отправляли в детские исправительные дома. \*\*\* Года три назад, на Донском кладбище, у могилы жертв политических репрессий, я и моя двоюродная сестра Ира Уриновская увидели пожилую женщину. Она пыталась установить свечу, сделать это ей было нелегко. Эта общая могила (небольшая круглая клумба) находится в глубине кладбища, недалеко от вечного огня, на перекрестке двух дорожек, в середине стоит невысокий гранитный обелиск. В период репрессий с Лубянки, из Лефортова и других подобных мест (их в Москве было много) сюда грузовиками свозили трупы казненных и замученных. Помню, раньше на обелиске была надпись – «Захоронение невоинно погибших прахов с 1937 по 1942г.г., в 90-е годы сделали еще одну надпись – «Могила жертв политических репрессий». Вокруг обелиска в землю воткнуты десятки табличек с именами, некоторые таблички с фотографиями, с указанием занимаемой должности, звания, года рождения, но год смерти у всех один – 1937. Читаю имена – В.Блюхер, А.Егоров, М.Тухачевский, И.Якир, М.Кольцов, Вс.Мейерхольд... Таковую табличку здесь может установить каждый, у кого был репрессирован кто-то из близких. Пожилая женщина, которую мы увидели, пыталась поставить свечу. Я предложила помочь, она поблагодарила и согласилась. «Поставьте, пожалуйста, у таблички комдива Комарова – это мой отец. Мне было полтора года в 1937 году, когда моего отца и маму арестовали, а меня отвезли в исправительный детский дом, он был на территории Новодевичьего монастыря. Когда началась война, кто-то из воспитателей (порядочные, добрые люди были всегда и везде!) нашел адрес брата моей мамы в Томске и написал ему. Детский дом эвакуировали за Урал, дядя приехал за мной. У него была семья, дети, но он меня удочерил, дал свою фамилию и отчество. Первым делом, он объявил всем соседям, что я его дочь, а гулять меня стали выпускать только после того, как я выучила свою новую фамилию и начала называть дядю папой, а тетю мамой. До 13 лет я думала, что живу со своими родителями и сестрами. В 1949 году маму выпустили, как жена «врага народа» она провела в ГУЛАГ'е 12 лет, а отца расстреляли сразу, в 1937 году. Мама чудом меня нашла, приехала, хотела забрать к себе, вернуть мне мою фамилию и отчество, но дядя был против такого предложения, он сказал маме – «Погубишь и девочку и себя, живи с нами. Никому ничего не рассказывай. Тебе следует поменять фамилию, получить новый паспорт и устроиться на работу». Так и сделали. Жить остались в Томске». Прошло много лет. Дочь комдива Комарова окончила педагогический институт, вышла замуж, стала мамой и бабушкой. В 90-е годы она написала в НКВД, вскоре ее пригласили на Лубянку, она получила из архива справку, что дело пересмотрено, отец восстановлен в правах и она может получить компенсацию материального ущерба, если докажет, что она его дочь. Взять фотокарточку из его дела ей не разрешили, и на общей могиле она поставила алюминиевую табличку с его именем. Каждый год она проделывает большой путь,

чтобы поклониться своему отцу, комдиву Комарову, помолиться и поставить свечу. Подходя к этому святому месту, я всегда вспоминаю историю этой женщины. \*\*\* Не могу не рассказать историю доктора химических наук, профессора Ю.А.Шляпникова – сына расстрелянного наркома труда А.Г.Шляпникова. Я трудилась над диссертацией, и мне нужно было исследовать термоокисление изучаемых мною сополимеров. Мой руководитель, ведущий ученый по технологии и переработке пластмасс, основатель кафедры технологии пластмасс и заведующий этой кафедрой МХТ им. Менделеева, лауреат государственных премий, профессор М.С.Акутин, сказал, что нужно поехать к профессору Ю.А.Шляпникову в институт химической физики АН. Этот институт славился своей демократичностью, научную «мелкоту», аспирантов, а особенно аспиранток, маститые ученые встречали с улыбкой, доброжелательно и покровительственно, иногда изображали строгость и официальность, но, как правило, только для того, чтобы немного поважничать. Видимо, это способствовало выполнению научных работ, имеющих мировое значение. Я, с некоторым трепетом, вошла в лабораторию. Среди лабораторных столов с приборами и вытяжных шкафов стоял обшарпанный письменный, за которым, как-то сжавшись, не по - профессорски, в синем лаборантском халате, сидел не старый, но состарившийся человек, неухоженный, мрачный, и что-то читал. Это и был член-корр. РАН, профессор Ю.А.Шляпников. Я представилась. Он, даже не взглянув на меня, сказал, по каким дням я могу работать на установке. Кто-то подошел к столу, задал вопрос, профессор, не поднимая головы, тихим голосом ответил. Я обратила внимание на его руки, большие, с синеватыми ногтями и набухшими венами, они устало лежали на столе ладонями вниз. Мои отношения с М.С.Акутиным из учебно-научных и деловых, аспирантка – профессор, перешли в дружеские, доверительные и продолжались до его смерти в 1993 году. Однажды, под большим секретом, он мне рассказал, что просидел месяц в Бутырской тюрьме. Двадцатилетний студент - химик МХТИ, Модест Акутин – красивый, обаятельный, артистичный, неплохо играющий на рояле, в 1933 году стал членом литературного кружка – читали студенты запрещенных поэтов серебряного века, не имея на это никакого права, но один из них донес об этом куда следует, и увезли их на «воронке» в Бутырку. Мама Модеста, Нина Васильевна, была зубным врачом в поликлинике Большого театра, встала она на колени перед своей пациенткой – солисткой Большого театра Верой Давыдовой, зная, что та имеет большие связи в ЦК ВКП (б) и взмолилась о помощи. Вызвали мальчика, а его следственное дело уничтожили, просто чудо произошло, можно считать, что родился заново. Урок он запомнил на всю жизнь и правила не нарушал. И рассказал мне М.С.Акутин историю Ю.А.Шляпникова. В 1937 году арестовали его отца - наркома труда А.Г.Шляпникова и мать. Детей, 14-летнего Юрия и 11-летнюю сестру, заставили на пионерском собрании отречься от родителей и отправили в исправительный трудовой лагерь для несовершеннолетних детей «врагов народа». В детском ГУЛАГ'е было все по-взрослому. Вопрос о жизни детей старше 15 лет решался индивидуально. Если они обвинялись в шпионаже, предательстве, троцкизме, их могли приговорить к расстрелу. В 1942 году Юрия условно-досрочно освободили и разрешили воевать в штрафбате, «кровью смыть вину перед Родиной», он был ранен, получил награды и весной 1945 года возвращался с Победой на Родину. Он был полон надежд и планов, хотел получить аттестат об окончании десятилетки поступить в университет на химический факультет и найти сестру. Но его судьбу уже решили на 10 лет вперед. В Бресте с ним «поговорили» сотрудники НКВД, «объяснили», что должен он отсидеть свой старый срок по 58 статье УК РСФСР, сняли с гимнастерки медали, пересадили в спецвагон с решеткой и отправили в Удмурдию, в ГУЛАГ. Был он дисциплинированным, покорным заключенным, работал на лесоповале, решал задачи по физике и математике для детей начальника лагеря и ему разрешили учиться и сдавать экзамены заочно, так он поступил на химический факультет пермского университета. В мае 1954 года начали освобождать из тюрем и лагерей политзаключенных (после смерти Сталина 5 марта 1953 года). Выйдя из лагеря, Юрий Александрович нашел свою сестру. Она жила в спецпоселении в Мордовии на правах вольнонаемной. В начале войны ей исполнилось 16 лет, и из детского дома ее привезли в ГУЛАГ. Она была хорошенькой, надзиратели (бывшие уголовники) ее «пожалели», определили на кухню, но такую милость девочке нужно «отрабатывать», она была совершенно бесправна и незащищена. Ее мучили, насиловали, если сопротивлялась, издевались, били. Она родила двух мальчиков. Когда Юрий Александрович приехал за ней, он увидел измученную, истерзанную, несчастную, седую женщину с больной психикой. Ей не было еще и тридцати лет! Из мордовских поселений они перебрались ближе к Москве, в правах их восстановили, разрешили проживать в крупных городах. Но в их квартире на улице Серафимовича (печально известном «Доме на набережной») жили другие хозяева. Сначала они снимали комнату, а позже получили жилье в «хрущевке». Сказать, что Юрий Александрович заботился о сестре и племянниках, это не сказать ничего, он отдавал им себя без остатка - учил, кормил, ухаживал. Учился и сам, окончил заочно химфак. В 1957 году академик Н.Н.Семенов был назначен директором недавно организованного института химической физики АН СССР, он уже знал Ю.А.Шляпникова, как талантливого, трудолюбивого студента и взял его на работу научным сотрудником. Юрий Александрович занимался

антиокислительной стабилизацией полимеров, проблемами в области биохимической физики, защитил кандидатскую и докторскую диссертации, стал член-корреспондентом РАН, он автор многочисленных научных трудов. Но главными в его жизни оставались сестра и ее дети. Мальчики стали подростками, и их поведение доводило его до отчаяния. Начала проявляться их ужасная наследственность. Они убегали из дома, бродяжничали, воровали, неоднократно он вызволял их из милиции, став старше они не раз попадали в колонию, выходили и опять совершали преступления, жизнь за колючей проволокой им нравилась. Дядя жалел их, ездил на свидания, посылал продукты, одежду. Но изменить ничего не мог. После отсидок они приезжали домой, издевались над дядей и матерью, требовали денег, пили. Полная безысходность. Юрий Александрович страдал и безропотно нес свой крест. Как точно сказал Ю.Трифонов «На каждом человеке лежит отблеск истории». Сколько жизней унесла и искалечила сталинская инквизиция! \*\*\* Современники этого ужасного времени многое знали, понимали и молчали, в их сердцах были ненависть, сочувствие и страх. Страна жила в двух измерениях. В одном – ночные аресты и расстрелы, тюрьмы и лагеря. Люди, ложась спать, ставили около кроватей чемоданчики с теплым бельем, ночью прислушивались к шагам в подъезде, движению лифта, звукам с улицы - где остановился «воронок». Когда становилось тихо, думали - «Слава Богу, пронесло». В другом - воскресные гулянья в Центральном парке Культуры и Отдыха им.М. Горького, праздники 1 Мая и 7 Ноября, начали заполняться прилавки магазинов, люди стали лучше одеваться, появилась косметика, духи, снимали кинофильмы, в том числе музыкальные комедии, люди стояли в очереди за билетами в театр. Л.Утесову разрешили создать советский джаз. В Саду Эрмитаж, в фойе кинотеатров «Колизей», «Ударник», «Форум» играл джаз - оркестр А.Цфасмана (автора танго «Утомленное солнце», «Мне грустно без тебя»...), А.Полонского (автора потрясающей мелодии танго «Цветущий май»). На углу улицы Горького и Камергерского переулка открыли «Коктейль-холл». Работал он до трех часов ночи. Это было шикарное, элитное место, единственное в Москве, где можно было, как там, «на Западе», сидя на высоком стуле за барной стойкой выпить коктейль, кофе с ликером, пунш, закусить жареным соевым миндалем, играл джаз - оркестр. Чтобы попасть туда, нужно было выстоять длинную очередь или дать швейцару «в лапу», тогда возмущенной очереди он объявлял - «У них столик заказан». Мама мне много рассказывала о том времени – это было время ее юности. Она обожала театр, многих артистов боготворила, слова «Художественный театр», «Большой театр», «Малый театр» произносила с трепетом и восхищением. Попасть на премьеру спектакля «Анна Каренина» в 1937 было практически невозможно, мама и ее подруги - однокурсницы Ира Гольц и Вера Бенцианова простояли всю ночь в очереди у театральной кассы, билеты им не достались. Но их огорчение восполнилось радостью и восторгом - они увидели своих кумиров, идущих в театр на утреннюю репетицию. Люди в очереди громким шепотом с благоговейным почтением произносили имена артистов. «Ааа...х, смотрите - Москвин, Тарасова, Качалов, Хмелев, Гиацинтова, Степанова, Кторов, Прудкин ...!». Но на «Анну Каренину» мама все-таки попала - тетя Эсфирь получила две контрамарки на премьеру и взяла с собой любимую племянницу. Мама рассказывала как изящно, благородно и с какой страстью играли А.Тарасова (Анна Каренина), М.Прудкин (Вронский), Н.Хмелев (Каренин). С огромным успехом шел спектакль о чести и достоинстве белых офицеров «Дни Турбиных» по роману М.Булгакова «Белая гвардия». Мои бабушка, тети и мама смотрели его несколько раз. В Москве ходили слухи, что Сталин беседовал с М.Булгаковым, Б.Пастернаком, И.Эренбургом. Многие верили, что жизнь наладится. В 1937 году помпезно отметили 100-летие смерти А.С.Пушкина, было разрешено упоминание Достоевского, Есенина, вернулись танго и фокстрот. Мама вспоминала, как бабушке по большому благу привезли из Ленинграда патефон, его возили в гости, на дачу, обменивались пластинками с друзьями. А летними вечерами у нас на даче в Кратове собиралась молодежь, они заводили патефон, танцевали под пластинки - «В парке Чайр», «Утомленные солнцем», «Брызги шампанского», «В городском саду», «Рио Рита», болтали, флиртывали, влюблялись. К сожалению, и патефон, и пластинки пропали. Недавно мне захотелось послушать эти замечательные мелодии маминой юности. Я ощутила странное состояние тоски ни о чем, воспоминания о том, чего никогда со мной не было. Кстати, автор большинства этих мелодий Оскар Строк – забытый «король» танго. Когда мама успешно сдала свою первую экзаменационную сессию, тетя Эсфирь сделала ей «царский» по тому времени подарок – подписку на журнал «Интернациональная литература», так с 1933 по 1943 г. назывался журнал «Иностранная литература» («Иностранка»). Журнал выходил малым тиражом, номера передавали друг другу по очереди. Там печатали «Очарованную душу» Р.Роллана, «Прощай, оружие» Э.Хемингуэя, «Иосиф Флавий» и «Еврей Зюсс» Л.Фейхтвангера, «Молодые годы Генриха IV» и «Зрелые годы Генриха IV» Г.Манна, «Три товарища» Э.-М.Ремарка. Советская власть почему-то открыла своим подданным этих писателей. Это было очень противоречивое время, я хочу его понять, но мне трудно. Тоталитарная власть вторгалась во все и по своему усмотрению истребляла, отвергала, разрешала, делила всех на «своих» и «чужих». Сколько талантливых поэтов и прозаиков расстреляли, а их имена и произведения были вычеркнуты надолго – Н.Гумилев,

О.Мандельштам, И.Бабель, Б.Пильняк и многие другие. А.Ахматовой, М.Булгакову Б.Пастернаку, А.Платонову, Ю.Тынянову и другим жизнь сохранили, но лишили свободы творчества. Сталин уничтожил и преданного, обласканного властью писателя - публициста, спецкора в Испании М.Кольцова – основателя журналов «Огонек», «Крокодил», «За рубежом». За упоминание И.Бунина, Д.Мережковского, М.Алданова и других писателей-эмигрантов можно было получить немалый срок, но они жили в памяти людей тайно. Только в 60-70-е годы произведения запрещенных в довоенное время поэтов и прозаиков вернулись в наш дом новыми изданиями в виде отдельных книг и собраний сочинений. С каким удовольствием мама и бабушка их перечитывали! \*\*\* Мама была страстной поклонницей Ивана Семеновича Козловского. Его имя имело для нее особую, магическую силу. И.С.Козловский и С.Я. Лемешев выступали в Большом театре в одно время. Оба тенора были популярнейшими кумирами довоенной Москвы. Споры театральной публики, кто же лучше, часто заканчивались потасовками поклонниц – лемешисток и козловитянок (некоторые называли себя козлитонистками или козловистками). Мама в этих разборках не участвовала и у 15-го подъезда Большого театра (месте встреч со звездами) не дежурила, но интерес к жизни И.С.Козловского у нее был всегда. Она знала его биографию, имена и истории его жен, первой – Александры Герцик, которая много лет была его матерью-наставницей, второй – Галины Сергеевой, красавицы-актрисы, снявшейся в фильме М.Ромма «Пышка». Помню, как она расспрашивала концертмейстера Большого театра С.К.Стучевского (друга тети Эсфири и ее соседа по даче в Кратове) о Козловском, но Семен Клементьевич сопротивлялся, как мог – «Я часто аккомпанировал Л.Собинову, С.Лемешеву, В.Барсовой, И.Архиповой, а не И.Козловскому». Но маме хотелось «завести» старого маститого музыканта – «Я знаю, что любимым аккомпаниатором Ивана Семеновича был Давид Лернер, а все-таки Л.Собинов не Лемешеву, а Козловскому, услышав его голос, подарил свои сценические костюмы, в том числе и костюм лебедя – рыцаря из оперы Р.Вагнера «Лоэнгрин». И конечно, мама знала все романсы и арии Козловского, всегда подпевала, услышав любимый голос по радио или TV. Жил он в Брюсовом переулке, доме 7. Поклонники называли этот дом «Ласточкино гнездо». Здесь жили легендарные певцы Большого театра – М.Рейзен, М.Максакова, А.Пирогов, Н.Ханаев, балерины – М.Семенова, О.Лепешинская, В.Кригер, дирижеры – Н.С.Голованов, А.Ш.Мелик-Пашаев. Бабушка и мама очень часто вспоминали эти имена. И.С.Козловский был русским тенором номер 1, кстати, пел он, всегда, без микрофонов! Его голос сразу узнаешь, он и сейчас прекрасно звучит не только в памяти старшего поколения. Мне посчастливилось видеть и слышать Козловского. В 1974 году в Москву приехали с концертом оперные солисты Миланского театра Ла Скала. Я стояла у входа в Большой зал консерватории и ждала своего друга. Желающих попасть на концерт собралось много, спрашивали «лишний билетик». Шел снег, свет фонарей придавал особый оттенок лицам, снежинкам, звездам на небе, всему, что происходило кругом, в этот вечер я не удивилась бы и появлению экипажей на улице Герцена (теперь опять Большой Никитской). И вдруг вижу, мне навстречу идет Ленский! Да! Сон? Высокий красавец, в цилиндре, с тростью, в черной крылатке, его шею изящно обвивал длинный белый шарф. Народ расступился. Да это же И.С.Козловский! Я думала удивить маму своим рассказом, но она знала о чудачествах своего кумира и его любви к розыгрышам. А однажды исполнилась девичья мечта моей мамы – она познакомилась с Козловским. А было это так. Зимой 1975 года (неужели прошло уже 35 лет!) Татьяна Ивановна Пельтцер (с этой замечательной актрисой нашу семью долгие годы связывали добрые дружеские отношения) пригласила маму и меня в Большой зал Консерватории на сольный концерт своего двоюродного брата замечательного пианиста Шуры Черкасского, он исполнял Шумана, Шопена, Бетховена, Скрябина, Листа... в совершенно потрясающем вольном стиле, незабываемо! В двадцатые годы, десятилетним мальчиком (уже тогда гениальным пианистом - вундеркиндом) он с родителями (отец его был зубным врачом) эмигрировал из Одессы в США. Мы сидели в первом ряду партера, Татьяна Ивановна была взволнована - это не просто увидеть родного человека через 50 лет. А в директорской ложе сидел И.С.Козловский, мама потеряла покой – «Татьяна Ивановна, посмотрите, в ложе Козловский, Вы его знаете? Умоляю, познакомьте меня с ним». Татьяна Ивановна отвечает - «Бертуля, давайте в другой раз, я волнуюсь, брата 50 лет не видела, сижу и вспоминаю детство, мамашу БERTY Марковну, папашу Ивана Романовича, дедушку раввина». Мама делает вид, что обижается – «Ну, все Татьяна Ивановна, значит, так Вы ко мне относитесь...». Татьяна Ивановна чувствует себя виноватой – «Бертуля, ну не сейчас же, дождемся антракта. Шура Черкасский встает, кланяется, уходит за кулисы. Наступают мамнины счастливые минуты. Татьяна Ивановна оставляет огромный букет цветов для Шуры на кресле, и мы подходим к директорской ложе. Иван Семенович, увидев нас, встал, галантно поцеловал Татьяне Ивановне руку, и она представила нас – «Мои самые близкие друзья - Берта Яковлевна – лучший в Москве врач-хирург, и ее дочь Ирина». Иван Семенович поцеловал нас руки. Он был очень элегантен, фрак придавал его фигуре особую изысканную статью. Я посмотрела на маму и увидела раскрасневшуюся от восторга девочку - «Иван Семенович, я

Ваша поклонница, восхищаясь Вашим голосом, до войны я слушала Вас в «Риголетто», Вы неповторимый Юродивый в «Борисе Годунове», Вы незабываемый Ленский, а какой Вы Берендей, не могу без слез слушать Ваши романсы...!!!». Мама говорила и смотрела на него с обожанием, было видно, что мамина реакция его радовала, ему было приятно слушать и сознавать, что он нравится женщинам. После концерта мы пошли за кулисы. Татьяна Ивановна преподнесла Шуре огромный букет цветов, он сразу узнал кузину, они расцеловались, он пытался говорить по-русски, перешел на идиш, затем на английский, все очень волновались, радовались, плакали. Вечер был удивительный! \*\*\* Мои воспоминания из 70-х проникли в описание событий, которые происходили в нашей семье в довоенные годы. Наступил 1938 год. Гриша четвертый год работал на ГАЗ'е главным инженером, дочка Зиночка росла, радовала папу, маму и всех родственников. Все было нормально – благоустроенная трехкомнатная квартира, хорошая зарплата. Семья находилась в приятном ожидании – в мае Дора должна была родить второго ребенка. Все были здоровы. Конечно же, мои родные понимали происходящее в стране. Ситуация сложилась страшная, но деваться некуда! Больше всего боялись ареста. В начале февраля 1938 года от Доры из города Горького получили телеграмму – «Выезжаю с Зиной, встречайте». Было все понятно – Гришу арестовали. Растерянную, беременную, рыдающую Дору с Зиной на руках, Соня и Эсфирь встретили на Курском вокзале и привезли к нам. В 1935 году наша семья переехала из квартиры на улице Большие Каменщики в квартиру на Таганской улице, в том же Рогожско-Симоновском районе. До революции Таганская улица именовалась Семеновской, а этот дом № 1 назывался доходным и принадлежал Николо - Угрешскому монастырю. Построили дом в 1913 году, но и в довоенные и послевоенные годы его считали одним из самых больших и благоустроенных - с центральным отоплением, с газовой колонкой в ванной, газовой плитой на кухне, даже с лифтом, по терминологии того времени «со всеми удобствами». Для меня Таганка – особенное место, я здесь родилась, прожила первые десять лет своей жизни. С нашей квартирой № 19 и ее обитателями меня связывают большие и маленькие события детства, о которых я расскажу позже. \*\*\* Дора рассказала, как ночью, они проснулись от стука в дверь. В квартиру вошли мужчины в штатском, видимо, сотрудники НКВД и дворники – понятые. Грише предъявили постановление на арест и обыск. Все перевернули, из шкафов выбросили белье, вещи, на кухне высыпали на пол крупу, муку, сахар, распотрошили детскую кроватку. Они вели себя бесцеремонно, раскидали документы, фотографии, книги, потом собрали все в кучу и бросили в мешки. Одеться Гриша не успел, он сидел за столом в трусах и майке, босиком, как окаменевший, и повторял «Дорик, прости, прости, я ни в чем не виноват», маленькая Зиночка плакала, не переставая. Ему разрешили одеться и увели. Это все, что рассказала Дора. Сказать, что мои родные находились в шоке от страшного известия, это не сказать ничего. Надо было выходить из этого состояния, но как действовать, с чего начать? Прежде всего нужно было обезопасить жизнь беременной Доры и Зиночки. По определению того времени она была СОЭ – социально - опасным элементом, ее ждала участь мужа – арест, а Зиночку – детский дом. Я не знаю, почему Дора оказалась в Киржаче, и уже, к великому сожалению, некого спросить об этом. Маленькая Зиночка осталась в Москве на попечении любящих родственников, тетя Эсфирь, для спасения малышки готова была ее удочерить. Как узнать, в какой тюрьме Гриша, какую статью УК ему предъявили? В те тяжелейшие годы было мало адвокатов, которые могли гордиться большим количеством подзащитных, спасенных от неминуемой гибели. Во многих семьях и сейчас с глубокой благодарностью вспоминают их имена – Комодов, Добролюбов, Газенцевейг, Россельс. По рекомендации знакомых Эсфирь обратилась к В.Л.Россельсу. Тетя Эсфирь была одним из самых известных гинекологов в Москве, она имела большие связи и материальные возможности, для спасения единственного и любимого брата не жалела ни денег ни сил. Владимир Львович согласился вести дело. Выяснилось, что Грише предъявлено обвинение по статьям 58-7 - вредительство, 58-11 – контрреволюционная организация, а также в том, что он японский шпион и враг народа. Гриша находился в следственной тюрьме в городе Иванове. В.Л.Россельсу потребовалось большое мужество, чтобы приехать в Иваново и, опасаясь, как бы приговор без суда не был приведен в исполнение, ломиться ночью в тюрьму и требовать свидания с возможно еще живым подзащитным. Гриша находился в ужасном состоянии. Его били и пытали, заставляли признаться в том, что он не совершал. Но главное – Гриша жив! Владимир Львович сказал – «Григорий Борисович, ничего не подписывайте, держитесь, я сделаю все возможное, Ваши родные здоровы и борются за Вас». На встрече с Эсфирью В.Л.Россельс сказал – «Я ознакомился с делом, единственно, что я могу – откладывать суды и требовать свиданий». Так сложилось, что в 60-е годы дядя Гриша жил у нас, он и моя бабушка вели неспешные беседы обо всем, о прошлом и настоящем, о жизни, я любила их слушать. После доклада Н.С.Хрущева на XX съезде КПСС в феврале 1956 года начали говорить о сталинских злодеяниях 36-38 годов по отношению к «ленинской гвардии» и партийным руководителям. И только в 1961 году, на XXII съезде Хрущев признал массовые репрессии, постигшие простых граждан. Многие, прошедшие через лагеря и тюрьмы 30-х, боялись говорить об этом вслух. Все помнили



недавние послевоенные репрессии: «борьбу с космополитами», ленинградское дело 1947 года, так называемое дело «врачей – вредителей» и другие сталинские расправы. Помню выражение глаз моих любимых тети Фиры, дяди Гриши и бабушки Сони, как они прикладывали указательные пальцы к губам, что означало «знай и молчи», когда обсуждали эти темы при мне, а иногда они переходили на идиш или французский. Однажды, в начале 60-х, на даче в Болшеве, я впервые (родные, видимо, знали раньше) услышала от дяди Гриши о том, как его мучили в тюрьме, о ночных допросах, пытках. Он чуть не лишился рассудка, хотел повеситься, уже сплел веревку из подштанников, и вдруг он услышал крик женщины из соседней камеры, ему показалось, что это голос Эсфири, он пришел в себя, снял с шеи петлю – палачи могут расценить самоубийство как признание вины и этим он навредит сестре. Пытки были невыносимы, ему не давали спать и пить, били в пах, вводили иголки под ногти. Следовательно по фамилии Автореев ставил ножку табуретки, на которой сидел, на пальцы гришиных ног, курил и приговаривал – «Подпиши, сволочь, и закрой дело». Дядя Гриша, не смотря на ужасные испытания, остался очень добрым, мягким человеком, никому не желал плохого, но я помню, как он произнес – «Ирочка, если, когда-нибудь тебе встретится человек по фамилии Автореев – уничтожь его». Грише и другим обвиняемым по этому делу вынесли приговор до суда, но нужно было приостановить его исполнение. Владимир Львович действовал по своему плану. Как только секретарь суда в Иванове сообщала о назначении даты слушания дела, В.Л.Россельс, используя свои связи, давал телеграмму из московской Прокуратуры с требованием перенести заседание суда. Несколько месяцев ему удавалось откладывать суды, добиваться свиданий с Гришей в тюрьме, убеждаться своими глазами, что он жив и держится. В стране ожидалась перемена, но до них надо было дожить. И действительно, в августе 1938 года главой НКВД был назначен Л.П.Берия. Н.И.Ежов был арестован, объявлен «врагом народа» и впоследствии расстрелян. «Ежовщина» кончилась. Первоначально перед Берией ставилась задача ликвидировать «ежовщину», приостановить репрессии. В.Л.Россельс понимал, что этот период продлится не долго, и надо спешить со слушанием дела в суде. Как известно, Берия, верный и добросовестный исполнитель воли Сталина, перевыполнил задание и «усовершенствовал» методы репрессий. Суд в Иванове состоялся осенью 1938 года. Ох, как нелегко окунуться в то время! Тетя Эсфирь работала с утра до вечера в нескольких клиниках. Для спасения брата нужно было много денег - на подкуп прокурора, его заместителей и секретаря суда, гонорар адвокату и его поездки в тюрьму и т.д. Она себя не жалела, очень похудела, страдала бессонницей. Ночью она не могла сомкнуть глаза и придумала себе занятие - вышивание. Часть старинного мебельного гарнитура, который стоял раньше в квартире тети Эсфири – «остатки былой роскоши», сейчас украшение моего дома. На небольшом круглом столике, покрытом очень старой, но хорошо сохранившейся бархатной скатертью, привезенной больше ста лет тому назад из имения в Березине, лежит салфетка, вышитая гладью разноцветными нитками «мулине», есть еще скатерть на большой стол, а на даче в Кратове «живут» две подушки, вышитые «крестом». Это и, наверное, многое другое вышивала тетя Эсфирь бессонными ночами. Боюсь высоких слов, но перед такой преданностью и добродетельностью хочется встать на колени. Семья моей бабушки была удивительно дружной, спаянной, все поддерживали друг друга не жалея сил, отдавали себя без остатка. В то время все они жили одним – желанием спасти Гришу и делали для этого все возможное и невозможное. \*\*\* В мае 1938 года Дора родила дочку Ирочку – мою двоюродную тетю. По родственным отношениям, связь не близкая, но Иру я называю своей сестрой – она близкий, родной человек, очень доброжелательный, готовый всем помочь так же, как ее папа и все наши родные. Для нее, как и для них, главным является единение семьи. Она и сейчас красива, привлекательна и обаятельна, хорошо и молодо выглядит. Когда Ира улыбается, на ее щеках появляются ямочки, а карие, добрые глаза сияют веселым огоньком, как у дяди Гриши и моей бабушки Сони. Ира никогда ни на что не жалуется и всегда активна. Она любит жизнь, природу, людей, детей, кошек, собак, птичек, помогает, кому может и верит в хорошее. Ира закончила МВТУ им. Баумана, вышла замуж за Витю, Виктора Петровича Архипова, который сразу стал нам родным. Виктор родился под Тулой, отец его был рабочим на железной дороге. В хозяйстве мамы, бабы Сани, так называли бабушку Миша и Ирэна - дети Иры и Вити, были и огород, и сад, и домашняя живность, она еще и валенки валяла. У Виктора, старшего сына в семье, были еще сестра Зоя и брат Женя. Своих близких Виктор никогда не забывал, трогательно заботился о родителях, сестре, брате, племянниках, ездил в Тулу с продуктами и подарками, помогал им всегда и во всем. Баба Саня, похоронив мужа, жила в семье своей дочери и умерла в 98 лет, пережив своего старшего сына почти на 20 лет. Виктор был очень способным, трудолюбивым и всего добивался сам - ходил в школу в нескольких километрах от дома, научился играть на аккордеоне, привезенном отцом в 1945 году из Германии, от природы досталось ему слабое здоровье, но он решил стать сильным и тренировался – бегал, прыгал, плавал. Получив аттестат, он поступил в МВТУ, стал мастером спорта по штанге, влюбился в самую красивую девушку в институте - нашу Иру. Они поженились в 1962 году. Дядя Гриша очень волновался перед свадьбой. В новом черном костюме, сшитом к

этому дню, он выглядел очень хорошо, но, помню, сказал бабушке, что это его последний костюм, в нем его похоронят, и если его не пригласят на свадьбу – не обидится, так как не хочет подводить Ирочку – все увидят, что ее папа еврей. Но его пригласили! Как он был счастлив! Рассказывал, как гости танцевали модную тогда «Летку-Енку», как кричали молодым «горько!». С Виктором у него сразу установились добрые отношения. К тому же их объединяло желание построить кирпичный дом. После войны дядя Гриша получил участок около станции Подлипки, в Малом Болшеве, но денег всегда не хватало, содержать семью было нелегко, строительство шло медленно, и было особенно приятно, что зять по-хозяйски взялся за дело. К сожалению, Гриша не успел пожить в этом доме. После смерти Виктора строительную эстафету принял Миша Архипов – внук Гриши – единственный продолжатель мужской линии рода Чарных. Миша закончил МГИМО, работал в Индии, знает английский, хинди, изучает китайский. Он успешный бизнесмен, достойный и добрый человек. Я отношусь к нему с нежностью и уважением. Помню, 29 июня 1963 года я была у бабушки в Болшеве, узнав о рождении малыша (у соседей был телефон), я на велосипеде помчалась в Малое Болшево, но никого там не застала. На участке было много стройматериалов и аккуратно сложенных кирпичей. Радость меня переполняла, хотелось оставить хотя бы записку, но ничего пишущего у меня не было, и я кирпичами выложила «Поздравляю!». Я, конечно, не думала, что кирпичи кому-то придется собирать. Любимый дядя Гриша сразу понял, кто автор послания, ему было очень приятно, и кирпичи он сложил только через неделю. Какое счастье – внук родился! Ирочка работала инженером в расчетном отделе на заводе «Сатурн», руководимом академиком А.М.Люлькой – конструктором авиационных двигателей. Дисциплина на заводе была строгая, декретный отпуск короткий. Ирочка, Витя и бабушка Дора работали, с Мишенькой сидел дедушка Гриша. С каким удовольствием и гордостью он рассказывал о проделках маленького шалуна – «Соня, ты не представляешь, какой он ловкий, он опять меня перехитрил – сбросил на пол тарелку с кашей». К сожалению, общению с внуком дедушка радовался чуть больше года. В сентябре 1964 года дядя Гриша умер от третьего, обширного инфаркта в болшевской больнице. Рядом с ним была моя бабушка Соня, Ирочка приезжала каждый день и успела с ним попрощаться, Зина была в турпоездке, в Праге. Мы всегда с радостью ждали прихода Иры и Мишеньки. Маленький, толстенький, очаровательный, он входил, застенчиво прятался за маму, мы хором спрашивали – «А где же Мишенька?», но через минуту наша квартира превращалась в поле активных действий. Он ломал, разбивал, бросал все, что мог достать, приклеивал к стене бутерброды, залезал под стол, раскладывал всем на колени помидоры, слово «нельзя» он не знал. А как страдала наша собака – немецкая овчарка Айна! Мишенька садился на пол, напротив Айны, нос к носу, дергал ее за уши, совал ей в пасть все, что хотел – игрушки, веник, конфеты и сразу отнимал. Слава Богу, у Айны было развито чувство материнства, к тому же, хорошее воспитание не позволяло кусаться, она только стонала и уползала в безопасное место, иногда приходилось кровать поднимать, чтобы ее вытащить. Боялся Мишенька только олененка с маленькими рожками – картинку на календаре. Когда он входил на кухню, то отворачивался от стены, где она висела, закрывал ладошкой один глаз и тихо говорил – «Убери его». Честно скажу, мы всегда радовались его приходу, готовились, но и с облегчением вздыхали, провожая их. Прощаясь, он становился опять тихим и стеснительным, всех целовал по очереди, объявлял, что поедет на такси и на вопрос бабы Фани – «Как же ты остановишь машину?» говорил – «Эй, таксист, зеленый огонек, поехали». От нас до Сокольников, где они жили, можно было доехать за один рубль. Иногда я встречала Мишеньку из детского сада и привозила к нам. На автобусной остановке, а это была «конечная» рядом с заводом «Сатурн», всегда собиралось много народа. Толпа штурмовала автобус, но Мишенька пробивался вперед, ложился на сидение и кричал – «Ирка, я занял место, иди сюда!». Кто-нибудь обязательно возмущался – «Вот мамы молодые, детей нарожали, а не воспитывают», но некоторые улыбались и говорили – «Заботливый какой, матери место занял!» Удивительный поворот в поведении Миши произошел, когда ему исполнилось лет 10. Как-то он остался на попечении моей мамы и попросил включить телевизор. Мама сказала, что телевизор новый, и оставить тебя одного в комнате нельзя – наверняка все сломаешь, поэтому побудь рядом со мной, как только освобожусь, включу и посмотрим вместе. Мишенька возразил – «Тетя Беба, я уже ничего не ломаю, честное слово!» Мама поверила, но все-таки не раз заходила в комнату предложить что-нибудь вкусное и, конечно, проверить, как дела. Миша вел себя идеально. Он сказал, что уже давно ничего не ломает, так как ему нужно заботиться о младшей сестренке Ирэне и хорошие примеры ей показывать. Ирэна младше Миши на восемь лет. Она росла удивительно разумной, толковой, уверенной в себе девочкой, любившей во всем порядок. Однажды в присутствии Ирэши моя мама эмоционально рассказывала о каком-то происшествии, из которого, по ее мнению, нет выхода. Четырехлетняя малышка отвлеклась от своего любимого занятия – чтения, и сказала очень серьезно – «Надо вызвать милицию!» Читать Ирэна научилась рано, читала все подряд – классику, публицистику, фантастику, книги по истории, философии, все запоминала, анализировала. Если есть понятие «саморазвивающийся ребенок», то это Ирэша, казалось, что она

родилась сразу взрослой и лидером стала еще в детском саду, когда вместо воспитательницы учила детей читать, писать, считать и т.д. Ребята в школе ее любили и уважали, выбирали третейским судьей в их спорах. Бывало, что мир и справедливость она восстанавливала с позиции силы – даст каждому по лбу и вопрос решен. Девочка росла не только доброй, умной, но и сильной. Виктор очень любил своих детей, гордился ими, заботился об их образовании. Миша учился в музыкальной школе игре виолончели, а Ирэша - на пианино. Вспоминается один чудный вечер у Архиповых, жили они уже в квартире на Миусской площади. Мы приехали на день рождения Ирэны, ей исполнилось пять лет, она радовала и удивляла нас своими познаниями, читала стихи. У всех было хорошее настроение, Виктор предложил устроить концерт, все его поддержали. Моей бабушке было уже 84 года, но голос ее звучал прекрасно, она пела романсы Глинки, Чайковского, Даргомыжского, а тринадцатилетний Миша аккомпанировал ей на виолончели. Незабываемо! Виктор записал все на магнитофон «Яуза», и посоветовал мне сделать то же. Вскоре я купила портативный магнитофон «Электроника» - Hitech того времени, благодаря которому и сохранилась запись бабушкиного голоса, к сожалению, не очень качественная. Ирэна всегда была очень самостоятельной и независимой, работать она начала в семнадцать лет, так как поступила в МГИМО на вечернее отделение. Виктор умер, когда она была на четвертом курсе. Она закончила МГИМО с «красным дипломом», стала профессионалом высокого класса, умеет и любит работать, часто ездит в командировки по всему миру, у нее широкий круг интересов, много друзей. Я очень люблю Ирэнку, несмотря на большую разницу в возрасте, мне с ней легко и приятно общаться, мы понимаем друг друга, доверяем сокровенное. Жизнь не раз показывала, что на Архиповых можно положиться и в радости и в печали. Никогда не забуду, как Миша и Ира первыми приехали ко мне в день смерти моей мамы, привезли агента по оформлению ритуальных услуг, как Миша ездил целый день по всей Москве, чтобы оформить множество документов, а вечером, не отдохнув, улетел в командировку. Современная жизнь так устроена, что мы видимся не когда хочется, а по дням рождения или дням памяти, но я знаю, что в любое время дня или ночи, Ира, Ирэна, Миша оставят свои дела и будут рядом, чтобы поддержать меня. Благодарю Бога за то, что в них сохранилось все хорошее, заложенное многими поколениями наших близких и семьей их папы Виктора Петровича Архипова. Дядя Гриша не раз говорил бабушке: «Соня, помани мое слово, Виктор будет министром». И действительно, Витя занимал высокие посты в министерстве, где работал. Он был немногословным, очень родственным, внимательным и отзывчивым человеком, моих бабушек он называл тетями, относился к ним с уважением и нежностью. Виктор никогда не афишировал свои возможности и свою помощь, его никогда не надо было просить о чем-то, он видел, что может помочь и помогал. После окончания института я получила распределение во ВНИИ Медицинских полимеров. В то время молодой специалист был обязан отработать по распределению три года, исключение делалось поступившим в аспирантуру. Я сдала экзамены в аспирантуру, но директор института не хотел меня отпускать, предлагая учиться заочно. Я расстроилась. Тема диссертации была уже выбрана, план составлен, мне хотелось иметь свободное расписание, возможность распоряжаться своим временем. И на вопрос Виктора «Как дела?», я рассказала о своей проблеме. На следующий день вызывает меня директор ВНИИ Медицинских полимеров Е.Е.Рылов и говорит взволнованно: «Зачем же Вы сразу министру жалуетесь, я и сам решил подписать Ваше заявление». Звоню Виктору, благодарю, а он отвечает: «Пустяки. Директор забыл, о своих обязанностях поддерживать молодых ученых, ему напомнили об этом сверху, вот и все. Учись». Витя был очень надежным и исключительно порядочным человеком, на него можно было положиться – никогда не подведет. Это редкое человеческое качество. В ноябре 1989 года в нашей московской квартире случился пожар, выгорели балкон и одна комната. Первыми приехали Ира и Витя. Это были годы дефицита всего и строительных материалов в том числе. Мы даже не видели, когда Виктор замерил сгоревший балконный блок. На заводе, где работала Ира, блок изготовили, через пару дней привезли и поставили. Таких примеров участия Вити в нашей жизни много, он был свой, родной. Кто не жил в эпоху развитого социализма, всего не поймет! Виктор ушел из жизни второго мая 1992 года, не дожив до своего 61-летия. \*\*\* Итак, в сентябре 1938 года секретарь суда сообщила, что время заседания суда назначено. В Иваново приехали адвокат В.Л.Россельс, Эсфирь, Соня и Дора с маленькой Ирочкой. Моя бабушка рассказывала, что день был холодный, шел дождь. Гриша под конвоем шел из следственной тюрьмы в здание суда. Он был неузнаваем. В грязной тюремной одежде, весь опухший, лицо синеватого цвета, одна нога обмотана тряпкой, другая босая. Дора бросилась к нему, протянула руки, показывая маленькую Ирочку в одеяле – «Гриша, посмотри, вот твоя дочка Ирочка, посмотри!». Он не реагировал, взгляд был потусторонний. Вошли в здание суда. Судья открыл заседание, подсудимые сидели неподвижно. Их дело было переплетено в несколько толстых картонных томов. Их обвиняли в контрреволюционной организации, вредительстве и шпионаже. Главным обвиняемым был бывший главный инженер ГАЗ'а Григорий Борисович Чарный. По статье 58-7 – вредительство, его обвиняли в том, что вместо легированной стали марки 35, он варил

сталь марки 3 – ниже качеством (нелегированную), по статье 58-11 – контрреволюция, его обвиняли в шпионаже в пользу Японии – до переезда на работу в Горький он работал во Владивостоке. Прокурор требовал высшей меры наказания. В.Л.Россельс имел большой опыт в изучении следственных дел, поэтому читать многотомное дело начал с конца, чтобы сразу понять, что главное. Он увидел, что нигде нет указаний на экспертизу образцов стали. Поэтому его первый вопрос к свидетельнице был о том, чем отличается сталь нелегированная от стали легированной, и как она узнала, что изготовлена нелегированная сталь. Свидетельница смущенно ответила, что не знает. Далее Владимир Львович сказал, что не может, не согласится с прокурором, что опирается на высокий гуманизм нашей сталинской конституции и приехал выполнить свой профессиональный долг. Он умело вел защиту и доказал, что состава преступления нет. После перерыва суд вынес оправдательный приговор Грише и всем обвиняемым по его делу. Их всех освободили в зале суда. Представляю радость и слезы моих близких. Как точно В.Л.Россельс все рассчитал! Период торжества справедливости просуществовал не долго. Репрессивная машина продолжала работать. \*\*\* С Владимиром Львовичем тетя Эсфирь и бабушка поддерживали добрые отношения, по их рассказам он был очень интересным и остроумным человеком, душой общества. В 1960 году мы переехали в квартиру на Садово-Сухаревской улице, какое-то время наша улица называлась Мало-Колхозной площадью, а в 90-е годы она получила более благозвучное имя - Малая Сухаревская площадь. Когда еще не было метро «Сухаревская», до ближайшего метро «Проспект Мира» мы ходили пешком по улице Щепкина. На этой улице я иногда встречала высокого, очень статного человека преклонных лет с толстой тростью, одетого всегда очень элегантно. На него нельзя было не обратить внимания. Как-то мы с бабушкой вышли из дома на прогулку и его встретили. Оказалось, что они знакомы и очень рады встрече, он поцеловал бабушке руку, она меня представила. Это был Владимир Львович Россельс. Помню, я отправилась по своим делам, а они сели на скамейку рядом с нашим подъездом и долго разговаривали. До начала 70-х я встречала его и на дачных собраниях в Кратово (тетя Эсфирь помогла ему купить участок в нашем кооперативе «Инженер») и на прогулках по улице Щепкина. Он сохранял свою мужскую красоту и элегантность, неизменно приподнимал шляпу, раскланиваясь со мной, передавал привет моей бабушке и тете Эсфири, очень расстроился, узнав о ее смерти в 1965 году. А в 1972 году в газете «Вечерняя Москва» мы прочли, что известный московский адвокат Владимир Львович Россельс скончался. Светлая ему память! \*\*\* Гриша приходил в себя медленно, сестры его уговаривали поехать в санаторий, но он и слушать об этом не хотел, пришлось организовать лечение в Москве. Тете Эсфири, благодаря связям, немислимым взяткам чиновникам и т.д. удалось так закрыть дело, что не сохранилось ни одного документа об аресте Гриши ни на Лубянке, ни в Прокуратуре, ни в суде, все было уничтожено. Этот период жизни надо было скрыть. В анкете приема на работу до начала 60-х был пункт – «Были ли репрессированы Вы или Ваши родственники?», после войны прибавился еще один пункт – «Были ли Вы или Ваши близкие в плену и на оккупированной территории?». Если ответить «Да» - на работу не принимали – ведь бывший «враг народа» - человек «второго сорта», ему нельзя доверять. А если в пресловутом «пятом пункте» - национальность, кстати, просуществовавшем до середины 90-х, написано «еврей» - шансы получить работу становились еще ближе к нулю. Нельзя было забывать и о «заклятых друзьях» и о доброжелательных добровольных доносчиках, то есть Грише с семьей лучше было уехать подальше. В 1939 году Гриша получил работу в Красноярске и отправился туда с женой Дорой и двумя девочками Зиной и Ирочкой. Там он работал инженером на машиностроительном заводе. Вероятно, во время войны этот завод объединили с одним из эвакуированных из Москвы предприятий и создали завод по выпуску военной техники. Гришу в армию не призвали, выдали бронь. В 1943 году этот завод получил предписание вернуться в Подлипки, откуда был эвакуирован. Подлипки в то время был – рабочим поселком в 20 км от Москвы по Ярославскому шоссе, названным в 1938 году городом Калининград. Грише с семьей разрешили выехать из Красноярска вместе с работниками завода. Так дядя Гриша оказался в Подлипках, получил комнату - 24 кв.м с балконом в кирпичном доме на улице Сталина (теперь Циолковского), работал на предприятии, получившем после войны название НИИ-88 (НИИ С.П.Королева). Знаменитый ученый и конструктор, основоположник космонавтики, академик С.П.Королев, репрессированный в 1938 году, работал до 1944 года в одной из «шарашек» - КБ тюремного типа, где разрабатывались авиационные ракетные установки. Кроме того, он предложил проект по созданию ракет на жидком топливе, но оказалось, что подобные разработки уже есть в Германии – это баллистические ракеты ФАУ-2. В составе группы советских специалистов С.П.Королева направили на немецкие предприятия и поручили собрать и испытать ракеты ФАУ-2. В 1946 году было принято постановление о развитии ракетостроения в СССР. Но главным в этом постановлении было решение о создании в Подлипках (Калининграде), а с 1996 года и поныне городе Королеве, НИИ-88 – государственного союзного НИИ ракетного вооружения. С.П.Королева назначили одним из главных конструкторов. В 1947 году была сделана копия немецкой ракеты, после ее испытаний С.П.Королев

предложил проект создания отечественной ракеты большей дальности, с лучшими характеристиками, и уже в 1948 году на полигоне Капустин Яр успешно прошли испытания ракет Р-1 из своих материалов. В одном из цехов НИИ-88 инженер Григорий Борисович Чарный добросовестно и успешно разбирал, собирал и испытывал немецкие ФАУ-2 и отечественные баллистические ракеты на жидком топливе, уволили его в 1949 году. В послевоенные годы репрессии продолжались, но стали более упорядоченными и направлялись против конкретных социальных групп. Так в 1948 году – дело против «Еврейского антифашистского комитета». Этот Комитет, созданный в августе 1941, все годы войны проводил активную работу по мобилизации мирового общественного мнения против злодеяний фашизма, собирал огромные денежные средства на оснащение Красной армии самолетами, танками, новейшей военной техникой. Все делали для Победы! Его членами были знаменитые политические деятели, ученые, писатели, поэты – евреи по национальности, сделавшие огромный вклад в советскую и мировую науку и культуру – С.Л.Лозовский, Л.С.Штерн, П.Д.Маркиш, Л.М.Квитко и другие. Руководителем комитета был известный актер и режиссер С.М.Михоэлс. Моя бабушка очень любила спектакли Еврейского театра (находился он на месте театра на Малой Бронной) и рассказывала, с такой страстью, темпераментом и остротой, он исполнял главные роли в «Короле Лире», «Тевье - молочнике» и других. Все зрители, независимо от социальной принадлежности и национальности плакали. В ноябре 1948 года Комитет был распущен, члены его арестованы и приговорены к высшей мере наказания, С.М.Михоэлс зверски убили в Минске агенты Госбезопасности. В 1989 году было опубликовано сообщение о реабилитации всех членов «Еврейского антифашистского комитета». В 1949 году было сфабриковано «Ленинградское дело» и Постановление ЦК ВКП(б) «О журналах «Звезда» и «Ленинград» против А.А.Ахматовой и М.М.Зощенко. Последним стало «Дело врачей», в котором увязали всех «вредителей», действовавших якобы по поручению участников «Ленинградского дела», «Еврейского антифашистского комитета». Это привело к взрыву антисемитизма. Дядю Гришу уволили в 1949 году без объяснения - забрали пропуск в проходной НИИ-88, в тот же день из квартиры унесли телефонный аппарат и отрезали телефонный провод. Через несколько месяцев он устроился на работу в отдел снабжения какого-то треста, после увольнения оттуда так же без объяснения - механиком на завод «ХимМаш», так продолжалось около десяти лет. За это время он получил два инфаркта, гастрит, язву желудка. Я помню, как дядя Гриша приезжал к нам из Подлипок рано утром, садился у телефона и звонил по справочнику работодателям, как он представлялся, перечислял свои специальности, места, где работал, и с беззащитной улыбкой говорил : «У меня два изъяна в анкете: мне больше 55 лет и я еврей». Думаю, что из дома он уезжал без завтрака – оставлял бутерброды любимым девочкам, называл их всегда очень ласково - Ирочка, Зиночка, «доча». Как-то, мне было лет 13, захожу с подружками после уроков или вместо уроков (и такое бывало) в магазин «Молоко» на Сретенке полакомиться молочным коктейлем. Я очень любила смотреть, как делали это чудо 60-х годов. Два больших металлических стакана в форме конуса продавщица заполняла охлажденным молоком, фруктовым сиропом, мороженым и устанавливала в специальное приспособление, затем эта смесь взбивалась миксером – дивным дивом бытовой техники того времени. И на наших глазах происходило волшебство – смесь превращалось в воздушный, холодный напиток с шапкой из молочной пены. Граненый стакан этого чуда стоил 10 копеек. Цена молочного мороженого была 9 копеек, фруктового – 7, сливочного – 13, пломбир стоил 19 копеек, а «сахарный рожок» – 15. Пили молочный коктейль тут же, в магазине, стоя у высоких столиков из серого мрамора, портфели и сумки вешали на крючки под столешницей. Как только мы веселой стайкой вошли в магазин, я увидела дядю Гришу. Он стоял за столиком и медленно ел, еда его состояла из французской булки и молока, которое он пил из бутылки. Я почувствовала, что он смутился, увидев меня, мы обнялись, и он, как бы оправдываясь, сказал, что есть хлеб с молоком на обед и полезно, и вкусно, и стоит всего 15 копеек, если сдать бутылку. Мне сразу захотелось взять дядю Гришу за руку и пойти домой, пить молочный коктейль расхотелось. Остаток булки он аккуратно завернул в газету, положил в портфель, сдал бутылку. Постоянную работу, соответствующую его знаниям и опыту, ему так и не суждено было найти, отношения в семье с любимой Дорой тоже складывались нелегко, сестры, особенно моя бабушка и тетя Эсфирь очень жалели его и, конечно, помогали. Дядя Гриша был очень гордым человеком, старался не показывать близким своего отчаяния, шутил, рассказывал забавные истории. Все это стоило ему огромных усилий. Кто-то из умных людей сказал, что действительности нет дела до человеческих надежд и желаний. Чтобы выжить в то время и остаться порядочным человеком требовалось большое мужество. \*\*\* Считается, человек должен пережить все, что написано ему судьбой. Конечно, жизненные пути у всех разные, тем не менее, судьбы людей из разных социальных слоев, но одного поколения в чем-то схожи. Интересны воспоминания моего мужа Аркадия об отце – Григории Ивановиче Никитине. Родился он в 1901 году под Владимиром в крестьянской семье, бедной и многодетной. В 17 лет, узнав о революции и декретах большевиков, он пешком, в дырявых валенках, ушел из деревни в Москву – очень хотел выучиться на инженера. «Желающего идти

судьба ведет», - говорили мудрецы. Он нашел жилье, работу, стал пролетарием, научился грамоте, вступил в ряды РКП(б), поступил на рабфак при институте Стали и сплавов, получил место в общежитии и стипендию, через четыре года без вступительных экзаменов стал студентом. Он был немногословным, трудолюбивым и успевал все – хорошо учился, занимался общественной работой, спортом, был членом ОСАВИАХИМ'а, шахматного клуба, участвовал в выступлениях синеблузников, ему поручали нести знамя института во время демонстраций на Красной площади. Но друзей у него было немного. Аркадий рассказывал мне о ближайших друзьях отца – П.Ф.Ломако, академике, Герое Социалистического Труда, министре цветной металлургии до конца 80-х годов и И.И.Осиновском – заместителе министра тяжелого машиностроения, тоже академике и лауреате многих премий. В 60 - 70-е годы, если позволяли государственные дела, они собирались по воскресеньям играть в преферанс. У П.Ф.Ломако было увлечение – он собирал каслинские изделия из чугуна, отлитые по моделям таких скульпторов как П.Клодт, И.Витали, Е.Лансере. Особенно он любил фигуры лошадей. В 1914 году чугуно-литейный завод в Касли, кстати, основанный Демидовыми, начал выпускать военную продукцию, литье художественных изделий прекратилось. В довоенные и послевоенные годы отливали изделия революционной тематики, памятники, ограды для набережных, мостов, архитектурное литье для метро и т.д. Но литьевые формы моделей, выполненных старыми мастерами, чудом сохранились. По особому заказу, используя сложную технологию формовки, отливки и ручной чеканки, специалисты создавали уникальные изделия. В коллекции П.Ф.Ломако таких изделий насчитывалось немало. Как-то за игрой в преферанс, Григорий Иванович сказал Петру Фаддеевичу, указывая на модель одного из четырех коней П.К.Клодта: «Хороший коняка у тебя». «Да, неплохой», - ответил хозяин. После карточного вечера Григорий Иванович приехал домой и у двери своей квартиры увидел шофера П.Ф.Ломако с конем Клодта под мышкой. Мой муж Аркадий привез мне этого коня в мае 1997 года, перед отъездом в США, он рассказал эту историю и попросил: «Ир, сохрани коня для истории семьи, Алене будет интересно». Конь этот по сей день стоит на шкафу в комнате нашей дочки Лены. А историю этого шкафа и кровати из букового дерева от спального гарнитура, подаренного дедушкой Яковом бабушке Соне к свадьбе, я написала раньше. Итак, Григорий Иванович Никитин, окончив московский институт Стали и сплавов, получил диплом и поехал по распределению в Запорожье, на металлургический комбинат «Запорожсталь» налаживать производство. Стране нужен свой металл. Комбинат начал действовать с 1933 года, а уже в 1935 году вступила в строй первая мартеновская печь. Инженера Никитина назначили главным инженером «Запорожстали». Вскоре он женился на своей 19-летней секретарше Белочке Однопозовой. Аркадий - был их единственным сыном, они его не просто любили – они его обожали и очень баловали. Это не помешало Адику, так родители называли сына, вырасти порядочным, трудолюбивым, добрым человеком, стать прекрасным отцом, мужем, верным другом, и кроме этого, ведущим специалистом нашей страны в области переработки алюминия. В 1936 году на комбинат «Запорожсталь» приехал нарком тяжелой промышленности – организатор строек пятилеток Серго Орджоникидзе. Главному инженеру Г.И.Никитину, как самому грамотному, толковому специалисту и коммунисту поручили сопровождать наркома и его свиту во время осмотра комбината. Серьезный, вдумчивый, перспективный главный инженер понравился наркому – такие люди нужны в Москве. И спустя пару месяцев Григорий Иванович получил вызов в Промакадемию – учебное заведение в структуре Наркомтяжмаша, где формировался большевистский отряд, подкованный техническими знаниями. Требовались новые кадры, способные руководить предприятиями не только производственно-технически, но и, главное, общественно-политически. Без этого нельзя было превратить СССР из отсталой страны в передовую. Никитины переехали в столицу, получили квартиру, небольшую двухкомнатную, но повышенного качества, в так называемом «Доме на набережной». Григорий Иванович был умным, осторожным, очень сдержанным и скромным человеком. Слава Богу, он избежал репрессий. Его продвижение по служебной лестнице после окончания Промакадемии было быстрым, однако, круг общения оставался ограниченным, дом его был закрыт как для родственников, так и для знакомых. Жена называла его всегда «Григорий Иванович», подчеркивая высокий социальный статус мужа. Аркадий был очень привязан к родителям, но рассказывал о них немного. Я не была знакома с Григорием Ивановичем, но думаю, что именно от него Аркадий унаследовал преданность и верность семье. Заботу и любовь, он выражал не словами, а своим отношением, без сюсюканья и сентиментальности. В 1998 году Аркадий, уехав работать в США, взял с собой небольшой альбом с семейными фотографиями, после его смерти в 2007 году я привезла альбом обратно. В основном там фото нашей Леночки и мои, но есть несколько фотографий Аркадия с родителями. Одна из них, особенно трогательная и выразительная, сделана в Крыму, в первые, послевоенные годы. На ней запечатлен счастливый момент – маленький Адик, лет семи – восьми, в трусиках и сандаликах, стоит между родителями, они его нежно обнимают, он улыбается, ему хорошо, папа и мама защищают его от невзгод и злоключений. Семья Григория Ивановича жила обеспеченно, но замкнуто, гостей принимали редко, отдыхали в санаториях Совмина

всегда втроем. Только один раз отец и сын ездили в деревню под Владимир, на историческую родину, там у них оказалось много двоюродных братьев, сестер и другой родни. В каком году это было, Аркадий вспомнить не мог, но точно, что поездка эта состоялась в период «хрущевской оттепели». Во время застолья родственники по русскому обычаю выпили хорошенько и задавали Григорию Ивановичу актуальные вопросы. Как будем догонять, и перегонять Америку? Неужто социализм уже построили? Скоро ли продукты в магазинах появятся? Чем скот кормить? Зачем приусадебное хозяйство ликвидировать, живность изничтожать? Хотя влияние компартии на умы людей после XX съезда немного ослабло, но страх исчезал медленно, и критика социализма по-прежнему каралась. Но Григорий Иванович нашел ответы. Нелегко было ему отбиться и от других вопросов. Правда ли, что Сталин враг и преступник, и будут ли деньги менять? Родственники также жаловались на колхозное начальство, просили о помощи в своих делах. Аркадия напоили самогоном. На этом знакомство с деревенскими родственниками закончилось. Григорий Иванович много лет занимал высокие посты в Совете министров РСФСР. Должность управляющего делами Председателя Совета министров была последней, перед его уходом на пенсию. Жена называла его работу «службой», гордилась послужным списком мужа и говорила: «У нас в Федерации». Григорий Иванович умер в 1976 году от второго обширного инфаркта. Ордена и грамоты Григория Ивановича Никитина, полученные от ЦК КПСС и Правительства СССР за труд и верность, хранятся в большом коричневом портфеле. Аркадий принес его в нашу квартиру на Сухаревской перед отъездом в США. Григорий Иванович практически не использовал свое служебное положение, отказывался от предназначенных благ, приучил жену и сына сохранять чеки от покупок в 100-ой секции ГУМ'а, спецмагазинах и заказов в ателье. Он был очень умным и дальновидным человеком, анализировал и понимал ситуацию, никогда не забывал, где живет. Вот такая судьба была уготована деревенскому мальчику, которому новая власть позволила осуществить мечту – он выучился на инженера. Но плата оказалась высокой – его на всю жизнь лишили права владеть самим собой. Да, правильно сказано, что всякий человек есть история, не похожая ни на какую другую. Из печального дома на улице Серафимовича Григорию Ивановичу хотелось уехать, и он был рад возможности переехать в 1954 году в новый дом № 37а на Ленинском проспекте (Калужской заставе). Он выбрал небольшую двухкомнатную квартиру с кухней 15 кв.м. Выходные семья проводила в саду, так они называли свою очень скромную дачу в Жаворонках. Григорий Иванович просил жену с ее родными не общаться, исключение делалось только Семену Однопозову, родному брату Бэллы, и его дочке Наташе. Аркадий был младше дяди лет на десять, они очень дружили, часто перезванивались, радовались встречам. Семен - художник, закончив академию живописи, он обосновался в Киеве. Наташа живет в Москве с мужем Юрой, их дочь Лена пианистка, она закончила московскую консерваторию, вышла замуж за Марка, он тоже профессиональный музыкант – скрипач, они граждане США, но часто приезжают с концертами на Родину. В августе 2009 года у них родилась чудесная девочка Алиса, а ровно через два года появилась на свет прелестная Элеонора. С Наташей меня связывают добрые родственные отношения. \*\*\* Хочется рассказать о младшей сестре моей бабушки – Еве Борисовне Чарной, по мужу Новиковой. В семье ее всегда ласково называли Евочка. Добрая, красивая, нежная, с ровным и покладистым характером, она всех умиротворяла и успокаивала. Росла она болезненной девочкой, всю жизнь страдала сильными головными болями, горстями принимала пирамидон, ее исследовали лучшие врачи, но точный диагноз поставили только в послевоенные годы: лейкоз, тогда так называли лейкоз – рак крови. Она прожила всего 49 лет. Я была совсем крошкой, но помню, как с бабушкой навещала Еву в клинической больнице им. Склифосовского. Мы ехали от Таганки, где тогда жили, на троллейбусе «Б» до Сухаревской площади, входили через изящные чугунные ворота в красивое здание и оказывались в холле с высокими сводами, расписанными ликами святых. Больница и церковь при ней построены в конце 18 века графом Шереметевым в память о жене – актрисе крепостного театра Прасковье Ковалевой – Жемчужовой. После реставрации здание выглядит очень нарядно. Что там сейчас я не знаю. На фасаде, над колоннадой золотыми буквами написано – «Странноприимный дом Н.П.Шереметева», чугунные ворота закрыты. Больница превратилась в известный медицинский центр и уже давно называется Московский городской НИИ скорой помощи им.Н.В.Склифосовского. Вход в приемный покой и новый многоэтажный корпус с Грохольского переулка, напротив Ботанического сада – «аптекарского огорода», основанного Петром I. Из холла мы спускались в темноватое помещение – раздевалку, там бабушка передавала гардеробщице наши пальто, свои коричневые боты на молнии и мои резиновые ботинки с кнопками, получала номерок и белый халат с завязками вместо пуговиц. У меня был свой белый халатик с перламутровыми пуговичками и кармашками, сшитый бабой Фаней. Потом мы шли по длинному и широкому больничному коридору, пол в этом коридоре был похож на сказочный ковер, с чудной мозаикой, выложенной разноцветной каменной плиткой, но, к сожалению, во многих местах выщербленной и сломанной. Я, в щегольских красных ботиночках со шнурками, завязанными бантиками, старалась делать шире шаг – помню, мне

хотелось идти по голубым ромбикам. Больные в застиранных байковых халатах, из-под которых виднелись ситцевые в цветочек ночные рубашки, и в стоптанных тапочках (видимо, тогда не разрешалось находиться в больнице в своей одежде) прогуливались по коридору. Бабушка открывала высокую белую дверь с табличкой, и мы входили в палату. Помню бледное лицо Евы, ее улыбку и большие добрые глаза. Она обнимала меня, гладила по голове, напевала певучим голосом детские песенки, называла меня нежно «Косеньки мои» (в детстве я косила левым глазом). Своих детей у Евы не было, она обожала маленьких внучатых племянников – Борю, Иру и меня. Из-за слабого здоровья Ева училась дома и никаких свидетельств об окончании учебных заведений не имела, но по рассказам моих бабушек, она считалась достаточно образованной для девушек своего круга, много читала, сочиняла стихи, неплохо пела, аккомпанируя себе на пианино и гитаре, многие молодые люди стремились завоевать ее внимание. Понятно, как нелегко было выжить и вписаться в то время, но правильно говорят, что человек может пережить больше, чем он предполагает. Чтобы не быть «лишенцем», получить паспорт, иметь право жить в своей квартире, нужно работать и иметь «Трудовой список», так называлась «Трудовая книжка». И, зарегистрировавшись на Бирже труда, Евочка устроилась работать нормировщицей на завод «Шарикоподшипник». В 30-е годы она вышла замуж за Василия Даниловича Новикова – красного командира, большевика. В гражданскую он служил в 1-ой Конной армии, громил Донскую армию Краснова, затем вступил в продотряд, участвовал в продразверстке, вступил в ряды ВКП(б), был активным членом партячейки, добровольцем служил в Красной армии, учился в Кавалерийском училище, стал комиссаром. Я не знаю, как они познакомились. Ева боготворила своего мужа, рассказывала, какой он хороший, всегда готов на подвиг. Все его полюбили и приняли как родного, бабушка Фрейда называла его «Цадек», что с идиш переводится как «безгрешный, простодушный, чистый, честный». Вася пришел жить в квартиру на Нижне-Радищевской улице. Это была квартира Эсфири, но она отдала ее маме, брату и младшей сестре, когда привезла их из Березина в 1918 году, спасая от хаоса революции. Эсфирь и ее муж переехали в другую квартиру. Но с 1924 года Ева жила там одна, так как бабушка Фрейда и Гриша, переехали в квартиру на улице Большие Каменщики, кстати, тоже купленную Эсфирью, для Сони с семьей. Напомню, что бабушка приехала в Москву из Паричей, чтобы лечить Мурочку (у нее был вывих тазобедренного сустава) и дожидаться вызова от дедушки для отъезда в США. Квартира Евы была уютной, красивой, там было много вещей, привезенных и березинского имения – картины, предметы, украшающие дом, мебель красного дерева. Свою младшенькую родные очень любили, жалели, хотели, чтобы она жила в окружении добрых людей и красивых вещей. Они сострадали и ее болезненному состоянию, и тому, что ее беременности заканчивались неудачно, а иметь детей она мечтала. О Васе заботились, как о близком человеке. Скоро он сказал, что к нему приедет дочь фронтового друга, погибшего в гражданскую войну – Нюра, которую Вася удочерил. Нюра оказалась молодой, крепкой девицей из Тамбова. Она быстро освоилась, установила свои порядки и начала притеснять Еву. Эсфирь и Соня строго поговорили с зятем, и «дочку» выпроводили, к большому неудовольствию Васи. В знак нежных «отцовских» чувств он отдал Нюре немалую часть ювелирных украшений семьи Чарных. Семейные ценности хранились у Евы, и Вася, видимо, считал их своими. Ева любила мужа самоотверженно, рассказывала маме и сестрам о нем только хорошее, скрывала, что он грубиян и издевается над ней. Только после ее смерти от соседей узнали, как она страдала, а он маскировал свою жестокость, играл роль простодушного, благородного праведника и бессеребренника. Ева была очень преданной и верной женой. Когда началась Великая Отечественная война, Вася пошел в ополчение и участвовал в обороне Москвы в составе Гвардейского Кавалерийского корпуса генерала Доватора. Каким-то образом Ева узнала, что Васино подразделение в Химках и пошла туда из Таганки пешком, в холод и дождь, чтобы передать ему теплые вещи и продукты. Возвращалась она поздно ночью, по узкой тропке, через болото (в темное время по шоссе ходить запрещалось – комендантский час), потеряла галоши, промокла, замерзла. Она себя не жалела и не раз ходила к любимому мужу к линии обороны. Ева умерла в 1949 году, и покоится на Донском кладбище рядом с ее мамой, сестрами и племянницами. Через какое-то время после похорон Эсфирь и Соня пришли в Евину квартиру к Васе с просьбой отдать некоторые вещи, привезенные из Березина. Он всегда говорил, что ему ничего не нужно. В квартире с Васей уже жила чужая женщина, они сидели за столом, пили водку из хрустальных рюмок, на тарелках из Березина лежали селедка, огурцы и другая закуска, а также грязные серебряные ложки, вилки, ножи с семейной монограммой семьи Чарных в виде витиеватой буквы «Ч». Подвыпивший молодой парень, лет семнадцати, сын этой женщины, крутил пальцем стрелки каминных часов, он курил и стряхивал пепел в розеточки для свечей в бронзовых канделябрах 18 века. Вася сказал Эсфири и Соне – «Вашего здесь ничего нет, уходите». Я смутно помню дядю Васю – небольшого роста, худощавый, седой, в кителе, галифе и сапогах, он здоровался с нами, маленькими детьми, за руку и целовал нас, от него неприятно пахло табаком. Еще помню, он пил чай из стакана с подстаканником, и ложечка, которую он не вынимал из стакана,



глубоко впивалась в его щеку и касалась уха. Боря и Ира Уриновские, мои двоюродные брат и сестра, тоже сохранили память о дяде Васе. Боря рассказал, как дядя Вася однажды принес ему в подарок птичку в клетке, и она улетела через форточку. Ира вспомнила, что, несмотря на то, что дядя Вася подарил ей котенка, она к нему относилась недоверчиво, он казался ей чужим, лживым, что он «был выпить не дурак» и, когда у нас обедал, баба Фаня ставила перед ним на стол графинчик с водкой и рюмку на витой ножке. Вот такой был у нас родственник – большевик, настоящий коммунист, герой гражданской войны. \*\*\* В конце 40-х годов политическая борьба в СССР обострилась, что привело к новой волне террора, преследованиям интеллигенции и новым репрессиям. Это и борьба с «космополитизмом», и с «низкопоклонством перед Западом», разоблачение «Еврейского антифашистского комитета», «Ленинградское дело», и другие кампании. И, если в военные годы обращение к национальной теме сплотило народы, то после войны национальная вражда разжигалась и направлялась для дальнейшего укрепления сталинского тоталитарного режима и борьбы с инакомыслием. Мои родители, окончив 1-ый московский медицинский институт в 1941 году, поженились и вместе пошли на фронт. В начале войны их военная часть дислоцировалась под Тулой, в двух км от Тиссницких лагерей, где располагался истребительный авиационный полк Нормандия-Неман, в котором сражались французские летчики. Моя мама и другие молодые девушки, служившие в их части – врачи, медсестры, санинструкторы, связистки, в свободные вечера бегали к ним на танцы, положив в рюкзаки туфли – лодочки и крепдешинные платья в цветочек, чтобы переодеться. По Уставу нужно было ходить в сапогах, юбке и гимнастерке с ремнем. Французы тоже к ним частенько наведывались. «Молодо – зелено, погулять велено» – говорит русская пословица. Отец мой ревновал маму ко всем, хотя сам был большим женолюбом и умел располагать к себе женщин, таких в народе называют «бабниками или ходоками». Однажды он чуть не застрелил полковника по фамилии Залеткин, прибывшего к ней с цветами на перевязку. В маму нельзя было не влюбиться – хороша собой, очень яркая, хирург от Бога, острая на язык, доброжелательная, рука легкая. Мама вынесла с поля боя и спасла сотни раненых, оперировала под обстрелом. Она боролась за каждого, старалась максимально сохранить их жизненные функции, руки, ноги, а ампутацию делала с учетом особенностей дальнейшего протезирования. Маму очень уважали и любили, к нам часто приходили однополчане, военные, которых она оперировала, многие специально ехали через Москву только за тем, чтобы выразить ей благодарность. Помню, мне лет пять, гуляем мы в сквере, напротив дома в Таганке, подходит к нам военный и спрашивает у бабы Фани: «Может быть, знаете, где живет военврач, хирург, ее фамилия Палей, девочка, с которой вы гуляете, на нее похожа». Оказывается, искал он маму, зная только, что она жила до войны в Таганке. И нашел! Чтобы сказать «Спасибо». День Победы мои родители встретили в Польше. После войны отец служил в Берлине, выполнял задание Санитарного Управления армии, мама работала в военном госпитале. Отцу присвоили звание подполковника медицинской службы в 1944 году – для 25-летнего офицера это высокая оценка работы. Он заслужил ее своей незаурядностью, умением организовать медико-санитарную службу дивизии так, что к нему приезжали перенимать опыт бывалые санитарные врачи фронта. Он усовершенствовал полевую кухню таким образом, что кроме приготовления еды, в ней можно было стерилизовать хирургические материалы и инструменты, кипятить белье, халаты, перевязочный материал. Разовых шприцев, ведь, не было, бинтов не хватало! Но в их 732 полку не было случаев заболевания тифом (распространенной инфекции от вшей), и сепсис (заражение крови) был редкостью! Кстати, мама рассказывала, что для заживления ран она успешно использовала дары природы – помидоры, сиреневый лист, подорожник. Мама гордилась своими орденами и медалями, но надевала их только в день Победы и по особым случаям. Свой первый орден Красного Знамени она получила в 1943 году в Белоруссии. Шли бои в районе Барановичей, мама оперировала под обстрелом, не отходила от операционного стола. Ночью в госпиталь пришел разведчик из партизанского отряда и сказал, что необходима медицинская помощь – у жены их командира начались роды. Что делать, мама взяла инструменты, и поздней ночью в сопровождении разведчика направилась в лес, к партизанам. Оказалось, что роженица находится не в отряде, а в деревне, занятой немцами. Нарядили маму в старую и рваную одежду, вымазали сажей щеки, чтобы пострашней выглядела (для конспирации, если немцев встретит), все необходимое для принятия родов положили в корзинку, прикрыли картошкой, указали дорогу, и пошла она выполнять клятву Гиппократов. Роды мама принимала первый раз в жизни, да еще в такой ситуации, Слава Богу, все прошло благополучно, родился здоровенький мальчик. Партизаны устроили праздник в лесу, за докторшу выпили много спирта, провожатые несли ее через болото на руках и доставили в часть. Недели через две маму вызвали в штаб дивизии и наградили орденом Красной Звезды, конечно, не только за эти роды, мама считала это забавным совпадением. О войне она не любила рассказывать, и эпизоды, которые вспоминала, никогда не были связаны с ужасами войны, боевыми действиями, риском для жизни. В 1945 году в звании капитана медицинской службы мама вернулась из Берлина в Москву. Вскоре она поступила в аспирантуру, ее руководителем был

профессор, член-корреспондент АМН СССР М.Н.Ахутин - заместитель главного хирурга Вооруженных сил Н.Н.Бурденко, с 1941 по 1945 год – главный хирург фронтов, один из основателей военно-полевой хирургии, генерал-лейтенант медицинской службы. Свой талант М.Н.Ахутин проявил еще до Великой Отечественной войны и стал легендарным военным хирургом, он организовывал хирургическую службу на фронтах, воевал, оперировал и в боях у озера Хасан, и у реки Халхин-Гол, и на «линии Маннергейма». Он автор большого числа научных работ, в том числе учебника «Военно-полевой хирургии» - настольной книги для хирургов и сейчас. Маршал Г.К.Жуков написал о М.Н.Ахутине в своих мемуарах «Воспоминания и размышления». Совсем недавно, в одной из старых книг я нашла фотографию М.Н.Ахутина в генеральской форме с орденами, на обороте фотографии профессор написал моей маме добрые пожелания. Там же лежала «Программа научной сессии, посвященной XXX-летию Великой Октябрьской Социалистической революции» с приглашением на мамино имя принять участие в ее работе. Научная сессия проходила с 13 ноября по 11 декабря 1947 года в 1 Московском ордена Ленина Медицинском Институте. Только перечисление имен участников сессии без ученых званий, титулов, регалий – история советской медицины. Академик А.И.Абрикосов – основатель российской и советской патологической анатомии, первый нарком советского здравоохранения Н.А.Семашко - в те годы заведующий кафедрой социальной гигиены, академик В.Н.Виноградов - заведующий кафедрой факультетской терапии, личный врач Сталина, главный терапевт Лечсанупра Кремля. Академик И.Г.Руфанов – заведующий кафедрой общей хирургии, автор учебников и инструкций по общей хирургии, лечению ран, столбняка и сепсиса. Академик Р.М.Фронштейн – видный советский уролог, хирург, основатель журнала «Урология», редактор БСЭ по отделу «Хирургия», профессор кафедры госпитальной терапии Б.Б.Коган, его монографии по кардиологии, диагностике и лечению внутренних болезней, бронхиальной астме стали медицинской классикой. Профессор, заведующий кафедрой пропедевтики А.М.Дамир – основатель советской кардиохирургии и в 50-е годы вместе с академиком А.Н.Бакулевым Центра сердечно-сосудистой хирургии, один из создателей школы анестезиологов, ЭКГ-диагностики, учения о пороках сердца, инфарктах миокарда и главный врач санатория Совмина СССР «Барвиха». Мама рассказывала, что был он очень красивым, веселым, одаренным человеком, читал лекции стихами, увлекался мотоциклами и автомобилями, отлично танцевал на институтских вечерах, при этом во всем чувствовалась его сдержанность и осторожность. Профессор М.Н.Ахутин выступил с докладом о лечении огнестрельных переломов. По рассказам мамы он прекрасно читал лекции, собирал полные аудитории, почетные звания и высокие должности не сделали его надменным занудой, он любил шутки, оказывал внимание хорошеньким девушкам, молодежь клиники его обожала. Темой диссертации выбрали лечение нарушения кровообращения сосудов нижних конечностей. Уже приближалась кампания по «борьбе с безродными космополитами», многие участники этой сессии окажутся ее жертвами, будут арестованы по сфабрикованному «Делу врачей-отравителей», под пытками на Лубянке, Лефортовской тюрьме, других тюрьмах МГБ (НКВД до 1943 года и МВД после смерти Сталина) от них добьются «признания». Профессор М.Н. Ахутин скоропостижно умер в 1948 году от инфаркта, ему было 49 лет. Мама осталась работать врачом - ординатором в хирургической клинике 1-го медицинского института на Пироговке. Родилась я. В декретном отпуске мама находилась не долго, оставив меня на руках заботливых, добрых, безгранично любящих меня бабушек - Фани и Сони. Отец продолжал служить в Германии и рождению моему был очень рад. В начале 1949 года он вернулся в Москву, получил звание полковника и новое назначение в Хабаровск – командовать санитарной службой Приморского военного округа. Мама с ним не поехала, их брак распался. Вскоре патофизиолог профессор В.А.Неговский – основатель современной школы реаниматологов пригласил маму в свою лабораторию экспериментальной физиологии по оживлению организма. Реанимация являлась тогда новейшим и едва ли не самым актуальным направлением медицины. На ученом совете института утвердили тему ее новой диссертации. Мама была счастлива. Профессор по достоинству оценил способности, интеллект, феноменальную память, ясный ум, трудолюбие и золотые руки своей аспирантки. Прошло полгода. Однажды, как обычно, В.А.Неговский, провел утреннюю конференцию, после чего попросил маму пройти в кабинет, она решила, что для обсуждения статьи, но причина была другая. Профессор, отводя взгляд, сказал, что его вызвали в отдел кадров института, и сообщили, что Палей Берта Яковлевна должна быть исключена из аспирантуры и отстранена от работы над такой актуальной и негласно засекреченной темой как реанимация, поскольку ее мать - еврейка. Далее профессор извинился за то, что не может ничего сделать. На этом научная деятельность моей мамы закончилась. Она была очень эмоциональным, открытым, искренним, легкоранимым и гордым человеком, не любила выкручиваться, приспосабливаться, подмазываться и подделываться. Моя мама проработала врачом - хирургом более 60 лет и до последних дней жизни с боем защищала обиженных и оскорбленных, ненавидела несправедливость, высказывала все, что думала, сразу, в глаза, никогда никому не делала гадости и не таила в себе зло, остро реагировала на лицемерие и фальшь. Более отзывчивого человека,

чем мама, я не знаю. Оказывать людям помощь в любое время дня и ночи было ее естественным состоянием. Добро, заботу, хорошее отношение к себе она всегда помнила и ценила и любила, когда ей выражали благодарность, признательность. Мама была очень одаренным человеком, много читала, имела потрясающую память, интерес к прошлому и настоящему она сохранила до последних дней жизни. Она заслужила к себе особое отношение и уважение и привыкла быть в центре внимания. Характер мамы не менялся с детства. Я представляю состояние, в котором она пришла домой после разговора с профессором Неговским, ее страдания, гнев, слезы. Ей запрещалось жить так, как она хотела и могла, отдавать свой талант, знания, опыт, она понимала, что происходит, чувствовала беспредел и была бессильна, успокоить ее было очень трудно. \*\*\* Я сознательно опускаю многие события послевоенных лет, до смерти Сталина. Это начало «холодной войны», раскол мира на два лагеря, создание блока НАТО и военного союза стран Варшавского договора, испытание в 1949 году в СССР собственной атомной бомбы и др. Об этом написано много. Послевоенные годы в нашей стране Победительнице – это годы голода, разрухи, упадка сельского хозяйства. Власть скрывала сам факт голода, его масштабы и последствия: болезни, детскую смертность, воровство, бандитизм, должностные преступления, спекуляцию продовольствием. Но усилиями миллионов людей поднимались из руин города, предприятия, восстанавливалась инфраструктура. Народ доверял государству, мирился с трудностями перехода от войны к миру, верил в «светлое будущее». Сделано было невероятно много, но какой ценой! Власть усилила контроль над людьми и всеми сферами жизни. Репрессии развернулись с новой силой, они поддерживали сталинский режим, оставались основным средством укрепления его социально-политической стабильности. Уже в 1946 году развернулась борьба с «западным влиянием» и «буржуазными лженауками». Мама рассказывала, что нельзя было произносить слова «генетика, хромосома, ДНК, дрозофила», имена Мендель, Морган, Вейсман. Доносчики сразу сообщали «куда следует», а были они везде, в каждой компании, на работе, в транспорте. Достаточно вспомнить Постановление ЦК о журналах «Звезда» и «Ленинград» 1949 года, обвинения и оскорбления в адрес А.Ахматовой, М.Зощенко и других писателей, их исключили из Союза писателей, лишили продовольственных карточек. В журнале «Звезда» в 1949 году Ю.Герман опубликовал главу из книги «Подполковник медицинской службы» о жизни фронтового врача Левина. Это была первая публикация против официального антисемитизма, и только публичным покаянием Ю.Герман избежал ареста. Об этом мне рассказал журналист Лев Сидоровский после интервью с Алексеем Германом. Полностью книга была напечатана в 1956 году во время хрущевской «оттепели». Очень хочу прочитать ее. В 1946 году в Нью-Йорке была издана «Черная книга» И.Эренбурга и В.Гроссмана о Холокосте в СССР. На русском языке она так и не появилась, набор был рассыпан в 1948 году, а с членами «Еврейского антифашистского комитета», которые документировали ее вместе с американскими организациями, сталинские уголовники расправились. Власть обвинила их в буржуазном национализме, служении интересам США, космополитизме. Возвращался безраздельный партийный контроль. В 1948-1953 годах политические репрессии приняли антисемитский характер. Однополчане моих родителей, наши знакомые и родственники, прошедшие войну и вернувшиеся с Победой, рассказывали, что не чувствовали до определенного времени, что они евреи. Антисемитские настроения начали проявляться в 1943 году, я читала об этом в статьях И.Эренбурга. Рядовым и офицерам - евреям задерживали награды, не продвигали по службе, отказывали во вступлении в члены партии, не принимали в партизанские отряды. Мои родные с глубокой горечью, вспоминали тост «отца всех народов» Сталина «За русский народ» 24 мая 1945 года на банкете в честь нашей Великой Победы. С этого момента началось нарастание государственного антисемитизма. Моя бабушка презирала антисемитов, и спокойно объясняла, почему они не могли стать нормальными людьми. Возможно, впитав чувство антисемитизма «с молоком матери», они не встретили в юности порядочных евреев, не могли переродиться, изменить свои взгляды, и тут же уточняла – «Позвольте и нам, евреям, иметь своих подлецов». Кроме того, они не получили должного образования, плохо учились, не читали Библию и Евангелие, имели плохих наставников, которые вдалбливали в их неокрепшие головы искаженную историю человечества. Они не понимают, что мы все дети единого Бога, но идем к нему разными путями, путями разных религий. Бабушка не была верующей, но считала, что любая ненависть – грех, поэтому антисемитизм - грех и не совместим с христианством. Помню, когда обсуждалась эта тема, мама рассказывала, что во время войны, в Белоруссии, на только что освобожденной от фашистов территории, она встречалась с партизанами, красноармейцами, мирными жителями, евреями по национальности, которых православные верующие спасали в своих домах и священники укрывали в храмах, рискуя жизнью. О некоторых из них писали во фронтовых газетах. К сожалению, я помню мало имен этих прекрасных людей – епископ-хирург В.Ф.Войно-Ясенецкий, священник А.Глаголев, Мария Скобцова... И конечно, многие антисемиты не читали таких классиков, как Л.Толстой, В.Короленко, М.Горький, Л.Андреев, не слышали о Н.Бердяеве. Невежество следует искоренять, лечить людей надо, а неисправимых идиотов жаль, говорила

бабушка, при этом делала особый акцент на втором слоге слова «идиоты» и вместо «О» произносила «Ё». \*\*\* Итак, маму в 1949 году отчислили из аспирантуры. Осталась она без работы и в глубокой депрессии. Слава Богу, мир не без добрых людей! Другом нашей семьи много лет был Михаил Иванович Букреев. В те годы он занимал пост заместителя министра здравоохранения по строительству, а с начала 60-х, до своей кончины в 1980 году, работал заместителем директора издательства «Московская правда». Он предложил маме поехать врачом-хирургом в экспедицию на Крайний Север в Ханты-Мансийский национальный округ. Задача экспедиции состояла в том, чтобы выяснить, почему вымирают ханты и манси - наши главные оленеводы, рыбаки и охотники – добытчики для страны мягкого золота - пушнины, которую, с давних времен, Россия продавала за валюту в разные страны. Экспедицию первоклассно финансировали, обеспечили современными приборами, в том числе рентгеновским аппаратом, медикаментами, аккумуляторами, выделили спецтранспорт – самолет, вертолет, пароход. В состав экспедиции вошли пять врачей – специалистов - хирург, рентгенолог, он же фтизиатр, окулист, инфекционист, врач - лаборант и повар. Руководил экспедицией врач-рентгенолог, полковник медицинской службы Вульфович Вадим Георгиевич. Летом 1950 года самолетом санавиации отправились из Москвы в Ханты-Мансийск. Мама любила рассказывать о красотах этого края размером в несколько Франций, гигантских лиственницах, кедрах, о таком обилии грибов, что можно косой косить, зарослях черники, брусники, малины, смородины. Омрачали жизнь тучи комаров и мошек, эти кровопийцы с особым сладострастием мучили всех, мою маму особенно, они проникали под москитные сетки ночью и не давали спать, влезали под накомарники днем, а каким мучением сопровождался туалет, лучше себе не представлять. Когда повар поднимал крышку кастрюли, под толстым слоем комаров и мошек супа не было видно. Мама рассказывала, что эти изверги-инквизиторы доводили ее до такого отчаяния и безысходности, что она готова была разодрать свое тело и броситься в реку. Облегчение наступило к зиме - комары и мошки, эти тираны-истязатели исчезли. В Оби, ее притоках – Иртыше, Ишиме, Тоболе, Томи, Вахе и маленьких речках водилось столько рыбы, что ее ловили руками. А рыба - то какая – осетр, нельма, семга, муксун! Ханты и манси (устаревшее название остяки и вагулы) – кочевники. Их транспорт зимой – олени и ездовые собаки - лайки, запряженные в нарты. Летом они перемещались по многочисленным рекам на лодках, причем плавать не умели, и если лодка переворачивалась, спастись не могли. Они долго сохраняли свои национальные обычаи, черты, устои, свой уклад, своеобразие быта. Называли они друг друга «ими» и «ики» - «мужчина» и «женщина». Жили они в чумах - это конический остов (каркас) из шестов, покрытых зимой оленьими шкурами, а летом – берестой. В чуме пола не было, его ставили прямо на землю, огонь разводили тут же, дым выходил через отверстие вверх. Основной одеждой была малица, шили ее из оленьих шкур и носили, пока не истлеет. Причем одевали ее на голое тело, зимой - мехом внутрь, а летом – наружу. Обувью служили пимы – сапоги из шкур с ног оленя, мехом наружу. Мама видела, как ики – женщины шили. Рыбные кости служили иглами, а олени сухожилия – нитками. Помню, мама привезла мне нарядную детскую малицу, но это не доставило мне большой радости - я ждала живую белочку, лисенку или собачку-лайку. К зиме малица стала жесткой, поносить ее так и не удалось. Ханты и манси жили родовой общиной, поклонялись медведю, деревьям, каждый род имел свой чум духов, только шаман и несколько посвященных мужчин знали туда дорогу. До революции с купцами-заготовителями пушнины к ним приезжали священники – миссионеры, пытались их обратить в православную веру. Они соглашались, их крестили, дарили иконы. Мама видела иконы во многих чумах. Когда охота была удачной, они молились – «Хорош Миколка», имея в виду св. Николая Угодника, а если не везло, поворачивали икону - «Плохой Миколка». Они искренне раскаивались, убив медведя, так как считали его своим предком и вымаливали прощение – «Это не я тебя убил, это Миколка велел, он ружье дал, патроны дал, плохой Миколка». Многие не имели представления о существовании советской власти, которая приняла решение перевести народы Крайнего Севера с кочевого образа жизни на оседлый. Мнение и желание местных жителей не являлось определяющим. На мировых пушных аукционах спрос на русский мех был всегда – до и после революции, до и после войны. Заготовителей купцов сменили советские предприниматели и кооператоры, их всех объединяло жульничество и желание получить легкую наживу. Обмануть и обхитрить наивных охотников, было не трудно. Летом устраивались ярмарки, мама с экспедицией попала на такую ярмарку в Ларьяке. Зрелище яркое, незабываемое! По Оби, Иртышу, Сосьве, Ваху и другим рекам на лодках, нагруженных шкурками соболя, куницы, белки, лисицы съезжались охотники с семьями. Как они узнавали, где ярмарка? Для нас, не знающих, что такое «беспроволочный телеграф», это загадка. Собаки тоже сидели в лодках или бежали по берегу, оленей оставляли пастись без присмотра, никому не приходило в голову воровать чужих оленей. Свой товар охотники не продавали, а меняли на спирт, чай, соль, сахар, табак. Везти водку в такую даль не имело смысла. Заготовители привозили и промтовары, в том числе и дефицитные на Большой Земле – одежду, ткани, патефоны с пластинками и другие, но покупали их, в основном, геологи и поселенцы – так называли заключенных, в основном политических, отбывающих наказание в

спецзонах ГУЛАГ'а. В округе было немало таких зон, где поселенцы работали на лесозаготовках, зверофермах и откуда, получив разрешение начальства, могли временно отлучаться. Торговля шла бойко, самый большой спрос имел спирт. Напивались все – охотники, их жены, дети, причем давали спирт и маленьким и, совсем стареньким. После торгов устраивали «Медвежий праздник». Перед медвежьей головой участники праздника, во главе с шаманом, просили прощения у предка, старались задобрить его, танцевали, показывали свою ловкость и смелость. Численность хантов и манси составляла несколько тысяч человек, а средний возраст всего 30-35 лет, смертность превышала рождаемость. Нужны были решительные меры, чтобы выяснить причины их вырождения, признаки которого были очевидны. Это и являлось целью маминной экспедиции. Причин было предостаточно, это и потомственный алкоголизм, и травмы на охоте, и отсутствие медицинской помощи. Как правило, малые народы, очень бережно относятся к своим детям, но ханты и манси оказались исключением. Для новорожденного ребенка они делали берестяную люльку, нарезали туда неблюй и пыжик – нежный, мягкий мех оленят до года или только что родившихся, затем укладывали туда малыша, мех меняли не часто. Из люльки он вылезал сам, когда уже мог ходить на своих ножках в форме «колеса». Выживал, приблизительно, один ребенок из ста, его ждали суровые испытания. Школа жизни начиналась рано – с трех лет отец брал его на охоту, учил стрелять, отслеживать зверя, выделывать шкуры, разводить огонь. Основной едой летом была сырая рыба, зимой – строганина – это замороженные и нарезанные стружкой, оленина и рыба. Пароход для членов экспедиции был и домом и местом службы. Радиogramмы, полученные от летчиков, сообщали о ближайшем к реке кочевье, и пароход причаливал к берегу. О «Большом Докторе» ханты и манси узнавали так же, как и о ярмарках – по «беспроволочному телеграфу». Врачи только успевали устроить медсанчасть для приема больных, а по реке уже шли лодки. Назывались они «долбенки, их выдалбливали из цельного дерева и были они очень тяжелыми, неустойчивыми, часто переворачивались, что приводило к гибели всех, кто в ней находился, так как ханты и манси плавать не умели, хотя жили у воды. Охотники и оленеводы прибывали лечиться со своими семьями и собаками, со всем своим нехитрым имуществом, ставили чумы на берегу, поближе к пароходу. Они с удовольствием позволяли себя осматривать. На вопрос врача «Что болит?» отвечали, лукаво сощурившись – «Ты – доктор, ты и знай». Трудно было вести учет пациентов, так как имен они не имели, а фамилий было семь или восемь. Мама знала все, но я, к сожалению, запомнила только три – Камин, Прасин, Скланкин. Особенно пациентам нравилось рентгеновское исследование, они называли его «просвет», старались «просветиться» несколько раз, хотели взять себе снимки. При проверке состояния их здоровья выяснилось, что почти у каждого поражены туберкулезом внутренние органы – легкие, почки, кишечник, лимфатические узлы. Трахома – вирусное заболевание глаз, с воспалением, с язвами на веках и образованием бельма, ведущее к полной слепоте, тоже имел почти каждый осмотренный. Интересно, что нарушение системы кровообращения и склероз сосудов не обнаружили ни у кого. Многие умирали от ран, полученных на охоте, но не от заражения крови. Как-то привезли маме охотника, на него было страшно смотреть – его истерзал медведь так, что живого места не осталось. Мама обработала раны, но вероятность, что он останется жить была невелика, родственники положили его на оленьи шкуры и увезли. Меньше, чем через месяц, экспедиция оказалось недалеко от их кочевья, мама спросила о раненом, ее позвали в чум, где он находился. Каково же было удивление мамы, когда она увидела своего пациента живым и почти здоровым. Раны зарубцевались, были чистыми, не гноились, он улыбался – «Доктор пришла», рядом с ним лежали две собаки. А вот как лечили охотника старым испытанным способом, простым и эффективным. Привезли его в стойбище, перенесли в чум, сняли бинты (женщины использовали их, вместо ленточек), намазали тело барсучьим салом, подпустили собак, а они знали что делать. Несколько раз в день собаки тщательно вылизывали сало на ранах. Слюна у собак бактерицидная, с высоким содержанием лизоцима. Биохимию ханты и манси не изучали, но своими секретами врачевания владели. Экспедиция 1950-1951 годов, в которой участвовала моя мама, была первой научно-практической экспедицией врачей, целью которой было создание системы медицинских мероприятий для сохранения здоровья народов Крайнего Севера. Они собрали огромный материал, обработали его, составили план действий по улучшению здоровья жителей Ханты-Мансийского национального округа, сделали несколько докладов, получили высокую оценку специалистов. Их исследования явились значительным вкладом в развитие медицинской географии. Жаль, что воплотить в жизнь удалось немного. Свое участие в экспедиции мама считала делом важным и интересным, любила рассказывать о ней. Все члены экспедиции – врачи, летчики, команда парохода, повар остались друзьями на всю жизнь. Сохранилось несколько фотографий того времени, на одной из них мама в костюме из «чертовой кожи», чтобы не прокусили комары, и шляпе с сеткой лежит под гигантским кедром в несколько обхватов, на заднем плане – непроходимая тайга. На другой - их пароход плывет по реке, кругом тайга, мама в белом халате стоит на палубе, на берегу ее ждет маленький двухместный вертолет, в нем, за сидениями пилота и пассажира, был кораб

для груза, туда помещали больного, если его нужно было госпитализировать. Этот вертолет называли ласково «гробик». Летчик, Андрей Иванович, фамилию его я не помню, приезжал к нам, кажется из Тюмени, когда мне было лет десять. Они с мамой вспоминали, как летели на вызов и сбились с маршрута над тайгой, как он чуточку сдрейфил, а мама уверенно, не ропща, сказала - «Пробьемся, давай карту, все будет хорошо». Вскоре они увидели костры охотников, чумы, оленей, собак, их ждали, они приземлились вовремя. \*\*\* Приблизительно через год после возвращения в Москву маму, по протекции друзей, приняли на работу в поликлинику штаба московского округа ПВО. Поликлиника была новая, ее только открыли, находилась она в Уланском переулке, рядом с улицей Кирова (в 90-е годы ей вернули название – Мясницкая), рядом со штабом МО ПВО. Лечиться туда приходили только военные, в звании не ниже полковника и члены их семей. Родственники врачей тоже могли получать медицинскую помощь в поликлинике, но только по письменному разрешению начальника отдела кадров штаба. Думаю, что на мамино личное дело, сотрудники МВД, так переименовали в 1946 году НКВД, потратили немного времени. Основных изъянов в ее биографии было два: национальность матери и беспартийность; в графе социальное происхождение отца, она писала – служащий. В личное дело, кроме анкеты, диплома, множества документов и справок, заверенных печатями, требовалось представить характеристики от членов партии (с 1952 года КПСС), имеющих партстаж не менее 10 лет. Эти характеристики маме написали ее друзья - трижды Герой Советского Союза летчик А.И.Покрышкин, генерал-майор артиллерии А.А.Сорбунов и верный друг нашей семьи М.И.Букреев, в те годы заместитель министра здравоохранения СССР. Очень обидно, что генерала Сорбунова никогда не вспоминают, даже в День Победы, а ведь он командовал прожекторными формированиями армии и организовал проведение праздничных салютов в честь освобождения наших городов, в том числе и первого салюта, в честь первого города-героя Орла в 1943 году. В битве на Орловско-Курской дуге, за освобождение города Орла 3 августа 1943 года героически погиб дед моего племянника Вовы Уриновского (сына моей двоюродной сестры Иры) – 23-летний танкист, лейтенант Ефим Щульц. Его сын Роман родился в декабре 1943 года. Рома в полной мере испытал трудности жизни, стал достойным человеком и сейчас живет в Тель-Авиве с женой и дочкой Лизой. Он поклоняется памяти отца, не один раз ездил в Орел к обелиску славы, где написано его имя. \*\*\* Отвлеклась я немного. Так вот, после тщательных проверок в компетентных органах маму зачислили в штат поликлиники. Мама всегда привлекала к себе людей профессионализмом, интеллектом, обаянием, умением общаться, была душой компании, мужчины старались добиться ее расположения. Очень скоро коллеги и пациенты поняли, что она высококлассный хирург, умеет точно ставить диагноз, никогда не назначает много лекарств - авось, что-то поможет, и неизменно выполняет главную заповедь врача - «Не навреди». Мама была очень эмоциональна, впечатлительна, обладала удивительной интуицией, а также, поразительной способностью удерживать и использовать любую информацию. До конца жизни мама владела знаниями и терминологией из различных областей медицины (анатомии, физиологии, патанатомии, терапии, хирургии и др.), а также фармакологии и постоянно совершенствовалась в них. Она помнила не только имена, фамилии, диагнозы своих пациентов, но рассказанные ими события из их жизни и жизни их родственников. А еще у мамы была необыкновенная способность предугадывать намерения людей и их вопросы. Например, пациент только входит в кабинет, а она уже знает, какие у него проблемы со здоровьем и на что он будет жаловаться. Она мгновенно чувствовала малейшую фальшь, несправедливость, была очень обидчива и вспыльчива, высказывала все, что думала сразу, но была очень великодушна, незлопамятна и быстро прощала обидчика. Очень часто «заклятые друзья», их родственники, знакомые звонили ей с извинениями и просьбой помочь. Она никогда не отвечала отказом, всегда быстро собиралась, укладывала в сумку все, что нужно и, если за ней приехать не могли, говорила мне: «Поедем? Собирайся, девка», - и мы ехали на своей машине или на такси. Моя мама никому никогда не отказывала в помощи. На работе она была всегда внимательной и собранной, терпеливо объясняла больным свои назначения. В правилах медперсонала поликлиники штаба МО ПВО было подобострастное отношение к пациентам, подхалимство, желание угодить, чем выше чин, тем больше раболепие. Мама была исключением – она никогда ни перед кем не заискивала, не пресмыкалась, никого не ублажала, никому не лестила, ко всем, независимо от чина и военного звания, была одинаково внимательна. Никто не относился к маме равнодушно, и конечно, окружали ее не только друзья, недругов и завистников тоже было предостаточно. Ее уважали за профессионализм, чувство справедливости, необыкновенную душевность, обаяние, исключительную привлекательность, кокетство и строгость одновременно. С ней было всегда интересно, многие хотели с ней подружиться, но она умела сохранять дистанцию. Думаю, что этим внимание к ней только усиливалось. Пациенты поликлиники – офицеры, генералы искали повод познакомиться с новым хирургом. Они приходили на прием, под разными предлогами стремились находиться в кабинете подольше, соревновались «кто кого пересидит», чтобы отвезти ее после работы домой на машине. В то время прокатиться в автомобиле считалось удовольствием. Система служебного подчинения была,

есть и будет всегда, и штаб МО ПВО – не исключение. Машина «Победа» зеленого цвета с коричневыми кожаными сидениями и с красной звездочкой на лобовом стекле подавалась полковникам, занимающим генеральскую должность. За рулем сидел солдат, прошедший специальную подготовку в гараже штаба МО ПВО. Генералам, в зависимости от статуса, подавались «Победа» или «ЗиС - 110» - огромный черный лимузин с белыми ободами на колесах, светло - бежевыми кожаными сидениями, внутри него было очень просторно и комфортно, сзади выдвигались дополнительные сидения, столики, шкафчики - бары и пепельницы, невысокий человек мог встать в машине в полный рост. В каждой машине был радиоприемник и радиосвязь с КП – командным пунктом штаба, некоторые ЗиС'ы были бронированными. Автомобили «Волга» появились в 1956 году. При генерале состоял адъютант – младший офицер для выполнения разных служебных поручений, в том числе заданий и распоряжений генеральских жен. Постепенно круг наших знакомых расширился и изменился. Я была маленькая, и у меня сложилось свое представление о людях, которых принимали в нашем доме, о маминой поликлинике, о том времени и обо всем. Я уже знала, что моя семья имеет еврейские корни, что «антисемит» - это человек, который ненавидит евреев, но почему и за что, я поняла позже. У нас был ламповый радиоприемник «Рекорд» (сейчас он хранится на даче, как реликвия тех лет), и телевизор КВН-49 (роскошь начала 50-х). По радио я часто слышала непонятные слова «Космополит», «Джойнт», «Диверсия» и другие. К тому времени я уже читала неплохо, причем первые книжки, которые я прочла сама, были с «Ъ», но я любила, чтобы мне читала бабушка. Прошло много лет, но закрываю глаза и слышу ее красивый выразительный голос, ее интонации. Книг у нас было много, но меня почему-то привлекали энциклопедии и словари. Особенно я любила Энциклопедию Брокгауза и Ефрона, «Жизнь животных» Брема, трехтомник «Мужчина и женщина», позже я прочла у Ильфа и Петрова, что именно эти книги прижимал к своей груди Васисуалий Лоханкин. В том же словаре «Иностранных слов» моего детства я и сейчас нашла значение слова «Космополит» - это человек, признающий своим отечеством весь мир и отвергающий идею защиты своего отечества и государственной независимости. Тогда, в 1952 году, это слово выражало отвращение, презрение, ненависть к человеку, только потому, что он был еврей. \*\*\* Хорошо помню встречу Нового 1953 года. Я первый раз пошла на елку в Колонный зал Дома Союзов. Какое счастье! Билет на елку мама получила на работе. Баба Фаня надела на меня новое платье – синее, с красной отделкой, завязала большой красный бант и дала маме ценные указания, как снять с меня валенки и рейтузы, не забыть туфельки, поправить бант, как завязать шарф, когда будем одеваться, а главное – держать меня за руку. Но то, что мама может меня потерять, баба Фаня и предположить не могла. После хоровода с Дедом Морозом, Снегурочкой и героями сказок, я получила подарок и сказала маме, что хочу посмотреть кукольное представление. Мама пошла со мной. Представление кончилось, и я пошла в соседний зал, где пели и танцевали, потом я участвовала в викторине и получила бумажную хлопушку. Вскоре я вспомнила, что мама обещала мне пойти в буфет, я посмотрела по сторонам, маму не увидела и пошла к елке. Стою у елки с подарком и хлопушкой, кругом дети, родители, артисты в костюмах медведей, зайчиков, лисичек и вдруг вижу, бежит раскрасневшаяся мама с милиционером – «Господи, какое счастье, нашлась моя девочка!» Мы пошли в буфет, радостная мама держала меня за руку. Дома она рассказала, как испугалась, когда чуть меня не потеряла, и милиционер ругал ее за то, что она, как маленькая, на Петрушку засмотрелась. Попало ей от бабы Фани здорово. Так начался для меня 1953 год. А 13 января газета «Правда» сообщила о «Деле врачей – вредителей», все газеты были наполнены антисемитскими материалами. Министерство Госбезопасности обвинило кремлевских медиков, лечивших Сталина и других руководителей страны в намеренном вредительстве. Большинство арестованных по «Делу врачей» были евреями. В тюрьме оказались многие профессора – сотрудники Лечебно-санитарного Управления Кремля - Я.Этингер, П.Егоров, М.Вовси, Б.Левин, В.Виноградов, И.Шерешевский, В.Василенко, были арестованы также члены их семей и рядовые медработники. От арестованных добывались показания в сознательном вредительстве, участии в заговоре против Сталина. В «Деле врачей» соединили все послевоенные «дела» - «Ленинградское дело», «Дело Еврейского Антифашистского комитета», «Дело еврейских специалистов по диверсионной деятельности против Сталина» и др. Наступили страшные времена, ходили слухи, что всех евреев вышлют из Москвы. У врачей-евреев отказывались лечиться, у учителей-евреев – учиться. Людей, отдающих свои знания, силы на благо России, называли «космополитами», обвиняли в презрении к русской культуре, «низкопоклонстве перед Западом», они оказались оскорбленными, униженными, беспомощными. Начальник поликлиники МО ПВО, полковник Куценко предложил маме написать заявление об уходе по собственному желанию. Причина уже известная – пункт в анкете – «Национальность матери – еврейка». Тогда для перехода с одной работы на другую требовалась характеристика с предыдущего места работы. Полковник Куценко выдал маме положительную характеристику. Конечно, на душе у мамы было скверно, она страдала, плакала. Однако, вечером она повела нас – Борю, Иру и меня в кафе «Мороженое» на улице Горького, где в 30-е годы был «Коктейль-холл», а

в 60-е – кафе «Космос», это место считалось одним из самых модных и популярных среди молодежи, поэтому желающих туда попасть было много. Мы отстояли очередь, выслушали мнение людей из очереди о том, что детей водить в кафе можно и днем. Но в этом кафе мы с мамой были уже не первый раз, и знали, как получить удовольствие в полной мере. Во-первых, мы сказали, что хотим сидеть на высоких стульях и только на втором этаже, пришлось еще подождать, но уже не на улице, наконец, мы сели, меню изучали не долго, так как каждый из нас знал, какое мороженое любит. В кафе было приятно, играла музыка, мы наслаждались, не торопились, смотрели по сторонам, мороженое и лимонад заказывали не один раз. Часов в десять мама решила, что пора домой. Мы вышли из кафе довольные и счастливые, и тут я сказала, что хочу в туалет. Что делать? Поздно, идет снег, детям пора спать. Мы вошли в подворотню за магазином «Подарки», я сделала, что было нужно, мама достала из сумки бумажку, оторвала от нее уголок, помогла мне, затем мы сели в такси и приехали домой. Утром мама достала характеристику из сумки, и ее охватил ужас. Она увидела, что характеристика порвана, а самого главного куска с гербовой печатью и подписью полковника Куценко нет. Мама сразу поняла, где нужно искать и помчалась в подворотню рядом с магазином «Подарки» на улице Горького, там все было на месте. Характеристику отмыли и склеили, она, Слава Богу, не понадобилась, но до сих пор лежит в папке с мамиными документами. А не понадобилась она благодаря участию порядочных людей в маминой судьбе. Позвонила Мария Степановна Стрункина – мамина медсестра – хорошая, доброжелательная женщина. Она много страдала, потеряла в начале войны и мужа и двухмесячного сына, а в 1943 году родила дочку Иру. Отцом Иры был заслуженный генерал МО ПВО, отношения с ним Мария Степановна не афишировала, но дочку он любил, заботился о ней, иногда они гуляли на Чистых прудах, причем девочка просила, чтобы папа всегда был в военной форме. Насколько я знаю, у Иры все сложилось хорошо, у нее двое детей, старшую дочку зовут Машенька, наверное, и внуки уже есть, живет она в Санкт-Петербурге, ее муж историк, работает в Эрмитаже, он из семьи известного историка и археолога Б.Б.Пиотровского. Историю Марии Степановны в штабе знали, и отношение к ней было особое, друзья генерала опекали ее, уважали и доверяли ей многое. Она знала все обо всех, но никогда не сплетничала, не плела интриги, старалась помочь людям и советом, и делом. Так вот, Мария Степановна сказала, что, Слава Богу, есть в штабе порядочные люди. Они написали командующему МО ПВО генералу армии Батицкому П.Ф. рапорт о том, что доверяют врачу-хирургу майору медицинской службы Палей И.Я., могут за нее поручиться, и просят разрешить ей работать в поликлинике. И командующий разрешил! П.Ф.Батицкий знал маму, она лечила его жену и воспитанника Юрия Власова – тогда юного суворовца, а позже Олимпийского чемпиона, рекордсмена по тяжелой атлетике, журналиста и писателя, депутата Государственной думы в лихие 90-е годы. Маме позвонили из спецотдела МО ПВО, и она вернулась в поликлинику. Друзья выражали радость тихо, но весьма ощутимы и неприятны были «косые взгляды» недоброжелателей, шушуканье за спиной и разговоры о врачах-вредителях евреях, даже не все с ней здоровались. Мама очень переживала, но родные и близкие помочь ничем не могли. Бабушка часто повторяла: «Доченька, жизнь прожить – не поле перейти. Не плачь. Помни, после того, как бывает «очень плохо», обязательно наступает «очень хорошо». Оставалось ждать, когда наступит «очень хорошо». Своим защитникам мама была очень признательна. Они часто приходили к ней в поликлинику, и поскольку пациентов было немного, вели беседы о жизни. \*\*\* Самыми активными мамиными защитниками были А.Р.Тюрин, Н.Т.Старых, А.И.Зуб, А.И.Баксов, В.В.Фокин. Афанасий Родионович Тюрин – генерал, заместитель командующего по всем видам военной связи – телефонной, радиосвязи, телесвязи и др. Его заместителем и другом был полковник Высоцкий Семен Владимирович - отец любимого всеми актера, поэта, барда Владимира Высоцкого. Когда, вначале 60-х, я с восторгом слушала его песни, мама сказала: «Это же сын Сени Высоцкого. Он всегда говорить стеснялся, что его непутевый сын в артисты пошел. А парня я хорошо помню. С медсестрой Женей, своей второй женой, Сеня познакомился на фронте, когда служил адъютантом у маршала бронетанковых войск П.С.Рыбалко (это его армия в мае 1945 года освобождала Прагу). Женя жадновата была, платить алименты не хотела. Нина Максимовна – мать Володи жила очень бедно, жилья не имела, поэтому Володя находился с отцом и мачехой в Германии до 1949 года, а потом жил с ними в коммуналке на Большом Каретном. Сеня был талантливым человеком, веселым заводилой, живым, энергичным, хорошо пел и играл на гитаре, любил веселые компании, в доме всегда были гости. Володей никто не занимался, учился он плохо, был очень худеньким, невзрачным, после школы часто приходил к отцу на работу, его все знали и пропускали в столовую штаба пообедать. Приходил он и к нам, в поликлинику. Мы с Марией Степановной жалели его, подкармливали, а Сеню ругали за то, что он на сына внимания не обращает, что парнишка его неухоженный и голодный. А в середине 50-х он поступил в институт, переехал жить к матери и в поликлинику больше не заходил». Вот, что рассказала мама. Мне было лет 14, и я ей с горячностью возразила: «У Семена Владимировича такого гениального сына быть не может!» «Я Сене сейчас позвоню», - ответила мама, и позвонила.



В то время она уже не работала в поликлинике штаба. К моему великому удивлению и радости, все совпало. С.В.Высоцкий уже не стыдился своего сына, обещал приехать с ним. И вскоре встреча, правда, короткая, но незабываемая состоялась. Володя с отцом приехал на день рождения А. Р.Тюрина, в его квартиру на Ново-Песчаной. «Я Афанасий – сердце зимы», - любил повторять генерал, поэтому день 31 января 1962 года я запомнила на всю жизнь. Гостей было много. В.Высоцкий спел «Где твои семнадцать лет? На Большом Каретном», потом - «Я был душой дурного общества», сказал, что посвящает ее имениннику, несколько смутив всех последними словами песни: «Зачем мне быть душою общества, когда души в нем вовсе нет», - выпил и уехал. Большие серые глаза Семена Владимировича выразили крайнее негодование, губы прошептали: «Каков, мерзавец, опять опозорил». Но он умело руководил застольем, шутил, балагурил, всегда был тамадой и моментально отвлек внимание именитых гостей от слишком вольных и двусмысленных слов песни. Вначале 60-х еще хорошо помнили страх перед властью, когда за один неверный шаг, слово, взгляд уничтожали человека. Но уже прошли XX и XXII съезды КПСС, появилась надежда, что сталинских репрессий больше не будет, тело Сталина из Мавзолея вынесли, однако, произошли кровавые события 1956 года в Венгрии, и преследования инакомыслия продолжались. Вскоре десталинизация была приостановлена. Понятно, Семен Владимирович боялся за сына – вольнодумца, и за свою военную карьеру. Ему было, что скрывать. Маме он доверял свои секреты и рассказывал, что происходил из семьи известных до революции Высоцких – владельцев Чайного товарищества «Высоцкий и Ко». Помню, с каким достоинством, но шепотом он говорил: «До революции был сахар – Бродский, а чай – Высоцкий». Поколение Владимира Высоцкого - молодежь, родившаяся в середине 30-х, воспитанная на примерах чести, взаимопомощи, верном служении Родине, сформировавшаяся после XX съезда КПСС, была потрясена чудовищным разрывом между официальной моралью и реальностью. Это породило шестидесятников - романтиков и антисталинистов, идеалом которых был социализм «с человеческим лицом», в 90-е они возглавили демократическое движение, но результаты реформ их разочаровали. А гордиться своим сыном Семен Владимирович начал после того, как в 1964 году Владимир стал актером театра «На Таганке». С.В.Высоцкий часто приезжал с А.Р.Тюриным к нам в квартиру на Ленинградском проспекте, куда мы переехали в 1958 году после того, как мама вышла замуж за Николая Титовича. Николай Титович Старых был заместителем командующего по расквартированию войск и снабжению, кроме того, в его подчинении находились все автомобильные хозяйства округа. Защищая маму в январе 1953 года, он уже был в нее влюблен, но ухаживать долго не решался, однако, знаки внимания оказывал, и мама их принимала. Он имел большие связи и возможности, строго контролировал работу своих подчиненных, его боялись и уважали, поблажек он никому не давал, мог накричать, вызвать «на ковер» и устроить такой нагоняй, что стены в кабинете дрожали. В штабе его за глаза называли «Титыч» и говорили: «Да, Титыч - горлопан, но мужик справедливый». Иногда он позволял себе «крепкие выражения», но это был принятый язык управления. Титыч был выше среднего роста, крепкого телосложения, весил около 150 кг. Вставал он всегда рано, и в сопровождении адъютанта Васи Чемоданова ехал в солдатскую столовую – проверял, чем кормят бойцов, причем сам кастрюли открывал и из них еду пробовал. Берегись, повар, если мяса мало в супе! Сердце Николай Титович имел доброе и человеком был деликатным. В нашу семью он входил постепенно. Маму он боготворил, выполнял все ее поручения, ему нравилось даже, когда она капризничала. Страдал он неизлечимой русской болезнью – много пил, после двух бутылок водки только слегка пьянел, а напившись, ложился спать. Мама пыталась его отучить от пагубной привычки, стыдно вспомнить, несколько раз лупцевала его кожаным шлепанцем по затылку, а он лежал на кровати и жалобно повторял: «Ирочка, прости, ну что ты, я болею». Не пить он не мог, ежедневные возлияния были нормой жизни. Образования ему не хватало, хотя он окончил военную академию. Был он настоящим хозяйственником, имел большие связи в разных кругах, от его подписи зависело многое. Природа наделила его незаурядными способностями, практичностью, хитрым и умным взглядом, иногда, для достижения своих целей, он мог прикинуться простачком. В нем все было в избытке – и вес, и душевная щедрость, и размах во всем. Николай Титович был широким, доброжелательным человеком, относился к подчиненным по-отечески строго и справедливо, его любили и солдаты, и офицеры. Помогал он многим, и конечно, ему выражали благодарность. Благодарность появлялась в нашем доме ящиками вина и коньяка, корзинами с фруктами, соленой и копченой рыбой и т.д. Подарки везли отовсюду. Мою бабушку, тетю Эсфирь и дядю Гришу сближала с Николаем Титовичем любовь к строительству. Он сразу начал перестраивать и приводить в порядок нашу дачу в Болшеве. В то время слово «купить» практически не имело смысла, все «доставали», а строительные материалы были особым дефицитом. На даче развернулась стройка, привозили доски, бревна, фанеру, шифер, кирпичи и т.д. Видимо, Титычу все доставляли по особым расценкам - практически бесплатно. Но и он, и мои родные помнили послевоенные процессы по борьбе со злоупотреблениями должностными полномочиями. Сколько голов больших начальников полетело из-за

использования служебного положения при строительстве дач. Титыч, несомненно, был человеком искушенным, умным и осторожным, знал, когда и что можно делать. А моя мудрая и предусмотрительная бабушка открывала ворота только тогда, когда на ее вопрос: «А где квитанция?» - водитель грузовика, как правило, солдат, давал ей кассовый чек. Вот так, на все, на всякий случай нужно было иметь бумажку. «Береженного Бог бережет» и «Берегись бед, пока их нет», - часто повторяла бабушка. Чеки она хранила в ящике дубового буфета. К сожалению, этот буфет сгорел вместе с дачей в 1989 году. Как он был красив! Привезли его из Березина в 1918 году. Бабушка Соня рассказывала, что ее мама - прабабушка Фрейда, им очень дорожила, так как он был частью ее приданого. Ее отец – мой прапрадедущка трактирщик Соломон, в 80-е годы XIX века купил для буфета дубовые доски, их поместили в сарай и засыпали солью, чтобы высушить. Только через два года столяр начал работу и создал это резное чудо с райскими плодами, листьями, птицами на дверцах, виноградными лозами на колоннах, дивным орнаментом. Верхнюю часть буфета украшала корона из сказочных фруктов, которая могла бы прославить своего создателя. Помню, когда я была маленькая, и мы жили в квартире на Таганке, буфет стоял в большой комнате, в нем хранилась посуда, столовые приборы, рюмки, варенье, мед, конфеты и многое другое. Хлеб, куличи и пироги в буфете долго не черствели. Над ящиками были выдвижные доски, на них ставили то, что вынимали из буфета перед тем, как поставить на стол, а также резали хлеб. Почему-то дети нашей семьи, и я не исключение, едва научившись писать, выцарапывали свои имена на этих досках, причем с нижней стороны. Дверцы буфета закрывались плотно, в них имелись медные врезные замочки, но ключи потерялись и в начале XX века к дверцам, чтобы легче их открывать, прикрепили бронзовые ручки в виде львиных голов с кольцами в носках. В Болшево буфет перевезли после реконструкции дачи. Он украшал собой большую террасу на втором этаже, никого не оставляя к себе равнодушным. Не могу себе простить, что слишком долго собиралась привезти его, искала почетное место в квартире. Да, правильно говорила баба Фаня: «Отклад не идет в лад». Чувствую, что я немного отвлеклась. Так вот, Николай Титович превратил нашу дачу в образцовое хозяйство с садовыми дорожками, клумбами, декоративными и плодовыми деревьями, кустами. Своих детей у него не было и ему было приятно заботиться обо мне, угадывать и выполнять мои детские желания. Стоило только намекнуть на то, что мне хотелось бы что-то, как это появлялось. Например, как-то я сказала, что мне понравилась цветочная клумба на даче у подружки Кати. Бабушка никогда меня не будила, считала, что ребенок должен сам проснуться. И вот я проснулась - потянулась, вышла на террасу и вижу чудо - передо мной огромная клумба - ковёр с разноцветными анютиными глазками, гортензиями, лилиями, нарциссами, хостами, флоксами, гвоздиками, а также с диковинными цветами, назвать которые я не могу. Клумба изумляла своей живописностью и размерами. Николай Титович страстно любил автомобили и первым делом построил на даче кирпичный гараж на две машины с подъемником и смотровой ямой. При штабе МО ПВО был гараж, в котором были не только отечественные «Победы», «ГАЗики», «ЗИСы», «ЗИМы», но и автомобили – легенды – усадла и гордость Титыча. Он рассказывал, что в конце войны существовал табель о рангах, где было записано, какое количество звезд на погонах может претендовать на определенное количество цилиндров под капотом авто. Мне кажется, автомобили наделены необыкновенным даром - делать людей счастливыми. Помню улыбку и таинственное выражение на лице Титыча, когда он показывал мне, 10-летней девочке, трофейные автомобили, получившие пристанище в гараже штаба МО ПВО на Кировской 33. Это и «Бьюик» красного цвета 1941 выпуска, принадлежавший последнему императору Китая Пу И, и огромный темно-синий кабриолет «Майбах», на котором ездил Николай Эрастович Берзарин – генерал, первый советский комендант Берлина. А как хороша была «Татра» - обтекаемая машина с «плавником» на крыше, салоном из натуральной кожи, электрическими светящимися часами и радиоприемником «Телефункен». Мне довелось посидеть почти в каждом из легендарных авто, даже в черном «Паккарде» и «ЗиСе 101А», по рассказам Титыча, это были любимые автомобили Сталина. С особой гордостью Титыч показывал «Опель – Адмирал» Вильгельма Кейтеля, на котором генерала - фельдмаршала под конвоем доставили в Карлхорст подписывать акт о безоговорочной капитуляции Германии. Почетное место в гараже занимал бронированный «Гросс Мерседес», созданный по приказу Гитлера для «необходимых Рейху людей», он мог ехать даже с прострелянными колесами, так как они были с многосекционными камерами. На этот автомобиль Титыч смотрел с особой гордостью и уважением – на нем ездил маршал Жуков, но для повседневных фронтовых поездок легендарный военачальник любил довоенный «Бьюик» и «Хорьх 855». Мама вспоминала, что послевоенная Москва не уступала нынешней по числу иномарок, и владельцы трофейных авто устраивали гонки по Садовому Кольцу. Но к середине 50-х годов иномарки исчезли с улиц Москвы. Лозунг «Советское – значит отличное» решил их участь. Власть предпринимала меры для повышения престижа «Побед», «ЗиМов», «Москвичей», ГАИ получила указания об ужесточении техосмотра и утилизации большинства трофейных машин. Титыч спас бронированный БМВ 326 - купил его на имя мамы, он не мог допустить, чтобы такой автомобиль

превратился в груды металлолома. Этот блестящий черный красавец, обутый в шины с белыми боковинами, переехал к нам на дачу. Был он в идеальном состоянии. В нем работали электрические часы, радио, холодильник, выдвижной бар, салон был отделан бежевой кожей и деревом. Мои ноги еле-еле доставали педали, но как мне нравилось сидеть в этом авто за рулем, узнавать назначение кнопок, дверок, тайников! А для моей двоюродной сестры Иры, лет в 15, эта машина была местом, где она предавалась своим страстям – лежа на заднем сидении, она с упоением читала романы и курила папиросы, стибренные у Николая Титовича из «бардачка». Сказать, что Титыч был прекрасным водителем мало, он чувствовал себя хозяином дороги, обожал скорость, обгонял всех, легко и ловко выходил из дорожных ситуаций, которые частенько сам и создавал. В те годы машин на загородных шоссе было мало, и Титыч отводил свою душу виртуоза – лихача. Мама тоже любила скорость и подгоняла его: «Коля, давай, обгоним, смотри-ка, едет, как на самоваре и дымит на нас». Титыч изображал на лице крайнее возмущение, с радостью «давал газу до отказа», и мы мчались, куда хотела мама. Она любила ездить в Загорск (теперь Сергиев Посад), Абрамцево, Суздаль, Ростов Великий, Тулу, Углич. Айна, наша собака, всегда ездила с нами, обычно она сидела рядом со мной на заднем сидении, голова ее лежала на левом плече Титыча, нос она высовывала через открытое окно, а уши прижимала, чтобы не надуло. Умнейшая была собака, ее все очень любили, прожила она в нашей семье 12 лет, и умерла в 1967 году, было ей 15 лет, что для таких крупных собак, как немецкая овчарка, редкость. \*\*\* В детстве я мечтала о собаке, конечно, родные пытались отговорить меня, объясняли, что гулять в городе негде, что придется заботиться о питомце, а я еще маленькая. Но в нашей семье желания детей исполнялись, и в один прекрасный летний день бабушка меня спросила: «Ирочка, хочешь, чтобы у нас жила Айна?». «Хочу, хочу!», - я прыгала от счастья и обнимала бабушку. С Айной я была знакома уже два года и часто представляла ее «своей собакой». Она жила в семье Григория Савельевича и Александры Казимировны Пастернаков, их сына Эмиля и невестки Гали. Несколько лет они были нашими соседями по даче. Я уже упоминала о Григории Савельевиче - он был родом из города Борисова, что на реке Березине, знал моего прадедушку Бориса Ильича Чарного и рассказывал о нем много хорошего. Так вот, когда родился их внук Виталик, собака оказалась ненужной обузой и причиной домашних раздоров, Галя - мама малыша, кричала дурным голосом на все Болшево: «Либо я, либо эта псина, от которой грязь и инфекция». Такие сцены были тяжелым испытанием и для Григория Савельевича, и для Айны. Они приходили к нам на дачу переждать эту «грозу», Айна пряталась под стол или под кровать, и вскоре по взаимному согласию и моей великой радости она стала жить у нас. Айна относилась ко мне покровительственно и с пониманием, гордо шла на поводке рядом, когда мне разрешали с ней гулять, но главной считала бабушку. Наше детское общество собиралось на поляне между дачами, место это называлось «на бревнышках». Там мы играли в «штандер», «собачки», «салочки», «вышибалу». Популярны у нас были также игры «съедобное - несъедобное», «испорченный телефон», «да» и «нет» не говорите, «классики». Прыгали мы и через веревочку. Скажу честно, прыгала я плохо, и вернуться от мяча не всегда удавалось. Была я, как и сейчас толстовата, поэтому «собачки» и «вышибалу» не любила. Но в бадминтон и настольный теннис, который мы называли «пинг-понг», я играла мастерски. Собирались мы до и после обеда, приезжали на велосипедах, часто приводили своих собак, хвастались их способностями, устаивали соревнования. Айна была лучше всех, с удовольствием выполняла мои команды «голос, рядом, апорт, фу, место, дай лапу и т.д.». Кроме того, я научила ее этим же командам на английском, она быстро их запомнила, и мы всегда побеждали. Айна понимала все, добровольно несла ответственность за порядок, считала своим долгом следить за моей безопасностью, на нее можно было положиться. Например, собираюсь с подружками на речку Клязьму купаться, бабушка разрешает и напутствует: «Смотри, Ирочка, речку не переплывай!» - я обещаю. Приходим на любимое место на речке «у камушка», раздеваемся. Айна остается на берегу, говорю ей - «Сидеть». Доплываю до середины речки, а она уже рядом, чувствует, что я хочу нарушить обещание, данное бабушке, крутится вокруг меня, дальше плыть не позволяет. Летом на моей спине всегда царапины были - Айна, заботливо охраняла меня в воде, барахталась рядом и задевала лапами мою спину. Вечером мы часто собирались у нас на верхней террасе играть в карты - в «дурака», «девятку» или в лото. Частенько к нам «на огонек» приходил сосед – Виктор Васильевич Чернышов – художник и страстный охотник. Семью свою он обеспечивал плохо, «страдал неизлечимой русской болезнью», женился он неудачно, теща считала его врагом номер один и называла художником от слова «дырка», потому что «дырка» – это «худо». Ему заказывали натюрморты, плакаты, рекламные тексты для столовых и сельскохозяйственных выставок, они мне нравились. Обычно, он говорил бабушке, что должен получить большие деньги за работу, и просил в долг на электричку до Москвы и пять рублей на метро. Таких называют «бедолагами». Бабушка его жалела, наливала рюмочку, давала деньги в долг, зная, что, безвозвратно. Тайком от жены и тещи он приносил ягоды и просил сварить кисель. Забавно было смотреть как он с видом заговорщика, по-мальчишески

доставал яблоки или сливы через ворот рубашки. Помню, мы, дети лет 10-12, сидим за столом на террасе под большим оранжевым уютным абажуром, с нами Виктор Васильевич и его красивая собака Вега – пегий курцхаар с крапом в кофейных тонах. Айна и Вега относились друг к другу по собачьи дружелюбно. Виктор Васильевич любил охотничьи рассказы и подробно, с вдохновением описывал все - и свое снаряжение, и погоду, и природу, мы слушали, затаив дыхание. Помню, как после фразы из его очередного повествования: «Я увидел кабана, выстрелил, попал, но вдруг он побежал мне навстречу, выбил ружье и откусил большой палец правой руки» наши глаза устремились к большому пальцу его правой руки. Палец был на месте. Виктор Васильевич тоже посмотрел на свой палец, крепко прижал его к ладони, так, что остались видны четыре пальца, и, не смутившись, продолжал: «Да, он откусил мой палец, но у меня такая редкая кровь, ни у кого такой нет, я выхватил свой палец из пасти кабана, приложил к руке, и он сразу же прирос, а кабан упал у моих ног». Наша детская реакция была мгновенной – мы впились глазами в его руку и, увидев, что все пальцы на месте, сделали глубокий выдох. Дача в Болшеве у нас была с довоенных лет, бабушка ее очень любила, переезжала в мае и жила там, по выражению мамы «до морковкиных заморозков». С соседями нас связывали разные истории. Вот одна из них – трагикомическая. У Чернышовых был городской телефон. Вечером, как обычно, бабушка, пошла к соседям, чтобы позвонить нам, Айна осталась ждать ее у калитки. Поговорив по телефону, она собралась к себе, но Виктор Васильевич, заявил, что любимую Софью Борисовну он, как джентльмен, должен проводить. Бабушка возражала, но все-таки согласилась. Был он, как обычно «подшофе». Подошли к нашей калитке, Виктор Васильевич обнял бабушку, поцеловал ей руку... и калитка открылась в тот момент, когда он выражал нежные чувства уважения и любви. Надо сказать, что Айна терпеть не могла запах алкоголя, а тут некто, от которого всегда так дурно пахнет, касается бабушки, нужно действовать, защищать. И преданная, «очеловеченная» собака, не раздумывая, приняла решение – схватила его за особо важный орган, называть который не всегда прилично. Виктор Васильевич вдруг подскочил, как ошпаренный и с возгласом: «Она мне откусила!» - побежал к своему дому. Бабушка сказала Айне «сидеть», закрыла калитку и быстро пошла за ним. Вот какую картину она увидела. На середине яркоосвещенной террасы стоял Виктор Васильевич, его брюки и теплые кальсоны (холодно, поздняя осень) были спущены, все было в крови. Рядом с ним стояли жена и теща, он кричал от боли, повторял «Софья Борисовна, только соседям не говорите, я ее пристрелю, она мне откусила!», умолял жену что-нибудь сделать и не вызывать «Скорую помощь». Виктору Васильевичу было очень плохо, всю ночь он страдал, мочился вбок. Утром жена отвезла его в поликлинику МПС, где работала медсестрой. Старенький врач-уролог с большим стажем и богатым жизненным опытом сказал: «Всякое я повидал – жены мужьям и отрезают, и прокусывают, но чтобы собака...». А Клавдия Алексеевна - теща несчастного пострадавшего, принесла Айне большой кусок мяса со словами «Умница, молодец, Айночка, кушай, хорошая собачка». Думаю, что Виктор Васильевич ничего плохого нашей любимице бы не сделал, но все-таки мама уговорила бабушку завершить дачный сезон, не дожидаясь его возвращения из поликлиники. Недавно я и моя подруга Наташа Радченко вспоминали наши юные годы, каникулы на даче и, конечно, Айну. У нас часто бывали гости и, разумеется, приходилось мыть посуду. Водонагреватели типа «Ariston» на дачах появились позже, моющих жидкостей и салфеток из микрофибры не было в помине, посуду мыли сухой горчицей, мылом, а воду грели на керосинках или с помощью примитивных электрокипятильников, одним словом – морока. Излишне говорить, что нам с подругой мыть посуду было скучно и утомительно. Я упростила процесс, используя бактерицидные свойства собачьей слюны, о которых знала из рассказов мамы о сибирских лайках - собаки вылизывали глубокие открытые раны у охотников хантов и манси, и заживление происходило очень быстро. Порядок действий был простой. Крану около гаража, чтобы бабушка не видела, мы приносили грязную посуду, в том числе кастрюли и сковородки, звали Айну, и она с удовольствием все отмывала языком, да так тщательно и старательно, что оставалось только ополоснуть и вытереть. А вот еще забавные эпизоды из детства. В те времена, когда все было дефицитом, к лету делались запасы продуктов, и на дачу привозили сахар, муку, крупы, масло, консервы, яйца. Холодильников не было, что-то хранили в погребе, сливочное масло держали в банке, причем маслом заполняли полбанки и доверху заливали холодной водой, в жару воду меняли несколько раз в день. Яйца горкой укладывали в миску значительных размеров, и ставили в самое прохладное место - это был темный коридорчик наверху, за дверью большой комнаты. Айна обожала сырые яйца и вкушала их так виртуозно, что превращала этот процесс в шоу. Я звала Айну и говорила – «Айнуша, можешь взять яичко». Моя любимица, понимая, что совершает недозволенное, слегка покачивала головой, шевелила ушами, словно хотела возразить: «А нужно ли? Ведь могут быть неприятности, бабушка добрая, но любит порядок». Я предлагала «Возьми» и она не могла отказаться. Айна была очень крупной немецкой овчаркой. Она открывала свой рот (не люблю, когда говорят пасть, да еще зубастая), осторожно, с предвкушением блаженства зажимала яйцо между зубами, слегка поджав хвост, пригибаясь, бежала к гаражу и

ставила яйцо в песок тупым концом вверх. Действие следующее состояло в том, что Айна осторожно, откусывала верхушку, и съедала сначала белок, а потом желток. Как ей удавалось это сделать, не уронив ни капли, для меня загадка, равная вопросу, который задавал в детстве мой племянник Вова: «Как в конфеты «подушечка» повидло попадает?». В наших играх Айне доставались разные роли, например, Волка, старушки, страдающей девушки и т.д. Помню, как она послушно лежала на кровати под одеялом, в выдавшей виды фетровой шляпке с цветами, сидевшей кокетливо между ушами. Чтобы шляпка держалась на голове, мы лентой привязывали ее к ошейнику и делали бант. Еще мы надевали Айне очки на нос, и она становилась похожей на старую барыню с трудной судьбой. Когда бабушка входила в комнату, она стыдила нас, сердилась, Айна сразу прыгивала с кровати, очки падали на пол, шляпка болталась на ошейнике, думаю, ее кожа под шерстью краснела от смущения. Она смотрела на бабушку виноватыми глазами, как будто хотела сказать: - «Дети, глупые еще, вот и приходится с ними играть». \*\*\*

Подступившая ко мне тоска по прошлому вызвала в памяти картины детства, связанные с нашей дачей, квартирой на Таганской улице, соседями, первой школой в Товарищеском переулке ... Я вспоминаю большие и маленькие события того времени, которые для моей детской жизни имели особое значение. Появилась я на свет в роддоме № 11 в Шелапутинском переулке, что на Никольской улице. Этому роддому, построенному в конце XIX века Д.А.Морозовым как богадельня, после революции присвоили имя революционерки Клары Цеткин – автору идеи Международного женского дня. Д.А.Морозов был одним из внуков С.В.Морозова – основателя династии текстильных промышленников, но самый известный из этой огромной семьи – правнук С.В. Морозова - С.Т.Морозов - знаменитый предприниматель, меценат, он спонсировал социал-демократов, создал МХАТ, его жизнь и смерть, о которых много написано, покрыты тайной. Печально, что ныне здание роддома – руина. Таганку в далеком прошлом именовали Заяузьем. Это район старой Москвы между Яузой и рекой Москва, до Кремля по набережной за один час можно пешком пройти. С незапамятных времен здесь селились мастеровые люди, их ремесла дали названия многим улицам. На Таганке жили и работали кузнецы, а также мастера слесарного ремесла, они делали таганы и хозяйственную утварь. Таганы – это треножники с обручем наверху, на них ставили горшки, котлы и сковородки для приготовления пищи. Однако, есть версия, что название Таганка географическое, а «таган» слово тюркское и означает холм, гора. На Гончарной – трудились гончары, на Котельнических улицах было поселение изготовителей котлов, на Швивой горке обосновались швецы – портные. Швивую горку еще именовали Вшивой, может быть по слову «вошь», которым называли всех насекомых, обитавших там, где невозможно было строить дома и заниматься хозяйством - на горках, речках, в оврагах. Это место в устье реки Яузы, на Котельнической набережной спрятано под сталинской высоткой, построенной в начале 50-х. Жителями Верхней и Нижней Болвановских были мастера по изготовлению деревянных болванок для пошива головных уборов. А возможно, Болвановскими они названы потому, что здесь, до освобождения Руси от татаро-монгольского ига при государе Иване III - Великом, встречали послов Золотой Орды и они выставляли знаки величия хана – изображения на войлоке своих идолов (болванов). В 1919 году эти улицы получили название Верхняя и Нижняя Радищевские. Просветитель и философ XVIII века помещик А.Н.Радищев в своей книге «Путешествие из Петербурга в Москву» осуждал крепостное право. В Дровяных переулках торговали дровами, а Школьная улица называлась Тележной. Строители и каменщики, воздвигавшие храмы и монастыри, которых в Таганке было множество, жили на улицах Большие и Малые Каменщики. Интересно, что Факельные переулки – Большой и Малый назывались Вокзальными, хотя вокзала там никогда не было. А вокзалом называли прогулочный сад с эстрадой, танцами и увеселениями, где часто устраивали иллюминации – «факельные представления», которыми восхищалась почтеннейшая публика. Этот сад в начале XX века стал сквером. В первые годы советской власти сквер обустроили, превратили в «Детский парк» и дали ему имя Н.Н.Пряникова - сподвижника В.И.Ленина, большевика, комиссара-чекиста, погибшего в 1918 году. Этот парк я помню очень хорошо. Вокруг парка была высокая чугунная ограда со столбами, на бетонном основании, с вертикальными пиками и пятиконечными звездами в середине каждой секции. Главный вход в парк со стороны Таганской улицы украшали чугунные ворота в виде полукруглых арок и калитка в художественном стиле своего времени - с пятиконечными звездами, увенчанными тремя языками костра, как на пионерском значке, в середине звезд были серп и молот. Ко дню рождения Ленина -22 апреля ограду всегда обновляли – звезды и прочий декор красили бронзовой краской, а все остальное – черной. Справа от входа висела мраморная доска с профилем Ленина, и надписью когда и по какому поводу здесь выступал вождь мирового пролетариата. Мы называли парк «Сад Пряникова», и я думала, что здесь, когда-то, очень давно стоял домик кондитера, который пек и продавал пряники. Справа от входа в парк стоял маленький, деревянный, красно-желтый трамвайчик, как настоящий, сзади с чугунным сцепным устройством, подножками с двух сторон, скамеечками вдоль окон и местом для вагоновожатого, но без рельсов. Рядом с трамвайчиком была деревянная горка. Войдя в парк, мы, дети, первым делом бежали

посидеть в трамвайчике, а потом на качели и на горку. Сразу у входа были стенды с фотографиями забытых ныне пионеров-героев – Володи Дубинина, Вали Котика, Марата Казея, Лени Голикова и других. Мало кто знает сейчас об их жизни в страшные военные годы и их подвигах, но забвения эти дети не заслужили. Отдельно висели объявления о культурно-массовых мероприятиях, проводимых в парке. В центре стоял каменный олень с рогами, а правее, в глубине – эстрада под круглым сводом, со скамейками для зрителей. В дни праздников в парке звучала бравурная музыка, на эстраде всегда выступали артисты, фокусники, акробаты, ансамбли народов СССР в национальных костюмах со своими песнями и танцами. В парке было много деревьев – липы, яблони, акации, недалеко от эстрады рос старый – старый дуб. Вдоль аллеи, между кустами стояли большие деревянные скамейки с чугунными литыми боковинами. Некоторые из них занимали так называемые «группы». В «группы» приводили детей, которых родители не хотели отдавать в детский сад. За умеренную плату пожилые женщины, имеющие, как правило, гимназическое образование, гуляли с четырьмя-пятью детьми в парке, играли с ними, читали стихи и сказки на русском и немецком, в игре они старались научить детей правилам общения и поведения. Баба Фаня относилась к женщинам – наставницам с уважением, называла их «бонны», кроме того она считала, что в «группах» приличные дети и с разрешения бабушки, водила меня к Анне Ивановне. В эту же «группу» ходил и мальчик Саша Иванов, такой же розовощекий, толстенький и крепенький, как я, он жил в первом подъезде нашего дома, мы дружили, старались быть парой в играх и на прогулках. На его блондинистых кудряшках очень красиво сидел синий беретик. Забавно, что случайно встретившись в начале 70-х в коридорах Менделеевки, мы вспомнили друг друга и наше детство, и парк, как он узнал меня, не знаю, а я его – по манере носить берет и здоровому румянцу. А после первых морозов, обычно в ноябре, в парке заливали каток, находился он слева от входа. К открытию катка мы готовились. Бабушка шила мне и моей двоюродной сестре Ире клетчатые юбочки в складочку, из старых пальто комбинировала курточки, надвязывала манжеты и воротнички, получалось очень нарядно. Юбочки мы надевали на теплые колючие рейтузы, а под рейтузами были чулки, они прикреплялись широким резинками со специальными застежками к лифчику. Подумать только, колготки мы увидели только в конце 50-х! Лифчики напоминали жилетики – безрукавки с пуговицами сзади, их носили и девочки и мальчики лет до десяти. Зимний лифчик был из бумазеи – теплой, ворсистой хлопчатобумажной ткани. Помню, как в дни осенних каникул, перед 7 Ноября (моим днем рождения), мы ходили с бабой Фаней в спортивный магазин на Солянке, это было событие! Нам покупали новые коньки и облегающие голову вязанные шапочки с мысиком, прикрывающим лоб, как у настоящих спортсменов. В этих шапочках мы походили на совет. Во время прогулок такие шапочки одевали детям под капюшоны или меховые шапки. Варезки, шарфики и носки бабушка вязала нам сама. Моими первыми коньками были «снегурочки», они крепились ремешками к валенкам, а лет в семь я уже каталась на коньках с ботинками «гагах». Помню, как я сидела в раздевалке на скамейке, а баба Фаня, сидя на корточках и опустив голову, зашнуровывала мои ботинки. Шнурки были белые, длинные, дырочек в ботинках много и она заботливо спрашивала – «Не давит, смотри, а то ножки замерзнут». Раздевалка находилась рядом с катком и по деревянному полу, на котором коньки оставляли глубокие отметины, мы выходили на лед. Первый круг мы делали близко к бортику. Баба Фаня бежала по льду и следила, чтобы нас не толкнули и не подсекли взрослые мальчишки на беговых коньках «канадах» и «норвежках», а они, озорники, ловко лавируя между малышкой, лихо проезжали мимо и выкрикивали – «Бабушка, надень коньки!». В парк мы приходили после обеда, сделав уроки, часа в четыре. На московских улицах было темновато, а на катке сверкали огни, играла музыка, нам было весело. Мы катались, изображая конькобежцев и фигуристов. Соревновались, кто дольше проедет на одной ноге, катались «елочкой», делали поворот «через ножку». Учились тормозить «плугом», раздвинув задники коньков, ездили «спиной вперед», «паровозиком» и парами. Все дети красовались друг перед другом, устраивали «куча – мала», падали, опять вставали на лед, изобретали немыслимые виражи. На полусогнутых от усталости ногах, покрасневшие и взмокшие, мы входили на коньках в раздевалку и добирались до буфета. В буфете продавались сочники, слоеные языки, обсыпанные сахарной пудрой рожки с повидлом, ароматные калорийные булочки с изюмом, невские булочки с масляным кремом. Сделать выбор из такого разнообразия было нелегко, но каждый из нас находил желаемое. Эти вкусности запивали чаем, продавщица его налиwała в граненые стаканы из большого, металлического бака – кипятильника – «титана», с краном внизу. Для меня баба Фаня брала из дома белую эмалированную чашку, но я хотела пить чай только из стакана. Каким это было удовольствием! Ира и Боря не всегда вкушали блаженство вместе со мной и чай не пили. Они встречались на катке со своими одноклассниками, Ира секретничала с подружками, Боря предпочитал уединение, мог без лишних слов исчезнуть и внезапно появиться. У них был свой круг интересов, а я вертелась рядом, надоедала, они на меня шикали, я обижалась, но моя детская душа стремилась к ним, моим родным – двоюродным брату и сестре. Неподалеку от входа в парк была палатка, где продавали горячие бублики по пять копеек, поджаристые, хрустящие,

с маком и без. Пекли их тут же, в настоящей печке и мы терпеливо ждали, чтобы получить бублики с пылу-жару. Продавщица ловко вынимала противень из печки, отматывала от большущей бобины нужное количество серой бумажной бечевки и нанизывала бублики. Мы покупали их не меньше десятка, и я несла эту гирлянду из бубликов домой. \*\*\* В детстве наша улица казалась мне большой и широкой. В старину ее именовали Таганкой, а после переселения сюда в XVII веке части жителей из Семеновской слободы, что была на Николо-Ямской - Семеновской. До революции ее называли и Таганской, и Семеновской, в 1918 году ее нарекли – Советская, а в 1922 год вернули ей старое имя - Таганская улица. Таганка находилась на перепутье дорог во Владимир, Казань, Коломну, Рязань, Нижний Новгород, и здесь образовался огромный рынок. После пожара 1812 года Таганскую площадь перепланировали, построили двухэтажные каменные торговые ряды, просуществовали они до середины 60-х годов. Их автором считают архитектора О.Бове. Хорошо помню, как мы с бабой Фаней ходили за покупками, и я по слогам читала названия магазинов в этих рядах - «Рыба», «Хлеб», «Мясо», «Молоко», «Ткани». Кое-где под несколькими слоями краски даже можно было разглядеть дореволюционные вывески с «Ъ». Очень удивляла меня надпись большими синими буквами «Москательные товары». Я, пятилетняя, была разочарована, что в этом магазине продавали только керосин, клей, олифу, гвозди и т.д. Мне хотелось увидеть там интересные предметы, связанные с Москвой, например, картинки с видами Москвы, значки, скульптурки «Царь-пушки» или башен Кремля. Ведь первые четыре буквы этих слов одни и те же? Еще на Таганской площади имелись «Фотография», «Ювелирный», а также «Пивная» и «Рюмочная». Давным - давно Таганка превратилась из ремесленного района в торговый и постепенно ее заселили московские купцы. Многие из них были старообрядцами. Они вкладывали свои деньги в экономику и культуру России, строили и содержали больницы, богадельни, приюты, школы, институты, театры. Здесь начинали свою деятельность Щукины, Бахрушины, Алексеевы, Зубовы, Морозовы, Кузнецовы. В торговых рядах и богатых лавках можно было найти все, что только пожелаешь. А первое десятилетие XX века превратило Таганку в крупнейший индустриальный район. Самыми крупными предприятиями были канительный - позументная фабрика и медеплавильный завод промышленников Алексеевых на Большой Алексеевской улице, с 1918 года – Большой Коммунистической, а ныне - улице Александра Солженицына. С начала 30-х до середины 90-х годов здесь производили электрокабель и провода, сейчас завод оказался ненужным, его перестроили и превратили в офисный центр. А что такое канитель, мне, когда-то маленькой девочке, объяснила бабушка. Это тончайшие проволочные винтовые спирали, скрученные из золотых, серебряных или медных нитей, ими обматывали льняную или шелковую пряжу для плетения шнуров, бахромы, тесьмы, эти изделия назывались басонными или позументными. Они пользовались большим спросом и в России и за границей. Такие нити используют и сейчас в золотошвейном деле – мастера вышивают золотом и серебром, создают прекрасные изделия, театральные костюмы и т.д. На Воронцовской улице, уходящей лучом от Таганской площади к Крестьянской заставе, самым большим предприятием была Табачная фабрика А.И.Катыка. Помню прогулки с мамой по Воронцовской улице. Здание старой, дореволюционной фабрики в моем, детском представлении, должно было быть невзрачным и убогим. А это, построенное в средневековом стиле, из красного кирпича, с готическими украшениями, башенками и зубцами, казалось мне сказочным дворцом. Отрадно, что здание это сохранилось, и на фронте можно прочитать «Торговый дом А.Катык и Ко». Папиросы и гильзы (гильзы - это папиросы без табака) на фабрике выпускались до конца 20-х годов и назывались «Красная Звезда». В начале 30-х годов на территории табачной фабрики декретом советского правительства был построен первый московский часовой завод - 1 ГЧЗ, теперь он называется Часовой завод «Полет», его современный фасад выходит на Марксистскую улицу. Оборудование и механизмы для первых часов закупали в США. Производство шло ударными темпами. Завод выпускал разные модели часов – карманные, наручные, хронографы (часы с секундомером), хронометры (особо точные часы). Первые часы назывались карманные 1-го типа К-ЧЗ, они, как и часы «Победа», выпущенные в 1946 году в честь нашей Великой Победы, а также «Москва» - к 800-летию основания нашей столицы, и «Штурманские», с которыми в 1961 году Юрий Гагарин полетел в Космос, уже давно стали раритетом. В названиях часов – «Родина», «Спортивные», «Антарктида», «Спутник», «Полет» отражены успехи нашей страны. Помню, как в 10 классе я радовалась, получив в подарок позолоченные часы «Полет», они были очень стильные, большие, плоские, с секундной стрелкой, с черточками вместо цифр. Мужские часы на девичьей руке считались в то время модным атрибутом и имели особый шик. Пожалуй, было бы неплохо найти место для музея часов в чудесном здании бывшей старой фабрики, где сейчас разместились пивной ресторан и бар. До сего времени на Воронцовской улице сохранилось здание парфюмерной фабрики К.Эрманса. После революции фабрику, производившую лекарства в таблетках и ампулах, мази, настойки, растворы, а также парфюмерию, национализировали. В 1922 году она стала называться Фармацевтический завод имени Н.А.Семашко. Большевика, врача и академика, первого наркома здравоохранения РСФСР Н.А.Семашко

почитают как человека «заложившего основы» советского здравоохранения, однако, система медицинского обслуживания в России – это труд многих поколений врачей и благотворителей. Моя двоюродная бабушка Эсфирь Борисовна Чарная-Шабад (я часто вспоминаю о ней) рассказывала, что изредка посещая в Женеве лекции основателя РСДРП, философа и марксиста Г.В. Плеханова, кстати, родного дяди Н.А.Семашко, слушала и выступления Николая Александровича, эмигрировавшего, как и В.И.Ленин в Швейцарию. Помню, как она, врач с 50-летним стажем, возмущалась, вспоминая циркуляр, подписанный наркомом Н.А.Семашко в 20-е годы, о том, чтобы очистить к очередному съезду РКП (б) улицы Москвы от беспризорников, и «очистили», страшно писать, как. Она не терпела несправедливость и негодовала, когда советские организаторы медицины приписывали себе заслуги знаменитого врача конца XIX века С.П.Боткина по оздоровлению России. Как она сердилась и раздражалась, когда медицинские сановники выдавали за свои и идеи основоположника профессиональной гигиены Ф.Ф.Эрисмана, и педиатра Н.Ф.Филатова, и терапевта Г.А.Захарьина, предложившего ввести анамнез (опрос больного) как метод исследования, а также мысли и концепции создателей российских госпиталей, больниц и богаделен. А она хорошо знала систему здравоохранения, проработав главным врачом в госпиталях в годы первой мировой, гражданской и Великой отечественной войн, а также в больницах и клиниках в мирное время. Да, хочу написать о Таганке и опять отвлеклась. Так вот, бывшая фабрика К.Эрманса сохранилась и под новым названием «Фармзавод имени Семашко» вошла в ОАО «Мосхимпрепараты им. Семашко». Производство лекарств в ампулах и таблетках продолжается. В начале 70-х я участвовала в разработке одноразовых шприцев из полимерных материалов и обращалась на завод за консультацией по нанесению шкалы делений на шприцы и печати на их упаковки. Я всегда любовалась этим зданием в стиле модерн, очень выразительным, живописным, хотя и без декоративных элементов. Окрашено оно двумя цветами - красно-коричневым и серым, а над крышей гордо возвышается водонапорная башня. Но привлекает оно к себе внимание благодаря большим красивым венецианским окнам с решетчатыми переплетами и очень изящным главным входом. Жаль, что на фасаде здания не сохранилась вывеска «Акционерное общество торговли аптекарскими товарами Эрманс и Ко». Как-то захожу в аптеку «Самсон» на Лубянке и вижу витринку со старыми пузырьками от лекарств и духов, на некоторых из них сохранились этикетки с характерными для модерна растительными орнаментами, красивыми женскими личиками, барышнями в длинных платьях, изображениями животных, птиц, бабочек, пауков. Интересно, что растительные мотивы отлично выражали суть парфюмерии. Ведь вытяжки и настойки всевозможных цветов, листьев, корней и т.д. - основа духов. К сожалению, ушли в прошлое названия некогда прославленных парфюмерных фирм. Но я помню, как мои бабушки и мама говорили - «Бывшая фабрика Брокара» - «Новая Заря», «Бывшая Сиу и Ко» - «Большевик», «Бывшая Бодло» - «Рассвет», «Бывшая Ралле и Ко» - «Свобода». Помню, когда мы жили в Таганке, в маминной комнате стоял туалетный столик, чего там только не было – флаконы духов, шкатулочки, атласные коробочки с флакончиками, пудреницы неземной красоты, баночки с кремом, маленькие фарфоровые фигурки и разные безделушки. Особое благоговение у нас вызывала маленькая каруселька в форме грибочка со звездочкой сверху. К шляпке снизу были прикреплены малюсенькие креслица, лошадки, уточки, ослики, на них сидели крошечные зверюшки – зайчики, лисички, обезьянки. Это чудо заводилось ключиком и вращалось под мелодичные звуки. Скорее всего, этот сувенир мама привезла из Германии, Ира и Боря тоже с восторгом вспоминают эту удивительную вещицу. Нам разрешалось трогать все, но осторожно, мама не любила, чтобы ее вещи переставляли. Крем она делала сама, это было священнодействие. Из говяжьей сахарной косточки она вынимала костный мозг, добавляла ланолин (воск из шерсти овец), спермацет (жир из головы кита или кашалота), масло какао, мед и дистиллированную воду и все это варила на водяной бане. Спермацет маме привозили друзья – врачи, которые работали на китобойной флотилии «Слава» в Антарктике. Мое детское воображение особенно привлекал флакон из матового стекла одеколона «Северный». Сделан он был в виде айсберга, а пробка представляла собой белого медведя, стоящего на ледяной вершине. Почетное место на маминном туалетном столике занимал подарочный набор из двух матово-прозрачных флаконов (с одеколоном и духами), стилизованных под Спасскую башню Кремля, они назывались «Кремль». Коробка от них, обтянутая красным шелком, стояла в зеркальном шкафу, в ней мама хранила красивые старинные пуговицы, бусы и брошки. Конечно же, рядом с «Кремлем» стояла королева советской парфюмерии «Красная Москва» с красным бантиком под пробкой, стилизованной под главный купол Храма Василия Блаженного. Прообразом «Красной Москвы» были духи «Любимый букет императрицы», составленный на фабрике Брокара к 300-летию дома Романовых. А коробки от духов «Сказка о царе Салтане» и «Сказка о рыбаке и рыбке» казались мне волшебными, как я радовалась, получив их для игры. Советское ретро сейчас в моде и приятно, что не забыты привычные с детства названия «Персидская сирень», «Красный мак», «Ландыш», «Жемчуг», «Вечер», мужские одеколоны «Шипр» и «Тройной». «Новая Заря» теперь российско - французское предприятие «NE», оно выпускает новые духи



«Красная Москва», «Каменный цветок», шампуни, мыло. Для меня эти названия до боли знакомые и родные, в них память моего детства. \*\*\* Летом я очень часто бываю на даче у Иры и Бори на 42 км. Каждый раз подъезжаю и думаю, как хорошо, что наши дачи рядом – вместе ездим на рынок в Холодово, покупаем продукты в местных магазинах «Валентина», «Пятерочка», «Квартал», решаем дачные проблемы и частенько вместе обедаем. К чаю, они достают из старинного деревянного буфета заветную металлическую коробку, в ней, как во времена моего детства, печенье, сухари с изюмом, подсолнечная халва, пастила, зефир, не хватает ирисок, но зубы нынче дорогие, их надо беречь. Сердце мое замирает, и не только потому, что я люблю сладкое. Коробку эту я знаю всю жизнь, она большая круглая, жестяная, на темно - зеленом фоне рельефные изображения красных и желтых шаров, узоры, похожие на кусты, деревья, домики и написано на ней красными буквами «А.Сиу и Ко». Конечно, краска облупилась, и коробка не выглядит такой нарядной, как лет сто тому назад, но она прекрасна! Товарищество «А.Сиу и Ко» имело сотни магазинов и снабжало всю Россию кофе, какао, вафлями, пряниками, пастилой, карамелью. Кроме того, до революции фабрика выпускала множество видов мороженого и пирожного, а также духи и одеколоны. Получив, еще по указанию Ленина название «Большевик», фабрика продолжает радовать любителей сладкого. И каждый раз, проезжая мимо нее по Ленинградскому проспекту, я с замиранием вдыхаю вкусные запахи ванили и корицы. А когда вижу в магазинах любимое печенье моей бабушки «Юбилейное», появившееся еще в 1913 году к 300-летию дома Романовых, проникаюсь чувством нежности и доступности. «Большевик» сейчас входит в группу заморских продовольственных компаний. Еще бабушка вспоминала шоколад «Эйнем» - «Красный Октябрь», конфеты и фрукты в сахаре, производимые на фабрике А.И.Абрикосова - теперь «Кондитерский концерн Бабаевский», а мамины любимые конфеты «Коровка» и соевые батончики, обожаемые моей тетей Мурой, до сих пор производит фабрика «Рот-Фронт», до 1918 года носившая имя своего хозяина Леонова. В нашем доме сохранилась очень красивая вазочка в стиле модерн из зеленоватого перламутрового стекла, вставленная в металлическую корзиночку с высокой ручкой. На ее донышке этикетка овальной формы «Товарищество сыновей А.И.Абрикосова» с государственным гербом России, это означало, что предприятие является поставщиком императорского двора – высший знак качества. \*\*\* Погрузилась я в воспоминания и опять отвлеклась. Многое изменилось, но память хранит воспоминания, цепляется за знакомые углы, вызывая море чувств. Конечно же, самым главным для меня в Таганке был наш дом. Этот пятиэтажный монументальный красавец, возвышался над всеми строениями Таганской улицы. Уже несколько лет фасад дома затянут зеленой сеткой с рекламой и нарисованными окнами. Мне кажется, ему больно, и он страдает, что люди не видят и не хотят знать, как он медленно и тихо разрушается. Появился он в этом исконно купеческом районе, среди двух – трехэтажных домов в 1913 году, к сожалению, имя архитектора я пока не выяснила. Бабушка и мама называли наш дом доходным и рассказывали, что принадлежал он Николо-Угрешскому монастырю. Недавно я узнала, что этот монастырь расположен в Люберецком районе, кстати, каждый раз, по дороге на дачу я вижу указатель – город Дзержинский. Это и есть та самая Угреша, где Дмитрий Донской в честь победы на Куликовом поле основал Свято-Николо-Угрешский монастырь. Главный собор монастыря - Спасо-Преображенский воздвигнут в конце XIX века к 500-летию Куликовской битвы по проекту замечательного архитектора А.С.Каминского, выполнявшего заказы богатейших московских купцов – Третьяковых, Боткиных, Морозовых. Он украсил Москву Третьяковским проездом Китай-города, зданием Биржи на Ильинке, домами на Кузнецком мосту, Ордынке и многими другими, его учеником и помощником был Ф.О.Шехтель. Дом наш номер 1 по Таганской улице был доходным, то есть, построен для получения доходов. В начале XX века в России был строительный бум и продолжался он до 1914 года – начала первой мировой войны. Строили все: купцы, промышленники, акционерные общества, университеты, монастыри, церкви. Доходные дома сдавались внаем под лавки, магазины, квартиры, учреждения. Нижний этаж дома, обычно, отводился под лавки с отдельными входами, в верхних этажах были квартиры. Почти все доходные дома имели внутренние дворы, похожие по планировке квартиры, двери квартир выходили на лестничную клетку или в коридор и почти в каждой квартире имелся «черный ход» во двор. У меня нет ни одной фотографии нашего дома. Опишу его по памяти. Архитектурный стиль дома мне определить трудно, но скорее всего неоклассический. Фасад его был нарядный, величественный и строгий одновременно, на треугольном фронте под крышей выделялись цифры 1913. – год окончания строительства, по учебникам истории советского времени это год расцвета капитализма в России. Ниже фронтона, под широким карнизом были лепные украшения в виде львиных голов. Дом был пятиэтажный, с высокими, большими окнами. Над каждым окном и входом в подъезды - их было два - имелись небольшие фронтоны треугольной формы с карнизами. Дом был кирпичный, оштукатуренный серым шершавым цементом. А стены его были такими толстыми, что между оконными рамами баба Фаня под зиму ставила ведро с квашеной капустой. Не помню, чтобы дом наш ремонтировали, но трещин на нем я не видела и штукатурка со стен никогда не

отваливалась. Видимо строили добросовестно, технологию не нарушали, использовали качественный гидравлический цемент, добавляли в него строительный клей, специальное мыло, а вместо сухой краски - порошок серого мрамора и мраморную крошку. Дом слегка блестел на солнце, а приятный серый цвет и шероховатость с мелкими неровностями подчеркивали благородную простоту линий его фасада. Мы жили во втором подъезде. Слева от него находился вход в банк, за ним второй подъезд и подворотня - проход в наш двор со старыми, всегда открытыми воротами и двумя гордо торчащими, но покосившимися чугунными тумбами, к которым в далеком прошлом привязывали лошадей. Рядом с подворотней был магазин с вывеской «Продукты», его называли «На ступеньках» или «Центросоюзовский» - с признаками советской кооперации, а за ним – детский магазин или просто «Детский» для жителей Таганки, в 1960 году он получил имя «Звездочка» и стал филиалом центрального «Детского мира». «Звездочкой» он называется и сейчас, получив статус Торгового Центра, с бутиками, кафе, баром. Как и сейчас, он имел три входа, главный - со стороны Таганской площади, а два других - с Большой Коммунистической улицы и Таганской. «Детский» был центром нашей жизни. В главном торговом зале было царство игрушек и канцтоваров. Широкая винтовая лестница с массивными деревянными перилами вела на второй этаж, там продавали одежду и белье для детей, школьную форму, пионерскую, физкультурную. Форма для девочек была двух моделей – с воротничком «стоечка», пуговичками сзади и плиссированной юбочкой или с отложным воротничком, пуговичками спереди и юбочкой в складочку, шили ее из тонкой коричневой шерстяной ткани. В комплект входили так же два фартука, их еще называли передники, черный – повседневный и белый – для торжественных мероприятий. Фартуки были фасонистыми – с крылышками на плечах, вставками разной формы на груди, сзади с бантами или пуговицами. Размер детской одежды рассчитывался на среднестатистического худенького ребенка. Помню, как мою форму баба Фаня расширяла и вшивала сбоку молнию, чтобы я могла легко снять ее на физкультуре. Украшали форму белыми кружевными воротничками и манжетами, мои, «из старинных запасов», были самыми красивыми. Все девочки носили косы с бантами, черные или коричневые ленты – на каждый день, белые – парадные. Школьная форма мальчиков была мышиного цвета и напоминала солдатскую - гимнастерки с латунными пуговицами, широкие ремни с пряжками, а старшеклассники носили кители. В этот комплект входила также фуражка с черным лаковым козырьком и кокардой, на которой красовался школьный герб с лавровыми листьями. И только, когда я уже училась в старших классах, у мальчиков появилась новая форма – синие костюмы с галстуками и светлые рубашки. Сказать «продавали и покупали» одежду - не точно и слишком просто. За всеми товарами стояли очереди. Эти очереди были делом привычным. Нам в «Детском» покупали одежду, обувь и почти все для школы. Все надо было приобретать заранее и с запасом. Баба Фаня сил своих для нас не жалела, помню, как «охотилась» она за немецкими носочками в полосочку и гольфами с помпончиками, как рано утром, к открытию, ходила не один раз в «Детский», выстаивала очередь, чтобы «достать» для нас эту детскую красоту 50-х годов. Уже ранней весной, к лету, мне всегда покупали на вырост несколько пар кожаных сандаликов с дырочками сверху. С точки зрения бабушки у сандаликов был один недостаток - плоская подошва, что могло стать причиной плоскостопия. Изъян легко исправлялся – сапожник прибавал к ним широкие каблучки. Для этого мы с бабой Фаней и с сандаликами, к моему великому удовольствию, отправлялись к сапожнику дяде Рубену Зурабяну, который жил в нашем доме, на первом этаже. Их дверь была со двора, в углу, рядом с нашим черным ходом. В этом углу почти всегда висела веревка с бельем, которую поддерживала от провисания длинная палка. Единственное окно в их квартире выходило на Таганскую улицу. Это окно, сделанное без деревянных переплетов и форточек, казалось огромным. Видимо, раньше оно служило витриной, а на месте квартиры был магазин или лавка. Дочку Рубена и его жены тети Ани звали Маргуля. Она любила стоять неподвижно в этой витрине и смотреть, не моргая, на прохожих. У этой прехорошенькой, миниатюрной девочки с огромными карими глазами и длинными ресницами черные как смоль волосы локонами спускались до пояса, а на голове красовался красный бант невероятных размеров. Многие принимали ее за большую красивую куклу, останавливались перед окном, и она с удовольствием себя показывала, видимо, мечтала в будущем стать фотомodelью или актрисой. К сожалению, ее детская прелесть к 12 годам исчезла. Маргуля дружила с моей двоюродной сестрой Ирой, училась с ней в одном классе и называла себя Ритой. Как сложилась ее судьба, не знаю. Окно-витрина Риты - Маргульки находилось справа от нашего подъезда, за ним к дому примыкал маленький особнячок, на первом этаже которого была небольшая булочная. Буханки черного и батоны там лежали на полках, а на прилавке, под стеклом пирамидками были уложены сушки, круглые баранки, «челночки», сухари. Сладости – карамель, постный сахар, конфеты «подушечки», ириски лежали в вазочках. Ценники на подставочках, скрученных улиткой из стальной проволоки, выглядывали из вазочек или стояли рядом с пирамидками хлебных изделий. Кассы в булочной не было и продавщицы в грязноватых белых халатах и накрахмаленных колпаках сами получали от покупателей деньги, резали большим ножом и хлеб, и серую

упаковочную бумагу. Из бумаги они делали кульки – большие для сухарей и баранок, маленькие – для конфет. Хлеб заворачивать в бумагу не полагалось. Помню, бабушка всегда следила, чтобы хлеб сразу обжаривали, и говорила бабе Фане: «Только представь, сколько людей брали этот хлеб и какими руками - неизвестно», - а Фанечка, слегка возмущаясь, отвечала: «Ах, оставьте, я сама это знаю», - и уходила с покупками на кухню. От булочной налево, с Товарищеского переуллка был еще один проход в наш двор, а за ним - наша школа № 468 с палисадником, в котором до сих пор растет старая-старая липа. В эту школу я пошла в первый класс, в ней учились и получили аттестаты зрелости Боря и Ира Уриновские. Теперь в этом здании коррекционная школа № 486 для слаборазвитых детей. До революции Товарищеский переулок назывался Дурным, в здании школы находилась женская гимназия, потом ее заняли курсы командиров-артиллеристов, перед которыми в 1919 году выступал Ленин, и мраморная доска справа от входа до сих пор сообщает нам об этом событии. \*\*\* Пошла я в первый класс в 1953 году. Помню, как волновалась накануне, примеряла школьную форму перед зеркалом, проверяла, не завял ли букет из георгинов для учительницы, лежит ли все нужное по списку в портфеле, и вдруг я обнаружила, что счетных палочек у меня нет. Что делать? Баба Фаня срочно посылает маму в «Детский», мама возвращается без палочек – все распроданы, у меня слезы на глазах. Баба Фаня, как всегда, спасает положение – она сама отправляется за палочками. И куда! К продавщице мороженого. Тогда, у входа в «Детский» стояли лотки с мороженым, вафельными трубочками и конфетами, жареными пирожками. Представляю, как баба Фаня объясняла продавщице мороженого ситуацию, но та отнеслась к делу с пониманием, и я стала счастливой обладательницей двадцати деревянных палочек, как потом оказалось не только самых оригинальных, но и удобных – они не скатывались с парты. Как-то в первом классе, когда мы вполне овладели счетом до тысячи, учительница, Софья Владимировна Кардонская, дала нам задание: измерить шагами расстояние от школы до дома, подсчитать количество светофоров на пути, перекрестков и пешеходных переходов через дорогу. Оказалось, нужно всего сделать 200 шагов, и я у родного парадного подъезда. Мне нравилось открывать его тяжелую дубовую дверь - высокую, двухстворчатую, но потерявшую былую торжественность от непочтительного отношения и облупленную от многократного перекрашивания. Из-за толстой пружины сверху, дверь открывалась с трудом, а захлопывалась быстро, громко, ее нужно было придерживать за ручку. Эта небольшая железная ручка, прибитая гвоздями, совершенно не сочеталась с дверью нашего подъезда. Пять изрядно стертых каменных ступеней вели на лестничную площадку первого этажа, к лифту и широкой лестнице. Она имела пологие и удобные марши, поэтому подниматься и спускаться по этим ступеням, сделанным из смеси специального цемента с кусочками цветного мрамора было легко. Ступени стерлись задолго до моего рождения и во многих местах сломались, но чугунные решетки перил в виде экзотических листьев не давали ей утратить былую роскошь. В углах ступеней кое-где сохранились медные шарики с дырочками для крепления специальных стержней, которые когда-то держали ковровые дорожки. Теперь нечто подобное можно увидеть только на лестницах старых театров или музеев. Лифт в моей жизни занимал особое место. Он, конечно, потерял прежний вид, его стены из темного полированного дерева были обшарпаны, но в нем чудом сохранились деревянный диванчик на резных ножках и двери с витражными стеклами, на которых красовались цветы. Позже, уже став взрослой, я увидела такие цветы на афишах и панно замечательного художника Альфонса Мухи – одного из создателей стиля «модерн». Левее лифта был вход в лифтерную – место работы нашей соседки тети Маруси Егоровой – матери пятерых детей. От нее требовалось не много: подниматься в лифте вместе с пассажиром, а также следить за чистотой лифта и лестничной площадки около него. Больше всего тетя Маруся любила пить чай с подругой тетей Нюрой - Анной Ивановной, за глаза называли ее Блоха - была она маленького роста, рыжеволосая, очень подвижная, суетливая, с острым подбородочком, глазами чуть навывкате и двумя дырочками вместо носа. Работала она уборщицей в парикмахерской и свысока смотрела на тетю Марусю, показывая свои обновки и «шестимесячную» завивку, которую ей делали за полцены, еще она постоянно вспоминала своего мужа: «Пантелеич сказал, Пантелеич не позволил бы, при Пателеиче ...». Но я слышала, как тетя Маруся говорила по секрету бабе Фане, что никакого Пантелеича не было. А я лет в пять больше всего любила работать на лифте, удача выпадала мне не каждый день. Время мое наступало после прогулки, если баба Фаня вспоминала, что забыла что-то купить. До ее прихода я просила оставить меня с тетей Марусей, обещала хорошо себя вести и никуда не уходить. К моей великой радости тетя Маруся с удовольствием доверяла мне управление лифтом и шла в лифтерную пить чай. Я хорошо освоила работу лифтера – открыть пассажиру дверь лифта, войти вместе с ним в кабину, нажать одну из пяти кнопок, подняться на нужный этаж, выпустить пассажира, спуститься вниз и ждать следующего. Помню, мне нравилось, что меня хвалили за трудолюбие, спрашивали, кому я помогаю, сколько мне лет, как зовут, где моя мама, иногда угощали конфетами. Но однажды, в тот момент, когда я, переполненная чувством важности и полезности, кому-то открывала дверь лифта и спрашивала «Вам на какой этаж?», в подъезд вошла моя бабушка, на

ее лице сразу отразились волнение, негодование, возмущение. Тут появилась с сумками баба Фаня и получила нагоняй за то, что оставила ребенка, мне стало жалко и себя, и бабу Фаню, я просила не ругать ее и расплакалась. Досталось от бабушки и тете Марусе Егоровой. Так закончилась моя ранняя трудовая деятельность. Многие изменилось, но память хранит и номер нашего телефона - Ж2-63-14, высокую дубовую дверь в нашу квартиру с тремя звонками, почтовые ящики с маленькими замочками и приклеенными названиями газет и журналов. В большой прихожей, заставленной сундуками и полками со старыми вещами, были двери в комнаты, кухню и арка в коридор, который казался мне длиннющим. Одна дверь вела в большую комнату, служившую до войны столовой, я помню ее, как комнату семьи тети Муры. За второй дверью была средняя комната, в ней жили бабушка и я. В конце коридора была комната моей мамы, еще две комнаты соседей, а также ванна и туалет. На двери туалета висела белая эмалированная табличка - «уборная». Наши соседи Егоровы – тетя Маруся, ее муж Николай Иванович - дядя Коля и их пятеро детей – Витя, Надя, Валя, Юра и Тамара занимали комнату метров 16 с окном во двор, рядом с туалетом. Их семья привлекала меня своей непохожестью на нашу. Все у них казалось мне интересным, необычным. В то время я была самой маленькой в квартире, дети любили со мной познакомиться, считали «своей». Как у них было вкусно и весело обедать! Все ждали прихода с работы дяди Коли. Часов с пяти вечера на плите в пятилитровой алюминиевой кастрюле варились щи из капусты, морковки, лука и крупы, а в день полочки, так называли зарплату, он был особенным - с сахарной косточкой. К приходу дяди Коли дети накрывали на стол – ставили тарелки с надписью «Общепит», ложки, граненые стаканы. Все это столовое богатство дядя Коля приносил из буфета для сотрудников Курского вокзала, я уже упоминала, что работал он обходчиком вагонов и в разговоре всегда подчеркивал, что является секретарем партиячейки. Тетя Маруся нарезала буханку черного, прижимая ее к груди, и поручала мне как полноправному члену семьи главное – около каждой тарелки положить хлеб и кусок сахара. Своим она не доверяла: «Сразу все сожрут, спиногрызы». И вот раздавался звонок в дверь, дядя Коля входил, и я бежала со всеми в комнату, чтобы занять место за столом и спрятать в карман свой кусок сахара, как делали дети Егоровых. Сколько раз бабушка мне объясняла, что не прилично каждый день обедать в чужом доме. «Но меня ведь приглашают», возражала я. Мне так нравилось находиться там, где шумели, ругались, ссорились и мирились. Случалось, после бабушкиных внушений мне было стыдно, настроение портилось, и я вовремя не являлась на обед к Егоровым, тогда за мной приходили посланцы - Юрка с Томкой или сама тетя Маруся. Они говорили, что за стол без меня не сядут, что где семеро, там и восьмой, баба Фаня давала мне с собой котлеты, хлеб с маслом, печенье или варенье на всех, и все были счастливы. А по праздникам у Егоровых собирались гости, устраивались застолья, в которых я непременно участвовала. Дядя Коля готовил угощение заранее. Прежде всего, дня за два, он варил холодец из свиных ножек и говяжьих голяшек. Варил долго, с лавровым листом, луком, горошками черного перца, потом тщательно разбирал косточки, хрящики, процеживал бульон, резал морковку кружочками, раскладывал и разливал все в глубокие тарелки, ставил их на подоконник для застывания. Запахом чеснока пропитывалась вся квартира. Над винегретом он тоже священнодействовал, варил и резал картошку, свеклу, морковку, лук, огромные соленые огурцы, все перемешивал в большом тазу, поливал подсолнечным маслом с запахом семечек и приговаривал: «Какая красота, разве купишь такое, я из Углича привез, бесплатно». На закуску он обязательно покупал селедочку, на газете ее разделявал, любовно укладывал в селедочницу не только куски спинки с хребтом и ребрышками, но и голову с открытым ртом, и хвост, обильно украшая все кольцами лука. На горячее варили много картошки и делали голубцы. Тетя Маруся пекла пирожки с капустой и с рисом, очень вкусные, из сладкого теста. В это время ее дети не смели даже подойти к плите, только я всегда получала первый горячий пирожок и уходила с ним из кухни, чтобы поделиться с младшими Егоровыми. До прихода гостей тетя Маруся держала пирожки в большой кастрюле, перевязанной длинным вафельным полотенцем, чтобы «спиногрызы» не растащили. Дядя Коля готовился к праздничному застолью с утра - накрывал стол белой скатертью, расставлял тарелки с надписью «Общепит», граненые стаканы, стопки, вилки, миски с маринованными грибами, солеными огурцами, помидорами, квашеной капустой. Селедка и винегрет стояли в центре, рядом с ними почетное место занимали 0,5 л бутылки с зеленоватыми этикетками, на них черными буквами было написано «Московская особая водка» 40%, 2р.75к. без стоимости посуды и бутылки молдавского портвейна с аистом, несущим виноградную гроздь, на этикетке. Дядя Коля всегда звал соседей посмотреть на стол с угощением. Когда у Егоровых собирались гости, дверь в их комнату не закрывалась, оттуда исходили запахи праздничного винегрета, квашеной капусты, одеколона, звуки патефона, к вечеру к ним прибавлялись запахи перегара, табака, все говорили громко, смеялись, иногда бывали скандалы и даже драки. Конечно, бабушке не нравилось то, что происходило у соседей, и она ограничивала мое общение с ними, но меня влекло в коридор, я, как бы невзначай пробежала мимо, заглядывала через открытую дверь в комнату, здоровалась, меня сразу приглашали к столу, я говорила «Спасибо, но надо

спросить у бабушки». Бабушка отпускала меня без удовольствия и ненадолго. И вот я у Егоровых, меня радостно встречают, выключают патефон. Я читаю стихи Пушкина, потом иду в мамину комнату, где стоит пианино, дверь оставляю открытой и очень громко играю польку Глинки, этюды Черни, полонез Огинского, еще что-то. Играю я по нотам, с важным видом и ужасно фальшиво, но мои слушатели этого не замечают и выражают свое восхищение простыми словами: «Ну молодец, в шесть лет уже стихи знает и на пианино играет, дети послевоенные такие толковые». Патефон с пластинками появился у Егоровых вместе с зятем – Славкой Дворцовым - мужем их старшей дочери Нади, после семилетки она устроилась кладовщицей на приборостроительный завод «Манометр» в Сыромятниках, там они и познакомились. Славка был слесарем высшего разряда, о таких говорят «золотые руки», он все умел и зарабатывал очень хорошо, но был крайне неуравновешенным, тетя Маруся называла его «псих ненормальный». Славка любил покрасоваться и часто повторял, чтобы соседи слышали: «Я получку не жду». Он, видимо, любил Надьку, но ревновал, и жилось ей нелегко. Помню, как-то Славка, буйствовал, кричал, что убьет всех Егоровых и схватил нож, его остановила моя бабушка. Она вышла на кухню и строго сказала: «Ну-ка, прекрати безобразничать!». Он успокоился, а на следующий день пришел к нам извиняться. После таких выступлений он долго был «шелковым», а Надька показывала на кухне подарки мужа – золотые сережки или колечки. Славка обожал свой патефон, души в нем не чаял, гордился им, хотел, чтобы все знали о нем. В теплые дни, по выходным, он упрасивал бабу Фаню открыть настежь одно из наших окон и поставить патефон на подоконник, чтобы все прохожие под звон трамвая наслаждались прекрасными мелодиями тех лет. Окно комнаты Егоровых выходило во двор, и патефон не мог собрать достаточно слушателей. И я помню, как из наших окон на Таганскую улицу неслись песни Клавдии Шульженко, Марка Бернеса, Леонида Утесова, «Бесаме мучо» и «Домино» в исполнении Глеба Романова. Все обожали Веру Васильеву и песню «На крылечке», которую она пела в фильме «Свадьба с приданым». Любимого «Мишку» в исполнении Рудакова и Нечаева крутили много раз без остановки, заездили и песню Нины Дорды «Мой Вася», и «Красную розочку» чешской певицы Гелены Лоубаловой. Караоке тогда не было и мы, дети подпевали Гелене Великановой вместо «Рулатэ, рула», «Рула ты, Рула». думая, что Рула – имя парня-неудачника, а знаменитые «Ландыши» Оскара Фельцмана она спела в конце 50-х. \*\*\* Вспоминаю эти песни и возвращаюсь в детство, в нашу старую квартиру. Жили не просто, плакали, смеялись, делали мелкие пакости, теряли и находили друзей, детей растили, работали, верили в себя, в свою страну, в лучшее будущее. Самой главной в нашей квартире была моя бабушка, соседи ее очень уважали, советовались с ней по разным вопросам. Она и примиряла ссорящихся, и выручала «до получки», и рассчитывала по счетчикам платежи за газ и электричество. Егоровы умели только расписываться, а читали и считали плохо. Соседи по подъезду тоже приходили к бабушке с разными просьбами - перекроить или перешить одежду, решить школьную задачку, написать письмо или заявление, наставить на путь истинный сына или дочь и т.д. Это было трудное послевоенное время - начало 50-х! Бабушка никогда никому не отказывала в помощи. Она учила уму-разуму без занудства и нотаций так, что запоминалось навсегда. Помню, я была подростком, мы уже переехали на Сухаревскую. В соседнем подъезде жили две женщины, сестры, звали их Елена Борисовна и Ольга Борисовна, одна из них с трудом передвигалась с помощью костыля, у другой постоянно тряслись руки и голова. Выходили они во двор с двумя собаками, дворнягами, умными, послушными, но неухоженными. Баба Фаня познакомилась с ними, выгуливая Айну. С ее слов я знала, что их отец работал в торгпредстве, и они жили в Германии, безоблачное детство закончилось в 1937 году – отца расстреляли, дальше судьба тысяч детей «врагов народа» – детдом, война, родственники от них отказались, выжили они чудом, одна работала переводчицей, другая – инвалид, пенсии мизерные, едва сводили концы с концами, у них семь кошек и две собаки. Баба Фаня нередко относила им продукты, одежду. Выглядели они странно, одевались неопрятно. Встречаться с ними мне было неприятно, я здоровалась и пробегала мимо. Звонит как-то одна из сестер (трубку сняла я) и говорит, что к ним должен прийти врач, а постельного белья у них нет, можем ли мы дать на время свое. Я ответила: «У нас нет», - и не потому, что пожадничала, просто почувствовала брезгливость, представила их загрязненную квартиру, запах кошачьей мочи и наше белье на их кроватях. А что делать с этим бельем дальше, после ухода врача? Этот разговор услышала бабушка, спросила меня, в чем дело, затем достала из шкафа два комплекта белья, две ночные рубашки. Она сказала: «Доченька, ты, надеюсь, помогла бы нашим знакомым (бабушка назвала несколько имен). Отнеси это сама Елене и Ольге и знай, что нельзя пренебрегать людьми лишь потому, что они бедные, немощные, плохо выглядят, они оказались в беде. Иди, и не гнушайся помогать тем, кто в этом нуждается, бедность указывает на отсутствие средств, а не на благородство души. Вот так.» \*\*\* Но вернусь в мое детство. Из наших окон я видела много интересного. А празднования Первомая и 7 ноября производили на меня незабываемые впечатления. В эти дни я просыпалась пораньше, чтобы посмотреть, как идут колонны демонстрантов от парка имени Жданова через Таганскую площадь к Красной

площади. Этот парк на Абельмановской (Покровской заставе) открыли в 20-е годы на месте кладбища Покровского монастыря, теперь Монастыря Святой Матроны, и дали имя соратника Сталина, активного организатора репрессий А.А.Жданова. Но в детстве я этого не знала. Мне нравилось читать транспаранты участников демонстрации: «1-ый часовой завод», «Шарикоподшипник», «Завод Войтовича», Фабрика «Кардолента», Фабрика «Парижская Коммуна», Завод «Серп и Молот». Каждый из этих заводов - гигантов старался сделать свою колонну самой красивой, и я внимательно изучала их индустриальные композиции из фанерных шестеренок, движущихся пирамид с физкультурниками, флагов, бумажных цветов. Демонстранты пели, танцевали, веселились. Наверняка «У них с собой было для согрева», иногда они выкрикивали «Да здравствует великий Сталин!», «Слава нашей партии и комсомолу!», «Мир, труд, май» и т.д. Мне очень хотелось идти с колонной на Красную площадь, но смотреть демонстрацию со мной ходила только баба Фаня, а она говорила, что дошкольников пускают только до Яузского моста. \*\*\* Как же я была счастлива, когда Николай Титович первый раз принес пригласительные билеты на гостевую трибуну Мавзолея для меня и мамы. Потом эти приглашения стали делом привычным. На билетах указывались места, наши - в середине трибун. Помню, мы стояли вместе с Женей Москаленко, Наташей Коневой, Витей Баксовым, Сашей Тищенко. Они тоже были с мамами. Такой же компанией мы ходили на новогодние ёлки в Кремль и ЦДСА (Центральный дом советской армии). Екатерина Васильевна Москаленко во время парада волновалась. Она доверяла моей маме многое, и я слышала, как она тихонько её спрашивала, представительно ли выглядит Кирилл Семенович, не узка ли у него грудь, не хрипит ли голос. Ведь маршал Москаленко командовал парадом на Красной площади. Роста он был небольшого, худенький. Для того чтобы выглядеть физически крепким, плечистым, под шинель он надевал ватную безрукавку. Жена о нем очень заботилась и даже соленые огурцы обдавала перед обедом кипятком - чтобы не простудился. Женя прожил тихую, благополучную, но короткую жизнь, женой его была Наташа Конева. Витя Баксов был младшим долгожданным сыном в генеральской семье, его обожали сестры и родители. Его доброе, умное лицо портила заячья губа – широкий неровный шрам от верхней губы до середины носа. Он учился в школе на Сретенке с Сашей Тищенко – моим другом и однокурсником, мама которого, Лидия Ивановна, врач отоларинголог, как и моя, работала в поликлинике штаба МО ПВО. Директором этой школы была Антонина Ипполитовна Зуб – жена генерала Ивана Григорьевича Зуба – начальника политуправления штаба МО ПВО. В этой школе, под ее покровительством, получило аттестат зрелости не одно поколение детей, родители которых служили в штабе МО ПВО. \*\*\* В 60-е годы все школы были с уклонами. В старших классах ученики получали трудовые навыки в школьных мастерских и на предприятиях. Например, обучались слесарному делу, шитью, работе продавцами, парикмахерами и т.д. После переезда в квартиру на Сухаревской, я училась в школе № 236, не простой, а образцово-показательной. Находится она, и по сей день напротив нашего дома, во дворе кинотеатра «Форум». «Форум», наш милый придворный кинотеатр, один из первых кинотеатров Москвы, открытый в 1914 году, в одно время с «Художественным» на Арбате и «Колизеем» на Чистых прудах, в наше время превратили в руины, подожгли, судьба его печальна. Помню потрясающие люстры в его фойе, колонны, лепные украшения, мраморный пол в буфете с чудесным орнаментом, а какие барельефы с изображением римских воинов украшали его фасад! Видно, не удостоился он чести стать театром Аллы Пугачевой или культурным центром Михаила Шемякина. Он погибает! В школе я училась неплохо, но без всякого удовольствия, уклон выбрала не простой – делопроизводство со знанием стенографии и машинописи. В 9-м классе я стала счастливой обладательницей пишущей машинки «Optima» и умение печатать мне очень пригодилось. Это же было начало 60-х, процветание «оттепели» и «самиздата». Мы передавали друг другу и перепечатывали стихи А.Ахматовой, Н.Гумилева, О.Мандельштама, М.Кульчицкого, Б.Окуджавы... Перед нами, юными, совсем зелеными, открывался мир прошлого через замечательные книги, которые начали переиздаваться, а в настоящее мы окунались, слушая своих кумиров в Политехническом, в МГУ, читая журналы «Юность», «Наш современник», «Новый мир». Совсем недавно, разбирая книжный шкаф, я нашла листки со стихами Е.Евтушенко «Наследники Сталина» и «Бабий Яр», на одном из них пометка, что они прочитаны и перепечатаны мною в апреле 1962 года. Делопроизводство в нашем классе преподавала Савенкова Валентина Ивановна – жена историка и правозащитника Петра Якира. Его отца, военачальника И.Якира расстреляли в 1937 году, как врага народа. 18 лет жизни Петр провел в колонии для малолетних преступников и в ГУЛАГ'е, там же он получил образование. После XX съезда командарм И.Якира посмертно реабилитировали, сыну Петру разрешили вернуться в Москву, окончить историко-архивный институт, аспирантуру, читать лекции по истории. Валентина Ивановна отсидела положенное под Воркутой по известной 58 статье как враг народа, вернулась в родную Москву, как и муж, работала в историко-архивном институте, а в нашей школе подрабатывала. От нее мы узнали об истории Иосифа Бродского, Ларисы Борогаз, А.Солженицына. Уроки она проводила не только в классе, но и в историко – архивном институте на улице 25 Октября (теперь опять

Никольской) рядом с Кремлем. Я и сейчас с приятным волнением смотрю на это необычное здание похожее на терем, с солнечными часами на фасаде, украшенном сказочными изображениями Льва и Единорога. Поднимаясь по стертым ступеням, мы оказывались там, где повелением Ивана Грозного размещался Московский Печатный двор и Синодальная типография, и вышла первая русская книга «Апостол» (толкование святого писания учениками Иисуса Христа), напечатанная Иваном Федоровым и Петром Мстиславцевым. А уроки в Центральном литературном архиве – ЦГАЛИ! Мы долго ехали туда на трамвае от метро «Сокол», веселились, и я, 15-летняя, представить себе не могла, что навсегда запомню свои ощущения, перелистывая тетради и дневники Достоевского, Белого, Блока. Стенографию у нас вел Яков Ефимович Каждан – автор многих учебников по делопроизводству, он подбирал для наших стенограмм интересные тексты, вовлекал в интеллектуальные игры, но его уроки были бесцветными и угнетали мое сознание. Зато практику мы проходили в местах, куда так просто не попадешь. Например, я побывала в запасниках исторического музея, ходила по Моссовету – зданию, построенному М.Казаковым для генерал-губернатора (теперь это мэрия), поработала в Совнархозе – госучреждении, созданном при Н.С.Хрущеве вместо Совета Министров. Совнархоз размещался в бывшем доходном доме постройки Л.Бенуа на площади В.Воровского (угол Б.Лубянки и Кузнецкого моста). До переезда на Смоленскую площадь здесь находилось Министерство иностранных дел, вот почему в парадном дворике стоит памятник соратнику Ленина дипломату В.Воровскому. Но без смеха на памятник не помотришь, столь курьезны, нелепы, забавны и фигура, и поза дипломата. Во времена моей юности его называли «памятник радикулиту». Стенографировали мы и угощались на кондитерских фабриках «Большевик» (вкуснее только что сделанного зефира ничего не знаю) и «Красный Октябрь» (лучший «Грильяж» на свете), на Хладокомбинате №2, где производили лучшие сорта мороженого, вафли и вафельные стаканчики, а также торты и пирожные из мороженого. Школа, где я училась, № 236, стоит на прежнем месте, ей присвоен новый статус и номер - художественная школа с углубленным изучением многих предметов на немецком языке № 50. В школе на Сретенке я учиться не хотела, но многих ребят знала, и мы иногда встречались. Когда Витя Баксов еще старшеклассником приходил к нам, он целовал маме руку и по-взрослому говорил, что для него большая честь быть в нашем доме, и выразить благодарность маме как хирургу и прекрасной женщине, еще он всегда передавал поклон от своих родителей. Мы с Сашей хихикали, так как знали, что в Витиной генеральской семье правила этикета совсем не соблюдались. Витин отец Алексей Иванович Баксов в начале 50-х был начальником штаба МО ПВО. Хорошо помню рассказ мамы об аресте и расстреле Берии во всех подробностях. Конечно, это было государственной тайной, но в штабе многие знали о том, как маршал К.С.Москаленко, его адъютант В.Юферев, генералы П.Ф. Батицкий, А.И. Баксов и И.Г.Зуб (тогда полковник) арестовывали Берию. Именно генерал Баксов, а не Батицкий, как почему-то пишут сейчас, расстрелял Берию в декабре 1953 года в бункере МО ПВО в присутствии генерал-прокурора СССР Р.А.Руденко. Да, окунаясь в детство, пишу непоследовательно. Но хочу опять вернуться в Таганку в дни праздников и демонстраций. Сколько удовольствий было по всему пути шествия колонн! Старушки продавали красных глиняных обезьянок и мячики на резиночках, пищащие язычки, на специальных лоточках можно было купить шарики и надуть их газом. Но больше всего радовали лоточницы с мороженым. Только на празднике можно было купить вафельные стаканчики с большой горкой мороженого сверху, и даже шоколадного. В остальное время такое мороженое продавалось только в ГУМе. Еще продавали разноцветные «китайские штучки» ядовитых цветов типа веера из папиросной бумаги на деревянных палочках, раскладки - они раскрывались тремя шариками или большим веселым кругом. А разве можно забыть ядовито-красные и ярко-зеленые петушки на палочке без всякой обертки! Мне это не покупали, к великому сожалению. Петушки по пять копеек, сваренные неизвестно из чего, но такие желанные и вкусные. В сторону Красной площади колонны шли организованно, а обратно разбредались группами, парами, поодиночке, многие держали в руках бумажные цветы, флаги. Еще интересно было смотреть, как на Котельническую набережную выезжала с парада военная техника, танки оставляли глубокие дыры на асфальте, и наутро его ремонтировали. Вечером вся Таганка собиралась на площади, где в сквере, напротив кинотеатра «Таганский», ставили пушки для салюта, кричали «Ура» после каждого залпа, а для мальчишек высшим счастьем было найти упавшие огарочки от салюта. Я смотрела салют из окон нашей квартиры на втором этаже. Дядя Коля Егоров всегда ходил на демонстрацию с передовиками Курского вокзала и приносил домой много красных флагов, особенно хороши были флаги с серпом и молотом, нарисованными желтой краской. В нашей прихожей, у входной двери, среди коробок и всякой всячины стояло множество круглых палок разной высоты, а из флагов тетя Маруся шила своим детям трусы, серп и молот она пыталась очистить и отстирать, но не могла, желтая краска только немного тускнела. Я тоже хотела красные трусы с серпом и молотом, и дядя Коля подарил мне флаг. Но бабушка была категорически против трусов из флага и говорила, что ткань окрашена ядовитой краской и можно от этих трусов получить неизлечимую болезнь. В результате этот красный флаг служил в наших играх с куклами. У

нас с Ирой Уриновской был кукольный дом под белым мраморным умывальником. Этот умывальник был частью медицинского кабинета тети Эсфири, а в 60-е годы его перевезли на дачу Уриновских. Сейчас он завален старыми журналами и грустит на террасе, его былая красота постепенно исчезает, медные краны кто-то украл, осталось чудесное зеркало в обрамлении из белого мрамора в моем любимом стиле модерн с выразительными очертаниями сказочных цветов и листьев. \*\*\* Как интересно было смотреть из наших окон на Таганскую улицу! Напротив нашего дома стояли низкорослые, дряхлеющие доходные дома, в которых были магазины – молочный, гастроном, кондитерский и цветы. Правее, где до начала 30-х годов стояла церковь Воскресения Словущего, а сейчас метро «Марксистская», ТЦ «Таганский» и палатки, был скверик, огражденный низким чугунным заборчиком со звездами. Вдоль дорожек стояли небольшие скамейки без спинок, на клумбах росли цветы – весной и летом – анютины глазки, табак, настурция, осенью – разноцветные астры, зимой продавали новогодние елки и сооружали высокую деревянную горку. Старшие мальчишки катались «на ногах», некоторые съезжали на санках, картонках и даже на коньках, падали, толкали малышку, весело было. Баба Фаня волновалась за меня, боялась, что я разобьюсь, поэтому мы забирались на горку вместе, я садилась на ее колени, она меня обнимала и мы скатывались. Внизу она поднимала меня, раскрасневшую толстушку-хохотушку, с ледяной дорожки, мы опять взбирались на горку и так много раз. Баба Фаня отдавала нам все – свою душу, сердце, ничего не требуя взамен, а мы пользовались ее безмерной любовью, добротой, и как стыдно становится за свои слова, эгоизм, невнимание, но, как повторяла моя мама: «... Невозможно миг вернуть минувший». По всей Таганской улице стояли фонарные столбы, свет от одного из них падал на мою кровать, но я просила бабушку не зашторивать окно на ночь. Этот фонарь помогал мне уснуть и видеть хорошие сны, я считала его волшебным и, к моей радости, именно на него установили большие круглые часы. По ним я определяла точное время. Однажды перед Новым годом я оказалась одна в комнате, смотрю на уличные часы – без четверти двенадцать, идет снег, звезды сияют, пора идти в большую комнату, там наряженная елка, подарки, уже стол накрыт, рыба фаршированная, вишневая наливка в графине, пироги, все родные собрались. Я зачем-то открыла дверцу буфета, и тут произошло чудо – на меня посыпались белые снежинки - кружева в виде квадратиков, цветочков, ромбиков, я попала в новогоднюю сказку, но пробыла я в ней не долго – пришла баба Фаня, включила свет и ахнула, так как из буфета высыпалось все, что там было. Она быстро навела порядок, и снег из кружев, освещенный уличным фонарем, исчез. Помню, как под нашими окнами по булыжной мостовой звенел трамвай № 40. Он ходил по рельсам, оставшимся от конки – предшественницы трамвая. Подумать только, в прошлом веке по улицам Москвы лошади тянули по рельсам вагоны с пассажирами. В конку можно было запрыгнуть и сойти на ходу. Трамвай № 40 отправлялся от Крестьянской заставы, где был знаменитый магазин «Сотый», в котором продавалось все: одежда, продукты, галантерея, электротовары. Сейчас там магазин «Арбат-Престиж». От «Сотого» трамвай шел по Таганской улице мимо наших окон, поворачивал на Пустую (Марксистскую) и делал круг. На углу трамвайного круга была палатка с мороженым: 7 копеек – фруктовое, 19 – мороженое с розочкой в вафельном стаканчике. Далее трамвай шел через Таганскую площадь, по Верхней Радищевской (Верхней Болвановской), минуя храм Николая Чудотворца, в котором, по преданию, венчался полководец А.В. Суворов, мимо Яузской больницы, с надписью на фасаде «Медсантруд», через Яузские ворота, потом по крутому спуску сворачивал направо и вверх по бульварам до Кировской. \*\*\* На Кировской, в Бобровом переулке, доме № 4 жила мать моего отца Наталья Георгиевна Боровикова, я ее видела очень редко и бабушкой не называла. Она была рослая, статная, с пышным бюстом, голову держала высоко, седые волосы красиво укладывала в пучок, ходила уверенной походкой, опираясь на изящную палку. В любое время года она выходила из дома в перчатках и с ридикюлем, в котором хранилась дворянская грамота рода Боровиковых. Понятно, что моя мама относилась к свекрови без особой симпатии, но с удовольствием слушала ее рассказы о дореволюционной Москве, о сестрах В.Маяковского, Людмиле и Ольге. Ольга была старше брата на пару лет, с ней Наталья училась в одном классе частной женской гимназии Ежовой, они дружили. Маяковские приехали из Грузии, сняли квартиру на Спиридоновке (до войны эту улицу называли – Спиридоньевской), жили бедно, сдавали комнаты малообеспеченным студентам, они-то и вовлекли совсем юного Владимира в революцию 1905 – 1907 года. Людмила к тому времени уже заканчивала Строгановское училище, занималась в кружках социал-демократов, участвовала в революционной борьбе. Ольга и Володя хорошо рисовали и поступили на вечерние курсы при Строгановском училище, Наташа ходила туда вместе с ними. Благодаря этой дружбе Наталья знала молодых поэтов и художников того времени и любила похвастаться знакомством со знаменитостями. Ольга работала в послевоенные годы на Главпочтамте, на Кировской, рядом с домом своей гимназической подруги, и несколько раз мама видела ее в гостях у свекрови. Мама вспоминала, как они сидели за столом – уже не молодые, но еще красивые, с прямыми спинами, в кофточках с высокими кружевными воротничками и увлеченно «перемывали косточки» знакомым, перед именами которых она



благоговела. Когда в 1949 году Ольга умерла, Наталья очень плакала. Ее отец - мой прадед Георгий Иванович обожал лошадей, имел конюшню, играл на скачках, ездил к цыганам, одним словом, проматывал деньги и, видимо, признавал права женщин на свободу, равенство и независимость. Он любил театр, дружил с Шаляпиным, знал Немировича-Данченко. Семью содержала прабабушка, она окончила Высшие женские Лубянские курсы, созданные по образу и подобию Бестужевских курсов в Петербурге, затем училась на медицинском факультете в Цюрихе, получила диплом по специальности акушерство, женские и детские болезни и все права на медицинскую практику. Таких девушек, как моя прабабушка Анастасия Николаевна, в тот «нравственный и просвещенный» век называли «эмансипе», а сейчас – феминистками, судя по всему, начиталась в юности Ж.Санд, Ш.Бронте, Авдотьи Панаевой и, конечно, Н.Чернышевского. Как складывались ее отношения с мужем «история умалчивает», но вскоре после замужества, она открыла родильный дом на Самотеке. У Георгия Ивановича и Анастасии Николаевны было трое детей – сын и две дочери. Николай, Наталья и Екатерина. У Екатерины были слабые легкие, в 1913 году ее, 20-и летнюю, отправили лечиться в Италию, но через год началась первая мировая война, затем революция в России и домой она не вернулась. Долго о ней ничего не знали, и Анастасия Николаевна до своей смерти в 1920 году, молилась за упокой души любимой дочери. И вот в 1944 году, в бывший особняк Боровиковых, где в мезонине, в трех маленьких комнатах жила семья Натальи Георгиевны, пришла телеграмма, в которой сообщалось, что в гостинице «Националь» ее ждет отец Вениамин из США – представитель международного комитета «Красного Креста». Моего деда Михаила Семеновича я совсем не помню. Знаю, что его семья владела небольшой бумажной фабрикой около Витебска, и жили они в небогатом имении Чашники. Любившая глумиться над всеми Наталья Георгиевна насмешливо называла мужа «аристократ из Чашников». Незадолго до революции дед на казенный счет окончил инженерный факультет московского университета, после революции работал на фабрике по производству красок, его талант предпринимателя расцвел во время НЭП'а. Он чудом избежал репрессий 30-х годов и до войны тихо преподавал в техникуме. По рассказам моей мамы он был очень осторожным, умным человеком, жил под девизом «сиди тихо, не высывайся». Дед возражал против встречи Натальи Георгиевны с отцом Вениамином и приводил железные доводы: «Отношения с Америкой портятся, вспомни 37 год, нас всех посадят за связь с иностранцами, наш сын Лёдик – офицер советской армии, подумай о последствиях». Любящие родители называли своего единственного сына Всеволода – Лёдик. Но Наташа устроила скандал с истерикой. Ее истерики были делом обычным, к ним привыкли и муж, и сын, и домработница, но смотреть на все это было страшновато. Моя мама пару раз видела, как она доводила себя до такого состояния, что заглывала собственный язык и задыхалась. Мой отец в этот момент спокойно говорил: «Берта, не волнуйся» - и привычным движением извлекал язык из горла своей матери, причем было не понятно, кого он просил не волноваться, мою маму или его любимую собаку – добермана, которую тоже звали Берта. С мнением мужа Наталья Георгиевна никогда не считалась, сын был в армии – 1944 год, и она пошла на встречу в «Националь». Оказалось, что Екатерина жива, живет с мужем – миллионером в Нью-Йорке, она активный член русской общинной организации в США и делает большие взносы в помощь СССР через Красный Крест. Сестры начали переписываться, Екатерина присылала Наталье в голодную Москву деликатесы – тушенку, джем, бисквиты, диковинное белое, как снег масло - кокосовое. Но к началу «холодной войны» муж – провидец убедил Наталью прервать связь с сестрой. О жизни Николая Георгиевича моей маме рассказывали мало. Он окончил естественный факультет московского университета, знал несколько языков, его жена была из Прибалтики. Как-то, когда моя мама жила в Бобровом переулке, позвонила девушка, назвала свое имя - Инга, попросила к телефону тетю Наташу. Мама представилась и ответила, что Наталья Георгиевна будет позже, тогда Инга сказала, что она в Москве проездом и хочет повидаться с сестрой своего покойного отца Николая Георгиевича. Узнав о разговоре мамы с Ингой, родители моего отца выразили свое возмущение, с бабушкой Наташей чуть не случилась очередная истерика - как она смеет сюда звонить, кто она такая, Николая расстреляли еще в 1937 году, она нам давно не родственница. Да, человек таков, каким создает его Господь. Судить их я не берусь. \*\*\* Как интересно устроена человеческая память, проезжаю по Таганке на дачу и вспоминаю милые улицы моего детства. Вот мы с бабой Фаней собрались на Тетеринский рынок. Выходим из дома направо, проходим «Детский», «Галантерею» на углу Б.Коммунистической и Земляного вала, затем через Таганскую площадь к углу театра Сафонова и идем вниз по крутому булыжному спуску к Тетеринскому переулку. К середине XIX века Земляной вал срыли, но его название перешло к улице, ставшей частью Садового кольца - широкой кольцевой улицы с тротуарами и садами вдоль домов. Еще до недавнего времени на Садовом кольце росли деревья, металлические решетки защищали их корни, помню и вороньи гнезда почти на каждом дереве. Итак, мы у Тетеринского рынка. Ворота открыты, мы входим и видим ряды прилавков под крышей на деревянных столбах. Краснощечные тетки в плюшевых жакетах и фартуках зазывают покупателей, нахваливая свои товары – картошку, капусту, лук, морковку,

редьку, зелень, грибы сушеные. Вот варенец в граненых стаканах, молоко, масло, сметана, творог. Я останавливаюсь перед глиняными копилками - кошками, сидящими в позе ожидания, они очень хороши, ярко раскрашены, взгляд больших ясных глаз очень выразительный, спинки и хвосты в разноцветных пятнышках и полосочках. Все разные, выбирай любую. Мое внимание привлекают и лебеди в стеклянных шарах, и движущиеся деревянные игрушки на веревочках, тут и курочки клюют зерно, и волк на рыбалке, и медведи пилят бревно - загляденье! Подходим к молочному ряду, на прилавке стоят алюминиевые фляги, побольше - с молоком, поменьше - со сметаной. Тетки зазывают покупателей, выкрикивают названия своих колхозов - «Заветы Ильича!», «Победа», «имени Сталина»... Бабе Фане в крышку от нашего бидона наливают молоко попробовать, ей нравится, просит дать три литра из полной фляги. Вспоминается забавный эпизод, когда в апогее осуждения «культа личности» Сталина люди иногда доходили до абсурда. Приходим на Тетеринский рынок, идем в молочный ряд, торговля идет, как обычно. Видим знакомые лица, слышим привычные выкрики - колхоз «Победитель», «Светлый путь», «Знамя» и т.д. Одна продавщица стоит с краю, опустив голову, и молчит. Покупатели останавливаются около нее, что-то спрашивают, но быстро отходят. Подходим к ней, молоко нравится. Баба Фаня спрашивает, как называется колхоз, та отвечает тихим голосом, стыдливо, опуская голову - «имени Сталина» и неуверенно продолжает - «Молоко-то у нас хорошее, жирное, возьмите». \*\*\* Еще расскажу страшный случай из моей детской жизни. Однажды, как обычно, купили мы на рынке все, что нужно, даже кошку-копилку, правда, маленькую, но я была очень довольна. Идем домой, конец октября, падает первый легкий снежок, в обеих руках бабы Фани тяжелые сумки с продуктами, она велит, чтобы я держалась за рукав ее пальто. Шагаем в гору к Таганке, подъем крутой, Таганский холм ведь высокий. Вдруг вижу, навстречу нам мчится грузовик с подъемным краном, оставляя за собой, раздавленных на тротуаре людей. Перед моими глазами до сих пор тела женщин в распахнутых пальто, из-под которых виднеются разноцветные платья и теплые штаны, голубые и розовые, по припорошенному снегом асфальту катятся яблоки, картошка, разбитые банки, из расплюснутых бидонов льется молоко. Баба Фаня рассказывала, как я вдруг закричала и встала, как вкопанная, а она, думая, что меня кто-то толкнул, обернулась назад, и в этот момент, в двух метрах от нас грузовик остановился, водителю удалось врезаться краном в угол дома. Все это произошло очень быстро, и только увидев грузовик перед нами, баба Фаня поняла, в чем дело. Я стояла, прижав кошку-копилку, и кричала не своим голосом, словно резаная. Как мы добрались до дома, не помню, но несколько дней я не разговаривала, и не спала, меня возили к детским врачам, все очень волновались, но, Слава Богу, обошлось без последствий. \*\*\* Сейчас Таганка сильно изменилась, разрушены старые особнячки, скверики, домики, но они живут в памяти. Хочется написать о гастрономе, что был напротив нашего подъезда. Буквы в слове «Гастроном» над входом в магазин были составлены из изогнутых стеклянных трубочек, видимо, неоновых лампочек, они сияли красно-оранжевым светом и мигали. Редко, когда все буквы светились и я, глядя в окно, старалась успеть составить из них слово - астроном, трон, монстр, нора, ром и т.д. Я вовлекала в игру и бабушку, было весело, она рассказывала, что в детстве тоже любила играть в «слова» и «города». В гастрономе было много отделов - мясо, рыба, бакалея, кондитерский, молочный, колбасный, кулинария, соки-воды. Стекло-витрины овальной формы имели металлические ручки, и покупатели не могли подойти к витрине вплотную. Продукты выкладывали и внутри витрины, и сверху, и за прилавками, причем с большой выдумкой. Например, консервные банки со сгущенным молоком, шпроты, крабы, тушенку укладывали затейливыми башенками, сейчас я бы сказала «в стиле конструктивизма», коробки с рафинадом и конфетами - замысловатыми рядами, пирамидками и украшали их бумажными цветами. Конфеты красиво лежали в вазах вместе с шоколадками, а мой любимый бело-розовый зефир продавался и в коробках и в развес - 2 рубля 20 копеек за кг. И конечно, видное место в кондитерском отделе занимали наборы фигурных шоколадных конфет «Олень» фабрики «Красный Октябрь». На коробках красного цвета был изображен бегущий олень в золотом обрамлении. Верхняя часть коробки соединялась с нижней тонкими атласными ленточками. В коробке, украшенной бумажными кружевами, лежали маленькие шоколадки в виде фигурок животных, листочков, фруктов, бутылочки с ромом, медальки и вафельки в фольге, а также изящные щипчики из блестящего металла. В коробках с оленем я и моя двоюродная сестра Ира хранили фантики и карандаши. Сейчас продаются шоколадные наборы «Олень», но, как говорила моя мама «типичное не то» - и коробка сделана абы как, без души, и, открывая ее, не увидишь кружев по краям, щипчиков и бывшего разнообразия фигурок, съешь конфеты, кстати, весьма посредственные, а удовольствия не получишь. Бабушка любила окорок «Тамбовский» и напутствовала бабу Фаню - «Посмотри, чтобы был «со слезой». В колбасном отделе на мощном крюке, вделанном в потолок, висела огромная свиная копченая нога, от нее продавщица отрезала длинным острым ножом нужное количество кусков. Сосиски и сардельки тоже висели на крюках и ниспадали гирляндами. В нашей семье сосиски считали не полезными, покупали их не часто, но редкий ребенок не любит сосиски, я исключением не

была и при случае вкушала с удовольствием вредное, но вкусное. Мою любимую и долгожданную дочку Леночку я кормила по правилам детского питания, в банке сама взбивала масло из сливок, творожок только из натурального молока делала, пюре готовила из двенадцати овощей, котлетки, бульончик с лапшичкой и т.д., одним словом, старалась мамаша. И как приятно мне было однажды услышать от пятилетней доченьки: «Мамочка, как ты вкусно готовишь!». Спрашиваю: «Что же тебе нравится больше всего, Солнышко мое?», получаю ответ: «Сосиски». Еще в гастрономе был отдел кулинарии, там продавали пирожки и полуфабрикаты – котлеты морковные и свекольные, биточки манные и рисовые, жареную рыбу, винегрет и даже вареную картошку «в мундире». Кроме этих продуктов помню крупеник – запеканку из смеси гречневой каши с творогом и яйцами в виде кирпичика – любимый завтрак папы Иры и Бори, дяди Давида – сторонника и правильного, питания, и полуфабрикатов. Вспоминаю и котлеты «домашние», размером с ладонь, они были обсыпаны сухарями, продавщица снимала их с деревянного поддона лопаткой. Мне нравилось смотреть, как на сковороде, в кипящем масле, они превращались в маленькие тефтельки с несравненным вкусом. Чтобы доставить мне удовольствие, баба Фаня иногда покупала эти чудо – котлеты, а бабушка сердилась и говорила, что эта гадость испортит ребенку желудок. В отделе «Мясо» кроме продавцов работал мясник. Через открытую дверь в подсобку можно было смотреть, как он кладет на большую, опоясанную железными обручами, деревянную колоду части туши, ловко разрубает их топором на куски, укладывает на металлический поддон и ставит на прилавок. А на стене, облицованной белой кафельной плиткой, висели плакаты со схемами разделки говядины, свинины и баранины. Интересно, осознания, что мы едим коровку, хрюшку или барашка, у меня в детстве не возникало. Помню, молоко, сметану и творог баба Фаня покупала на рынке, а кефир – в магазине «Молоко» рядом с «Гастрономом». Молоко продавали в пол-литровых стеклянных бутылках с широким горлышком, закрытым картонным кружочком, его аккуратно приподнимали вверх, чтобы снять, если надавишь, кружочек в молоке окажется. К середине 50-х годов молоко, кефир, ряженку, сливки, ацидофилин уже закупоривали крышечками из фольги, а за сметаной по-прежнему приходили со своими банками. Этикеток на бутылках не было, и их содержимое определяли по цвету крышечки. Серебристая крышечка – для молока, изумрудно – зеленая – для кефира, малиновая – для ряженки, с желто-серебристыми полосками – для сливок. Я любила ацидофилин – густой, тягучий, сладковатый, с приятной кислинкой, его продавали в бутылках с фиолетовыми крышечками. На крышечках штамповали цену, дату изготовления, срок реализации и производителя. Фольга была мягкая, и крышечка открывалась нажатием большого пальца, иногда оставляя на нем следы краски. Бутылки принимали за деньги или в обмен на молочные продукты, в том числе превкусные, но без изюма творожные сырки «Ванильные» и «Цитрон». Радующие по сей день сердца детей и многих взрослых заменители «Эскимо» сырки глазированные появились в 60-е годы, в то время мы еще не знали, что такое творожный продукт с пальмовым маслом. На две пустые бутылки можно было купить одну с молоком, были и приемные пункты, где сдавали крышечки. Во все отделы гастронома обычно стояли очереди. Очереди в советское время были делом общепринятым, неотделимым от жизни, и многие вспоминают о них смешные и грустные истории. Недавно ко мне в гости пришла Вера – дочь моей школьной учительницы математики Татьяны Дмитриевны, мы живем в одном доме в Москве, и дача ее тоже в Кратове. Вере понравилось написанное мною, и она рассказала, как в послевоенные годы, ее маме, тогда молодой учительнице, очень хотелось сшить новое пальто. Узнав, что в магазин «Ткани» на Солянке привезли шерстяные ткани, она отпросилась после второго урока у завуча и поехала. У дверей магазина уже стояла длинная очередь, Татьяну Дмитриевну внесли в список «на следующий день», написали на руке чернильным карандашом трехзначный номер. После закрытия магазина люди не расходились. Очередь была мирной, два милиционера пытались ее разогнать, говорили, что запрещено стоять ночью у магазина, но народ не расходился. На рассвете вахту приняли другие милиционеры, одному из них захотелось поглумиться над беззащитными гражданами, видно в детстве сам натерпелся, и, став взрослым, выбрал такую профессию, чтобы измываться над людьми безнаказанно. Он дал команду стоящим в очереди построиться по одному, все подчинились. Чтобы в получившуюся цепь никто не вклинился, люди плотно прижались друг к другу, и каждый крепко ухватил впереди стоящего за талию. Такой «паровозик» милиционер больше часа водил по кругу. В темпе марша очередь шагала от Солянки по Большому Спасоглинищевскому переулку мимо хоральной синагоги, затем по Маросейке, через Петроверигский и Старосадский. К дверям магазина «Ткани» подошли по Большому Ивановскому переулку, названному в 1961 году улицей И.Забелина в память об историке, авторе замечательных книг о Москве, основателе Исторического музея и его первом директоре. Во время пути никто рук не расцепил, вслух не возмущался и не ругался. Наступило утро, в час открытия магазина толпа внесла Татьяну Дмитриевну в торговый зал. На прилавке лежало несколько рулонов с тканями, глаза разбегались. Хотелось купить и сукно на пальто Ивановского камвольного комбината, и шелк на платье комбината «Красная Роза». А как радовали взор ситец, сатин и фланель фабрики «Трехгорная мануфактура»

имени Дзержинского (бывшей Прохоровской мануфактуре)! Какими желанными были хлопчатобумажные ткани орехово-зуевского комбината, которым владел до революции Савва Морозов. Татьяна знала, что отстояв очередь, можно ничего не получить, товар часто убирала без объяснений – «кончился, и все», поэтому она не удивилась, что быстро исчезли рулоны модных тогда «шотландки», габардина и драпа «в ёлочку». В одни руки «давали» только один отрез, да и выбора уже не было, Татьяна купила на пальто два с половиной метра серого драпа «гусиные лапки» и вышла на улицу довольная собой, очень уставшая и голодная, с мыслью успеть бы к четвертому уроку в школу. В те годы мало кого удивляли и смешили выкрики продавцов, например, «За апельсинами больше не занимайте», «За мишками не стойте», «После этого гражданина яйца никому не выбивайте». Думаю, что есть такая подборка из жизни покупателей 50-х годов в «Нарочно не придумаешь». \*\*\* Я часто ходила с бабой Фаней в гастроном и любила наблюдать за происходящим. На прилавке лежала плотная упаковочная бумага серого цвета, положив ее на весы и посмотрев на отклоняющуюся стрелку, продавщица ловко кидала на бумагу отрезанные куски окорока, колбасы, сыра, масла или других продуктов и заворачивала их. Рядом с весами на прилавке лежали прародители калькуляторов - счеты. Это четырехугольная деревянная рамка с одиннадцатью горизонтальными спицами, на десяти спицах было по десять костяшек, а на одной, четвертой снизу – четыре. Почему? Бабушка объяснила мне, что до революции были монеты полушки – это четверть копейки, а 4 костяшки составляли 1 копейку. Просто и считать копейки удобно. Помню, бабушка научила меня, как, передвигая костяшки справа налево, складывать числа, а слева направо – вычитать. Как делить и умножать, она меня тоже учила, но я, к сожалению, забыла. На счетах продавщица складывала цену за все продукты, выбранные в отделе, и на бумаге карандашом писала цену. Почти все продавщицы и кассирши носили серьги и перстни с красными камнями. На счетах они считали быстро, как будто гаммы на рояле играли, а пальцы их не только мелькали, но и сверкали. Отстояв очередь в кассу, уплатив деньги и получив чек, покупатели подходили опять к прилавку и уже без очереди отдавали чек продавщице, она нанизывала его на острый тонкий стержень с подставочкой и выдавала продукты. Помню, бабушка всегда велела бабе Фане пересчитывать деньги не отходя от кассы, та не возражала, но сдачу клала в кошелек не глядя. Дома бабушка устраивала ей небольшой экзамен по устному счету, выясняла, что ее, как обычно, обсчитали. Баба Фаня отвечала - «Ах, баба, Вы эксплуататор, в 25 году мне предлагали работать на фабрике и учиться грамоте, но я осталась у Вас, а в магазин я больше не пойду, идите сами, стойте там в очереди» и с этими словами уходила на кухню. Бабушка спокойно, не отрываясь от своих занятий или любимого пасьянса «косыночка», парировала – «Во - первых я тебе не «баба», а Софья Борисовна, к тому же ты уже больше 40 лет живешь за мой счет, и я тебя учу порядку во всем, нельзя допускать, чтобы человека каждый раз в магазине обсчитывали и обвешивали, уважать себя надо, тогда и другие будут с тобой считаться». Такие словесные перепалки между бабушкой и Фанечкой происходили часто. Заводилой была баба Фаня, она любила подкалывать бабушку, вызывать острую ситуацию, но бабушка была невозмутима и по-доброму снисходительна. Однако, если баба Фаня слышала нелестные слова о бабушке, причем неважно от кого, она тигрицей бросалась на обидчика любимой «барыни»: «Вы же ее не знаете, она лучше всех, а сколько добра мне и другим людям сделала». Фанечка пережила бабушку на два года и умерла в марте 1991 года. \*\*\* Перед глазами пробегают картины детства. Вот наша кухня в Таганке – большая, с несколькими столами, газовой плитой «Газоаппарат» и эмалированной раковиной с носастым латунным краном. Окно кухни выходило во двор. У окна всегда стояла большая коричневая табуретка для курящих – дяди Коли Егорова, его брата дяди Пети из Углича (я рассказывала о нем, когда писала о коллективизации) и гостей наших соседей. Дурных привычек у дяди Коли я не помню, но была у него страсть - собирать грибы. С ранней весны до поздней осени каждое воскресенье, в любую погоду, он ездил на электричке в лес, как работник железной дороги бесплатно, что немаловажно, и привозил полные корзины грибов. Первым делом он приходил на кухню и гордо сообщал, сколько продал в электричке и на вокзале белых, подберезовиков, подосиновиков, потом он ставил корзины с грибами на пол и начинал их перебирать, мыть, солить, мариновать. Ведро с солеными грибами он ставил между рамами на кухне, но ненадолго – почти каждый день дядя Коля перекладывал грибы в банки, уносил их на работу, на Курский вокзал и продавал там, в обеденное время. Все вырученные деньги, как и «получку» он приносил жене – тете Марусе, а потом выпрашивал у нее рубль на чай, хлеб в рабочей столовой давали бесплатно. Тетя Маруся называла мужа «лесной попугай». Вечером она устраивалась на кухне у своего стола пить чай с конфетами, компанию ей составляла только подруга тетя Нюра, которую за глаза все называли Блоха. Около каждой из них лежал кусочек сахара и три-четыре конфеты высшего качества – «Мишка косолапый», «Ну-ка, отними», «Петушок», «Белочка» или «Каракум». Чай они заваривали крепкий, наливали его из чайника в граненые стаканы и переливали в блюдечки, делали глоток, почмокивая, и откусывали кусочек конфеты. В это время ни муж, ни дети не смели ее отвлекать и беспокоить. Дети, видно, уснуть не могли, мечтали о конфетах

в ярких фантиках, они по очереди прибегали на кухню, стояли у двери, к столу не подходили – нельзя, подзатыльник получишь, и просили – «Мам, ну дай хоть маленький кусочек откусить». Но тетя Маруся, даже в их сторону не смотрела и, не отвлекаясь от чая и беседы, добродушно угрожала расправой: «Пшел или пшла отсюда, спать иди, сейчас встану и голову оторву». Как-то моя бабушка спросила Марусю, как она может, есть конфеты, а детям не давать. «Софья Борисовна, я ем шоколадные конфеты для их же пользы. Люблю я спиногрызов своих паршивых, но устаю с ними, сил и терпения на пятерых у меня не хватает, иногда кажется, разорву их, злодеев, поубиваю, а от чая с конфетами я успокаиваюсь, добрею, и настроение мое улучшается». Хорошо помню и нашу плиту с чугунными крыльями по бокам для кастрюль и сковородок, под дверцей духовки находился рычажок, его передвигали вверх - вниз, чтобы все пропекалось и не подгорало. Над дверцей имелся термометр, но что-то разглядеть на нем не позволяли коричневые пятна жира, покрывавшие стекло изнутри. В духовке все выпекалось как надо – пирожки и булочки получались нежные, пропеченные и румяные, трубочки для эклеров – с большой дыркой, безе – воздушные. В кухне была дверь в чулан, бывший в старые времена комнатой для прислуги. На его полках в беспорядке лежали интереснейшие вещи – старые журналы, книги, игрушки, коробки и узлы со старыми платьями и шляпами, самовар, даже печка военных лет «буржуйка» с трубой нашла там пристанище. Хранилась в чулане и мороженица, ее привезли еще из Березина – имения моего прадедушки Бориса Ильича Чарного. Мороженое делали в середине зимы или ранней весной, когда можно было наколоть во дворе чистый лед. Бабушка помнила рецепт мороженого с детства, любила готовить его только сама, при этом с удовольствием посвящала всех в тайны создания этого замечательного продукта, восхищалась его натуральным вкусом. На самом деле покупное мороженое было вкуснее, чем свое - слаще и без крупинок. Но мне очень нравился процесс приготовления домашнего мороженого. В большую эмалированную кастрюлю бабушка наливала молоко или сливки, добавляла туда яичные желтки, сливочное масло, сахар, ваниль, размешивала деревянной ложкой с длинной ручкой, ставила на плиту вариться, и следила, чтобы смесь ни в коем случае не вскипела. Варилось это при постоянном помешивании до появления в кастрюле слоя белой густой массы, которая не стекала с ложки, а держалась, даже если на нее дунуть. Дальше эту смесь охлаждали и переливали в специальное жестяное цилиндрическое ведрышко литра на три. Это ведрышко являлось внутренней частью мороженицы, оно устанавливалось во внешний двустенный сосуд, заполненный толченым льдом и крупной солью. Для вращения сосуда со льдом вокруг ведрышка с мороженым имелась ручка на железной оси, ее крутили по очереди и дети, и взрослые до тех пор, пока мороженое не загустеет в достаточной мере. Мороженого получалось много, холодильников не было, приглашали «на мороженое» родных и знакомых, угощали всех соседей, а мороженицу отправляли в чулан до следующего раза. В середине чулана, на полу всегда стояла мышеловка с кусочком сала. Дверь в чулан закрывалась на задвижку, и ходить туда детям не разрешали. За раковиной была дверь черного хода, она вела на узкую винтовую лестницу с высокими ступенями, по ней можно было выйти во двор. Гулять самостоятельно во дворе мне удавалось не часто - только когда у бабы Фани были неотложные дела. Дав обещание никуда не уходить со двора, я бодро спускалась, держась за железные поручни, к небольшой, но тяжелой и скрипучей двери, а баба Фаня все это время стояла на лестнице нашего второго этажа и смотрела вниз, на меня. Ура, я вышла гулять во двор! Жизнь во дворе кипела. Девчонки прыгали через веревочку, играли в классики. В классиках особое значение имели биты, ими служили коробочки от леденцов и гуталина или плоские морские камушки, они считались ценностями наравне с маленькими куколками, бусами, стеклянными шариками и т.д., девчонки носили их в кармашках или сумочках. Мальчишки задирали девчонок, отнимали прыгалки, дразнили друг друга, дурачились, некоторые со свистом и грохотом проносились через двор на самокатах - деревянных досках с дощечками вместо руля и подшипниками вместо колес. Подростки - дворовые авторитеты, на малышню внимания не обращали, они играли в азартные игры, например, в «расшибалочку» и «ножички». Я близко к ним не подходила, бабушка не раз говорила, как это опасно, но мне нравилось стоять неподалеку и смотреть, как они виртуозно, разными способами метали в круг, нарисованный на земле, перочинные и самодельные ножички. Бывало, что вдруг наступало единение, и во дворе начинали играть все вместе в «прятки», «салки», «штандер», «казаки-разбойники», рисовали стрелки на земле, на стенах, куда-то бежали. Меня в игры принимали, но кого-нибудь поймать, найти или «осалить» мне редко удавалось, бежать за всеми со двора на улицу я не могла – держала слово данное бабе Фане. Обычно печалилась я не долго, столько интересного было рядом! Слева от двери черного хода находилась пожарная лестница, от земли до второго этажа она была обшита досками, и забраться по ней вверх могли только отчаянные мальчишки - голубятники. Еще левее, у входа в котельную лежала гора угля, я отыскивала волшебные антрацитовые угольки со сланцевым блеском, любовалась ими и клала в карман, они крошились, пачкали одежду и руки, но некоторыми из них можно было рисовать в альбоме, как карандашами. За угольной кучей была подворотня с выходом на Таганскую улицу к 1-ому

подъезду и продуктовому «на ступеньках». Правее стояли сараи, за ними – забор, к нему примыкало здание Народного суда Ждановского района, его фасад выходил на Большую Коммунистическую улицу. Голубятня возвышалась над сараями, ее сразу можно было увидеть, если войти во двор с Товарищеского переулка, а перед ней находилась песочница с деревянным домиком. Между песочницей и сараями мой двоюродный брат Боря однажды спрятал клад. А дело было так. Младший сын Егоровых, кудрявый бесёнок, второгодник Юрка, рассказал Борюсику, что в нашем дворе около сараев есть Поле Чудес и предложил выкопать ямку, положить туда три рубля и закопать, а назавтра пообещал выкопать десять рублей, честно их разделить и закупить всякой всячины. Не знаю, посыпал ли мой братик землю солью, полил ли водой из лужи, сказал ли «крекс, фекс, пекс», как это сделал Буратино, но его мама, тетя Мура, пропажу трех рублей обнаружила, вывела сына на лестницу и строго объяснила, что за свои поступки надо отвечать. Она сказала, что о воровстве заявит в милицию, будет суд, исключение из школы, а потом тюрьма, и безнадежно-тяжелая, горькая жизнь маленького мальчика на хлебе и воде за колючей проволокой. Борюсик страдал, плакал, но все понял, как надо. Юрка, без сомнения, тихонько откопал три рубля и потратил их на кино, мороженое и газировку, как сложилась его жизнь, не знаю, но в сознательном возрасте пришлось ему отсидеть в тюрьме лет семь. А эту историю, которой уже больше шестидесяти лет, любимый мой брат рассказал мне в июне 2012 года, как оказалось, это был последний июнь в его жизни. \*\*\* Я очень любила прогулки с мамой и ее рассказы о наших улицах, переулках, домах, где жили ее друзья и одноклассники. Давно нет дома № 12 с остатками фонтана во дворе на улице Большие Каменщики, где жила наша семья до 1935 года. Я уже писала о том времени, о доме и его обитателях. От мамы и бабушки я знала, что этот дом принадлежал Каткову – издателю журнала «Русский вестник». Мне захотелось узнать о М.Н.Каткове больше. Подумать только, он состоял в родстве с семьей писателя Н.М.Карамзина – первого составителя Истории Государства Российского, а разрешение издавать журнал он получил благодаря поддержке П.А.Вяземского. Он позволял себе быть свободным, менял взгляды. Из либерала, защитника свободы слова и суда присяжных он превратился в консерватора, однако, публиковал в своем журнале произведения М.Е.Салтыкова-Щедрина, П.И.Мельникова-Печерского, А.А.Фета, Ф.А.Тютчева, И.С.Тургенева, Ф.М.Достоевского, историков С.М.Соловьева и И.Е.Забелина. Печально, что от дома Михаила Никифоровича Каткова, видевшего почти всех великих русских писателей XIX века, ничего не осталось. На углу Пустой (теперь Марксистской улицы) и Воронцовской, в полукруглом доме была детская зубная поликлиника, но меня туда не водили. В этой же части Таганской площади находились книжный, ткани, кулинария и кинотеатр «Таганский» - милое кино моего детства. Помню, как в нашем дворе раздавался клич Тарзана, а мальчишки лазили по деревьям и прыгали по крышам сараев, раскачивались на веревочных лианах. За билетами стояли длинные очереди, от которых юный спекулянт Юрка Егоров имел свой барыш – он перепродавал билеты в кино, наваривая по 20-30 копеек с каждого билета. Тогда, еще до реформы 1961 года, билет в кино стоил 3 рубля, а на детский сеанс - 1 рубль. Баба Фаня покупала билеты у Юрки и мы шли в кино. Боря всегда находил в зале одноклассников и садился отдельно, Ире обычно составляла компанию ее подруга Таня Косарькова. Фильм «Тарзан» мы смотрели не один раз, с ним мы уносились в неведомый мир, в мир приключений мальчика, выросшего среди обезьян и ставшего повелителем джунглей. В этом фильме поражало все - и восхитительный Тарзан (Джонни Вайсмюллер), ловкий стройный, находчивый, и шимпанзе Чита, такая умная, сообразительная и предусмотрительная, и слон Тантор – верный друг и спаситель Тарзана, и его подруга красавица Джейн. А фантастическая природа африканских джунглей, львы, обезьяны, слоны, зебры, крокодилы! Тарзан понимал язык всех животных! От всего этого у меня дух захватывало, точнее сказать, чем А.С.Пушкин, (правда, по другому поводу), невозможно – «Им овладело беспокойство / Охота к перемене мест», так хотелось путешествовать, к тому же к пяти годам я уже понимала – кто путешествует, тот познает. Дома я рассаживала на диване своих зверей - большого рыжего пушистого мишку, плюшевую лису в сарафане и фартуке, красного целлулоидного медвежонка с надкусанным мною носиком, белых мраморных слоников, заводного зайчика с барабаном, ослика с корзиночками на боках. Целлулоидные пионеры – мальчик и девочка с руками и ногами на резиночках были Тарзаном и Джейн, а главную роль – роль Читы играла я. Создатель Тарзана американский писатель Эдгар Берроуз был еще и автором замечательных книг приключений и фантастики. Совсем недавно я скачала некоторые из них в свой «reader» и прочла с большим удовольствием. В нашем «Таганском» на утренниках мы смотрели фильмы - сказки режиссеров А.Птушко и А.Роу «Садко», «Кошеч Бессмертный», «Василиса Прекрасная». Помню трогательный фильм «Максимка» о судьбе негритенка, и назидательный фильм с экскурсией по Москве моего детства (начала 50-х) «Алеша Птицын вырабатывает характер» и, конечно, волшебную сказку Ш.Перро «Золушка», поставленную Н.Кошеверовой с добрым юмором и сатирой по сценарию Е.Шварца. Мне было меньше пяти лет, когда в нашем доме появился телевизор КВН - 49 с линзой, но дистиллированная вода в ней быстро мутнела и испарялась. Однако, как говорит пословица «Голь на

выдумки хитра», кто-то посоветовал маме залить в линзу глицерин, изображение улучшилось. Мама телевизор почти не смотрела, но радостно сообщала это «know how» знакомым и приносила для них дефицитный глицерин из аптеки поликлиники. Антенна из медной проволоки тянулась под потолком через всю комнату. Вечером к нам «на телевизор» частенько приходили соседи со своими табуретками и знакомые, смотрели все, что показывали – концерты с певцами, чтецами, спектакли, кинофильмы. Программы передач и перерыв объявляли дикторы, для настройки экрана появлялась таблица с цифрами. Сколько радости принесло людям телевидение, рожденное в Принстоне русским изобретателем В.К.Зворыкиным в 1919 году! А название нашего первого телевизора КВН-49 с экраном 18 см по диагонали происходит по первым буквам фамилий его конструкторов – Кенигсон, Варшавский, Николаевский. Мама и бабушка любили и понимали музыку, восторгались хорошими исполнителями, и они всегда с удовольствием вспоминали музыкальные фильмы с участием Дины Дурбин, Марики Рокк, Зары Леандр, Марио Дель Монако, Марио Ланца, Лолиты Торрес. Конечно же, им доставляли радость и старые советские музыкальные комедии Г.Александрова с Л.Орловой «Веселые ребята», «Цирк», «Волга-Волга», «Весна», и фильм «Музыкальная история», где свою единственную роль в кино сыграл С.Лемешев – прекрасный лирический тенор Большого театра и другие. Помню, как-то, зимой, посмотрев по телевизору «Серенаду солнечной долины», я на катке в парке Прямикова видела себя похожей на королеву льда Соню Хени, искала в нашем парке горки, чтобы кататься на лыжах, как она, под звуки прекрасных мелодий, не зная еще, что их автор Глен Миллер. Сейчас не представляет большого труда найти в интернете и посмотреть любой старый фильм, я увлеклась и не могла остановиться. Глаз не отрывая от экрана, забыв указания офтальмолога, я смотрела фильмы со звездой Голливуда Диной Дурбин «Сестра его дворецкого», где она с очаровательным акцентом пела русские романсы, «Весенний вальс» - о том, как сбылись мечты неунывающей деревенской певички, а ведь замечательной, жизнерадостной комедии «Сто мужчин и одна девушка» уже 75 лет! Не удивительно, что женщины шили платья и делали прически «как у Дины Дурбин»! Я посмотрела и легендарную музыкальную кинокомедию о любви, которую, много - много раз смотрел штандартенфюрер СС Штирлиц, надеясь встретить связного из Центра – «Девушка моей мечты» с Марикой Рокк. Вызывает радостное настроение и «Королева чардаша» по бессмертной оперетте И.Кальмана, где она чудесно пела и играла роль Сильвы. Захотелось мне посмотреть и так любимый всеми в послевоенные годы «Большой вальс», о «Короле вальсов» И.Штраусе. Удивительно, что, как и в детстве, мне больше всех понравилась одна сцена, где утром Штраус, Карла Доннер и извозчик их экипажа сочиняют вальс «Сказки венского леса», на мотив пения птичек, лесных шорохов и тех звуков, которые слышат вокруг. Сегодня я понимаю, что многие фильмы, которыми мы восхищались, были не очень высокого класса, и многие мои друзья по своим причинам их не пересматривают, но я, устроив себе ретроспективу кинофильмов моего детства, получила огромное удовольствие и совсем немного разочарования. Оказалось, что многие из них я хорошо помню, но раньше представляла по-другому все, что в них видела и, конечно, в полной мере не могу их оценить и сейчас, я простой зритель. Не могу точно сказать, какие фильмы я видела в кино, какие по телевизору, но «Возраст любви» с Лолитой Торрес точно смотрела в «Таганском» 1 сентября 1955 года. В этот день, я пошла во второй класс, и баба Фаня в залог будущих успехов, как было у нас заведено, купила арбуз больше пяти килограмм, чтобы мы только пятерки получали, и повела нас в кино. В конце 70-х наш «Таганский» отдали камерному еврейскому театру, которым руководили поочередно Ю.Шерлинг и М.Глуз - замечательные композиторы, музыканты, режиссеры опер, мюзиклов и шоу по книгам Шолом-Алейхема. В лихие 90-е он превратился в казино «Vinso Grand». А сейчас там круглосуточно работает развлекательный центр - культовый клуб «Jazz Town» с огромным светодиодным экраном на фасаде. Рядом с бывшим «Таганским», вместо «Кулинарии», теперь магазин запчастей для иномарок, а вместо магазина «Ткани» - набор гадостей. Книжный держался дольше всех, но и он сдался – сегодня в нем китайский ресторан. Помню, входили мы в книжный через большие дубовые двери. Справа продавались подписные издания. С левой стороны – учебники, календари, географические карты. В этом же отделе можно было купить переводные картинки, открытки, фотографии артистов. А рядом продавались писчебумажные принадлежности. В первом классе мы писали ручками с перьями – это тонкие разноцветные деревянные палочки с металлическими наконечниками, в которые вставлялись стальные перышки, они имели номера, помню № 11 со звездочкой и №86. Писать было не просто – сильно нажмешь – клякса получится, без нажима – слишком тонкая линия выводится, это значит переписывать надо, кошмар! Перышко имело раздвоенный хвостик, концы которого от усердного письма разъезжались, загибались и ломались, кроме того на перышке засыхали чернила, их надо было чистить перочистками. Перочистки мы шили на уроках труда. Для этого из мягких тряпочек вырезали кружочки, складывали друг на друга и соединяли пуговкой. Проку от них не было никакого, нитки и ворсинки накручивались на перья, хорошо очищали их только перочистки из замши, мне их шила бабушка. С нежностью и тоской вспоминаю наши деревянные парты, придуманные более ста

лет назад профессором Ф.Ф.Эрисманом - основоположником науки о гигиене и здоровье членов нашего общества, в том числе школьников. Парты состояли из черной крышки, правильнее сказать столешницы, и коричневой скамейки, которые крепились к общим толстым полостям, стоящим на полу. Вид парты имела монументальный. Сидели за партой вдвоем, помню моего соседа Колю Кратенко, мы симпатизировали друг другу, он тихонько клал в карман моего фартука карамельки и каждый день звонил, чтобы узнать, как задачку по арифметике решить или что задали. Как правило, я и Коля выходили из школы вместе, держась за руки, его мама и баба Фаня шли за нами, прощались мы у нашего подъезда и они шли к своему дому – высотке на Котельнической. Его папа работал в Индии на строительстве металлургического завода в Бхилаи и там погиб. С Колей я училась до четвертого класса и с тех пор ничего о нем не знаю. К 1 сентября парты всегда красили, слоев краски получалось много, и стыдно вспомнить, с каким удовольствием мы на партах рисовали и царапали. Все необходимое для шалостей лежало в наших деревянных пеналах, стоило только открыть их, легко сдвинув крышку. С помощью перышек для ручек мальчишки делали из яблок «ежиков», канцелярские карандаши превращали в трубочки, через которые стреляли пулями из жеванных промокашек. К точилкам для карандашей «рыбкам», кстати, похожим на открывалки бутылок, привязывали аптечные резинки, и они становились рогатками, и конечно, перышками и ножичками писали, царапали и рисовали на многострадальных партах. А если бы тогда мы знали слова Цицерона «Бумага не краснеет», то нацарапали бы «Парта все стерпит». Крышка парты была поката, под ней находилась полка для портфеля, часть крышки откидывалась, чтобы из-за парты можно было встать. Для ручек и карандашей были ложбинки, а в специальных углублениях стояли чернильницы-непроливайки, они имели внутри такую остроумную форму, что их можно было переворачивать, а чернила не выливались, но если старательно потрясти, они все-таки выплескивались фонтанчиком. И в старину, и в недалеком прошлом чернильным приборам придавали особое значение и считали первостепенным украшением письменного стола, их делали из мрамора, бронзы, серебра, фарфора, дерева, инкрустировали драгоценными камнями, многие из них изумительной красоты. Например, известный чернильный прибор в кабинете А.С.Пушкина на Мойке из бронзы и парфюра, со статуэткой арапчонка, подаренный другом П.В.Нащокиным. В чернильные наборы входило множество предметов – настольные часы со скульптурками, две чернильницы, подставка для перьев или ручек, нож для разрезания бумаги, пресс-папье, пара подсвечников, лупа, пепельницы, коробочки. При желании такие наборы сейчас можно увидеть в антикварных салонах, в музеях. У меня остались два замечательных ножа для бумаги, медный, в виде кинжала с классическим узором, и из слоновой кости, с восточным орнаментом. Сохранилось у меня и старинное пресс-папье в виде брусочка размером в ладонь из черной кости, инкрустированной птичками и цветочками из перламутра, сверху к брусочку привинчен шарик со штырьком для соединения с полукруглым основанием, на котором крепится промокательная бумага – промокашка. Во времена моего школьного детства полагалось промокать только что написанное чернилами, и промокашка голубая, розовая или белая, с зубчиками по двум сторонам, входила в комплект с тетрадкой. Тетрадка имела 12 листов, разлинованных в клеточку или линейку, простую или косую, чтобы выработать правильный наклон букв. Некоторые тетрадки были без полей, и надо было их чертить, отступая точно 3 см от края, а на последней странице печатали полезные таблицы – умножения, мер и весов, Гимн Советского союза, Торжественное обещание пионеров, песню «Орленок». На промокашку специально капали чернила, они растекались, получались кляксы, в которых мы угадывали очертания людей, животных, предметов. Мальчишки делали из промокашек пульки для стрельбы из трубочек. Еще помню, кто-то подарил мне чернильницу из белого фаянса с синей белочкой и надписью «Привет из Кисловодска». Школьные непроливайки делали из «карболита» - первой в России пластмассы с многоцелевыми свойствами, на основе фенолформальдегидных смол, полученной в 1914 году российскими химиками во главе с профессором Г.С.Петровым. Правда, бельгийский химик Л.Бакеланд лет на пять раньше создал такой же полимер – «бакелит». «Карболит» происходит от слова «карболка», так в старину называли фенол. Раствор карболовой кислоты использовали для дезинфекции. Возвращаясь в прошлое, я пишу о никому не нужных сейчас чернильницах - непроливайках и вспоминаю свою студенческую практику на заводе «Карболит» в Орехово-Зуеве, мои исследования свойств полимеров в НИИ Пластмасс, основанном профессором Г.С.Петровым в 1943 году. Руководитель моей кандидатской диссертации, заведующий кафедрой технологии переработки пластмасс РХТУ имени Д.И.Менделеева, профессор М.С.Акутин был его учеником и директором НИИ Пластмасс имени Г.С.Петрова. Опять я отвлеклась. Так вот, во втором классе нам разрешили писать авторучками «самописками», они назывались еще «вечное перо» и, к моей радости, отменили чистописание - противный урок, на котором надо было стараться выработать хороший почерк и писать, как в «Прописях» - специальных тетрадях с образцами рукописных букв. Но в классе, в учительском шкафу хранились ручки с перьями для тех, кто дома забыл авторучку. А на почтах и в сберкассах ручки с перьями и чернильницы с фиолетовыми чернилами служили для заполнения



квитанций и бланков до середины 60-х. Самые дешевые «самописки» с открытым пером (нам разрешали писать только такими), имели скверные перья, а с закрытым пером писали прилично. Однажды я принесла в школу китайскую ручку «Паркер» с закрытым золотым пером, похвастаться захотелось, учительница сразу увидела и отобрала, якобы до конца уроков, но оказалось насовсем, а попросить вернуть свою ручку я стеснялась, язык не поворачивался, пришлось дома сказать, что потеряла. У нас, младшеклассников 50-х, были любимые карандаши - двухцветные красно-синие «Победа», простые - «Смена» 2м с ластиком, толстые, цветные, шестигранные назывались «Деловой». Большой ценностью считались «офицерские» линейки с разными геометрическими фигурами, флажками, цифрами, а также трафареты с буквами из прозрачного пластика. Главным производителем школьно-письменных принадлежностей и канцелярских изделий был ленинградский завод «Союз». Там делали и простые авторучки для школьников, и поршневые ручки с золотыми и стальными закрытыми перьями, и подарочные наборы. «Союз» выпускал также готовальни, линейки, угольники, транспортиры, кнопки, скрепки, перья. Имели заслуженную популярность и карандаши завода - цанговые, автоматические, простые и цветные, мы хвастались ими друг перед другом, как тогда говорили «выставлялись». Помню, в первом классе на день рождения мне подарили набор карандашей «Искусство», 48 цветов, в огромной картонной коробке с картиной И.Айвазовского «Девятый вал» на крышке. Я рисовала этими карандашами не один год, а вот где сделали такую красоту, на фабрике им. Красина или им. Сакко и Ванцетти, не помню. В нашей стране было принято давать предприятиям имена революционеров и партийных деятелей. Л.Б.Красин – один из основателей РСДРП, первый нарком внешней торговли СССР, а Сакко и Ванцетти – итальянские анархисты, жившие в США. Их приговорили к казни на электрическом стуле за разбой и убийство инкассатора, улики против них заметно не хватало, и мировая общественность возмутилась. К карандашам Сакко и Ванцетти не имели никакого отношения, но очевидно, в нашей стране к ним отнеслись, как к преемникам революционеров - анархистов М.Бакунина и П.Кропоткина, террор для которых был главным методом борьбы. А может быть, их причислили и к последователям Л.Н.Толстого, считавшего главным злом общества насилие человека над человеком. Прямое отношение к этим фабрикам имел Арманд Хаммер. Он приехал из США в 1921 году, привез в послереволюционную голодную Россию продовольствие, лекарства его принял в Кремле Ленин и они заключили взаимовыгодные сделки. Разрушенная Россия нуждалась в товарах, медикаментах, техническом оборудовании. Для восстановления загубленного и уничтоженного производства большевики приняли решение купить все необходимое за границей. Согласно учению К.Маркса, путь к социализму лежал через товарно-денежные отношения и торговлю. Начинался НЭП, но наша страна еще находилась в экономической блокаде, не признавалась правовым государством, не могла вступать с Западом в рыночные отношения, и ввоз денег из республики Советов за границу был запрещен. Хаммер убедил бизнесменов США торговать с Россией и стал представителем многих американских компаний. Всем ведомствам Страны Советов предписывалось оказывать товарищу Хаммеру всяческую помощь и содействие. От «благодарного» советского правительства он получил торговые и промышленные концессии на добычу асбеста, угля, графита, строительство заводов, в том числе карандашной фабрики в Москве и тракторного завода в Ленинграде, а также фирменное ювелирное клеймо К.Фаберже. Кстати, деятельность А.Хаммера в СССР до сих пор засекречена. Уже в 1924 году появился наш первый трактор «Фордзон – Путиловец», а в 1925 году – начался выпуск карандашей и канцелярских принадлежностей, что способствовало выполнению лозунга «Долой неграмотность!». Советская Россия могла оплачивать свои закупки только золотом и драгоценностями. «Щедрой рукой» большевики передавали Хаммеру национализированные и конфискованные предметы русского искусства, живопись, ювелирные изделия, бесценные сокровища из музейных коллекций, меха, черную икру. Взамен «американский друг» делал щедрые подарки нашим вождям, например, письма Ленина из наших же архивов. Российские ценности вывозили вагонами, распродавали в Европе и Америке, полученная валюта должна была идти на индустриализацию нашей страны и построение социализма. Наживались и большевики, и Хаммер, созвучно пословице «Кто чем торгует, тот тем и ворует». Как точно отвечают и тому, и нашему времени слова Ф.И.Тютчева – «Русская история до Петра Великого – сплошная панихида, а после - сплошное уголовное дело». \*\*\* Вот так, воспоминания о «книжном», о чернильницах и карандашах унесли меня от рассказов о моем детстве. К шести годам меня решили учить музыке. На Воронцовской улице и по сей день находится музыкальная школа имени М.М.Ипполитова-Иванова, в которой училась моя мама. Ее открыли в 1919 году, это была первая музыкальная школа в Рогожско-Симоновском районе для детей рабочих, одна из первых и лучших в Москве. В 1923 году ей присвоили имя М.М.Ипполитова-Иванова – ученика Н.А.Римского-Корсакова, композитора, педагога, ректора Московской консерватории, дирижера Большого театра, «последнего из могикан» русской музыкальной культуры. Учениками его были Р.Глиэр, А.Гольденвейзер, К.Игумнов. Поначалу школа находилась на Пустой (ныне – Марксистской) улице, к концу 20-х годов на базе школы открыли музыкальное

училище, а школа переехала на Воронцовскую улицу, позже, в середине 90-х, училище стало институтом. Сначала мама занималась у В.Н.Аргамачева, он преподавал и в Московской консерватории, но профессором в то время еще не был. Ученики его боялись – от него, строгого и придирчивого, можно было и линейкой по рукам получить, маме доставалось частенько. Еще помню, она рассказывала, как он высмеивал, передразнивал учеников, придумывал на ходу стихи на их ляпсусы, его острый взгляд выдерживали не все. Талант свой он тратил, не скупясь, заставляя учеников понять, что в музыке, как и в любом деле, мелочей нет. Совсем недавно я узнала, что он из очень древнего дворянского рода, его предки служили стольниками, воеводами, состояли в царской свите. Среди тех, кто знал профессора В.Н.Аргамачева и учился у него в Московской консерватории, ходили легенды о его необыкновенной памяти, даре рифмовать любые слова, увлечениях кулинарией и вышивкой бисером, поразительных способностях сочинять музыку, переводить стихи романсов и песен. Но оценить все это в юные годы моя мама, ученица младших классов музыкальной школы имени М.М.Ипполитова-Иванова, не могла, и очень обрадовалась, когда в их класс пришел молодой преподаватель И.Р.Клячко. Невысокий, худенький, он смотрел на учеников живыми выразительными глазами, говорил немного и всегда во время урока добродушно себе подпевал. Моя учительница музыки Р.И.Рюмина окончила консерваторию в конце 40-х и училась в классе Ильи Романовича, мама с ней подружилась, даже отдыхать в Сочи они ездили вместе. Я помню, с каким восторгом она говорила о своем учителе как о пианисте и педагоге и с горечью называла его «подпольным» педагогом. Профессора-коллеги отдавали ему своих учеников перед международными конкурсами «на отделку и шлифовку». Как правило, он оставался в тени, притом улыбался мудро и скромно, а они принимали восхваления и лавры. Муж Розочки, так ласково в нашем доме называли Розу Иосифовну, Павел Иванович Рюмин, работал в Отделе культуры ЦК КПСС по выезду наших артистов и музыкантов на гастроли за рубеж. В 50-е годы, да и в последующие, профессиональное будущее артистов, и их концертная деятельность напрямую зависели от отношения к ним Отдела культуры ЦК КПСС и Министерства культуры, вот почему должность и связи П.И. Рюмина определяли многое. Кстати, хочется сказать, что он любил приобщать и своих, и чужих детей к музыке. От него мы часто получали приглашения на воскресные концерты-лекции для детей Светланы Виноградовой в Большом зале Чайковского. Начинались они часов в 10 утра, на сцену выходила молодая, элегантная женщина, с уложенными в пышный пучок волосами, в красивом длинном платье. Выразительным, запоминающимся голосом она с искренним восторгом проникновенно рассказывала о разных музыкальных произведениях и композиторах, помню, я очень переживала услышанную от нее трагическую историю жизни и творчества М.П.Мусоргского. Как многие мамы, приобщая свое любимое чадо к прекрасному, я в конце 80-х водила дочку на концерты-лекции в зал Чайковского, и, что интересно, я слушала С.В.Виноградову с большим удовольствием, чем в свои молодые годы, да и сейчас, она щедро одаривает детей желанием воспринимать музыку и разгадывать ее. Предаюсь воспоминаниям и удивляюсь, подумать только, на детских утренниках в Консерватории играли С.Рихтер, Д.Ойстрах, Л.Коган, М.Ростропович, В.Дулова, Л.Оборин. В нашей семье П.И.Рюмина называли не иначе, как Пашка, и жалели Розочку, так как эгоистом он был, каких мало, денег не хватало на необходимое для детей, а он зимой покупал для себя «любимого» груши и клубнику в буфете ЦК. Но какие замечательные праздники он устраивал! Помню, в день рождения старшей дочери Тани он встречал каждого маленького гостя аккордами из популярного классического музыкального произведения, нужно было его назвать, тогда получишь подарок. Мне было лет восемь, подарок получить хотелось, итальянскую польку С.Рахманинова я не узнала, пятилетняя именинница мне с радостью подсказала, и всем было весело. Обе дочери Рюминых – Таня и Марина - закончили после ЦМШ консерваторию, стали пианистками, Таня не раз участвовала в международных музыкальных конкурсах, успешно выступала, училась она у лучшего советского пианиста Я.Флиера, из его класса вышли Р.Щедрин, М.Плетнев, кстати, Я.Флиер был учеником К.Игумнова. Музыку я любила и люблю, но музыкальный слух у меня ниже среднего. Вспоминаю, как бабушка все лето занималась со мной, мы разучивали песенку «У дороги чибис» о юных натуралистах – орнитологах. Они идут толпой неведомо куда - «По степным широтам, // Через речку бродом», видят чибиса и убеждают птичку их не бояться. Песенка мне не нравилась, бредятина какая-то, не понятно, зачем по лугам и лесам толпой ходят юннаты, но все-таки бабушкино терпение победило – песенку я выучила, как надо. Но экзамен я не сдала, в первую очередь потому, что неверно повторила «прихлопы» в ладоши и «отбивания» по крышке рояля экзаменатора, показав отсутствие чувства ритма и музыкального слуха, а на вопрос, какую песенку хочу спеть ответила - «О принцессе». И я с чувством продекламировала романс М.Глинки «Дивный терем стоит и хором много в нем, // Но светлее из всех есть хором одна. // В ней невеста живет, всех красавиц милей, // Всех блестящей из звезд – звезда северная». Этот романс я очень любила, бабушка пела его часто, и я представляла себе сказочный терем, в котором принцесса неземной красоты сидит у окна, ждет жениха на белом коне, все время его вспоминает и любит на подаренное им кольцо

обручальное и другие украшения. Помню как летом, на даче в Болшеве, бабушка под вечер выходила на верхнюю террасу, открывала настежь окна и пела, голос ее звучал всегда превосходно. К сожалению, бабушкин голос пока никто в нашей семье не унаследовал, но очень хочется дожидаться от жизни сюрприза – рождения здоровенького младенца, наделенного музыкальным слухом и чудесным свойством воспроизводить мелодию звуков. И так, вступительный экзамен в музыкальную школу я не сдала, но взбодрила экзаменаторов, и меня для внешкольных занятий и развития слуха, взяла к себе Рязина Лидия Ивановна. Сестра ее с моей мамой училась в одном классе, а тетя преподавала фортепиано со дня основания «ипполитовки». Я и еще несколько «шестилеток» занимались у нее дома, раз в месяц она устраивала домашние концерты с чаепитием, приглашала родителей, чтобы порадовать их нашими успехами. Она научила меня азам нотной грамоты так основательно, что понятия «счет», «пауза», «длительность звука» я помню до сих пор. Спустя несколько месяцев я уже играла по нотам простенькие этюды Гедике, Черни, Майкапара. \*\*\* Через год у меня началась новая жизнь, я поступила в первый класс, заниматься музыкой я продолжала с Розочкой Рюминой, она приходила к нам домой. Представляю, как настрадались от моей игры наше пианино, изготовленное на фабрике музыкальных инструментов «Юлий Генрих Циммерманн» поставщика Двора Его Величества», основанной в 1810 году старейшей фирмой Братьев Дидерихс. Пианино очень красивое, с бронзовыми подсвечниками, декоративными украшениями, на резной передней панели – изображение Бетховена. Под закрывающейся на ключик верхней крышкой, среди струн и колков расположился герб Российской Империи (знак качества до 1917 года), окруженный золотыми и серебряными медалями, полученными фирмой на международных выставках, одна из них «За трудолюбие и искусство», да, были такие медали во второй половине XIX века. Это пианино и сейчас живет в нашей квартире, оно помнит семейные праздники, дни рождения, встречи, его бережно перевозили, всегда ставили на почетное место, рядом с ним неизменно стоял и стоит испытанный много лет круглый винтовой стул, на котором я, как и все дети, любила крутиться. К его клавишам из слоновой кости давно никто не прикасался, но они, конечно, помнят руки моей бабушки, мамы, наших близких. \*\*\* Я очень любила гулять одна, без взрослых, но мне удавалось это не часто. В четвертом классе у меня появилась подружка Наташа Осипова. Она жила в соседнем подъезде, в большой квартире, похожей на нашу, с родителями, бабушкой, старшей сестрой – студенткой Ритой, тетей, двоюродным братом Сережей и кучей родственников. Сережа был нашим ровесником и хотел стать журналистом, я вспоминаю этого делового мальчика – «умку» в круглых очках, с фотоаппаратом «Любитель» и испачканной чернилами сумкой, напоминающей кофр. В ней лежал репортерский набор - фотоэкспонетр, фотопленка на 12 кадров, блокнот, ручка «самописка», пузырек фиолетовых чернил «Радуга», карандаш и ластик. «Самописка» была с открытым пером, Сережа часто проверял ее внутренние резервы, он откручивал колпачок, нажимал на устройство, напоминающее пипетку, и если считал, что чернил мало, то сразу заправлял ручку, при этом измазывался и он сам, и все вокруг. Во двор Наташа и Сережа выходили со складной саперной лопаткой и, как большую ценность доставали ее из дерматинового чехла с кнопками. Они говорили, что эта лопатка трофейная, привез ее с фронта отец Наташи. Во время войны он был сапером, получил несколько ранений, после возвращения из госпиталя у него открылся туберкулез, помню, ходил он на костылях, был очень худой и почти не выходил из своей комнаты. Ходить к Наташе в гости мне строго-настрого запрещали, бабушка не раз говорила, как опасно даже находиться в одной комнате с больным - можно вдохнуть туберкулезную палочку, инфицироваться и заболеть. Слово «инфицироваться» она произносила значительно и строго. Не знаю, где лечили Наташиного папу, но паёк, который ему полагался, нужно было получать в туберкулезном диспансере, находился он в замечательном парке, на высоком берегу Яузы. Это было одно из чудесных мест, куда наша компания – я, Наташа и Сережа отправлялись без взрослых. Но все-таки, мне кажется, что баба Фаня незаметно шла за нами, ну не могла она оставить «деву» без присмотра. Отпускали меня с наставлениями – держаться вместе, дорогу переходить осторожно, ни с кем на улице не разговаривать и т.д. Ради предстоящего удовольствия можно было выслушать все это - давно известное. Мы по очереди несли судки – три, стоящие друг над другом алюминиевые кастрюльки, скрепленные П-образной ручкой. Шли мы по Таганской улице, ненадолго останавливались у витрины с игрушками «Детского», переходили через Большую Коммунистическую и оказывались на Чкаловской. Вот уже ограда в виде арок и ступени к воротам. Через калитку в воротах выходили мы на широкую аллею парка со старыми липами, дубами, фонарями, сломанными скульптурами и полуразрушенным гротом. К главному входу старого дворца вела вверх полукруглая каменная дорога с разбитым парапетом, украшенном вазами и двумя чугунными львами, рты их почему-то были запечатаны кружочками, будто пуговицами. Обеды на дом для больных выдавали с черного хода, чтобы туда попасть, мы обходили дворец слева, поднимались по небольшой лестнице, затем спускались по ступенькам вниз и оказывались у двери с окошком, через него нам и выдавали обед для Наташиного папы на два дня. Хорошо помню запах больничной кухни и вкус круглых булочек, иногда они были

горячими, Наташа сразу делила одну булочку на троих и мы шли к беседке, откуда открывался замечательный вид на Яузу. От мамы я не раз слышала, что до революции эта усадьба называлась «Высокие горы» и во времена ее детства в парке было многолюдно, по выходным играл оркестр, зимой заливали каток, баба Фаня приводила Бебочку и Мурочку сюда гулять и кататься на коньках. Позже я узнала, что всю эту красоту в 30-е годы XIX века создал архитектор Д.Жиллярди для купцов-чаеоторговцев Усачевых, но они разорились – не выдержали конкуренции со знаменитыми чаеоторговцами Перловыми. Следующим собственником усадьбы стал мануфактур-советник Российской империи Г.И.Хлудов – владелец ткацко-прядельных фабрик, театрал, коллекционер картин, как и его брат А.И.Хлудов, о дочери которого - Варваре Алексеевне Хлудовой-Морозовой я хочу написать позже. А высокое и почетное звание «мануфактур-советник» получали купцы за особые заслуги перед отечеством в области торговли и промышленности. Несколько десятилетий (до смерти в 1885 году) Г.И.Хлудов вел дневник. Его дочь Александра, по мужу Найденова, в тяжелейших условиях насилия и бесправия, когда люди, боясь навлечь беду, уничтожали семейные документы, как это сделали в моей семье и многих других, сохранила и дневники отца, и архивы. Кстати, до революции и национализации она владела усадьбой на Яузе, идеально содержала ее, занималась благотворительностью. С годами у меня обостряется чувство долга перед теми, кого уже нет, о них кроме меня никто не напишет, любопытно, будет ли кто-то читать то, что я пишу. По семейным письмам, дневникам, фотографиям правнучка Г.И.Хлудова Елена Новикова (внучка А.Г.Найденовой – Хлудовой) написала книгу «Хроника пяти поколений», опубликованную в журнале «Наука и жизнь» в 2001 году, после ее смерти. Написанное ею удивительно интересно, мне кажется, что она свой долг выполнила. Моя семья не была знакома ними, но мои друзья их знали и много рассказывали. Е.Б.Новикова много лет преподавала в МАРХИ. В семье ее мужа, архитектора, историка архитектуры, профессора М.Г.Бархина, почти все известные архитекторы – отец, брат, племянники, причем отец его Г.Б. Бархин, добился успеха и в царской России, и в советской, стал членом-корреспондентом Академии художеств, профессором МАРХИ. М.Г. и Г.Б.Бархины - создатели здания «Известий» на Пушкинской, театра В.Мейерхольда, преобразованного в Концертный зал имени Чайковского и других. До 1917 года на Триумфальной площади, где теперь зал имени Чайковского, находился театр оперетты И.С.Зона с кафешантаном, в 20-е годы в этом здании, в театре «ГосТиМ» (Государственный театр имени Мейерхольда) ставил спектакли В.Мейерхольд. В 30-е на этом месте началось строительство нового здания в стиле конструктивизма по проекту М.Г.Бархина для театра В.Мейерхольда. Но по известным обстоятельствам того страшного времени (шел 1937 год), главному архитектору Москвы - «сталинскому архитектору» Д.Н.Чечулину поручено было переделать его в Концертный зал имени Чайковского. Да, судьбы складываются удивительно, и браки совершаются на небесах, и конечно, все зависит от воли Божьей, но многое и от обмена генами. Когда-то говорили - «Смешение кровей – здоровье и способности детей». И подтверждений этому мнению немало. Бархины – евреи из белорусского местечка породнились с именитым купеческим родом Хлудовых – Найденовых – Новиковых – Алексеевых – Морозовых – Прохоровых. Родственниками были все московские старообрядческие семьи, брачные союзы заключали внутри своего круга, видимо, они не серьезно относились к обновлению генофонда, не занимала их генетика Менделя. Но тезис о рождении талантливых детей от смешанных браков подтвердился. Сергей Бархин - сын Е.Б.Новиковой и М.Г.Бархина - знаменитый театральный художник, график, архитектор, писатель, народный художник России, дочь Татьяна – архитектор и художник по костюмам. Да, талант не возникает из ничего. \*\*\* До середины 30-х район Садового кольца от Яузы до Таганской площади называли Землянка. Я очень люблю песню Н.Богословского на стихи Н.Доризо «Московские улочки» - «Полянка, Таганка и Старый Арбат, // Вас новые зданья все больше теснят // И все же, и все же повсюду вас ищет мой взгляд... // Старинные улочки, ваши скромны имена // Полянка, Таганка и Вал Земляной», вместо «Полянка» мне хочется петь «Землянка». В начале 90-х имя «Земляной вал» вернули части Садового кольца, от площади, где пересекаются три улицы – Садовая-Черногрозская, Покровка и Старая Басманная (в советские времена улицы Чернышевского и Карла Маркса) до Таганского тоннеля, построенного в 60-е годы. На углу Чкаловской и Большой Коммунистической была «Галантерея», где продавалась всякая всячина - украшения, сумки, перчатки, щетки, расчески, нитки, духи, фигурки из фарфора, чугуна, камня, моржовой кости и т.д. Не помню, чтобы тогда употребляли слово «сувениры», но подарки там покупали. На полках «Галантереи» красовались фарфоровые фигурки зверей, балерин, девушек в хороводе. Помню клоуна в красных шароварах и курточке с погонами, Ивана-Царевича с Жар-птицей, трогательного Филиппка в шапке-ушанке и длиннополом тулупчике с собачкой Жучкой из рассказа Л.Н.Толстого, Царевну-Лебедь в золотой короне. Во времена моего детства и юности статуэтки часто дарили друг другу на дни рождения, скопилось их множество. Я, не предполагая, что к советскому фарфору в начале 90-х появится большой интерес, перевезла почти все на дачу, откуда неистребимые дачные воры все и умыкнули, чудом остались девочка-пионерка с голубем на плече,

балерина, завязывающая пуанты и юный пограничник в трусиках и пилотке со звездой, обнимающий собаку. И дома, на Сухаревской, обитают милые сердцу фигурки – львенок, подаренный в седьмом классе дорогим другом Сашей Шевцом (братом оператора и сценариста Владимира Шевца), собака - немецкая овчарка, выполняющая команду «Лежать», с гордо поднятой головой и вытянутыми передними лапами, похожая на любимую Айну и еще бело-золотая статуэтка юного А.С.Пушкина за столом. Большинство этих «жизнерадостных приветов из детства» сделаны в 50-е годы на заводах «Дулево», «Конаково», «Вербилки», их владельцем до революции был талантливый промышленник, поставщик Двора Его Императорского Величества, М.С.Кузнецов. На его заводах делали посуду фарфоровую и фаянсовую, вазы, изразцы, умывальники, электротехнические изделия и т.д. Посуда выпускалась на любой вкус, и дорогая, и дешевая, ею пользовались в каждой семье России, у многих кузнецовские изделия сохранились до нашего времени. С детства я знаю и очень люблю два замечательных дома М.С.Кузнецова – на Мясницкой и проспекте Мира, возведенных по проекту лучшего архитектора стиля «модерн» в России Ф.О.Шехтеля. Это дом, где магазин «Фарфор», на углу Мясницкой и Большого Златоустинского (в советские времена улицы Кирова и Большого Комсомольского переулка), здесь до 1917 находились Правление и Торговый дом «Товарищества производства фарфоровых и фаянсовых изделий М.С.Кузнецова». Дом рядом тоже был владением М.С.Кузнецова, в нем сейчас книжный «Библиоглобус», интересно, что здесь состоялась первая выставка русских художников - символистов «Голубая Роза» (на деньги известного собирателя живописи и мецената Н.П.Рябушинского). Сохранился и особняк семьи Кузнецовых на проспекте Мира (бывшей 1-ой Мещанской), рядом с метро «Проспект Мира - радиальная», в нем не один десяток лет находился «Дом комсомольца и школьника Дзержинского района» - ДКШ. В 8 классе я недолго ходила туда в археологический кружок, и дочку Алену приводила пару раз в драмкружок, но неудачно – руководитель запил и репетиция пьесы «Двенадцать месяцев» не состоялась. Вход в дом, сколько его помню, был через арку с чугунными воротами, исчезли они как-то вдруг в 70-е – видно сдали в металлолом. Недавно прохожу мимо этой арки, уже похожей на простую подворотню, вижу новое название ДКШ – «Центр «Россия молодая». Я зашла посмотреть и порадовалась, что внутри сохранились и чудесная шехтелевская лестница с фигурной башенкой, мраморными балясинами и дубовыми панелями, и камин с лепниной в стиле «модерн», кое-где остались и окна с витражами, но угадать интерьеры особняка невозможно. Все неплохо, но почему-то мемориальная доска М.С.Кузнецова установлена на стене соседнего дома (купца Золотарева) - «дома с атлантами», кстати, атланты сделаны по проекту замечательного скульптора и художника С.Т.Коненкова в начале XX века, свой творческий путь он начал в конце XIX века и прожил почти 100 лет. Помню, к приходу гостей бабушка всякий раз говорила бабе Фане: «Кузнецовский сервиз ставь аккуратно», - и на столе появлялись праздничные тарелки, блюда для пирогов, рыбы, салатов. Блюда баба Фаня называла «полумиски», делая ударение на втором слоге. Всегда с чувством трепета и почтения я ставлю на стол чайный сервиз ручной росписи с замысловатой ажурной сеточкой, украшенной золотыми цветочками в местах пересечения синих линий, все его предметы классической формы, чашки, сахарницы, чайники, молочники имеют удобные изящные ручки. Сервиз этот в начале 30-х годов сделали на фарфоровом заводе в Вербилках (бывшем заводе Гарднера) по заказу моей двоюродной бабушки Эсфири Борисовны Чарной-Шабад в благодарность за лечение жены директора завода. \*\*\* Я уже рассказывала, какой удивительной женщиной и прекрасным врачом-гинекологом она была. Вспоминаю, как я любила бывать в ее квартире на Покровке, там было столько интересного, и трогать мне разрешалось все! Я пересматривала коробочки, вазочки, открывала пудреницы причудливой формы с пуховками из лебяжьего пуха, узорчатые крышки баночек с кремами, флакончики с духами. Запахи этих старых духов, пудры, помады в «золотых» тюбиках незабываемы! Все эти «сокровища» стояли на туалетном столике трельяжа, и благодаря трем зеркалам можно было видеть себя со всех сторон. Тетя Фира не была слишком педантична, и на ее туалетном столике дорогие украшения лежали вперемешку с бесчисленной бижутерией - бусами, серьгами, кольцами, брошками, заколками. Я очень любила смотреть, как собираюсь, в гости или в театр, она припудривала лицо и шею, подводила брови, подкрашивала губы, слегка сжимая их по тогдашней моде, подбирала к платью подходящие украшения. С точки зрения моей бабушки она сочетала несочетаемое, например, кольцо и брошь с «настоящими» сапфирами и серьги «со стекляшками». Бабушка говорила: «Эсфирь, в этих серьгах ты похожа на цыганскую лошадь», - а тетя Фира, глядя в зеркало и улыбаясь мне, кокетливо парировала уверенным, театральным голосом: «Женщина и в семьдесят лет может быть еще интересной». А как я любила дергать сонетку с колокольчиком в виде попугая, и прыгать на пуфике с подлокотниками! У тети Фиры было очень много интересных вещей, они привлекали меня, и я получала в подарок все, что мне нравилось: тарелочки с забавными рисунками, видимо, привезенные еще из Швейцарии, где она училась, кошечки, книжки и т.д. Сколько лет прошло, а многие вещи тети Фиры не пропали и живут в моем доме. Вот огромный альбом репродукций

Дрезденской галереи, подаренный мне тетей почти 60 лет назад. Когда-то в журнале «Юность» я прочла взволновавший мою детскую душу исторический детектив писателя Волынского о том, как разыскивали и нашли шедевры Дрезденской галереи. Еще до того, как в феврале 1945 года англо-американские ВВС своими зверскими бомбежками, превратили в прах Дрезден, гитлеровцы вывезли картины из Цвингера и их спрятали. Л.Волынский очень выразительно, ярко и точно описывал и картины, и чувства, которые он испытал, увидев «Сикстинскую Мадонну» Рафаэля, «Шоколадницу» Лиотара, творения Тициана, Джорджоне, Дюрера, Рембрандта, Вермеера. Я читала его повесть и испытывала радость от единения с прекрасным – я ведь тоже их видела! В начале мая 1955 года в ГМИИ имени Пушкина состоялась выставка спасенных картин. Они 10 лет реставрировались под руководством художника П.Д.Корина. Это была прощальная выставка, все картины передавались в ГДР. Люди ночами стояли в огромных очередях, тетя Фира получила пропуск от благодарных пациентов и взяла меня «погрузиться в прекрасное». В этот день она подарила мне огромный альбом Дрезденской галереи с репродукцией Пинтуриккио «Портрет мальчика» на суперобложке. Как-то мама, читая в конце 60-х воспоминания маршала И.С. Конева о войне, спросила меня: «А знаешь, кто нашел и спас Дрезденскую галерею? Так вот, это лейтенант Л.Рабинович, художник. Оказавшись в сгоревшем дотла Дрездене, он первым делом, конечно, с разрешения командования, начал поиски картин и, благодаря его усилиям и смекалке, обнаружили штольню каменоломни, в которой прятали творения великих мастеров». А совсем недавно я узнала, что художник Л.Рабинович, после войны стал писателем Л.Волынским – автором повести о спасении Дрезденской галереи, а также книг о художниках – импрессионистах, передвижниках и русской архитектуре. Да, каждый предмет, как и этот альбом репродукций, имеет свое прошлое. \*\*\* С почтением и уважением смотрю я и на сохранившиеся у нас несколько предметов из старинного фаянсового сервиза середины XIX века (привезенного еще из Березина) с клеймом С.И.Мальцова, они уже давно утратили былую белизну, их глазурь покрывают тонюсенькие трещинки. Эти изъяны придают особенную прелесть картинкам из крестьянской жизни, которыми расписаны тарелки и блюда. На картинках, выполненных вручную черной краской, с удивительной точностью и натуральностью изображены пейзажи и сценки деревенской жизни – сеятели и пахари в поле, подворье с лошадами, собачками, курочками, избы, колодцы, причем рассмотреть можно все, даже пальчики босоногих ребятишек, такая роспись называется «гравюра на фаянсе». О М.С.Кузнецове, его заводах и благотворительности известно много, а вот имя богатейшего фабриканта и мецената России XIX века С.И.Мальцова (искаженно Мальцева) знакомо нам благодаря принявшему его наследство племяннику Ю.С.Нечаеву-Мальцову. Наследство С.И.Мальцова - это заводы по выпуску первых в России паровых машин, корабельных двигателей, пароходов, машин для сельского хозяйства, рельсов, крупнейшие стекольно-хрустальные заводы в Дятькове и Гусь-Хрустальном, фабрика фаянсовых изделий в поселке Песочня. На этой фабрике и был сделан наш сервиз, в каком году точно, определить трудно, но до 1898 года, так как в 1898 году М.С.Кузнецов арендовал, затем купил у Ю.С.Нечаева-Мальцова фабрику в Песочне и на изделиях уже ставили клеймо «Акционерное общество Мальцовские заводы М.С.Кузнецова». Ю.С.Нечаев-Мальцов щедро жертвовал деньги на образование, медицину, общество поощрения художников, строил храмы, богадельни. Это он подарил России Музей изящных искусств, созданный профессором И.В.Цветаевым – первым директором музея, известным историком, археологом, искусствоведом, отцом замечательной и несчастной поэтессы М.Цветаевой. Есть у меня пункт, он перешел ко мне от мамы – люблю разбирать родословные связи. Так вот, очередной раз, подтвердив пословицу «Кровь не водица», я узнала, что С.И.Мальцов – родной брат бабушки графа А.А.Игнатьева - генерал-майора внешней разведки автора увлекательнейшей книги «50 лет в строю», изданной в конце 80-х. Ю.С.Нечаев-Мальцов умер в 1913 году (вскоре после открытия музея) и завещал свое состояние родственнику А.А.Игнатьева – министру просвещения России, борцу с антисемитизмом, либералу и реформатору графу П.Н.Игнатьеву, вынужденному после революции эмигрировать. Много лет он возглавлял «Организацию русского «Красного креста» за границей», умер он в Канаде в 1946 году, оставив интереснейшие мемуары «Русский альбом». Еще мне кажется интересным, что прапраправнучка С.И.Мальцова Мария Соццани была женой поэта И.Бродского - нобелевского лауреата, изгнанного из Советского союза. У них родилась дочь. Я читала, что на вопрос журналиста «Кто вы?», он ответил – «Я еврей, русский поэт и американский эссеист». \*\*\* Опять я отвлеклась и перескочила «с пятого на десятое» - раньше времени написала об усадьбе «Высокие горы». Так вот, наша компания – я, Наташа Осипова и ее двоюродный брат Сережа направлялась в туберкулезный диспансер за спецпитанием для наташиного папы. От «Галантереи» мы шли вниз, по Чкаловской, мимо невысоких домов, переходили, держась за руки, через Аристарховский переулок, Ульяновскую улицу (ныне опять Никольямскую) и спускались к Высокояузскому мосту, старожилы Таганки называли его Усачевским. На середине моста мы всегда останавливались около черных чугунных ограждений с серпом и молотом и смотрели, как к Москве - реке, к своему устью, текла нам навстречу неторопливая Яуза. Здесь, у

Высокоязузского моста, Берниковская набережная переходила в Никольямскую, за ней тянулись Андроньевская и Золоторожская. Вдалеке виднелись деревья Лефортовского парка, дымились трубы мартеновских печей завода «Серп и Молот», построенного в конце XIX века французом Ю.Гужоном у Рогожской заставы. Нам хорошо был виден и мост на арочных опорах, по которому ходили поезда от Курского вокзала, – Андроников виадук, слева от него возвышался строгий купол Спасского собора и церковь Михаила Архангела Спасо-Андрониковского монастыря, опоясанного белокаменной крепостной стеной с башнями. Быть может мимо этих стен в 1380 году шли воины Дмитрия Донского на Куликовскую битву против полчищ Золотой Орды. В этом монастыре, когда-то неприступном, монахи переписывали книги, первые великие художники Древней Руси, иконописцы Андрей Рублев и Даниил Черный, расписывали Спасский собор, в погребе монастыря сидел на цепи без света и пищи поборник русского старообрядчества протопоп Аввакум. Основал Спасо-Андроников монастырь в середине XIV столетия митрополит Алексей, назначенный в то время опекуном малолетнего князя Московского Дмитрия (кстати, внука Ивана Калиты), по летописям названного Дмитрием Донским за первую победу русских над татаро-монголами. Однако, мало достоверных и очень много противоречивых сведений и о Мамаевом побоище на Дону, и о князе Дмитрие Донском. А платить Золотой Орде дань русские княжества прекратили только через сто лет. Состоялось это при внуке Дмитрия Донского – Иване III после «Великого стояния на реке Угре» и отступления хана Ахмата. Может быть и не нужно, но мне интересно и хочется написать, что «собиратель земель русских» Иван Калита – внук Александра Невского, царь Иван Грозный – внук Ивана III и праправнук Дмитрия Донского, а на царе Федоре – сыне Ивана Грозного закончился московский род Рюриковичей, началось «Смутное время», а за ним воцарение Романовых. Пострадал Спасо-Андроников не меньше самого древнего монастыря Москвы – Свято-Данилова, основанного лет на шестьдесят раньше (в конце XIII века) Даниилом Московским – сыном Александра Невского. После революции большевики устроили здесь концлагерь ВЧК для белых офицеров, потом колонию для беспризорных детей, общежитие для рабочих завода «Серп и Молот», все разграбили и разорили, кладбище превратили в футбольное поле. Участь монастыря могла быть печальной, но в юбилей 800-летия Москвы художник и реставратор академик И.Э.Грабарь вместе с основателем музея в Коломенском, реставратором древнерусского зодчества, архитектором археологии, историком П.Д.Барановским спасли его от полного разрушения. И вот, как это получилось. Андрей Рублев советской властью был признан и, согласно Декрету Совнаркома 1918 года за подписью Ленина, большевики собирались установить ему памятник в центре Москвы, но план не выполнили. В своем докладе, опубликованном в газете «Правда» об исторических памятниках Москвы (к 800-летию столицы), П.Д.Барановский доказывал, что Андрей Рублев жил, творил и умер в Спасо-Андрониковом монастыре. На самом деле, никаких подтверждающих исторических текстов не было, но благодаря этой версии, появилось решение ЦК партии об устройстве там Музея древнерусской культуры и искусства имени Андрея Рублева. Монастырь был спасен от уничтожения, но на реставрацию требовались деньги. И первый директор музея, страстный ценитель и знаток древнерусского искусства Д.И.Арсенившилин оповестил ученый мир о 600-летию Андрея Рублева, хотя в летописаниях год его рождения не был найден. Он привлек Илью Эренбурга – знаменитого на весь мир публициста, писателя, переводчика, общественного деятеля, в то время вице-президента Всемирного Совета Мира, и 1960 год был объявлен ЮНЕСКО годом Андрея Рублева, это вынудило ЦК партии выделить деньги на открытие музея. Помню, эту историю рассказал нам в Доме творчества «Болшево» Аркадий Иосифович Полтораки, в тот день он подарил моей маме свою книгу «Нюрнбергский эпилог» с дарственной надписью. А.И.Полтораки, военный юрист Первого Украинского фронта, был секретарем советской делегации на международном военном трибунале в Нюрнберге – бывшем центре фашизма, любимом городе Гитлера. Там с ноября 1945 по октябрь 1946 во Дворце правосудия, Аркадий Иосифович своими глазами видел и слышал главных нацистских преступников – Геринга, Гесса, Риббентропа, Кальтенбруннера, Розенберга и многочисленных свидетелей их злодеяний. На процессе он сблизился Р.Карменом, К.Симоновым, Б.Полевым, Л.Шейниным, а дружба с И.Эренбургом продолжалась долгие годы. Вот однажды и поведал ему Илья Григорьевич авантюрную историю о своем участии в возрождении Спасо-Андроникова монастыря, которую А.И.Полтораки рассказал нам с мамой. Смотреть на Яузу и ее берега с Высокоузского моста было интересно всегда, но ранней весной солнце с какой-то особой четкостью освещало и Спасо-Андроников монастырь, и высокий холм рядом с ним, на котором возвышались два храма – Сергия Радонежского и Мартина Исповедника. Находились они на соседних улицах – Тулинской, по партийной кличке Ленина до 1901 года – К.Тулин (кстати, «тулой» в старину именовали скрытое место) и Большой Коммунистической, так во время моего советского детства назывались нынешние улицы Сергия Радонежского и А.Солженицына. А до революции Тулинская носила имя Воронья, и может быть, именно из этой «Вороньей Слободки», потрясающе показанной И.Ильфом и Е.Петровым в «Золотом тельце», к Птибурдуковым явился погорелец Васисуалий

Лоханкин со словами: «Спаси успел я только одеяло и книгу спас, любимую притом», - прижимая к груди книгу «Мужчина и женщина». Жаль, что из этого роскошного трехтомного издания 1911 года у меня остались только первая и третья книги. Если точнее, то Храм Сергия Радонежского, его называют еще Сергиевский, стоит на Андроньевской площади, где соединяются Большая Андроньевская, Николоямская и улица Сергия Радонежского, переходящая у Рогожской заставы в шоссе Энтузиастов - Владимирский тракт – по этой дороге шли в Сибирь осужденные на каторгу. Сразу вспоминается щемящая душу картина И.Левитана «Владимирка». \*\*\* На Большой Коммунистической, недалеко от Дома Учителя жила наша знакомая Роза Марковна Жебровская (тетя Роза) с сыном Антоном. Оставшись сиротой лет в семь, она воспитывалась в католическом приюте для девочек, их не только содержали там до совершеннолетия, но давали образование и специальность, чтобы они могли себя обеспечить, учили иностранным языкам, рукоделию, готовили приданное, устраивали на работу. Тетя Роза хорошо знала немецкий, еще в приюте овладела машинописью и печатала, одинаково быстро, «как пулемет», на машинке с русским шрифтом и латинским. В ее комнате на первом этаже была необыкновенная чистота, кругом, даже на валиках дивана и под горшками с цветами, лежали белые кружевные салфеточки, а сын Антон – молчаливый и неприветливый голубоглазый высокий мальчик с очень светлыми волосами всегда носил белую рубашку. Черными были рояль, он занимал полкомнаты, и две пишущие машинки «Ундервуд». Тетя Роза работала машинисткой в журнале «Советская женщина», еще брала работу на дом, хотела «дать сыну все». Антон не доставлял маме особых хлопот, но она боялась дурного влияния таганской шпаны, и чтобы отвлечь его от соблазнов улицы купила у соседки по квартире рояль, сын учился музыке, играл в шахматы, рос тихим, самостоятельным и послушным. Тетя Роза выглядела всегда одинаково - худенькая, собранная, с прямой спинкой, седыми кудряшками и очень добрыми большими карими глазами почти без ресниц, под строгий костюм она надевала тонкий свитерочек или блузочку с кружевным воротничком «под шейку». Она часто заходила к нам по дороге с работы и за ужином рассказывала о своих знакомых из редакции и новости из статей, которые печатала, конечно, не о международном женском движении, свободе и равенстве советских женщин, а о моде, косметике, медицине. Помню, несколько лет жила у нас на даче в Болшеве подруга тети Розы Лиля Максимовна Кайт. Приезжала она пару раз в неделю, часа на два, чтобы навестить своего кота по имени Барсихен и порадовать любимым лакомством – кусочками камчатского краба, которые вынимала из салата Оливье, заказывая его специально в ресторане «Москва». Кот красотой особой он не отличался, шерсть обычная, серая в крапинку, таких называют «подзаборный», но был очень умен. Уходом и воспитанием котика занималась домработница Анна Ивановна, при ней состояли любовник с племянницей. Надо сказать, что нахалом Барсихен не был, но Айну все-таки раздражал, особенно когда воспитательница подходила к ней с вкусной косточкой и котиком на руках, чтобы убедить, какой он хороший и его нельзя трогать, забыв известное с давних пор, что «семейства кошек и собак между собой не дружат». Айна проявляла чудеса терпения, но не раз загоняла его на дерево или под сарай, чтобы показать, кто на даче хозяин. Барсихен днем был в доме, ел и спал, а ночью гулял, он всегда безошибочно чувствовал приближение машины хозяйки и минут за десять до ее приезда стремился к калитке. Это служило сигналом к действию. Чтобы Барсихен, не подвергаясь опасности, мог добежать до ворот, нужно было увести в дом нашу Айну и это давало время любовнику Анны Ивановны с племянницей подняться с разрешения бабушки к нам наверх. Ведь понимали, что быть иждивенцами и кормиться около кота такой компании неприлично, даже бесстыдно. Думаю, что местные коты считали Барсихена лишним в своем обществе и хотели изгнать, каждую ночь кошачий ор нарушал покой почтенных дачников. Было даже собрание членов нашего ДСК «Зеленовод» по этому поводу, и орденоносный корреспондент «Правды», писатель Б.Н.Полевой (автор «Повести о настоящем человеке»), предложил написать в протоколе постановление, что на одном участке не должно собираться больше одной кошки и одной собаки. Моя бабушка выступила с вопросом: «Борис Николаевич, как Вы собираетесь подписать с ними договор?» Это развеселило присутствующих. Как-то Барсихен явился под утро с разорванным ухом, все ужасно волновались, что «не уследили, не уберегли», к приезду Лилии Максимовны ухо подмазали и подкрасили. Итак, из машины выходила Лилия Максимовна с портфельчиком, за ней шофер с сумкой, полной гостинцев для всех, и портативной пишущей машинкой в руках, Барсихен выражал искреннюю радость, Анна Ивановна сразу начинала показывать, чему научился ее подопечный. Мне особенно нравилось, как, услышав команду «алле», кот прыгал через руки своей воспитательницы, вытянутые вперед обручем, затем оказывался на плече хозяйки и они шли на террасу. Л.М.Кайт и ее муж были активистами Компартии Германии, входили в организацию «Рот Фронт», работали в партийных редакциях, в 30-е годы по закону нашей конституции им дали гражданство СССР, как преследуемым за защиту интересов трудящихся в своей стране. В Москве они работали в Коминтерне, занимались журналистикой. Лилия Максимовна была собственным корреспондентом «Известий» и ТАСС, в 1933 году она освещала громкий процесс в Лейпциге над Георгием



Димитровым - «болгарским Лениным», арестованным по обвинению в поджоге Рейхстага. В своей речи он доказал провокационный смысл обвинения, выразил суть фашизма, он переиграл нацистов, это принесло ему освобождение и славу, Советский Союз предоставил ему гражданство, он стал Генеральным секретарем Коминтерна до самороспуска этой организации в 1943 году. Сейчас уже не тайна, что знаменитая речь Г. Димитрова была составлена создателем компартии Финляндии О. Куусиненом – историком и философом по образованию, бывшим в то время секретарем Исполкома Коминтерна. \*\*\* Лилия Максимовна рассказывала, что все члены Коминтерна, получившие убежище в СССР, и их семьи жили в Москве в закрытых гостиницах «Люкс», «Гранд-Отель», «Националь», за ними пристально наблюдали сотрудники НКВД. Аресты зарубежных коммунистов по обвинению в шпионаже и троцкизме начались еще до «великой чистки», последовавшей после убийства С.М. Кирова, уцелели немногие исполнители воли Сталина, проявившие усердие в выдаче своих товарищей по партии, о репрессиях над зарубежными коммунистами и антифашистами написано достаточно. На Новом Донском кладбище, где похоронены мои близкие, есть мемориал зарубежных коммунистов - жертв сталинских репрессий, их имена на трех языках можно прочесть в книге памяти, она находится тут же, на подставке с навесом из оргстекла. Л.М. Кайт вспоминала, что её с мужем, по их статусу в Коминтерне, поселили в гостиницу «Люкс», на Тверской (с начала 30-х до 90-х улице Горького), над Филипповской булочной, любимой несколькими поколениями москвичей. Весь этот стильный ансамбль - гостиницу, булочную и кофейню, построил купец Д.И. Филиппов – внук основателя знаменитой династии хлебопеков М. Филиппова. Конечно, я не видела в Филипповской булочной, такого разнообразия хлеба, булочек, калачей, пирогов, баранок, сухарей, какое описывал В.А. Гиляровский. Но и в советское время там выпекались французские булочки с гребешком, крендели с маком, рогалики, калачи, сайки, халы. Многие символы старой Москвы исчезли безвозвратно, исчезла в 90-е и Филипповская булочная на Тверской с неповторимым хлебным ароматом, лепным потолком, люстрами и плафонами, деревянными резными витринами-буфетами, прилавками из темного дерева с полукруглыми стеклами. Помню в витрине Филипповской, уже под вывеской «Хлеб», улыбающегося гипсового мальчика в полосатой кофточке со связкой баранок на шее и подносом с булочками в руках, где он сейчас? А рядом, на углу Тверской и Глинищевского переулка, когда-то была «Филипповская кофейня», в ее оформлении ( аж во время Первой русской революции) участвовал молодой в ту пору скульптор С.Т. Коненков, при НЭПе она стала рестораном «Астория». Вскоре после войны и гостиница, и ресторан получили названия «Центральная» и «Центральный». С этим рестораном (теперь он опять «Астория»), его лепнинами, золотом, осетриной по – монастырски, блинами и расстегаями меня связывают прекрасные воспоминания о банкете по случаю защиты моей кандидатской диссертации, обедах и ужинах с друзьями, которых уже нет рядом. Так вот, в гостинице «Люкс» творилось тоже, что и во всей стране, люди боялись доносов и репрессий. Л.М. Кайт и ее муж чудом избежали ареста, им удалось получить паспорта и выехать из СССР во Францию летом 1936 года. В это время уже началась гражданская война в Испании, Коминтерн по указанию Сталина сформировал Интербригады. Добровольцы вступали в Интербригады в порыве солидарности, благородства и ради высоких идеалов готовы были жертвовать всем. Лилия Максимовна как корреспондент не раз ездила из Франции в Испанию и отсылала в Москву свои репортажи. Гражданская война в Испании овеяна не только романтикой, и осмыслить, что там было на самом деле непросто. О событиях этой войны мы знаем из замечательных книг Ильи Эренбурга, Михаила Кольцова, Эрнста Хемингуэя, кинофильмов Романа Кармена. На посиделках у нас на даче в Болшеве Лилия Максимовна бывала не часто, отдыхать она себе не позволяла, но иногда это случалось, говорила она с немецким акцентом и слегка грассировала, как многие французы, и неудивительно, ведь большую часть жизни она провела в Германии и Франции. Моя мама обязательно расспрашивала ее о войне в Испании, о знаменитом журналисте М. Кольцове, отдавшем свой талант на службу Сталину и репрессированном в 1939 году вскоре после того, как война была проиграна. Спрашивала мама и о неистовом борце с фашизмом прославленном военком И. Эренбурге, позже она познакомилась с ним и Романом Карменом (друзья называли его Рима), и Ю.Б. Левитаном – «главным голосом Советского союза» у нашего родственника Л.А. Демиховского. Он работал в Научно-Исследовательском Кинофотоинституте и Радиокomiteте, так сокращенно называли Всесоюзный комитет по радиофикации и радиовещанию. Он занимался звукозаписью и системами связи, сделал первые записи на магнитную ленту, о придуманном им аппарате «демифон» я уже писала. В годы Великой отечественной войны магнитофонов на радиостудиях не было, и записи не велись. В начале 50-х ЦК ВКП(б) (с 1952 года ЦК КПСС) принял решение записать для истории на магнитную ленту сообщения Совинформбюро. Ю. Левитану нужно было заново наговорить почти все сводки и приказы Сталина. Возглавить эту работу поручили Л. Демиховскому. Задание партии было выполнено и голос Ю. Левитана, такой же незабываемый, как память о войне, звучит и сейчас. С И.Г. Эренбургом – выдающимся журналистом, писателем, военкомом Л.М. Кайт связывало давнее знакомство и работа в «Известиях».

Он был участником и свидетелем того, что действительно происходило в Испании, он писал и снимал все то, что видел, был он так популярен и знаменит, что республиканцы называли одно из своих подразделений «Центурия Эренбурга». Лилия Максимовна рассказывала, что у нее имелась «журналистская карточка», по которой она могла беспрепятственно пересекать границу Испании, и несколько раз они вместе как корреспонденты «Известий» ездили по фронту на «агитфургоне», показывали бойцам советские фильмы «Броненосец «Потемкин» (в откорректированном виде), «Чапаев», «Путевка в жизнь», печатали в походной типографии листовки и газеты. В то время, когда мы слушали Л.М.Кайт, мама, конечно, не читала еще роман Э.Хэмингуэя «По ком звонит колокол» - его опубликовали у нас только в конце 60-х. И генерал-майор МВД СССР, гений разведки и террора П.Судоплатов еще сидел во Владимирской тюрьме, как пособник Л.Берии, и не напечатал свои мемуары «Разведка и Кремль» и другие. И знаменитые воспоминания И.Г.Эренбурга «Люди, годы, жизнь» издали в журнале «Новый мир» только в начале 60-х. Но маме, с ее желанием знать больше, чем другие, обостренными чувствами справедливости и любознательностью, хотелось «докопаться» до истинной оценки некоторых событий ее романтической юности. Лилия Максимовна знала многое и, по всей вероятности, была свидетелем многих тайн, но в силу сложившихся обстоятельств, хранила эти тайны в себе. Думаю, что она знала о преступлениях НКВД в Испании, о гибели многих интернационалистов и республиканцев от их рук, о командире Интербригад Андре Марти – руководителе политических убийств, его называли «испанский Ежов», знала многое, но следовала арабской пословице: «Чего не должен знать твой враг, не говори того и другу». Незадолго до вторжения фашистов в Париж Лилия Максимовна и ее муж оказались в США, вскоре после войны поехали во Францию, потом в Германию. Работали они инкорами в специальном бюро по пропаганде на зарубежные страны при Совинформбюро, переименованном в начале 60-х в АПН - Агентство Печати «Новости», а в наши дни в Российское Информационное Агентство - РИА «Новости». Всех перипетий из жизни Л.М.Кайт я, разумеется, не знаю. В Москву она вернулась в конце 40-х, получила скромную квартирку и работу в редакции журнала «Советская женщина». \*\*\* Бесспорно, без СССР не было бы Победы над фашизмом! После войны возникла вера в то, что с Советским Союзом можно сотрудничать, его режим стал более демократичным, а диктатура Сталина была неизбежна и вызвана тяжестью войны и необходимостью противостоять Гитлеру, оправдывался даже сталинский террор. Хотя стало понятно и то, что СССР не отказался от идеи мировой революции. Велась активная пропаганда идей социализма, сообщения Совинформбюро убеждали в процветании свободы равенства и братства в Советском Союзе, в том, что социализм быстро преодолет разруху. На Западе оказалось много людей, поверивших в настоящее возрождение России при режиме Сталина. Никаких ясных представлений о том, что происходит на самом деле, у них не было. Многие поехали в «страну справедливости» добровольно, хотя им говорили, что их ждут мучения и гибель. По зову Сталина приехала из Франции и племянница моего деда со стороны отца, оказавшаяся с родителями за границей еще до Первой мировой войны, виолончелистка Манечка, Мария Михайловна, с мужем – экономистом, выпускником Сорбонны, сыном бывшего офицера царской армии. Они мечтали увидеть Родину. Как только они пересекли границу, у них отобрали документы, пересадили в товарный вагон и отправили в колхоз, в Казахстан. Мужа арестовали, как шпиона, умер он где-то в Тайшетском ГУЛАГе на лесозаготовках. И над Манечкой произдевались предостаточно, работала она и в коровнике, и в столовой, и в клубе, выжила она чудом. После смерти Сталина она дала взятку председателю колхоза – бутылку водки и колечко, случайно сохранившееся после обыска на границе, ей выдали справку, заменяющую на месяц паспорт. У колхозников, как у крепостных, паспортов не было аж до середины 70-х. Она приехала в Москву, мой дед разрешил племяннице переночевать на кухне, а приняли и помогли ей дальние родственники Энтины, родом из этой семьи замечательный детский песенник Юрий Энтин. В результате сложных манипуляций, она получила московскую прописку. Мы оказались соседями, когда переехали на Сухаревскую, из наших окон виден ее подъезд в пятиэтажном сером кирпичном доме на Мещанской. Я помню ее старушкой, доброй, милой, приветливой, занималась она переводами, еще она делала из разноцветных кусочков шелка чудесные цветы для украшения платьев. Эти цветочки с тончайшими деталями, тычинками, пестиками, лепесточками и листочками с прожилками представляли собой верх совершенства, они были как настоящие. Я не раз видела, как она создавала эту красоту при помощи набора крошечных лопаточек разного вида и специальной деревянной матрицы - подставочки. \*\*\* Вспомнилась мне еще одна история начала 60-х. Работала у мамы старшей медицинской сестрой Фруза Ивановна, свое настоящее имя Ефросинья, Фрося, она не любила, считала слишком простецким, так вот, как обычно, возвращается Фруза из поликлиники домой, а навстречу бежит по Эльдорадовскому переулку ее пятнадцатилетняя дочка Наташка. «Ты куда?» - спрашивает Фруза, - «За водкой отец послал, к нам от тети Кати приехали», - «Ты что, Кати уж нет давно». Во время войны мама и младшая сестра Фрузы жили в своем родном городке Крыжополе Винницкой области, а Фруза незадолго до войны переехала в Москву и вышла замуж. Городок

оккупировали немцы и семнадцатилетнюю Катю отправили на работу в Германию, известий о ней не было, после войны Фруза пыталась что-то о ней узнать, но безуспешно, мама до конца дней своих горевала и молилась об упокоении души усопшей рабы Божьей Екатерины. Итак, дома Фрузу ждали гости – муж и жена из Арля, она русская, он француз. Они приехали в Москву как туристы и без труда в Мосгорсправке получили адрес Ефросины Ивановны Мальковой. Оказалось, что Катя жива, они соседи, и их судьбы похожи. Кате в Германии повезло, она работала на ферме, хозяева относились к своим оstarбайтерам сносно, после войны она попала в лагерь для перемещенных лиц в западной зоне, где и познакомилась с французским военнопленным Шарлем Мишо. Он влюбился в Катюшу, написал о ней своим родителям в Арль, те обрадовались, она написала маме в Крыжополь, но ответа не получила. Катя стремилась домой, ей снились родные места, мама, папа, сестра. Уже не секрет, что не все советские граждане, оказавшиеся за границей во время Великой отечественной войны, Гражданской войны, в силу разных причин, в том числе и эмиграции, хотели вернуться на Родину. Однако, в феврале 1945 года, в Ялте, Сталин, Рузвельт, Черчилль, а чуть позже и генерал де Голль договорились и подписали соглашение о выдаче СССР всех советских граждан независимо от их согласия. По возвращении в СССР всем гарантировались свобода, обещание не преследовать, сохранение всех гражданских прав. Но недаром говорят: «В лесу рубят, а в мир щепки летят» и «Слухом земля полнится». По «сарафанному радио» в лагерях для перемещенных лиц стало известно, что всех советских граждан, которые находились во время войны за пределами СССР на принудительных работах, в концлагерях, в лагерях для военнопленных на Родине ждет проверка в спецлагерях НКВД, а дальше наказание - ГУЛАГ, тюрьма или расстрел. Очень мало написано о том, как англичане, американцы, французы выслеживали по всей Европе и выдавали наших соотечественников на расправу НКВД. Хочется думать, что многим сейчас стыдно за это «демократическое» предательство. Я читала, что только княжество Лихтенштейн противостояло угрозам советской власти и не допустило нарушения законов и Божьих Заповедей. Лагерь для перемещенных лиц, в котором оказались Катя и Шарль, находился в зоне, освобожденной американцами, и по какому-то предписанию они не передавали советским властям русских, состоящих в браке с иностранцами. Катя решила принять предложение Шарля, они заполнили опросные листы, написали, что являются мужем и женой, и поехали в Брюссель, им кто-то сказал, что там можно заработать. Шарль был электриком, он хотел скопить деньги и открыть мастерскую в родном Арле. Но они, молодые, простодушные, опьяненные любовью, Победой и свободой, не знали, что в лагерях для перемещенных лиц действуют агенты НКВД и на выдачу Кати заведено дело. Итак, вскоре после Победы, они устроились в Брюсселе, Шарль нашел работу. Как-то Катя утром отправилась с подружкой, такой же, как она «невозвращенкой из Советского Союза» за покупками в небольшой магазинчик рядом с домом, соседи ее уже знали, и хорошо относились к тихой и скромной русской девушке, старательно учившей французский. У дверей небольшого магазина двое молодых мужчин в шляпах и длинных пальто преградили им дорогу и бесцеремонно взяли под руки, но в этот момент из магазина кто-то вышел, девушки смогли вырваться и вбежать в магазин, эти двое вошли за ними, и стали теснить Катю с подружкой к дверям. Девушки сопротивлялись, начали кричать, и тут, как в детективном фильме, покупатели мгновенно обступили их плотным кольцом со всех сторон и взялись за руки. На шум выбежал хозяин магазина, руки вмиг разомкнулись, девушки побежали за ним и оказались в темном чуланчике, сколько они там пробыли, Катя сказать не могла. Так брюссельцы отстояли и защитили наших девушек, да, единение людей – большая сила! После этого случая Катя боялась выходить из дома. А что такое «охота на невозвращенцев» в то время знали почти во всех городах освобожденной Европы, подобные сцены бывали в магазинах, в кино, на улицах. Вскоре они переехали в Арль, и дальше все сложилось благополучно – Шарль работал электриком, Катя занималась домом и виноградником, родился сын Иван, дочки Мартина и Доминика. Свою историю Катя рассказала, когда они всей семьей пришли к нам в гости, помню, как муж Фрузы жаловался, что во Франции вместо водки пьют нашатырно – анисовые капли, так он называл виноградное вино. \*\*\* В воспоминаниях детства хочется вернуться к тете Розе Жебровской. Я не раз бывала у нее в гостях, в уютной комнате с роялем, белыми салфеточками и пишущими машинками «Ундервуд», на которых она выстукивала благополучную жизнь своему сыну. Ее дом на Большой Коммунистической стоял недалеко от двухэтажного дома с мезонином. С детства помню, что его называли особняком Зубовых, в нем находился и Дом Учителя нашего Ждановского района, и коммунальные квартиры. В этом самом Доме Учителя была одна из творческих студий художника Элия Белютина - известного «родоначальника школы «underground», автора книг по живописи. Его ученики рисовали не только обычными инструментами, но и мочалками, гвоздями, мылом, вениками, в своих авангардных картинах беспредметных, многоцветных, далеких от реальности, они стремились к самовыражению, хотели показать истинную жизнь человека, соединяя разнородные идеи, взгляды, теории живописи. Это было время Хрущевской «оттепели», время противоречивых идей и начинаний, время серьезных ошибок. Кто-то из умных людей сказал, что

на многое отбрасывается тот, кто неизбежно во многом ошибается. Об этом времени написано очень много и без меня. Так вот, в ноябре 1962 года в небольшом зале этого самого Дома Учителя по инициативе академиков АН СССР, лауреатов Нобелевской премии Н.Н.Семенова, П.Л.Капицы, И.Е.Тамма для молодых ученых из их институтов открылась отчетная выставка студии Э.Белютина, проходила она один день. Желающих посмотреть собралось великое множество, приехали иностранные корреспонденты, сняли этот вернисаж и показали по европейскому телевидению и в США. За несколько дней до этого в Манеже открылась выставка московских художников к XXX-летию МОСХа (с 20-х до конца 50-х годов). По решению комиссии по идеологии при ЦК КПСС там же, в Манеже, но в специально отведенном зале на втором этаже, развесили картины студийцев Э.Белютина, поставили скульпторы Э.Неизвестного и еще нескольких авангардистов. Кто только не комментировал, как Н.С.Хрущев и сопровождающие его государственные деятели посетили выставку в Манеже, как Никита Сергеевич «завелся» и кричал: «Педерасты несчастные! Все запретить!», а его команда с Сусловым во главе хором надрывалась: «Уничтожить! Арестовать! Задушить!». Помню, как ругали абстракционистов в газетах, журналах, «выражали свое негодование трудящиеся». Среди учителей моей образцово-показательной школы №236 с художественным уклоном и преподаванием делопроизводства со знанием стенографии и машинописи были такие, которых и по возрасту, и по образу мышления можно назвать «шестидесятниками». Я уже писала о В.И.Савенковой и Я.Е.Каждане – преподавателях делопроизводства и стенографии, еще с добрым чувством вспоминаю учительницу истории Ирину Васильевну Лебедеву, урок свой она начинала с рассказа о том, что говорили по радио «вражеские голоса» - «голос Америки», «ВВС», «Свобода», давно ушедшие из российского эфира, а жаль. В память о том времени на даче у меня стоит радиоприемник с проигрывателем «VEF Radio» с диапазоном KB 25м (в этом диапазоне почти не глушили). Итак, на следующий день после шумного разгрома художников, я и мой друг Юра Маскин встретились после уроков у моего подъезда и отправились в Манеж, конечно, с разрешения бабушки. Юра учился в автодорожном техникуме, поклонялся королю джаза Луи Армстронгу, страстно любил всякого рода технику, особенно автомобили и мотоциклы. В 16 лет Юрка получил от старшего брата вожделенный подарок – мотороллер «Вятка», правда, не новый, и со знанием дела объяснял мне, что «Вятка» - аналог популярного итальянского мотороллера «Vespa» (в переводе «оса»). Юрка починил его, покрасил краской серебрянкой, нарисовал итальянский флаг и заботился о своем любимце с удивительной нежностью, на улице не оставлял, парковал около двери в квартиру, хорошо, соседи относились к этому с пониманием, а жил он на первом этаже в доме на Садово-Сухаревской, где был магазин «Мясо», напротив нашего дома. Когда появилась эта «Вятка» - «Vespa», мама пришла в ужас, повторяла страшные случаи из своей и чужой врачебной практики об авариях мотоциклистов и взяла с меня и с Юрки слово, что я никогда на мотороллер не сяду. Юрку мама принимала без симпатии, иначе и быть не могло. Почти каждый вечер мы ходили гулять с Айной, и обычно бывало что-то не так – гуляли то слишком долго, то не по тому маршруту, и Айна пачкала живот и лапы или «не все сделала». Несколько раз мы, увлеченные разговорами и забавами подростков, теряли намордник или поводок, приходили с Айной домой, и мама отправляла нас искать потерю, мы уходили, гуляли с удовольствием по нашим чудным переулочкам, а намордник спокойно лежал у Юрки под курткой. Стыдно вспомнить, как своими поступками я лишала покоя близких. Помню, выпускной вечер в нашей школе, было ужасно скучно. Юрка пришел меня поздравить, нарядный, причесанный, в темно-синем костюме, белой рубашке, галстук-бабочка, в одной руке он держал цветы и воздушные шары, в другой - мотошлем, и мы, счастливые заговорщики, вышли из школы, сели на мотороллер и помчались по Москве. Пробок тогда не было, мы неслись на Красную площадь по Сретенке, через Сретенский и Рождественский бульвары, по улице Дзержинского (ныне опять Большой Лубянке), мимо Детского мира и памятника Железному Феликсу, по улице 25 Октября (теперь снова Никольской), катались по Москве до утра. Видимо, мы, совсем юные, в этот теплый июньский вечер, на мотороллере, с цветами и воздушными шарами, выглядели счастливой парочкой. Нам улыбались прохожие и милиционеры, салютовали нам из окон автомобилей, было очень весело, утром мы приехали домой довольные и усталые, баба Фаня открыла дверь, более, чем разгневанная мама не вышла, она не разговаривала со мной дня два. Так вот, в начале декабря 1962 года мы с Юркой Маскиным отправились на выставку абстракционистов в Манеж. Несмотря на холод и снег, около входа в «Манеж» была огромная очередь, мы стояли, переживая безнадежность ситуации, но не отчаивались, и удача нам улыбнулась, ибо «Вера в успех – залог успеха», каким-то чудом мы втерлись в группу студентов из Суриковского института, оказались у касс, купили билеты и вошли. Было тесно, людей много, мне казалось, что картины на стендах висели беспорядочно. Мы ходили, искали картины абстракционистов, но безрезультатно. Помню, висели картины классиков соцреализма - А.Пластова, А.Дейнеки, Ю.Пименова, прославлявших советскую деревню, спортсменов, новую Москву. На выставке были и полотна посвященные войне, пейзажи, натюрморты, замечательные портреты писателей, академиков,

актеров, написанные П.Кончаловским, П.Кориным. Но нам хотелось увидеть и узнать новое, мы пришли, чтобы увидеть совсем другое - картины художников, имена которых только слышали. Замечательные книги Джона Ревалда «История импрессионизма» и «Постимпрессионизм» только вышли, и из них мы, пятнадцати-шестнадцатилетние, узнали о жизни французских живописцев – Моне, Ренуаре, Дега, Коро, Сезанне. Мы познавали мир и с интересом воспринимали их время, судьбы, взаимоотношения, представляли знаменитых и простых людей вокруг них, бульвары и площади Парижа, кафе, гулянья на набережных Сены. Я помню, в конце 50-х, в залах «Пушкинского музея» на Волхонке и в Эрмитаже в Ленинграде висели картины импрессионистов, но немного. Тогда я не знала, что их собирали меценаты и благотворители, промышленники С.И.Щукин и И.А.Морозов, благодаря им Россия обладает этими сокровищами. Короче, из Манежа мы вышли разочарованными, не увидев ни одной картины авангардистов, осталось ощущение, как будто нас обманули. Очень скоро я поняла, что абстракционизм, который во времена моей беспокойной юности и возносили, как музыку, выражающую состояние души, а так же и ругали последними словами, вызывает у меня тоску, но мне было стыдно признаться в этом - не хотелось выглядеть непродвинутой, отсталой. В начале 70-х в Москве устраивались «квартирные выставки» и я случайно попала в квартиру коллекционера русского и советского авангарда Георгия Костяки. Для меня открытием было все - и картины Кандинского, Шагала, Татлина, Фалька, Филонова, Лентулова, и работы художников А.Зверева, В.Яковлева, О.Рабина, тогда их имена знали немногие. К моему удивлению оказалось, что традиции русского авангарда не прерывались, и милые моему сердцу модерн и сюрреализм дали жизнь модернизму, а значит, абстракционизму и русскому авангарду, а соцреализм их всех «вытурил со двора». Между прочим, нацисты, как и Советская власть, преследовали авангардизм. Г.Костяки покинул нашу страну и добровольно-принудительно оставил большую часть своей коллекции, ее поделили между Третьяковской галереей и Русским музеем. Да, все на свете взаимосвязано, все вытекает одно из другого и все имеет право меняться. В Доме Учителя на Большой Коммунистической белютинцы больше не выставлялись. Я была в этом доме несколько раз, мне запомнился большой зал с высокими зеркалами, роялем и камином – нас, первоклассников, привели туда на елку. Еще помню, в этом же зале состоялся пионерский слет по случаю какого-то праздника, скорее всего дня рождения Ленина. Отличники младших классов по очереди читали стихотворение С. Михалкова «В Музее В.И.Ленина», я стояла в первом ряду, мне досталось четверостишие – «Я вижу дом, где Ленин рос/ И тот похвальный лист,/ Что из гимназии принес/Ульянов – гимназист». Волновали детское воображение и рассказы пятнадцатилетних одноклассниц моего двоюродного брата Бори Гали Зудиной и Люды Пановой про волшебное зеркало в большом зале Дома Учителя - если сесть в левый угол дивана вдвоем с мальчиком, который нравится, и смотреть в это зеркало, то увидишь обнаженную Венеру. А не так давно я говорила о Таганке с моими подругами Люсей Смирновой и Аней Потапкиной. Слово «подруга» я не люблю, но как иначе назвать тех, которые всегда помогают тебе без лишних слов. Люся - арт-менеджер, Аня – преподаватель МАРХИ, любит, изучает и хорошо знает историю «старины московской». От них я узнала о Марии Васильевне Зубовой – профессоре МАРХИ, художнице, авторе книг и статей по искусству, наследнице старинного купеческого рода. Родилась Мария Васильевна в доме своих предков на Большой Коммунистической (до 1919 года Большой Алексеевской), в 2008 году улице дали имя Александра Солженицына. Дом, превратившись после революции из старинного особняка в коммуналку и районный Дом Учителя, и Педагогический музей, а затем в коммерческую школу, испытал за 150 лет многое и, конечно, обветшал. Но повезло ему невероятно – современные миллионеры Соколовы отреставрировали его по сохранившимся планам, фотографиям и воспоминаниям Марии Васильевны. Слава Богу, есть еще на Руси меценатство. Кстати, М.В.Зубова по сей день живет в этом доме, в квартире, выделенной Зубовым Советской властью. Богатейшие текстильные фабриканты купцы Зубовы, посвятили себя добрым делам, науке и культуре. Прадед Марии Васильевны – Василий Павлович Зубов учился химии и красильному делу в Саксонии, своими фабриками управлял из Москвы. Он собрал уникальную коллекцию скрипок Амати, Гварнери, Страдивари, до П.И.Чайковского возглавлял Московскую консерваторию. Страстью деда – Павла Васильевича были нумизматика, история, музыка, он профессионально занимался термехимией, сплавов металлов, чтобы по химическому составу монет определять их происхождение и возраст. Свою коллекцию редких монет, признанную лучшей в мире, и библиотеку по востоковедению он завещал Историческому музею. В 1918 году специальной комиссией при Совнарком по делам ученых семье Зубовых предоставили пожизненное право владеть мезонином в своем доме. Мария Васильевна рассказывала, что дом считался филиалом Исторического музея, и Павел Васильевич Зубов был его хранителем до смерти в 1921 году. За два года до смерти у него реквизировали, попросту отобрали коллекцию скрипок, собранную его отцом, по причине известной: «Простому народу играть не на чем, все у богатых». Одну из скрипок Зубовых получил советский военачальник маршал М.Н.Тухачевский. Коллекция монет сейчас находится в Историческом музее, а книги попали в разные места, и библиотеки не стало. Отца Марии

Васильевны – Василия Павловича называли «Русским Леонардо». Мировыми учеными он был признан выдающимся специалистом по искусствоведению, истории и культуре античности, Средневековья, эпохе Возрождения, архитектуре Древней Руси, он был переводчиком древнерусской литературы, вел работу по реставрации Троице-Сергиевой Лавры. Не так давно на доме Зубовых появилась мемориальная доска «В этом доме жили и работали видные деятели русской науки и культуры П.В. и В.П.Зубовы», а в начале ноября 2012 года открылась аукционная выставка живописи. Жалею, что я туда не попала, но приятно было узнать, что в этом доме выставались картины К.Коровина, Р.Фалька, И.Билибина, К.Сомова, Н.Гончаровой, М.Ларионова, К. Рериха. Дом ожил и вернулся к жизни! Судьба соседних домов – двухэтажного особняка принадлежавшего купчихе Кононовой и скромного строения рядом с ним – бывшего дома мануфактур-советника, почетного гражданина и городского головы Москвы И.А.Колесова, занятого ныне «Институтом бизнеса и политики», сложилась не так удачно, но они сохранились. Удивительно, что на главной улице старообрядцев – Большой Алексеевской (для меня Большой Коммунистической, и называть ее улицей А.Солженицына я никогда не привыкну), до революции построили только один пятиэтажный дом - доходный №14, вокруг были двух - трехэтажные дома фабрикантов и купцов, они остались и сейчас, будто их кто-то оберегает. Мы называли этот дом в стиле модерн - «серый дом со львами», в нем, в коммуналке на пятом этаже жила моя одноклассница Люда Тихомирова. Из окна ее комнаты были видны золотые купола храма Мартина Исповедника – огромный, главный купол, четыре купола меньших размеров, а слева – высокая трехъярусная колокольня в виде ротонды с колоннами. Храм стоял за глухим высоким зеленым забором с круглыми облезлыми столбами из бетона, их всегда белили ко дню рождения Ленина – 22 апреля. Помню небольшую вывеску на заборе – «Склад Всесоюзной Книжной Палаты». Через щели этого забора я видела потрескавшиеся стены храма, украшенные колоннами и лепнинами, главный вход с высокими разбитыми ступенями, громадный фронтон с облупившимися фресками и сохранившейся надписью «Храм Святого Мартина Исповедника». Слово «храмъ» было написано с буквой «еръ». В слове «Исповедник», вместо «е» - «ять». Эта буква написанием похожа на мягкий знак, с черточкой, пересекающей «ь» сверху (на современной клавиатуре ее нет). Святой Мартин был папой Римским еще до раскола христианской церкви на католическую и православную и исповедовал православие, его оклеветали, истязали, умер он в страданиях и лишениях, почитается он как мученик и католиками. В день поминания Святого Мартина Исповедника, в апреле 1502 году вззошел на престол Василий III – отец Ивана Грозного, в его честь на левом берегу Яузы, на землях Андроникова монастыря, в Алексеевской слободе был построен храм. Через 300 лет он обветшал, был снесен и по проекту Родиона Казакова (ученика Василия Баженова и Матвея Казакова) возвели новый храм, поражающий и сейчас своей гармонией и торжественностью. При советской власти храм закрыли, изъяли все ценности, иконостас передали Музею Архитектуры, но к счастью, не разрушили, и что удивительно, может быть благодаря сотрудникам книгохранилища, сохранились настенные росписи, сделанные итальянским живописцем Антонио Клауди, он же расписал и церковь св. Мученицы Татианы при МГУ на Моховой. Храм Святого Мартина Исповедника одновременно и величественный, и горделивый, и воздушный, делал все окружающие его строения неприметными, незначительными. А построили его на средства купца-чаеоторговца, именитого гражданина, городского головы (председателя городской думы) Москвы В.Я.Жигарева. Интересно, что усадьбу Жигарева, кстати, построенную по проекту Р.Казакова, (сейчас дом 29), после его смерти купил фабрикант Семен Алексеев - прадед К.С.Станиславского, где и родился в 1863 году создатель знаменитой театральной системы, основатель МХАТа. А золотоканительная фабрика находилась на соседней улице – Малой Алексеевской. Конечно же, сейчас обо всем этом, при желании, есть, где почитать, но с годами мне все дороже и милее становится рассказанное в детстве бабушками, мамой, их друзьями и знакомыми. Вспоминаю соседку тети Розы Жебровской по коммуналке Зиновию – Зинаиду Николаевну. Как-то зимой мы с бабой Фаней отправились к тете Розе, я захотела ехать на санках, улицу освещали фонари, снег искрился, прохожих было мало. Снег окутал всю Большую Коммунистическую – и булыжную мостовую, и асфальтовые тротуары, и деревья, которые плотно, как аллея из белых кружев, стояли на каждой стороне улицы. Я чувствовала себя героиней сказки, выехавшей на бал в дивных санках с быстрой лошадкой. Лошадкой была баба Фаня, как стыдно за детские капризы и еще многое, но, как любила повторять моя мама: «Нет в мире сил, чтоб миг вернуть минувший!» Итак, мы оказались во дворе трехэтажного дома, ажурный кованый навес над входом без поручней поддерживали изящные колонны, ступени тоже не простые - чугунные, рельефные, рисунок на них почти стерся от времени, но еще можно было увидеть орнамент из фантастических цветов. Зиновия редко приглашала в свою комнату, чаще сама приходила к тете Розе, но несколько раз я у нее была. В комнате стояло много всего – инкрустированные столы и столики на витых ножках, шкафчики, этажерки, стулья и кресла, украшенные бронзой и слоновой костью, горки с посудой и статуэтками и т.д., на стенах - картины в золоченых рамах и фотографии висели так близко друг к другу,

что обоев не было видно. Все выглядело, как в лавке старьевщика, но носило следы былой роскоши и восхищало мое детское сердце. Зиновия казалась мне очень старенькой, было ей за 70, держалась она прямо, не сутулилась, седые волосы стригла «под горшок», носила изношенные и застиранные длинные юбки и блузки, но никогда я не видела ее одетой неряшливо или в халате. Не знаю, полагалась ли ей пенсия, но все равно прожить на пенсию тогда без поддержки родных было невозможно. Родных у нее в живых не осталось, но чудом сохранились ювелирные украшения, которые она продавала через знакомых тети Розы. Моя бабушка, тоже у нее что-то покупала, и, помню, говорила, что Зиновия цену своим вещам знает. Как рассказывала Зинаида Николаевна, дарителями этих украшений были любимые люди из ее прошлого - муж – офицер кавалерии, кажется, штабс-ротмистр, погибший в 1916 году в боях за Галицию и Буковину в Брусиловском прорыве в Первую мировую войну и вдовствующая императрица Мария Федоровна. Моя мама очень любила расспрашивать Зиновию о былом и мне кое-что запомнилось. Родилась она в Гатчине, отец ее был из небогатой дворянской семьи и служил в дворцовой охране, жили они во флигеле императорского дворца. На вопрос о занятии матери она отвечала шепотом - «камер-фрау Ее Величества», и ее морщинистое лицо становилось надменным и значительным. Для меня эти слова звучали таинственно и непонятно, думаю, что для мамы тоже, и с барственной улыбкой Зинаида Николаевна просвещала нас: «Камер-фрау – это придворная дама, прислуживающая при одевании императриц и великих княжон». Служба при Дворе наследовалась, дети слуг рождались и вырастали во дворцах, со временем замещая своих родителей, приступая к работе давали клятву «Живота своего не щадить и молчаливостью тайну содержать», целовали Евангелие и Крест. В выцветших глазах старенькой Зиновии появлялись озорные огоньки, когда она рассказывала о праздниках и забавах, которые организовывала для всех детей Мария Федоровна. На Рождество и Пасху устраивались театральные представления, дети наряжались, получали подарки. Зиновия показывала нам фарфоровое яйцо с буквами «Х.В.», т.е. «Христос Воскресе» - такие Императрица дарила каждому на Пасху. Зимой на прудах Гатчинского парка все катались на коньках, съезжали на санках с высоких ледяных горок, играли в снежки, лепили огромных «болванов» из снега (мы именуем их «бабами» или снеговиками), веселились от души! К Вербному воскресенью все вместе сажали вербу, а летом качались на качелях, играли в мяч, в волан (так называли бадминтон), купались, катались верхом и на велосипедах. С восторгом Зиновия вспоминала «волшебный фонарь» и «туманные картины» - прототип диапроектора (фильмоскопа) для показа диафильмов. Эпоха диафильмов продолжалась долго и ушла в начале 90-х с появлением DVD, компьютеров и прочих чудес цифровой техники. Становится тепло на душе, когда вспоминаю диафильмы со сказками, баснями, детскими книжками, их адаптировали и иллюстрировали на студии «Диафильм» замечательные писатели Л.Кассиль, К.Чуковский, С.Маршак, С.Михалков, В.Бианки, художники В.Сутеев, В.Радлов, Кукрыниксы. Помню, ощущение возвращения в детство, к любимым старым игрушкам, когда в начале 80-х Аркадий принес Леночке настоящий экран и фильмоскоп «Свет», на котором можно было смотреть и диафильмы, и слайды (все это стоит на даче в шкафу и готово работать). Я сразу достала с антресолей круглые пластмассовые коробочки с пожелтевшими бумажными наклейками – «Морозко», «Сестрица Аленушка и братец Иванушка», «По щучьему велению», «Кошкин дом», «Серая шейка», «Золушка» и десятки других. Пленки не испортились за 30 лет, только стали менее яркими. Частенько мы с дочкой отправлялись в Детский мир за новыми диафильмами, продавались они на первом этаже и в таких же коробочках, как во времена моего детства, по 30 копеек за штуку. В отделе висел на стене длиннющий список диафильмов, в котором четко прописывалось, что должны смотреть самые маленькие советские граждане, дошкольники, младшие школьники и т.д. Обучающих диафильмов и слайдов в помощь школьникам и студентам выпускалось всегда множество, и были они лучшим наглядным пособием на лекциях, уроках. Продавались очень интересные наборы слайдов, по ним мы знакомились с памятниками истории, произведениями искусства из музеев мира, ведь в советское время хороших книг было мало, за границу ездили немногие, любители собирали коллекции слайдов по живописи, архитектуре, иконописи, историческим достопримечательностям. Вот я вспоминаю, пишу, смотрю старые фотографии, время идет, все меняется, а фотографии и слайды хранят моменты из прошлого, которые мне очень дороги. Сейчас ксероксы на каждом углу, а в СССР вся множительная техника, даже пишущие машинки были на строгом учете КГБ, чтобы снять копию с любой бумаги требовалось разрешения «первого отдела». Снимались копии на светочувствительную бумагу, говорили «отэрить» или «отсинить» по названию множительной машины «ЭРА», выдававшей копии серо-голубого цвета. Но «Голь на выдумки хитра», в студенческие годы с помощью диапроектора мы копировали всё - чертежи, эскизы, рисунки, и делали это так. Через диапроектор изображение с фотопленки или слайда проектировалось и увеличивалось, но не на экран, а на лист белого ватмана, приколотого к стене, далее изображение обводили карандашом. Такое применение диапроектора мы называли «сдироскопия». Принцип работы диаскопа, диапроектора, фильмоскопа и «волшебного фонаря» один

и тот же. Кстати, в те времена к картинкам на пластинках или пленкам прилагались брошюры, а иногда и ноты, и показ сопровождался чтением вслух и музыкой. Со стеклянных пластин или целлулоидной пленки «Кодак», придуманной американским священником Г.Гудвином в конце XIX века, изображение проецировалось через оптическую систему на белую стену, а иногда на облака дыма или туман (отсюда еще название «туманные картины»). Создавали такой дым и туман дым-машины, нечто подобное – генератор тумана с жидким азотом используют сейчас для спецэффектов. В наши дни продается очень много неотличимого от настоящего, в том числе и дым - туман в баллончике. Но тогда картинки казались движущимися, чудо! В Гатчинском дворце, Зиновия служила форточницей в комнатах Ксении и Ольги – дочерей Александра III и Марии Федоровны. Форточница в императорском дворце – это не как в песне «Форточница Мурка - // Тощая фигурка, // А в глазах – несправедный азарт», это - комнатная прислуга, которая должна вовремя открывать для проветривания и закрывать окна и балконы. Кроме этого в ее обязанности еще входило иногда сопровождать великую княжну Ольгу (Зиновия была на пару лет ее моложе) в поездках и вместе с камеристкой помогать ей одеваться и раздеваться. Охотно рассказывала Зиновия о Марии Федоровне, ее красоте, обаянии, умении владеть собой, живом и активном характере, элегантности. Еще девочкой Зиновия слышала от фрейлин, что в Париже (уже после смерти Александра III в 1894 году), врачи обкололи ее лицо парафином, чтобы разгладить морщины, это надолго сохранило Государыне молодость, лицо ее стали называть «фарфоровым» - оно осталось красивым, но потеряло выразительность, и она почти не улыбалась. Зиновия оказалась в Москве в 20-е годы, прожив несколько лет в Киеве, куда переехала вскоре после начала Первой мировой войны вместе с Марией Федоровной и ее приближенными. Вдовствующей Императрице в то время было уже около 70 лет, но она стояла во главе Российского Общества Красного Креста, занималась организацией госпиталей, санитарных поездов, посещала лазареты, лично помогала раненым и военнопленным. Она возглавляла и сама проверяла работу благотворительных фондов помощи нуждающимся, руководила обществом сестер милосердия, в котором состояли почти все придворные дамы. В Киеве их застала Февральская революция, сообщения из Пскова об отречении Николая II, о переезде его в ставку в Могилев и отправке под арестом в Царское Село. Императрица Мария Федоровна, получив такие известия, немедленно отправилась в ставку к сыну (полтора года он был Верховным Главнокомандующим армии), не предполагая, что их встреча будет последней. Было ли это отречение или свержение царя преступным путем, кем составлен и подписан «Манифест», «он погубил или его погубили», как все было на самом деле остается тайной истории. Императрица вернулась в Киев, власть менялась, большевики отправили ее в Крым со всеми приближенными и родственниками, их держали под домашним арестом, пришлось пить и кофе из жареных желудей, и чай из шиповника. Мария Федоровна сохраняла достоинство, самообладание, силу духа и не позволяла окружающим поддаваться отчаянию. Было много неприятных моментов, но благодаря начальнику охраны – монархисту, который притворился большевиком, никто не был убит. Шел 1918 год, большевистское насилие переросло в «красный террор». И весной 1919 года на линкоре «Мальборо», предоставленном английским королем Эдуардом VII (сыном королевы Виктории и принца Альберта) – мужем ее родной сестры - королевы Александры Датской, Вдовствующую Императрицу со свитой удалось под надзором белых вывести в Лондон. Известно, что Мария Федоровна согласилась уехать из России только при условии, что все, кому угрожала опасность, причем не только ее родственники и друзья, тоже будут эвакуированы, и в распоряжение Императрицы из Великобритании прибыли еще три военных корабля, таким образом, спаслись многие. \*\*\* Первая мировая война (в те годы она называлась «Великая», а в России – «германская» и «Империалистическая»), закончилась после Февральской и Октябрьской революций и заключения Брестского мира. Но внутри нашей страны сразу началась страшная Гражданская война, имевшая Всемирное значение, ведь именно она расколола мир. К сожалению, история ее малоизвестна, и если верить учебникам, она продолжалась до 1923 года. Зиновия решила остаться в Киеве у родственников мужа, надеясь на его возвращение, но чуда не произошло, не поехала она ни в Крым, ни в эмиграцию. На прощание Императрица подарила ей столовый набор – серебряные ложку, вилку, нож в сером замшевом футляре с вензелем «МФ». В 50-е годы, незадолго до своей смерти, Зинаида Николаевна, со словами «Прошу, по возможности, не отдавайте никому», продала его моей бабушке, и до сего времени хранится он у меня, но не помню, чтобы когда-нибудь им пользовались. В Киеве к 1919 году установилась Советская власть, и начался большевистский террор, служивший устрашением людей. Вне закона объявили дворян, помещиков, офицеров, священников, предпринимателей, ученых, врачей. Этих «врагов трудящихся» приговаривали к расстрелу, пытали в отделах ВЧК, расстреливали на месте, убивали даже больных и раненых в лазаретах. О таких «чистках от контрреволюции» писали и газеты того времени. Понятно, в каком страхе находилась Зиновия, недолго проработала она сестрой милосердия в госпитале, и нам рассказывала, как врачи и сестры прятали раненых то от белых, то от красных, то от петлюровцев, не



разделяя их по чинам, званиям, партийности, забинтовывали им лица, чтобы спасти. В городе шли бои, власть менялась. После бегства гетмана П.Скоропадского с немцами в 1918 году родственники мужа, состоявшие в родстве с М.В.Родзянко (председателем Государственной думы, лидером Февральской революции, деятелем белого движения на Юге России), предложили ей уехать с ними в Одессу, а оттуда в Константинополь или на Мальту, но она отказалась. Жалела ли она о том, что осталась в России и почему так поступила, я не знаю. Как она добралась до Москвы, как пережила те голодные годы, годы репрессий, как выжила во время Великой Отечественной войны, она не рассказывала. Жила она уединенно, мало с кем общалась, особого внимания ко мне, какое проявляют обычно к детям одинокие старушки, я не помню, но у меня осталось к ней чувство симпатии и сочувствия. Мне всегда казалось, что она умеет возвращаться в далекие времена, знает много таинственных историй и ищет, кому бы их рассказать, но боится - слишком долго прошлое было запрещено. \*\*\* Рядом с домом тети Розы и Зиновии по сей день стоит дом №27 – это бывшая усадьба Абрама Абрамовича Морозова, во времена моего детства здесь недолго был Дом Пионеров, а теперь институт «Синтезбелок» и мелкие офисы. В Москве сохранилось несколько десятков зданий, построенных Морозовыми. Мы с бабушкой частенько ездили на Спиридоновку в гости и «пулечку расписать» к Г.С.Пастернаку – фотохудожнику ЗиЛ'а, это с его семьей связано появлению у нас Айны, жили они в доходном доме рядом с институтом Африки. На Спиридоновке много чудесных зданий, но мое детское воображение поражал сказочный дом со свирепым львом на крыше – ныне консульство Греции и чудный замок напротив. С советских времен этот особняк С.Т.Морозова, построенный Ф.О.Шехтелем, с панно, витражами и интерьерами М.А.Врубеля, является Домом Приемов МИД РФ, а М.Булгаков увековечил его как «Дом Маргариты». После загадочной смерти С.Т.Морозова этот особняк купил миллионер М.П.Рябушинский – промышленник, банкир, коллекционер, меценат, он финансировал экспедиции академика В.И.Вернадского на Дальний Восток по разработке радиоактивных элементов и нефти. В особняке на Спиридоновке он разместил свою коллекцию картин русских и европейских художников. После Декрета СНК от 5 октября 1918 года о регистрации памятников искусства и старины коллекция Рябушинского стала собственностью государства. Так полотна В.А.Тропинина, В.А.Серова, В.М.Васнецова, Б.М.Кустодиева К.А.Сомова, В.Д.Поленова, Э.Дега, К.Писарро, К.Моне, П.Боккара оказались в Третьяковской галерее, Русском музее, ГМИИ им. А.С.Пушкина и других. А вот еще интересный дом в центре Москвы, связанный с Морозовыми. В начале XX века по инициативе Сергея Ивановича Морозова Ф.О.Шехтелем вдоль стены Китай-города был построен «Боярский Двор», в наши дни его можно было бы назвать пятиэтажным офисно-гостиничным комплексом со складами, магазинами и квартирами на верхних этажах. В 20-е годы там находился Наркомзем, позже – ЦК КПСС, а сейчас – Аппарат Президента РФ. В начале 30-х, во время сталинской реконструкции Москвы Китайгородскую стену разрушили, оставили маленькую часть недалеко от метро «Китай-город». Тогда же Москву лишили многих памятников истории и культуры, «сорока сороков» церквей, монастырей, список преступно уничтоженных зданий существует, и он огромен. Но все же большинство домов Морозовых украшают Москву поныне. Вот особняк Викулы Елисеевича Морозова в Подсосенском переулке недалеко от Курского вокзала (между Покровкой и Земляным валом), оформленный Ф.О.Шехтелем и М.Врубелем, мимо него не пройти равнодушно. В его архитектуре и романский, и древнерусский, и готический стили, парадный вход охраняют силачи-атланты, в центре очень красивая скульптурная композиция высоких окон, ее дополняют ангелы с факелами. Сейчас здесь офисы, а коллекцию русской старины, которую собирал по всей России В.Е. Морозов – фарфор, лубочные картинки, лаковые миниатюры, резные деревянные игрушки, изделия из стекла, серебра, финифть варварски били-ломали латышские стрелки в 1918 году, многое разворовали позже. Кое-что уцелело и находится в Кусково – бывшем имении Шереметевых – потомков знаменитого сподвижника Петра I, фельдмаршала, первого графа России Б.П.Шереметева. Больше ста лет украшает Москву чудо-замок на Воздвиженке (напротив метро Арбатская) - особняк Арсения Абрамовича Морозова – двоюродного племянника Саввы Тимофеевича Морозова. Вид дома необыкновенный, изумляет все – и две башни, увенчанные изящными зубчатыми коронами, и витиеватые колонны, и подковообразные арки с узорами, и стены, украшенные морскими ракушками, цепями, драконами, описать такую красоту невозможно! Прообразом замка А.А.Морозов и архитектор В.А.Мазырин выбрали дворец королей Португалии в городе Синтра. В советское время в этом особняке были посольства Японии, Индии, редакция британской газеты, а с конца 50-х до 90-х - Дом дружбы с народами зарубежных стран. Я побывала в этом особняке пару раз - на фотовыставке, посвященной дружбе и сотрудничеству СССР с соцстранами и просмотре какого-то фильма. Помню великолепный зал, стены которого украшала золотая резьба с орнаментом из фантастических растений и грифонами, двери с вырезанными листьями, огромный расписной камин из белого мрамора с зеркалом. Немыслимой красоты был потолок с головами разных зверей и светильниками в виде рук в рыцарских доспехах. Еще помню деревянную лестницу удивительной красоты, ее охранял человек в темном костюме и со строгим

взглядом. Стенды с фотографиями из жизни стран, вступивших на «путь социализма», стояли в геометрическом порядке на сказочном паркете и, конечно, извращали впечатление. Удалось увидеть еще зал с прозрачным потолком и стенами облицованными малахитом, уральскими самоцветами, мрамором, расписанными римскими сюжетами, в углах стояли позолоченные женские фигуры в обнимку с фавнами. Сейчас в этом особняке Дом приемов Правительства РФ. В начале «лихих 90-х» я недолго поработала в банке в Нижнем Кисловском переулке в отделе международных связей, номера дома не помню, но из его окон был виден двор старинного особняка с красивой чугунной оградой, фонтан, колонны, обрамляющие большие оконные проемы. Парадный вход со стороны Воздвиженки украшал портик с облезлыми грифонами, в этом особняке тоже был банк, и мне посчастливилось там побывать. «Посчастливилось» потому, что я узнала его историю. Принадлежал он Варваре Алексеевне Морозовой – вдове А.А.Морозова, матери Арсения, а также Ивана и Михаила Морозовых, чьи коллекции картин импрессионистов вместе с собранием Сергея Щукина составляют основную часть Галереи Искусств стран Европы и Америки XIX-XX веков ГМИИ имени А.С.Пушкина. Недавно я узнала, что дом В.А.Морозовой на Воздвиженке был первой крупной постройкой замечательного архитектора Р.И.Клейна который и сделал его модным и известным в среде московского старообрядческого купечества. В.А.Морозова – дочь богатейшего текстильного промышленника А.И.Хлудова - собирателя древнерусских рукописей и старопечатных книг, его собрание вошло в фонды Исторического музея. Он вместе с фабрикантом, издателем, собирателем старинных икон, живописи, книг и благотворителем К.Т.Солдатёновым, Щукиными и многими московскими купцами-меценатами внес огромные средства на переезд Румянцевского музея из Петербурга в Москву, в дом П.Е.Пашкова. Таких женщин, как В.А.Морозова называют в наше время «business woman». После смерти мужа она управляла фабриками, издавала литературную газету, финансировала женские курсы, научные лаборатории, школы, в том числе и воскресные, для рабочих, устраивала госпитали для раненых. Она построила первую бесплатную библиотеку-читальню памяти И.С.Тургенева на Сретенском бульваре. Я не раз бывала в уютных залах Тургеневки, но ее разрушили в начале 70-х – помешала прокладке Новокировского проспекта, переименованного в 90-х в проспект академика А.Д.Сахарова, а на месте библиотеки-читальни стоит здание, возведенное как бы из конструктора «Лего», в нем офисы, а на крыше стилизованная нефтяная качалка компании «Лукойл». В.А.Морозова состояла в попечительском совете Московского народного университета А.Л.Шанявского и вкладывала немалые деньги, твердо следуя своему правилу «жертвовать для того, чтобы учить и лечить народ». В начале XX века генерал и золотопромышленник А.Л.Шанявский завещал все свое состояние на создание Университета, открытого с одной целью – получение знаний для всех, кто учиться желает, независимо от пола, возраста (с 16 лет), вероисповедания, политической благонадежности. В Университете Шанявского преподавали известнейшие ученые, профессора и академики: естествоиспытатель К.А.Тимирязев, основоположник гидро-аэродинамики С.А.Чаплыгин, минералог, основатель геохимии А.Е.Ферсман. Хочется назвать прославленные имена наших ученых - академика В.И.Вернадского - естествоиспытателя в области геологии, биологии, радиобиологии (кстати, троюродного брата писателя В.Г.Короленко), философа, психолога, переводчика Г.Г.Шпета, экономиста, социолога, знатока «старой Москвы» А.В.Чаянова и еще многих. Слушателями этого Университета были и Н.В.Тимофеев-Ресовский – знаменитый биолог и генетик, и психолог Л.С.Выготский, и поэты С.А.Есенин, С.А.Клычков, Н.А.Клюев, и историк науки, переводчик, искусствовед В.П.Зубов. Училась в этом Университете и замечательная писательница А.И.Цветаева – дочь историка, археолога, искусствоведа, создателя и директора Музея изящных искусств И.В.Цветаева и сестра поэта М.И.Цветаевой (она, как и А.А.Ахматова, не терпела слово «поэтесса»). В здании Университета Шанявского на Миусской площади, точнее улице Чаянова, в советское время была Высшая Партишкола КПСС, а ныне РГГУ, организованный в 1991 году Ю.Н.Афанасьевым на базе Историко-архивного института. Еще В.А.Морозова принимала участие в создании Клинического городка на Девичьем поле. \*\*\* В 1924 году улица Большая Царицынская (от Зубовского бульвара до Новодевичьего Монастыря) названа Большой Пироговской – в память о знаменитом хирурге Н.И.Пирогове. «Девичка» или «Пироговка» - это «Первый мед» - «alma mater» моей мамы, ее однокурсников, ушедших на фронт зауряд - врачами, не успев сдать госэкзамены, и ставших замечательными специалистами, кандидатами и докторами наук, профессорами. Помню, когда требовалось сложное клиническое исследование или решался вопрос об операции родственников близких и не очень, знакомых и их родственников, мама звонила друзьям-однокурсникам. Не буду всех идеализировать, но не помню ответа, кроме: «Конечно, все сделаю». Рассказы о профессорах и преподавателях «Девички» я с детства воспринимала как историю моей семьи. Самым главным и строгим-престрогим я считала профессора П.А.Герцена. Он требовал, чтобы хирургическая шапочка закрывала лоб до бровей, и под нее убирались волосы, все, до единого, причем не только во время операции, но и при обходе. Ногти нужно было стричь коротко, запрещались, разумеется, маникюр, макияж, серьги и

кольца, а халаты носили длинные, застегнутые наглухо. Гнев профессора был страшен – мог во время операции и пощечину дать, и обидными словами до слез довести, и запустить хирургическим инструментом. Все боялись именитого профессора, учил он жестко, но воспитал высококлассных хирургов и создал в нашей стране прекрасные школы по онкологии, сосудистой хирургии, заболеваниям грудной и брюшной полости, его имя присвоено Московскому НИИ Онкологии, построенного на пожертвования семьи Морозовых. Петр Александрович Герцен – сын известного физиолога, доктора медицины А.А. Герцена и внук революционера-демократа, философа и писателя А.И.Герцена. Помню, как мы в старших классах без всякого удовольствия «проходили» по литературе вершину его художественного творчества «Былое и думы», а по истории должны были знать назубок, что первую русскую революционную газету «Колокол» издавали в Лондоне А.И.Герцен и Н.П.Огарев. И еще они, двенадцатилетние, на Воробьевых горах дали клятву до конца жизни бороться за счастье народа. П.А.Герцен получил прекрасное медицинское образование в Швейцарии и по духовному завещанию деда переехал в 1897 году в Россию, сдал экзамены, чтобы подтвердить свой диплом и начал работать хирургом в Старо-Екатерининской больнице на 3-ей Мещанской – крупнейшей больнице Москвы, ставшей после многих преобразований научно-лечебно-учебным центром МОНИКИ. За полвека до П.А.Герцена в этой больнице работал и был главным врачом знаменитый доктор Ф.П.Гааз. Он имел большую частную практику, консультировал в больницах, богадельнях. И все, что он имел и умел, все свои знания и имущество отдавал беднякам, заключенным, больным, нищим, независимо от их вероисповедания (сам он был католиком). О добром докторе Ф.П.Гаазе мне не раз рассказывала мама и часто повторяла его слова: «Спешите делать добро». В гости к тете Фире в Машков переулок на Покровке мы иногда шли по переулку Мечникова (ему вернули старое название – Малый Казенный) и заходили во двор старинного особняка с вывеской на фасаде «НИИ гигиены детей и подростков». Здесь стоял, и Слава Богу, стоит памятник доктору Гаазу с его любимыми словами «Спешите делать добро». В этом здании находилась Полицейская больница (больница для заключенных), доктор Гааз открыл ее, состоял главным врачом, тут же он жил и умер. Не так давно я прочла замечательную книгу диссидента и правозащитника Льва Копелева «Святой доктор Федор Петрович» о жизни доктора Гааза, там есть чудесные слова – «Спешите делать добро, спешите, потому, что коротка человеческая жизнь, спешите, потому, что многие страдают от болезни, от насилия, от несправедливости, унижений. Спешите, потому, что если не поспешите – одолеет зло и вместе с ним победят в душе человека отчаяние, страх, ненависть, которые, в свою очередь, родят зло. А добро рождает добро». \*\*\* В нашем доме часто бывали мамины друзья, коллеги, однокурсники - выпускники Первого меда. Ныне из однокурсников осталась одна – Наталья Михайловна Степанова – тетя Наташа, ей 96 лет, она сохранила здравый ум, твердую память, и желание показать, что знает не только об открытиях Р.Коха и К.Перке, но все на свете. Много лет она работала главным врачом в Ялте, в туберкулезном диспансере, а в Москву переехала со своей мамой, чтобы жить вместе с дочкой Ирой (младше меня лет на 5), окончившей, как и наши мамы, Первый мед, она кардиолог, доцент кафедры семейной медицины в Учебно-Научном Центре УД Президента. Мама тети Наташи, Мария Николаевна, прожила 104 года, из них 70 лет работала медицинской сестрой в лазаретах, клиниках, санаториях Ялты, ставшей, благодаря целебному климату, в начале XX века известным городом-курортом, «столицей лечения чахотки». Здесь имели дачи, гостиницы, санатории, дворцы члены императорской семьи, представители российской знати, промышленники, купцы, сюда, на южный берег Крыма, многие из них приехали, надеясь переждать революцию 1917 года. После отступления белых в 1920 году, большевики проводили массовые казни пленных, и не успевших уехать, и тех, кого они просто подозревали в нелояльности новой власти, о «красном терроре» написано много. Наташа родилась в 1918 году, отец умер за два месяца до ее появления на свет, маму ее не тронули. В эти страшные годы голода и безработицы чахотка не щадила никого, вскоре Ялту объявили советским курортом, а в бывших дворцах открыли санатории для рабочих и крестьян. Наташина мама, как тогда говорили, «получила место» медсестры в Мухалатке (в переводе с греческого – Михайловке). Здесь сразу после революции в роскошном дворце известного купца, первого российского нефтепромышленника, владельца железных дорог, пароходов, банков, мецената В.А.Кокорева, открылся санаторий для советской политической элиты. В далекой юности, получая на уроках химии сведения о переработке нефти, я и представить не могла, что это по заказу В.А.Кокорева, чтобы поправить дела на нефтеперегонном заводе в Баку, Д.И.Менделеев придумал современную непрерывную перегонку нефти, нефтяные трубопроводы, специальные морские танкеры для перевозки нефти и газа, исследовал нефть, как важнейшее химическое сырье, предвещая ее значение в будущем. Интересно, что Кокорев торговал не сырой нефтью со своих нефтепромыслов, что принесло бы быстрое обогащение, а продавал, производимый на его заводах по дорогой цене керосин, необходимый для керосиновых ламп, которые с появлением керосина миглом вытеснили свечи и масляные светильники. Керосиновыми лампами до появления «электрической свечи» освещали всё - дома, вокзалы, улицы.

Они до сих пор нужны, полезны, удобны, украшают наши дома, приносят в них живой свет и очарование прошлого. На даче у меня есть лампа «Летучая мышь», она не гаснет ни от дождя, ни от ветра, ей лет 70, и, когда выключают свет, я зажигаю ее, хотя у меня есть и электрические фонарики, и аккумуляторный фонарь с люминесцентной лампой в форме «Летучей мыши». Название таким лампам дала немецкая фирма «Fledermaus», производившая керосиновые светильники в конце XIX века. На блошиных рынках еще можно найти чудные ретро лампы - есть очень нарядные – из фарфора, цветного стекла и хрусталя, настольные и подвесные, с зеркалами и абажурами, подставками удивительной формы из бронзы, латуни, уральских самоцветов. А вот незабываемая родственница керосиновой лампы - керосинка с одним, двумя и тремя фитилями. У меня сохранились две керосинки 50-х годов - двух- и трехфитильные, они стоят на чердаке, и, когда я вижу их, вспоминаю, как бабушка говорила строго бабе Фане: «У тебя опять коптит керосинка, подрежь фитили», - а та отвечала: «Ах, оставьте, это «керосин некудышный». Не представляю летнюю дачную кухню моего детства без керосинки, а на ней сковородки с молодой картошечкой и укропом, жареными кабачками, омлетом, пышными оладушками на завтрак, «чудо» в котором баба Фаня пекла нам пироги, пирожки с начинкой, ватрушки, кексы, бисквиты «на шесть яиц» с какао и корицей. «Чудо» - это алюминиевая кастрюля, похожая на бублик с ручками, состоящая из трех частей – подставки, формы и крышки с дырочками. Помню, как баба Фаня смазывала маслом и обсыпала крошкой из сухарей стенки «чуда», затем наполняла его тестом. Чтобы тесто сверху зарумянилось, нужно было открыть дырочки, для этого она накрывала «чудо» полотенцем и ловко поворачивала крышку, а готовность пирогов она проверяла, втыкая в тесто деревянную палочку, затем быстро ее вынимала, если палочка сухая – готово. Все приготовленное на керосинке имело особый вкус. В наш век нанотехнологий давно уж нет керосиновых лавок, но в подмосковных «хозмагах» продаются и керосиновые лампы, и фитили для керосинок, и сам керосин. Как с гордостью говорили до 1917 года: «Лампы привозные, а керосин для них кокорецкий». С нефтепромыслами В.А.Кокорева связаны и разработки В.Г.Шухова, тогда молодой изобретатель, ученый, архитектор руководил строительством первых нефтепроводов в Баку, он же создал установку термического крекинга (высокотемпературной переработки) нефти. В Москве сохранилось много творений В.Г.Шухова – это и радио-телебашня на Шаболовке, и стеклянные своды над ГУМом (Верхними торговыми рядами), Петровским пассажем (Фирсановским), Киевским вокзалом (бывшим Брянским), ГМИИ имени А.С.Пушкина, всего не перечислить. Опять я отвлеклась, итак, став членом профсоюза сестер милосердия, Мария Николаевна Степанова получила комнату в полуподвале дома, в котором жила с мужем до его смерти, а позже купила домик в предместье Ялты. За несколько дней до войны, Наташа, уже студентка последнего курса Первого меда, приехала из Москвы к маме погостить, но пробыла все два с половиной года оккупации Крыма фашистами – до апреля 1944 года. Рассказывала она, как пряталась от немцев и полицаев в кладбищенской церкви, ходила в лохмотьях, притворялась слабоумной, как мама ее помогала священнику крестить евреев - детей и взрослых, выписывала им справки с другими фамилиями, чем спасла многих от гетто и расстрелов. Оккупанты испытывали некоторое доверие к людям, пострадавшим при советской власти, видимо, к ним причисляли и Наташину маму, поэтому взяли ее на работу в медпункт. После освобождения Ялты Наташе удалось уехать в Москву. Мама осталась и очень боялась высылки из Ялты во время «зачисток» НКВД за то, что она, медицинская сестра, не ушла к партизанам, а работала в городском медпункте, но ее взял под защиту командир одного из партизанских отрядов, ее бывший пациент и порядочный человек. Он и его заместители подтвердили, что она, рискуя быть схваченной фашистами, передавала партизанам медикаменты и перевязочный материал. Наташина мама скрывала свое дворянское происхождение и все, связанное с мужем, страшилась раскрытия семейных тайн. Угрозой для себя и Наташи она считала даже то, что училась в Петербурге. Еще до Первой мировой войны она окончила медицинские курсы акушеров при Императорской Военно-медицинской академии, вышла замуж за своего дальнего родственника – врача – выпускника Императорской Военно-медицинской академии. Разговоров об отце тетя Наташа избегала. \*\*\* Очень люблю читать, слушать и смотреть фильмы о медицине и врачах, оттого-то, чтобы доставить себе удовольствие, хочу назвать имена выдающихся профессоров Военно-медицинской академии. Это и великий хирург, создатель первого атласа анатомии и эфирного наркоза Н.И.Пирогов, и основатель терапевтической школы С.П.Боткин, и первый в России нобелевский лауреат 1904 года физиолог И.П.Павлов, и выдающийся хирург Н.В.Склифосовский. Мы вольно обращаемся со словами, их искажаем, сокращаем, вот и всем известный НИИ Скорой помощи имени Н.В.Склифосовского называем фамильярно «Склиф». В 1919 году на базе одной из лучших частных больниц Москвы – Шереметевской (до 1917 года ее содержали потомки Н.П.Шереметева – создателя Странноприимного дома), была организована Станция скорой помощи, в 1923 году ее преобразовали в Институт скорой помощи имени Н.В.Склифосовского. Хотя ведущий хирург русской армии, профессор Военно-медицинской академии и Института Усовершенствования врачей в Петербурге, руководитель хирургической клиники и декан медицинского факультета

Московского Университета профессор Н.В.Склифосовский к Институту своего имени прямого отношения не имел. Не перечислить всего, сделанного им для медицины: он заложил основы военно-полевой хирургии и военно-санитарной системы, внедрил антисептику, что позволило делать полостные операции, основал общество русских хирургов, участвовал в создании Клинического городка на Девичьем поле, вместе с Ф.Эрисманом разработал программу гигиенических мероприятий, сделал очень много в хирургии. Однако, Первому Московскому медицинскому институту (теперь академии), хирургическую клинику которого организовал и возглавлял Н.В.Склифосовский, присвоено имя И.М.Сеченова – великого физиолога. А в Москве нет памятника Н.В.Склифосовскому, нет и мемориальной доски на доме – Кузнецкий мост 7, где он жил. Не перестану восхищаться многогранностью дарований наших ученых. Совсем недавно я узнала, что народный эпос «Песнь о Нибелунгах», вдохновивший Р.Вагнера на создание четырех опер, вдохновил и немецкого поэта Ф.Хёббеля написать трилогию «Нибелунги». А профессор Императорской Военно-медицинской академии Н.А.Холодковский, прославившийся своими работами по зоологии и энтомологии, перевел эту замечательную стихотворную трагедию. Еще он переводил Байрона, Шекспира, Шиллера, «Фауста» Гёте, сказки Гауфа. «Вотъенотак» - это словцо своего учителя - замечательного хирурга профессора Е.С. Шахбазяна (студенты называли его «Шах») повторяла моя мама, когда хотела что-то подытожить. \*\*\* Вообще, мне интересно все, что касается «Девички» и я с удовольствием пишу о Морозовых, Хлудовых, Алексеевых, Шелапутиных, на пожертвования которых построено несколько клиник. Причины, по которым богатые люди жертвовали огромные суммы на строительство клиник и больниц, были или грустными – в память об умерших детях и близких, или в знак успешного излечения родственников, и взамен своих деяний просили лишь назвать клинику в их честь. Так на Ходынском поле, на средства купца мецената - просветителя К.Т.Солдатёнова (по его завещанию) вырос целый больничный городок для неимущих, «без различия званий, сословий, религий». Все 15 корпусов больницы Солдатёнова для бедных были оснащены самым передовым по тому времени медицинским оборудованием, работали клиническая и бактериологическая лаборатории, применялись новейшие методы лечения, асептики, анестезия, на кухне использовались электрические хлебoreзки и картофелечистки, это в 1910 году! В больнице работали выдающиеся отечественные профессора и академики – терапевты Ф.А.Готье и М.С.Вовси – главный терапевт советской армии, генерал-майор, академик, хирург В.Н.Розанов – главный врач Кремлевской больницы. Имена этих известных врачей я и сейчас вижу на обложках старых маминых учебников, сохранившихся на даче. Вот цистоскопический атлас главного уролога советской армии А.П.Фрумкина, «Основы частной патанатомии» академика А.И.Абрикосова, кстати, он составил заключение о смерти Ленина, книги по военно-полевой хирургии, травматологии и ортопедии основателя и руководителя ЦИТО академика Н.Н.Приорова. Многих спасали сердечные «капли Вотчала», изготовленные по рецептуре создателя клинической фармакологии Б.Е.Вотчала, а его «Основы клинической фармакологии» - настольная книга не только для терапевтов. Многих из этих выдающихся врачей, а также и других – лучших из лучших специалистов советской и кремлевской медицины арестовали в начале 50-х по сфабрикованному делу врачей. И только в связи со смертью Сталина им удалось избежать расстрела и лагерей. В 1920 больница получила имя С.П.Боткина. К этому времени было организовано Лечебно-санитарное управление Кремля (с 1953 года – Четвертое Главное Управление МЗ СССР), в ведении которого находились Кремлевская больница с отделениями в больнице имени С.П.Боткина, поликлиники на улице Грановского (ныне Романов переулок – в 90-е улице вернули имя владельцев XVIII века бояр Романовых) и Сивцевом Вражке для лечения членов правительства и служащих правительственных учреждений. В Боткинской, в 1921 году профессор В.Н.Розанов делал Сталину операцию аппендицита, а в 1922 году профессора Ю.Борхардт (из Берлина) и В.Н.Розанов, под наблюдением Наркомздрава Н.А.Семашко, удалили Ленину пулю из плеча. В системе Лечсанупра было нормой принимать на работу врачей не по профессиональному уровню, а «по анкетным данным», что часто приводило к неблагоприятным результатам. Помню, с каким сарказмом в советское время говорили, что в Кремлевке «полы паркетные, а врачи анкетные». Больниц, носящих имя прославленного врача, лейб-медика С.П.Боткина, немало, и прославился он многим: изучал и описывал эпидемические и инфекционные заболевания, ввел «Скорбный лист» - учетную карточку больного (историю болезни), дал определение вирусного гепатита А - болезни Боткина. С детства я боялась этой «болезни грязных рук», очень переживала, если съедала где-то что-то сомнительной чистоты, но успокаивала себя словами мамы: «Каждый ребенок должен съесть свою порцию грязи, а то иммунитета не будет». И первые санитарные кареты - прообраз «Скорой помощи» появилась по инициативе С.П.Боткина. В Москве, в 1898 году, А.И.Кузнецова (родственница «Фарфорового короля» М.С.Кузнецова), состоявшая в Правлении Дамского благотворительного общества, финансировала работу станций «Скорой помощи», на ее же деньги были куплены первые две санитарные кареты. В каждой карете находились врач, фельдшер, санитар, а также необходимые медикаменты,

перевязочный материал, инструменты. Пострадавших доставляли на станции «Скорой помощи» при полицейских участках и пожарных депо, а вызвать «Скорую» могли только официальные лица - полицейский, дворник или сторож. \*\*\* Многие из жизни московского купечества оказалось для меня столь интересным и неожиданным, что захотелось поделиться прочитанным. Страсть к искусству и собирательству была почти у всех Морозовых, Третьяковых, Кузнецовых, Мамонтовых, Щукиных, Зиминных, Боткиных, а также у представителей других достойнейших купеческих семейств, и думаю, что не только у меня сложилось впечатление, что все коллекционеры Москвы между собой родственники. Товарищество чайной торговли «Петра Боткина Сыновья» процветало, Боткины занимались благотворительностью, строили храмы, в их дружной семье чувствовались человеколюбие, сострадание, помощь ближнему, трудолюбие, уважение к чужому труду, своему сословию, все братья С.П.Боткина были удивительно талантливы. В.П.Боткин – литературный критик, переводчик, он пользовался авторитетом среди русских писателей, художников, мыслителей, помог открыться таланту Л.Н.Толстого, А.А.Фета, Н.А.Некрасова, дружил с В.Г.Белинским, А.И.Герценом, был знаком с К.Марксом, но критиковал учение о социализме. Опять переключаясь на родственные связи – М.П.Боткина (сестра Боткиных) вышла замуж за известного поэта и переводчика «Фауста» А.А.Фета (Шеншина). Вспоминаю, как моя бабушка пела романсы на стихи А.А.Фета «Сияла ночь, луной был полон сад», «На заре ты меня не буди», и конечно, с детства знакомые строчки – «Я пришел к тебе с приветом// Рассказать, что солнце встало,// Что оно горячим светом// По листам затрепетало». Художником, искусствоведам, специалистом по древностям, меценатом, был М.П.Боткин. 50 лет он собирал свою уникальную коллекцию картин европейских и русских художников, предметы из разных эпох и стран, в коллекции было более ста этюдов к картине «Явление Христа народу» А.А.Иванова – его друга и учителя. Собирательством М.П.Боткин занимался с любовью и страстью, правда, репутацию приобрел небезупречную. Коллекция М.П.Боткина была открыта в его особняке на Васильевском острове в Петербурге для всех желающих. После Октября 1917 имущество М.П.Боткина национализировали, часть коллекции попала в Эрмитаж и Русский музей, многое продали за рубеж, остальное рассеялось по миру. Пожалуй, точнее гениального и загадочного Н.К. Рериха не скажешь: «Творения искусства – вечные странники». Д.П.Боткин одним из первых в России начал собирать картины французских художников середины XIX века (своих современников). Его коллекция предшественников импрессионистов К.Коро, Ж.Дюпре, Ш.Ф.Добиньи, К.Тройона, Ж.Ф.Милле, Т.Руссо, Ж.П.Лоранса размещалась в доме на Покровке, значилась в путеводителях и была для всех доступна. Кстати С.И.Щукин (это его знаменитое собрание импрессионистов и постимпрессионистов находится в Эрмитаже и ГМИИ имени А.С.Пушкина) и П.И. Щукин (его коллекция русской старины в Историческом музее) – племянники Боткиных - сыновья Е.П. Боткиной. Коллекция С.С.Щукина находилась в Большом Знаменском переулке, там сейчас резиденция Министра обороны РФ, а П.С.Щукин отдал под музей свой особняк на Малой Грузинской – ныне Биологический музей имени К.Т.Тимирязева. Интересно, что Д.П.Боткин и С.М.Третьяков находились в родстве – их жены Е.С. и С.С.Мазурины происходили из богатого старинного рода и были сестрами. Еще не могу не написать, что Т.К.Мазурина – их внучатая племянница стала женой Ф.П.Рябушинского, а П.М.Третьяков женился на В.Н.Мамонтовой – двоюродной сестре С.И.Мамонтова. Породнился П.М.Третьяков и с Боткиными – две его дочери Александра и Мария вышли замуж за сыновей С.П.Боткина – Сергея – врача-терапевта, профессора, создателя противодифтерийной сыворотки, коллекционера и Александра – врача, изобретателя, путешественника. Третий сын С.П.Боткина Е.С.Боткин - врач, лейб-медик, расстрелян большевиками вместе с семьей Николая II. Еще одна дочь П.М.Третьякова - Вера вышла замуж за пианиста А.И.Зилоти – двоюродного брата С.В.Рахманинова. Так роднились знаменитые люди России. Под влиянием Д.П.Боткина С.М.Третьяков начал покупать картины современных европейских художников, они поныне составляют большую часть всей экспозиции французской живописи Третьяковской галереи, 30 – 80-х годов XIX века, а вот почти вся коллекция из дома Д.П.Боткина после 1917 года бесследно исчезла. В этом «Барбизоне на Покровке», построенном архитектором А.С.Каминским, сейчас офисы и Культурный центр «Покровские ворота». Кстати, Третьяковская галерея, открытая в 1893 году называлась «Московская городская галерея имени Павла и Сергея Михайловичей Третьяковых». О Н.П.Боткине (одном из старших братьев С.П.Боткина) известно немного – почти всю жизнь он путешествовал, общался с выдающимися людьми своего времени, был знатоком искусства, литературы, меценатом, помогал нуждающимся художникам и писателям, находящимся за границей, причем добро делал не напоказ, а зачастую тайно. В Италии он подружился с Н.В.Гоголем, художниками А.А.Ивановым, И.К.Айвазовским, предпринимателем, меценатом, просветителем К.Т.Солдатёновым, который в то время начал собирать коллекцию русской живописи. Н.П.Боткин стал его другом и советчиком в выборе картин, познакомил со многими художниками, кстати, считается, что коллекция К.Т.Солдатёнова на несколько лет старше той, что была собрана П.М.Третьяковым. У К.Т.Солдатёнова в коллекции имелось около трехсот полотен - картины П.Федотова,

В.Перова, В.Тропинина, И.Левитана, эскизы А.Иванова к картине «Явление Христа народу», работы ныне забытого А.А.Рицциони – автора небольших картин, в которых с поразительной точностью он передавал всё - лица, костюмы, мебель. Эта бесценная коллекция картин, икон, книг, журналов была открытым домашним музеем и размещалась в его доме на Мясницкой, очень хлебосольном и гостеприимном, где бывали А.П.Чехов, Л.Н.Толстой, И.С.Тургенев. Свою коллекцию он завещал Румянцевскому музею, на содержание которого сорок лет вкладывал немалые деньги, при условии создания там «Солдатёнковского зала», но волю покойного выполнить не смогли, проволоочки затянулись до революции, музей в 1924 году закрыли, бесценные коллекции распределили по разным музеям. Новой власти сокровища достались легко. Уже в 1920 году создается Гохран РСФСР, куда стекались экспроприированные ценности. Слово-то «экспроприация», какое жуткое, зловещее, а переводится, как грабеж. Для ликвидации разрухи и голода Советская власть национализировала и продавала за границу церковные и музейные ценности, частные коллекции, точного списка того, что разошлось «по миру» мы не узнаем никогда. В 1918 году особняк К.Т.Солдатёнкова передали детскому санаторию Наркомздрава, коллекцию по декрету о государственных и музейных ценностях реквизируют, это значит «экспроприировали», малая часть попала в музеи, судьба большей части коллекции неизвестна. А вот дому К.Т. Солдатёнкова суждено было стать во время Великой отечественной войны Ставкой Верховного Главнокомандующего, а затем Приемной министра обороны СССР. С этим домом соседствовало здание штаба МО ПВО и поликлиника при нем, в которой работала моя мама, еще к дому примыкал одноэтажный флигель, говорили, что в нем жил маршал Л.А.Говоров – Главнокомандующий войсками ПВО СССР в середине 50-х. Интересно, что и после смерти жизненные пути могут пересекаться самым неожиданным образом, так в 1920 году больницу имени К.Т.Солдатёнкова, основанную на его деньги, переименовали в Боткинскую и перед входом поставили памятник знаменитому терапевту С.П.Боткину. Кстати, его старший брат - Н.П.Боткин был близким другом и сподвижником К.Т.Солдатёнкова. Заслуги С.П.Боткина - создателя научной клинической школы, академика, первого русского лейб-медика огромны, но все-таки главным местом его научной и педагогической работы была Военно-медицинская академия в Петербурге. Памятная доска Солдатёнкову в Боткинской тоже есть, очень скромная, ее сразу не найдешь, установлена она в начале 90-х на стене административного корпуса больницы. Имя Солдатёнкова вспоминают редко, а ведь на его деньги было построено несколько богаделен «для жителей Москвы и заезжих всех сословий и исповеданий». В здании одной из них, недалеко от моего дома - на Мещанской улице, с незапамятных времен детский сад, к сожалению, при подготовке к Олимпиаде-80 снесли его дивное крыльцо с чугунным кружевным навесом и колоннами. На Донской улице находилось ремесленное училище имени Солдатёнкова, где бесплатно обучали «техническим ремеслам», до 90-х здесь был Райком КПСС Октябрьского района, а сейчас какой-то лицей. С сыном основателя русской актерской школы М.С.Щепкиным (другом А.С.Пушкина, А.Н.Островского, Н.В.Гоголя, И.С.Тургенева) – Н.М.Щепкиным – книгоиздателем и общественным деятелем К.Т.Солдатёнков организовал издательство и открыл книжный магазин почти напротив Сретенского монастыря, на Большой Лубянке, ставший центром культурной жизни Москвы. Лучшие произведения отечественной и мировой литературы с маркой «Издание К.Солдатёнкова и Н.Щепкина» продавались по ценам, доступным даже бедным. Издавались сочинения В.О.Ключевского, В.Белинского, Н.Чернышевского, А.В.Кольцова, С.Я.Надсона, Н.А.Некрасова, И.С.Тургенева, «Народные русские сказки» А.Н.Афанасьева, книги по всеобщей истории, Римской истории, географии. К.Т.Солдатёнков строил школы, богадельни, переводил немалые деньги И.М.Цветаеву для создаваемого тогда Музея изящных искусств, всего сделанного им не перечислить. Да, немало было в России достойных людей. Как хорошо сказал персидский поэт Саади: «Никто не вечен в мире, все уйдет, но вечно имя доброе живет». Известно, многие российские предприниматели прославились как коллекционеры и меценаты, и богатством они щедро делились со своим народом. Их девиз – «Благо Отечества – наше благо». \*\*\* Хочется вернуться на Девичье поле, в Первый мед, любимый моей мамой всем сердцем, в его клиники, история которых началась больше двух веков назад на Рождественке, в здании, где с 30-х годов находится МАРХИ. Из того, что я узнала о дореволюционном российском здравоохранении, очевидно, что благотворительность являлась основным источником его развития, и строительство новых клиник на Девичьем Поле это подтверждает. Проект этого лечебно-учебно-научного университетского клинического городка создавался знаменитым хирургом, профессором университета Н.В.Склифосовским и архитектором К.М.Быковским, а профессора давали предложения по устройству и оснащению клиник, которыми они руководили. Первыми были открыты в Божениновском переулке две клиники - психиатрическая клиника имени А.А.Морозова на средства его вдовы В.А.Морозовой (Хлудовой) и клиника нервных болезней, по инициативе профессора А.Я.Кожевникова – создателя научной школы невропатологов. Ныне Божениновский переулок называется улицей Россолимо, в память о замечательном невропатологе Г.И.Россолимо, однокурснике А.П.Чехова. Это он придумал измерять силу кисти руки динамометром,

а также разработал для первых летчиков Красной армии методы обследования, которые применяют и сейчас в космической медицине. Клиника примыкала к усадьбе Л.Н.Толстого в Большом Хамовническом переулке (улице Льва Толстого). Известно, что великий русский писатель относился к медицине критично, однако, часто посещал больницу, общался с больными и медперсоналом, он интересовался душевными болезнями, и во многих своих произведениях их описывал. С 30-х годов клиника носит имя профессора С.С.Корсакова - основателя научной школы психиатрии, кстати, лечившего А.А.Морозова. Успешное лечение алкоголизма и шизофрении принесло С.С.Корсакову мировую известность, многие знаменитости и первые лица Российской империи, страдавшие этими недугами, считали его своим спасителем. Перед психиатрической клиникой есть памятник С.С.Корсакову с надписью – «Профессор С.С.Корсаков – ученый, мыслитель, психиатр, гуманист», а на фасаде неврологической клиники имени А.Я.Кожевникова, под карнизом можно прочитать слова со старой орфографией - «Клиника нервныхъ болезней», но имя А.А.Морозова, к сожалению, не сохранили. Учениками С.С.Корсакова были и основатель судебной психиатрии В.П.Сербский, и автор учения о типах психопатий П.Б.Ганнушкин, и известный психиатр П.П.Кащенко. Именем П.П.Кащенко называлась московская психбольница №1, она же «Канатчикова дача», увековеченная В.Высоцким в «Письме в редакцию «Очевидное-невероятное» из сумасшедшего дома»: «Дорогая передача, // Во субботу, чуть не плача, // Вся Канатчикова дача // К телевизору рвалась.» Туда же М.А.Булгаков поместил поэта Ивана Бездомного из «Мастера и Маргариты» после гибели редактора МАССОЛИТа Берлиоза. В 90-е ей по праву вернули имя Н.А.Алексеева – городского головы Москвы, кстати, двоюродного брата К.С.Станиславского, по инициативе и на деньги которого была открыта больница. При Н.А.Алексееве в Москве построили и Исторический музей, и здание Городской думы, ставшее Центральным музеем Ленина (оно сейчас на реконструкции), и водопровод, и канализацию, всего не перечислить. Имя В.П.Сербского, носит пресловутый Центр социальной и судебной медицины, открытый уже после смерти профессора в Кропоткинском переулке, в невысоком здании за бетонным забором с колючей проволокой, скрытом 25-этажным белым «домом-трамваем» на Смоленском бульваре. Немало тайн хранится в его палатах-камерах и сейфах. В советское время психиатрия контролировалась КГБ, психически невменяемыми признавались неугодные советской власти диссиденты и политзаключенные, ломали их и физически, и морально. В конце 50-х Н.С.Хрущев заявил – «У нас политзаключенных нет, есть лишь уголовники и сумасшедшие». Упрятать человека в психиатрическую больницу в России при желании не слишком сложно и сейчас, а вот выйти из нее практически невозможно. Не могу не процитировать шуточную песню В.Высоцкого на эту тему: «Здесь не камера – палата, // Здесь не нары, а скамья, // Не подследственный, ребята, // А исследуемый я! // И хотя я весь в недугах, // Мне не страшно почему-то // Подмахну давай, не глядя, милицейский протокол! ... В положении моем // Лишь чудак права качает, // Доктор, если осерчает, // То упрячет в желтый дом». Отношение к психиатрии во всем мире неоднозначное. Недавно я прочла об институте имени В.П.Сербского - «главной лаборатории бесконтрольных экспериментов» в книге «Институт дураков» В.Некипелова – политзаключенного 70-х, прошедшего там экспертизу. Свою книгу он назвал посильным вкладом в борьбу с произволом и насилием и посвятил «Всем советским инакомыслящим, ставшим жертвами психологических репрессий, сегодняшним и вчерашним узникам специальных психбольниц». К сожалению, и в наши просвещенные дни эта книга не устарела. \*\*\* Клинический городок на Девичьем поле строился быстро. Московские купцы Морозовы, Хлудовы, Алексеевы, Ю.Н.Базанова, П.Г.Шелапутин, Г.Г.Солодовников и многие другие вкладывали деньги в развитие медицинской науки и практики. Вслед за психиатрической клиникой открылись клиники акушерства, гинекологии и детских болезней, к сожалению, их фасады перестроили еще в конце 30-х годов, придав клиникам монументальный сталинский стиль. Клинику акушерства построили на средства помещицы Е.В.Пасхаловой, ее возглавлял профессор А.М.Макеев. Клиникой гинекологии, созданной на деньги Т.С.Морозова (отца С.Т.Морозова), руководил профессор В.Ф.Снегирев, он же возглавлял Гинекологический институт усовершенствования врачей, выстроенный специально для него П.Г.Шелапутиным – известным промышленником, владельцем многих хлопкопрядильных мануфактур, в том числе и в Балашихе, благотворителем, меценатом. Ныне в здании Гинекологического института усовершенствования врачей Институт по изысканию новых антибиотиков имени Г.Ф.Гаузе, создавшего в 1942 году первый советский антибиотик – грамицидин. Я уже писала, что тетя Эсфирь летом 1914 года приехала из Женевы с дипломом врача и ученой степенью доктора медицины по гинекологии. Подтвердив свой диплом в Казанском университете, она вернулась в Москву, а в августе Германия объявила войну России - началась первая мировая война, государственные границы закрылись, многие думали, что ненадолго. Эсфирь отправилась в клинику знаменитого профессора В.Ф.Снегирева. Она не раз рассказывала, как приехала в клинику рано утром, так как знала, что профессор любил порядок и обход начинался в шесть утра. В.Ф.Снегирев был очень благожелателен, спросил о коллегах-профессорах, у которых училась Эсфирь в Женеве и



Милане, и сразу устроил проверку знаний. Если не ошибаюсь, нужно было диагностировать роженицу со сложной патологией положения плода. Профессор остался доволен ее ответами и предложил стать его ассистентом. Меньше, чем через год, он рекомендовал Российскому обществу Красного Креста поручить Эсфири организацию и руководство военным госпиталем, основанным на территории Спасо-Вифанского монастыря, под Сергиевым Посадом. В 30-е годы монастырь и госпиталь превратили в Птицекомбинат, а затем в институт птицеводства. Совсем недавно я побывала в Черниговском скиту – древней православной святыне на окраине Сергиева-Посада, по дороге я увидела указатель «Вифания». Я представила лазарет, где 24-летняя тетя Эсфирь выполняла обязанности главного врача и вела несколько отделений – хирургическое, акушерско-гинекологическое, терапевтическое, наблюдала за заразным баракком. Она рассказывала, что открыть лазарет удалось за месяц. Благодаря патриотическому подъему, охватившему всю Россию, пожертвования сыпались, как из рога изобилия, раненые еще не поступили в госпиталь, а для них уже привозили продукты, папиросы, белье. Госпитали открывались и на территориях монастырей, и в фабричных больницах, и в усадьбах, и в зданиях гимназий. Кстати сказать, владельцы фабрик, при которых учреждались госпитали, обеспечивали раненых питанием, больничной одеждой, медикаментами. За советами и поддержкой Эсфирь приезжала к своему профессору, он тогда руководил Гинекологическим институтом усовершенствования врачей и, хотя был уже не молод, много оперировал. Гинекологии он посвятил более 50 лет своей жизни, его научные труды и методы проведения операций используются до сих пор. Благодаря В.Ф.Снегиреву гинекология из дополнения к учению по акушерству и детским болезням стала самостоятельной наукой. Профессор В.Ф.Снегирев всегда защищал права женщин-врачей, в начале первой мировой войны выступал за феминизацию медицины. К 90-ым годам XIX века он стал влиятельным мировым ученым и преодолел консерватизм того времени, первым в Москве принял в свою клинику женщин-врачей гинекологов. О профессоре В.Ф.Снегиреве я слышала в детстве не раз. Тетя Эсфирь вспоминала, что профессор любил лечить, учить и учиться, рассказывал о своем нелегком детстве, как мечтал стать врачом, как тягостно было ему изучать морское дело в училище юнг в Кронштадте. Но не зря кто-то из древних философов наставлял молодежь: «Мечтайте о великом, лишь великие мечты в силах затронуть людские души». И судьбе было угодно, чтобы на пароходе-фрегате «Смелый», который шел по Балтийскому морю оказался молодой предприниматель П.Г.Шелапутин (с В.Ф.Снегиревым они были ровесниками). Он обратил внимание на отчаяние и грусть молодого матроса, был тронут его историй, и не просто посочувствовал, а поселил в своем доме, дал возможность окончить гимназию, медицинский факультет Московского университета, послал учиться в Европу. П.Г.Шелапутин делал огромные пожертвования на благотворительность, но себе и своим близким не позволял никаких излишеств, дела свои напоказ не выставял. Так сложилось, что его деятельность менее известна, чем Морозовых, Третьяковых, Кузнецовых, Мамонтовых, но роль его в развитии науки, образования, здравоохранения огромна. Даже не перечислить все здания, построенные на его деньги. Назову некоторые из них, которые продолжают служить людям. Вот Учебный комплекс на Девичьем поле (угол Оболенского переулка и Хользунова, до 1939 года Большого Трубецкого переулка) – педагогический институт, гимназия и реальное училище, созданный по проекту Р.И.Клейна, сейчас здесь Военная академия и Главная военная прокуратура. В создании Музея изящных искусств имени Александра III (МГМИИ имени А.С.Пушкина) П.Г.Шелапутин не только участвовал, но и подарил музею для Греческого зала слепки скульптур античного мастера Лисиппа (если верить мифам, любимого художника Александра Македонского). П.Г.Шелапутиным было учреждено Благотворительное общество помощи бедным больным, сиделкам и их семьям, в своем имении в Филях он построил и содержал Покровскую лечебницу. На Большой Калужской (Ленинском проспекте 15), в построенном на его деньги женском ремесленном училище, до 90-х находились кафедры института текстильной и легкой промышленности. Сейчас там какие-то учреждения, управления, офисы. Кстати 4-ый корпус Менделеевки до образования в 20-е МХТИ имени Д.И.Менделеева был Ремесленным училищем для сирот со слесарно-кузнечными и художественными отделениями, а основал, построил (по проекту Р.И.Клейна) и содержал училище П.Г.Шелапутин. Во времена моей юности в этом корпусе находилась кафедра физической химии, корпус мы называли «красный» (покрашен был в рыжий цвет), застекленный переход (со стороны Миусской площади) соединял его через 2-ой этаж с главным корпусом. Тетя Эсфирь вспоминала, что профессор В.Ф.Снегирев называл П.Г.Шелапутина своим покровителем и крёстным, говорил о нем с любовью и уважением. Кстати, Гинекологический институт усовершенствования врачей с новейшим оборудованием, стеклянными потолками над операционными, приемными покоем, научными библиотеками, удобными и экономичными палатами с ваннами, был построен на деньги П.Г.Шелапутина архитектором Р.А.Клейном, для профессора Снегирева, его исследований и разработок. Дом-замок В.Ф.Снегирева с башенками и балкончиками в средневековом стиле, тоже построенный Р.И.Клейном, находился на Плющихе рядом с клиникой. Профессор любил

приглашать в свой дом коллег, был очень радушным, отзывчивым, щедрым, всех встречал приветливой улыбкой, опекал и великодушно помогал многим. Ныне дом в плачевном состоянии, видимо, как многие московские здания, стал объектом махинаций с городской недвижимостью. Хозяева его менялись не часто; до начала 90-х он принадлежал военной разведке, потом вневедомственной охране. Недавно я оказалась на Плющихе и через открытые ворота по замусоренному двору со старыми-старыми липами подошла к полуразрушенному дому-замку, от былой красоты которого ничего не осталось. Но на облупившейся стене висела памятная мраморная доска с барельефом профессора и словами – «Здесь жил и работал основоположник отечественной гинекологии профессор В.Ф.Снегирев». И еще раз в памяти возникли воспоминания о моей любимой двоюродной бабушке Эсфири Борисовне Чарной-Шабад - замечательном враче-гинекологе, бескорыстно отдававшей свои знания, талант, доброту людям. \*\*\* Мне очень нравятся здания, созданные архитектором Р.И.Клейном, конечно, сложно перечислить все. Но вот самые известные - ГМИИ имени А.С.Пушкина, магазин Мюра и Мерилиза (ЦУМ), кинематограф «Колизей» на Чистых прудах, ставший в 70-е театром «Современник», Геологический и Минералогический корпуса МГУ на Моховой (теперь Геологический музей и факультет психологии МГУ). Бородинский мост через Москва-реку, дом В.А.Морозовой на Воздвиженке – это тоже прекрасные творения Р.И.Клейна. По дороге на дачу в Кратово я наслаждаюсь еще одним его детищем – это чудесная церковь Покрова Пресвятой Богородицы в Осеченках на Егорьевском шоссе, возведенная в древнерусском стиле из красного кирпича с белокаменными деталями, до начала 90-х в ней находился склад. Р.А.Клейн был очень модным архитектором в среде купечества, особенно старообрядческого, его заказчиками были Морозовы, Шелапутины, Прохоровы, Коншины. Строили они много, но исторический облик Москвы сохраняли. Р.И.Клейн сделал проект превращения Кремля в музейный городок и вместе с П.Г.Шелапутиным организовал Товарищество восстановления старых московских зданий, к сожалению, осуществить им удалось очень мало. С детства помню сказочный особняк в стиле средневекового замка, построенный Р.И.Клейном для «чайных королей» Высоцких. С начала 30-х в нем находился Дом пионеров «на Стопани», в годы пионерского детства нас в парадной школьной форме приводили сюда на праздники. В 90-е переулку вернули старое имя Огородная Слобода, а комиссара А.М.Стопани - активиста Общества старых большевиков давно забыли. Кажется, я повторяюсь, но, когда слышу имя Высоцких, вспоминаю, как Семен Владимирович (отец Владимира Высоцкого) говорил шепотом, о своем родстве с Высоцкими: «Был в России сахар Бродский, а чай Высоцкий». И еще (совсем тихо), что чайная фирма «Высоцкий» после революции обосновалась на Земле Обетованной, в Тель-Авиве, и он наследник. А мама подшучивала: «Сень, а ты ведь и с Перловыми мог породниться, жил бы не «на первой Мещанской в конце», как Володька поет, а к центру поближе». С.В.Высоцкий любил шутки и присказки, сочинял на ходу продолжения к ним, некоторые вошли в песни В.Высоцкого, например, «На таможне» - «Мир-дружба! Прекратить огонь! - Попер он как на кассу. Козе – баян, попу - гармонь, икону – папуасу». О бесполезном, ненужном много пословиц: «Как корове седло», «Как козе баян», «Как прошлогодний снег», «Как мертвому припарки», «Как собаке пятая нога» и т.д., но люди придумывают новые. Помню, о никчемном, лишнем мама говорила: «Нужен, как щуке зонтик в ясный солнечный день». Любовь к шуткам и острым словечкам сдружила маму и С.В.Высоцкого (в то время полковника войск связи), я уже писала, что они служили в штабе МО ПВО на Кировской 33 (ныне опять Мясницкой), кстати, недалеко от Чайного дома Перловых на Мясницкой 19. Этот дом был построен Р.И.Клейном, но фасад в китайском стиле и интерьер спроектировал его ученик К.К. Гиппиус – талантливый архитектор и зоолог, в довоенные годы - главный строитель и организатор Московского Зоопарка, а до революции – архитектор почти всех домов и усадеб купцов-благотворителей Бахрушиных. Кожевенно-обувное и суконное-ткацкое производство Бахрушиных знали и в России, и за ее пределами. Они, как и многие представители купеческих династий, соединяли свои капиталы, общественную деятельность, труд, меценатство для служения Отечеству. Имя Бахрушиных и сейчас на слуху – это они создали единственный в мире Театральный музей. Первый раз я попала в Бахрушинский музей с мамой, мне было лет восемь, ехали мы из Таганки до Зацепы на трамвае. Тогда я не знала, что здание музея, похожее на готический замок, современники называли «Версаль на Зацепе», построил его К.К.Гиппиус, а в 1913 году А.А.Бахрушин передал всю коллекцию музея Москве. Помню, мне очень понравились макеты театральных залов и декораций, можно было посмотреть, что и как устроено, висели красивые театральные костюмы и вещи знаменитых актеров прошлого, имена некоторых я уже знала. Ф.И.Шаляпина в полуподвале отводился целый зал, где находились его костюмы для ролей Бориса Годунова, Мефистофеля, Дон Кихота, Кочубея, Ивана Сусанина, Мельника, афиши, портреты известных театральных художников, запечатлевших его в этих ролях. Помню, у меня все замерло внутри, когда неожиданно зазвучал голос Ф.И.Шаляпина: «Не плачь дитя! Не плачь напрасно! Твоя слеза на труп безгласный живой росой на упадет... И будешь ты царицей мира, // Подруга вечная моя». Я уже знала от бабушки,

кто такой Шаляпин, но услышала его впервые, мое детское воображение поразили и его голос и слова песни, мама сказала, что это ария Демона из оперы А.Г.Рубинштейна по поэме М.Ю.Лермонтова. Домой мы шли пешком, и мама читала мне «Печальный Демон, дух изгнания, // Летал над грешною землей...», память у нее была феноменальная. Многообразие вещей, собранных А.А.Бахрушиным, изумляет меня и сейчас. Это предметы, принадлежавшие театральным знаменитостям, их автографы, рукописи, фотографии, костюмы, ноты. На стенах портреты актеров и эскизы декораций известных художников - Серова, Головина, Коровина, Кустодиева, Врубеля, Васнецовых, старинные музыкальные инструменты. В музее есть удивительная коллекция вееров из шелка, кожи, бумаги, расписанных историческими сюжетами, орнаментами, цветами, веера с театральными программками, пригласительными билетами. На витринах собраны чудесные театральные сумочки, бинокли, их предшественники «зрительные трубки» и еще много интересного. Знаю, что не следует идеализировать прошлое, но мне кажется, что благотворительность многих состоятельных людей в старой Москве была и велением души, и нормой морали. Перечислить все, созданное на средства Бахрушиных, я не могу. Они содержали приюты для беспризорных детей, родильные дома, больницы, построили на Болотной площади дом бесплатных квартир для вдов с детьми и учащихся девушек. На Софийской набережной по проекту К.Гиппиуса, на деньги Бахрушиных был построен огромный жилой комплекс для бедных с видом на Кремль, с домовым храмом св. Николая, нарядным парадным подъездом, детским садом, столовой, ремесленным училищем, школой, сейчас это здание компании «Роснефть». Больницу для неизлечимых больных, наподобие хосписа, Бахрушины открыли в Сокольниках. Больница эта с 20-х годов носит имя знаменитого врача-терапевта А.А.Остроумова (домашнего врача Бахрушиных) – профессора терапевтической клиники Московского университета, его именем названа и госпитальная терапевтическая клиника на Пироговке, где он работал. А мемориальной доски в память о Бахрушиных не было, и нет. Из зданий, построенных Р.И.Клейном и его учениками можно создать прекрасный город. Архитекторы И.И.Перберг, Г.В.Бархин, П.А.Заруцкий, художники-декораторы И.И.Нивинский, А.Я.Головин и, конечно, гений инженерной мысли В.Г.Шухов были участниками многих проектов Р.И.Клейна. Кстати И.И.Перберг – автор проекта Киевского вокзала (до 1934 года – Брянского) и привокзальной площади. По его проекту построены Центральный телеграф на Тверской, клиника для лечения злокачественных опухолей имени Морозовых на Малой Пироговской (ныне институт тропической медицины имени Е.И.Марциновского), дома дешевых квартир на 2-ой Мещенской (с середины 60-х - улице Гиляровского) и еще много зданий, украсивших Москву. А художник И.И.Нивинский не только расписал стены и плафон Киевского вокзала и оформил его интерьеры, он сделал декоративную отделку почти всех залов ГМИИ А.С.Пушкина (до революции Музея изящных искусств имени Александра III), а также траурного зала Мавзолея Ленина. Нереально перечислить все постройки, изобретения и усовершенствования В.Г.Шухова, его идеи и проекты в развитии инженерной мысли не имеют себе равных. Для нас самый известный его проект - радио-телебашня на Шаболовке, считается, что в 20-е годы она вдохновила А.Н.Толстого на создание романа «Гиперболоид инженера Гарина», долгие годы она была символом советского телевидения, заставкой любимого «Голубого огонька». Еще в конце XIX века В.Г.Шухов придумал паровые водотрубные котлы, нефтяные насосы, нефтепроводы и танкеры, крекинг нефти (патент 1891 года!) для получения бензинов, углеводородных газов, нефтяных масел и т.д. Проекты Шухова это и мосты, и маяки, и депо и даже вращающаяся сцена МХАТа, и конечно, сетчатые металлостеклянные крыши без стропил над ГМИИ имени А.С.Пушкина, магазином «Мюр и Мерилиз», Петровским пассажем, рестораном «Метрополь», Московским почтамтом, непревзойденный дебаркадер Киевского вокзала. К сожалению, сегодня подлинные «шуховские» крыши в Москве сохранились только в ГУМе, ГМИИ имени А.С.Пушкина и в главном корпусе МГПУ (до 1918 года – Высших женских курсов, после 90-х МГПИ имени Ленина). Не могу отказать себе в удовольствии еще написать о Р.И.Клейне. Я часто прохожу мимо нарядного дома № 5 на проспекте Мира (бывшей первой Мещанской) с изящными балконами (к сожалению, некоторые из них не так давно остеклили) и разными на каждом этаже лепными наличниками, его для купцов Перловых тоже строил Р.И.Клейн. На первом этаже был фирменный магазин китайского чая, во дворе - чаеразвесочная фабрика, контора, склад, разные службы, сейчас эти здания занимают банки, офисы, а в доме ныне находится Управа нашего Мещанского района. Нередко домом Перловых называют соседний дом №3, построенный архитектором В.П.Загорским, он же проектировал Московскую консерваторию. Это один из первых доходных домов в Москве, на его замечательном фронте виден год постройки – 1893, а роскошный, торжественный фасад этого дома с карнизом, скульптурами, кариатидами, узорами в стиле барокко сделаны С.Т.Коненковым. С незапамятных времен и до наших дней, степень состоятельности людей была разной, разными были и квартиры. В школьные годы я бывала в этом доме у своих одноклассников. Если войти в подъезд со стороны проспекта Мира (бывшей 1-ой Мещанской), то оказываешься в подъезде, напоминающем наш подъезд в Таганке – мраморные лестницы с пологими ступенями, лепнины, лифт. После революции квартиры стали

«коммуналками», сейчас их занимают офисы, уже очень давно все выглядит убого и неприветливо. Входишь со стороны двора-колодца – все значительно скромнее – украшений нет, двери низкие, ступени высокие, и квартиры маленькие, темноватые, такие до революции называли «меблирашками». Этот доходный дом принадлежал купцам Фирсановым – известным лесоторговцам, строителям и благотворителям. Бабушка моей одноклассницы Нины Бирюковой (с ее слов племянницы П.И.Бирюкова – писателя и друга Л.Н.Толстого, составителя его биографии), жила в этом доме с детства, а родилась она незадолго до начала XX века. Ее родители были в дружеских отношениях с хозяйкой дома В.И.Фирсановой – женщиной удивительной. Очень красивая, эффектная, утонченная, изысканная, окруженная поклонниками, прекрасно образованная, увлеченная музыкой и театром, она достойно продолжала дело отца и крепко держала в своих руках строительный бизнес, который и в наши дни имеет «мужское лицо». В.И.Фирсанова руководила строительством «Фирсановского» пассажа на Петровских линиях и владела множеством размещенных там торговых павильонов. После национализации в 1918 году пассаж стал называться «Петровским» (две его галереи соединяли Петровку и Неглинку), и долго являлся средоточием учреждений пролетарской культуры – в нем были клубы Госбанка и Милиции, выставка ВСНХ, аукцион, увековеченный И.Ильфом и Е.Петровым в «Двенадцати стульях», а также швейная фабрика белья для Красной Армии. И еще тогда, в школьные годы, от бабушки Нины Бирюковой я узнала, что ее родители и родные В.И.Фирсановой, последней хозяйки «Сандуновских бань», после революции оказались соседями по коммунальной квартире до отъезда В.И.Фирсановой в Париж при помощи ее бывших «подопечных» – Ф.И.Шаляпина и С.В.Рахманинова. Кстати, дочь С.В.Рахманинова вышла замуж за внука В.И.Фирсановой. Легендарные бани носят имя своего основателя – знаменитого московского актера-комика С.Н.Сандунова (грузинского князя Силована Зандукели), служившего еще при дворе Екатерины II в Петровском театре, который стоял на месте Большого театра. «Сандуны» сменили много хозяев, но своей славой обязаны В.И.Фирсановой. Она построила не просто бани, а «банный дворец» с отделениями мужскими и женскими, для высшего общества, среднего и простолюдинов, но во всех отделениях была идеальная чистота, современное техническое оснащение. До сих пор поражают своим великолепием остатки былой роскоши – дивные люстры, удивительной красоты потолки, мозаичные узоры в разных стилях из метлахской плитки на полах, в некоторых залах чудом сохранились картины с банными сценами и замечательная живопись на стенах по банной тематике Древней Греции, Рима, стран Древнего Востока. «Сандуны» имели свою артезианскую скважину и водопровод, собственную электростанцию, кстати, первую в Москве и самый большой бассейн, тоже первый в дореволюционной Москве. Баба Фаня водила нас в этот бассейн учиться плавать, вход туда был отдельный, а в душе надевали купальные костюмы и резиновые шапочки. Помню, меня очень удивляла статуя салютующего пионера, в украшенном колоннами и скульптурами зале, исчезла она еще в советское время. В.И.Фирсанова превратила бани в центр делового и культурного общения, помимо бань там разместились гостиница, квартиры (жильцами в них были А.П.Чехов, К.С.Станиславский, С.В.Рахманинов), конторы, рестораны, буфеты, магазины, библиотека, Музей гигиены и санитарной техники Императорского технического училища (ныне МГТУ им.Н.Э.Баумана), зоомагазин. На втором этаже (до начала 2000-х) находился магазин «Ноты» с «бесплатной читальней нот» музыкального издателя П.И.Юргенсона – друга П.И.Чайковского и Н.Г.Рубинштейна, кто только не был в этом знаменитом «нотном на Неглинке» более чем за сто лет! До наших дней сохранился корпус «Сандунов» на Неглинной, построенный архитектором Б.В.Фрейденбергом с фасадом, украшенным удивительной лепниной и воротами с полукруглой аркой, увенчанной скульптурами плывущих по волнам коней, на спинах которых мужчина, трубящий в рог и женщина с лирой. Над воротами часы, под ними римские цифры MDCCCXV - 1895 – год постройки этого корпуса. Великолепная проходная арка со скульптурами Амура и Психеи, львов, ангелов, в советское время покрашенными почему-то в черный цвет, вела к парадному входу в самые дорогие – «номерные бани» «Сандунов», каждый номер имел свою парилку, ванную комнату с мраморной ванной, свой душ и кабинет для отдыха. В этом здании долго находилась наша поликлиника Дзержинского района №13 имени Моссовета. В конце 90-х скульптуры и лепнины проходной арки, поврежденные временем и неучтывым отношением, отреставрировали, превратили в дорогой ресторан, в «номерных банях», сейчас находится «ВТБ» Банк. За многие годы существования бань в них побывали А.П.Чехов, И.А.Бунин, Ф.И.Шаляпин, С.В.Рахманинов, В.А.Гиляровский, С.Эйзенштейн, В.В.Маяковский всех знаменитостей не перечислить. Сейчас в «Сандуны» водят экскурсии посмотреть на сохранившиеся интерьеры, для многих заморских гостей столицы «Сандуны» входят в программу посещения таких достопримечательностей, как Красная площадь, Воробьевы горы, Большой театр, бани с русским чаепитием оставляют неизгладимое впечатление. Да, отвлеклась я очередной раз. Итак, благодаря Перловым, Боткиным, Высоцким чай стал популярным напитком в России. Мне не трудно представить, как в большом гостеприимном доме моего прадедушки, купца первой гильдии Бориса Ильича Чарного и моей прабабушки Фриды Соломоновны, на

чаепитие за большим дубовым столом, накрытым белой «березинской» скатертью, собиралась вся семья и гости. Рядом с прабабушкой самоварный столик, на нем красовался самовар на латунном подносе формы «замочная скважина». Под краном («носителем» самовара) – полоскательница (это латунная чаша на подставке, она еще называлась «капельник»), ее ставили, чтобы вода не капала на поднос, также в нее сливали первую заварку из заварочного чайника и остаток заварки из чашек. Прадедущка и гости – мужчины пили чай из стаканов резного стекла в серебряных подстаканниках, женщины и дети – из чашек. На столе сладости, варенье, пирожки, баранки, сахар. В сахарнице лежали серебряные щипцы – захватки, чтобы доставать кусочки сахара, их кололи стальными щипчиками – кусачками. Сейчас в магазинах русских сувениров продаются предметы, связанные с чаепитием – самовары, подстаканники, «чайные бабы» - это такие забавные грелки-покрывальца из ваты и ткани на заварочные чайники в виде петухов, птиц, кукол – «матрешек», с печалью смотрю на этот «китч», но видимо и это кому-то нужно. На моей кухне уже много-много лет живут и самовары, и самоварный столик, и поднос, и полоскательница, и кусачки для сахара, они соединяют меня с далеким и таким близким прошлым моей семьи. Щипчики для сахара бывают и строгой классической формы и затейливые - с чеканкой, гравировкой, филигранью, чернением, эмалью, они и сейчас украшают буфеты в почтенных семействах. Помню, у нас всегда был колотый сахар в виде больших кусков разной формы, был он очень крепкий и растворялся медленно, бабушка любила пить с ним чай, покупали его в «Чаеуправлении» на Кировской. Мне очень нравилось смотреть, как бабушка брала в руки большой кусок сахара, похожий на белый айсберг из книжки о жизни белых медвежат на Северном полюсе, и щипчиками-кусачками, как ледоколом, откалывала от него маленькие кусочки - льдинки, причудливой формы. В 20-е годы, Чайный дом Перловых на Мясницкой 19 (после революции улица именовалась Первомайской, а с 1935 года до начала 90-х - Кировской) получил название «Чаеуправление». Во времена моего детства москвичи продолжали называть его по-довоенному – «Чаеуправление», а на фасаде с башенкой в виде китайской пагоды, с драконами, змеями, веерами красовались слова «Чай», «Сахар», «Кофе», «Шоколад», «Какао», «Фрукты», стилизованные под иероглифы. Все поражало мое детское воображение, я входила туда, как в мир волшебных китайских сказок. Архитектура в китайском стиле, яркие лепные потолки с узорами, фантастическими птичками, животными, цветами, позолоченные деревянные прилавки, остекленные встроенные шкафчики, стены с затейливыми орнаментами, восточные фонарики, колокольчики, громадные фарфоровые вазы с драконами. У тяжелых, как мне тогда казалось, резных деревянных дверей с расписными стеклами и фигурными ручками из латуни стояли две раскрашенные фигуры китайцев, они приглашали в сладкое восточное великолепие. Кстати, здесь всегда продавалось наше российское национальное лакомство – клюква в сахаре. «Чайный Дом» никогда не менял своего предназначения. Несколько лет он не работал, совсем недавно был открыт, но в первоизданном виде не возродился, как говорят, «похоже, да не одно и то же» – очень уж заметен «пластиковый новодел», исчезли знаменитые вазы с драконами и деревянные китайцы. Душа грустит по прошлому. К счастью, и сейчас в магазине стоит тот же аромат молотого кофе, и это особое благоухание уводит в «прекрасное Далекое». Конечно, я не знала разницы между Арабикой и Робустой, видами и сортами кофе, я слабый знаток и ценитель этого замечательного напитка. Мы покупали кофе в зернах с загадочными названиями – бразильский «Арабика» и «Сантос», эфиопский «Мокко», индонезийский «Ява», пожалуй, и не помню больше, сортов было не так много, это теперь читаем названия сортов кофе и чая, как географический атлас. Что на самом деле продавали определить трудно. Отдел кофе в «Чаеуправлении» был справа, на полках, у стены стояли мешки с зернами кофе, в них были таблички с названиями и ценой - 45 рублей за 1 кг. Большущие стеклянные банки с разными сортами кофе стояли на прилавке, а рядом с ними ворчали-рычали кофемолки – работать им приходилось беспрерывно, очереди в магазине были всегда. Бабушка любила покупать кофе в зернах и молоть его дома. У нас были две ручные мельницы для кофе - одна деревянная, в форме сундучка с медной чашечкой (бункером) для зерен и витиеватой ручкой наверху, выдвигающимся ящичком внизу, и винтом под доньшком. Внутри сундучка были керамические жернова, один неподвижный, а другой вращался ручкой, расстояние между ними регулировалось винтом – чем сильнее закручивали винт, тем труднее было крутить, но помол получался тоньше. Я очень любила крутить ручку и вынимать ящичек, куда ссыпался молотый кофе. Вторая мельница была похожа на чугунную мясорубку с желтоватым эмалированным покрытием внутри, винтом на ручке и лоточком, под который ставили чашечку, из нее молотый кофе пересыпали в цветастый кофейник китайского производства «Дружба», наливали воду, ставили на плиту и варили до появления кофейной пены. Крепилась эта кофемолка к столу струбчинкой, перемолоть в ней можно было все в тонкодисперсный порошок и орехи, и специи, и крупы, и коренья, и аптечные сухие травы. Электрическими кофемолками в Москве стали пользоваться с 60-х, они выпускались «ЗММ» и «МИКМА», помол кофе в них получался вполне нормальный. Не думаю, что бабушка хорошо разбирались в сортах кофе, однако, часто говорила, что раньше кофе имел другой вкус. Интересно, что

воспоминания большинства людей схожи в одном – деревья были выше, люди лучше, а продукты – вкуснее. Мама любила растворимый кофе, он появился в начале 70-х, продавали его, точнее «доставали», т.к. он был дефицитом, в 200-граммовых жестяных банках, на них красными буквами на черном фоне было написано «кофе натуральный растворимый». На банках кофе изображался знак качества – пятиугольник (звезда) с буквами СССР и перевернутой «К». Этим знаком маркировали товары высокого качества, выпускаемые советскими предприятиями. А самым престижным был индийский растворимый кофе в банках коричневатого цвета с надписью красным – «Indian instant coffee», в обычные магазины он не поступал, его тоже «доставали» по большому благу. В магазинах «Березка» - воплощенной мечте о коммунистическом изобилии, имея чеки Внешпосылторга с синей полосой, желтой полосой, а лучше бесполосные, покупали швейцарский растворимый кофе «Nestle» и многое другое. Такой кофе вместе с конфетами «Ассорти» в больших подарочных коробках «Три богатыря», «Москва», «Русская зима», «Вишня в шоколаде» и др. мама называла дарами от благодарных больных и щедро делилась ими с родственниками и знакомыми. Коробки из-под конфет в советское время не просто коробки, а красота, выкидывали их не сразу, а использовали для хранения всяких мелочей – ниток, карандашей, фантиков, иголочек-булавочек, винтиков-гвоздиков. Происхождение слова «кофе», я не знаю, родиной кофе считают Эфиопию – там, в местности Кэфа до сих пор растет дикий кофе, он попал на Аравийский полуостров, в Йемен, а затем в Индию, Индонезию, Конго, Бразилию и т.д. Еще в детстве мне нравилось искать смысловое значение в названиях и именах. Так небольшой порт в Йемене на Красном море дал название сорту кофе «Мокко», от аравийского «Мокко» произошло кофе «Арабика», а кофе «Сантос», привезенное из Йемена, названо по имени порта в Бразилии, из которого это кофе экспортируется. Во времена моего детства и юности москвичи по традиции ехали в «Чаеуправление», чтобы купить кофе, конфеты и, конечно, чай. Разнообразия сортов чая не помню. Продавались «Грузинский», «Краснодарский», «Азербайджанский», «Индийский» «со слоном», «Цейлонский», «Китайский». Где собирали этот чай – вопрос, на всех видах упаковок и бумажных с картинкой-этикеткой, и на жестяных коробках писали «Московская чаеразвесочная фабрика имени В.И.Ленина». \*\*\* История чая – это череда легенд и выдумок, Русь пристрастилась к чаю не сразу. Больше ста лет тому назад кто-то где-то придумал, что чай – эликсир долголетия, может отвлечь от пьянства, способен заменить водку, но в России спиртные напитки и по сей день прекрасно уживаются с чаем. Перловы, будучи очень набожными и благочестивыми, видели в чаепитии один из способов борьбы с грехом пьянства. Они серьезно занимались рекламой - выпускали сувениры и отрывные календари с днями православных праздников, советами по укреплению здоровья, первыми стали продавать чай в красивых жестяных коробочках с изречениями о пользе чая, делали их монахи Оптиной пустыни, в Шамординском монастыре, который Перловы опекали и финансировали. Вот несколько поговорок на «чайную тему», написанных на коробочках: «Чай пить – не дрова рубить», «Выпей чайку – забудешь тоску», «С чая лиха не бывает», «За чаем не скучаем – по три чашки выпиваем», «Чай не пить – так на свете не жить», «Чай не хмельное – не разберет». Свои благодеяния Перловы не афишировали, они строили бесплатные больницы, столовые, училища, приюты для бедных. При «Обществах трезвости» они содержали чайные, библиотеки, воскресные школы, постепенно приучали людей к культурному образу жизни. В своем имении Перловка (около станции Мытищи по Ярославскому шоссе) они построили поселок, железнодорожную станцию, провели телеграф, создали театр, устроили спортплощадки и сдавали дачи для людей разного достатка. А недалеко от Перловки, в Костино, рядом с Болшевым, они выстроили приют для девочек, в котором в 30-е находилась знаменитая Болшевская трудовая колония ОГПУ для беспризорников, о ней режиссер Н.Экк снял популярнейший советский фильм «Путевка в жизнь». Люблю ходить по Блошиным рынкам, и не так давно на Тишинке я увидела копии старых открыток с рекламой 20-х годов и листочков со стихами В.В.Маяковского, их вкладывали в жестяные чайные коробочки с надписью «Чаеуправление». Я читала, не могла оторваться, пожалуй, никто сегодня так не сочинит. Помню, как мой любимый дядя Гриша, шутник и остролов (Григорий Борисович Чарный - родной брат бабушки, о нем я писала), цитировал с лукавым выражением глаз рекламные стихи В.Маяковского, напевая их как частушки. Например о ГУМе: «Нет места сомнению и думе // Всё для женщин только в ГУМе», «Тому не страшен мороз зловещий, // Кто в ГУМе купит теплые вещи», смешное двустишие о галошах – «В дождик и сороконожка не сдвинется с места // Без галош Резинотреста», о мячах – «Товарищи девочки, товарищи мальчики // Требуйте от мамы эти мячики», а вот реклама с моим именем – «Нам оставляются от старого мира // Только сигареты “Ира”» - мне не нравилась. На Тишинке я купила несколько копий фантиков с рекламой карамели, на каждом чудный рисунок и стишок, они кажутся мне очень занимательными, так текст на фантике карамели «Кремль»; «Слушай, Земля, голос Кремля», на фантике «Трамвай»: «Страна, не хромай. // Подтянись, что молодо. // Проведемте трамвай // От села до города», на фантике «Пароход»: «Пароход хорош, идет к берегу, // Покорит наша рожь всю Америку». Чтобы народ запомнил метрическую систему мер и весов, введенную

декретом РСФСР в 1918 году, карамельные фантики использовались, как справочники: «Узнаем, не тратя догадок уйму – 2 ½ сантиметра равняются дюйму» или «Рисуем, чтоб каждый запомнить мог. Четыре сантиметра – один вершок». Отвлеклась я, как всегда. Так вот, В.Маяковский написал рекламные тексты и по заказу «Чаеуправления», их вкладывали в жестяные коробочки с чаем, кофе, какао, правда, коробки были значительно скромнее перловских, но стихи замечательные, в четком ритме. Так, например: «Где взять чаю хорошего? // В Чаеуправлении – доброкачественно и дешево», «Смычка с деревней. // Выходи и встречай, // Москва деревне высылает чай», «Милый, брось слова свои, // Что мне эти пения, // Мчи в подарок мне чаи // Чаеуправления», «Граждане, берегите интересы свои, // Только в чаеуправлении покупайте чаи». «В Чаеуправлении внимательное око - // Мы знаем – вам необходимо Мокко». А слова «Нигде кроме, // Как в Моссельпроме» звучали как символ сказочного изобилия при социализме. Моссельпром – трест, объединявший предприятия по производству муки, хлеба, колбасных изделий, кондитерские, шоколадные и табачные фабрики, пивоваренные заводы и т.д. Для рекламы и для сохранения ценных свойств чай упаковывали в чайницы - коробочки жестяные, хрустальные или из дымчатого стекла. Чайницы не редкость на аукционах, и в буфетах старых москвичей их можно было встретить в советское время, но уже не с чаем, а с сахаром или конфетами. У меня есть несколько старых чайниц. Вот две из них милые моему сердцу металлические чайницы, одна - «Торгового дома «Сергей Васильич Перлов», с изумительными райскими птичками, яркими цветочками, листочками, бамбуком и другими китайскими символами привлечения удачи, счастья, здоровья. Конечно же, «Сергей» написано через «ять» перед «й», но на клавиатуре моего ноутбука «ять» никакой буквой не заменишь, в отличие от «ерь» - «ъ». Вторая - «Товарищества чайной торговли «В.Высоцкий и Ко» Москва – Одесса», черная, с цветками чая, серебристым корабликом и буквами «В. и Ко» на парусе, очень стильная. Чайницы напоминают сундучки с двумя крышками. Верхняя крышка снимается легко, а нижняя, внутренняя крышка, закрывает коробочку очень плотно, она на петельках с одной стороны и зажимчиком с другой. На внутренней крышке чайницы Перловых есть и герб фирмы, и государственный герб Российской Империи - привилегия поставщиков Двора Его Императорского Величества. И еще есть такие слова, конечно с «ять» и «ерь» – «Покорнейше просим обратить внимание на то, что каждая такая металлическая чайница во избежание насыпки въ нее чая не его развески снаружи завернута въ бумагу съ знакомъ фирмы и обрешена правительственной казенною бандеролью». Обрешена с «ять» после «р» означает оклеена. Из Китая, а позже из Индии и Цейлона, чай привозили на чаеразвесочные фабрики не просто в мешках, а в специальных опломбированных ящиках, там его укладывали в бумажные пакеты, металлические или стеклянные чайницы. Затем их оклеивали казенной бандеролью (после 1918 года акцизными марками) - полосками специальной тонкой бумаги с водяными знаками и указанием вида продукции, ее объема, серии, номера. Правительственные казенные бандероли имели большое значение для потребителей, так как служили доказательством качества продукции фирмы. В советской России при НЭПе были аналоги казенных бандеролей - «акцизные марки», а с середины 90-х их вновь ввели на алкоголь, сигареты и т.д. С особой нежностью я отношусь к очень изящной стеклянной чайнице из дымчатого стекла (бабушка называла такое стекло маревым) с узором в стиле «модерн» на стенках. Сколько себя помню, в ней всегда держали кофе в зернах, помещалось не мало - фунта два. Если не проявлять к чайнице должного почтения, то можно назвать ее банкой в форме перевернутой пирамиды, с двумя крышками. Нижняя, с бортиком, поднятым вверх и ручкой в виде шарика, плотно закрывает горловину, верхняя, с вмятинками и изрядно потертая лет за сто, но сохранившая следы посеребрения, напоминает шляпку благородного белого гриба на короткой толстой ножке. Очень люблю чайницу - ларчик из толстого резного стекла с крышкой в металлической окантовке и замочком в ней. Замочек закрывался малюсеньким ключиком с головкой, подобной крошечной царской короне и бородкой затейливой формы, такие можно носить, как украшение, жаль, что его уже нет в ларчике (кто-то полюбил и унес). Ловлю себя на том, что мои непоследовательные и весьма сумбурные воспоминания о родных и близких, связаны с милыми моему сердцу домами, улицами, памятниками и, конечно, Таганке – моей «родной стороне» принадлежит особое место. Очень хорошо помню мартовские дни 1953 года, как передавали по радио о болезни Сталина, и все время звучала классическая музыка, а утром, 6 марта, Левитан объявил, что 5 марта в 21 час 50 минут Сталин умер. В нашей квартире было тихо, на кухню никто не выходил, за окном чувствовался легкий морозец, падали чуть заметные снежинки. Все затаились, боялись сказать лишнее слово, ждали худшего. Многие восприняли смерть Сталина как личную драму. Понятно, теперь я другими глазами вижу то, что было шестьдесят лет назад, но, интересно, какие-то эпизоды детства память выбирает и хранит так, как будто они произошли только что. Вся страна слушала радио, и по голосу Левитана «Говорит Москва. Работают все радиостанции Советского Союза...» многие определяли, какое будет сообщение. По телевизору ( наш КВН-49 с линзой стоял в маминной комнате) показывали траурные митинги, нескончаемый поток плачущих людей, смену караула. Соседи и знакомые приходили смотреть, смотрели и

молчали. Мне было всего семь лет, я была самой маленькой в семье, меня очень любили, баловали, нежили, оберегали, и я не понимала, что люди вокруг меня постоянно боятся за жизнь своих близких, боятся доносов, арестов, унижений, увольнений. Этот страх сидел внутри, о нем нельзя было забывать. Перед смертью Сталина проводились чудовищные кампании – «дело врачей», борьба с космополитизмом, депортации крымских татар, греков, армян, ингушей, чеченцев и многих других народов, слухи о выселении всех евреев из Москвы в Восточную Сибирь. В моей памяти, глазах, ушах всплывают одновременно события, сцены, случаи из детства и более поздние знания о них, а также людях в этом участвовавших. Была ли смерть Сталина неожиданна для всех? Но вопрос, «Что же без него будет?», думаю, пугал всех. В тот же вечер сообщили состав нового правительства. Председателем Совета Министров СССР назначили Г.М.Маленкова, Первым секретарем ЦК КПСС – Н.С.Хрущева. МВД и МГБ объединили и министром назначили Л.П.Берия, через четыре месяца его арестовали и расстреляли. Н.А.Булганин стал Министром обороны СССР, а Первым его заместителем - опальный маршал Победы Г.К.Жуков. Борьба за власть в новом правительстве разгорелась сразу и окончилась только в 1958 году победой Н.С.Хрущева и отставкой Г.К.Жукова, тогда министра обороны СССР. Днем 7 марта объявили о выносе тела Сталина из Кремля и прощании с ним в Колонном зале Дома Союзов. Помню, наш телефон стоял на подоконнике в бабушкиной комнате, моя кровать стояла у двери, рано утром 6 марта тётё Муре позвонила ее сотрудница Геня Хаймовна и оживленно сказала: «Сталин умер, по радио объявили!», а тетя Мура в ответ: «Вы с ума сошли, нет, что Вы, молчите», - хотя уже всё знала. В комнату вошла мама, стала плакать: «Как мы теперь будем жить? Что теперь с нами будет? Сейчас опять война начнется». Даже представить не могу, как восприняла мамина тонкая, эмоциональная душа общее помутнение сознания. Бабушка обозвала ее дурой и сказала: «Туда ему и дорога, бандит, тиран усатый, таракан. Умер кровопийца, азиат, он искалечил и уничтожил тысячи жизней. Хуже не будет, не бойся, доченька». На всех домах вывесили красные с черной каёмочкой траурные флаги, афиши и витрины заклеили белой бумагой, кинотеатры и театры закрыли, развлечения кончились, люди молчали, на сосредоточенных лицах скорбь, печаль. Баба Фаня пришла на левый рукав моего байкового платица с разноцветными полосками черную траурную ленточку. Люди свято верили, что солнце зашло, рыдали и плакали многие. Прощаться со Сталиным в Колонный зал устремились потоки людей, движение было неуправляемым, началась давка, многие погибли, официально об этом не сообщалось, но слухов было много. Одна наша знакомая жила на Петровском бульваре, окна ее комнаты выходили во двор, ворота двора закрыли, и жильцы не могли выйти несколько дней. С улицы слышались пугающие звуки, скрежет, крики раздавленных людей. Когда вышли на улицу, видели, как дворники убирали кучи калош, ботинок, сумки, шапки, шарфы, закрывали крышки колодцев, шли разговоры, что в моргах много трупов. В Москву ввели войска и военную технику, центр был оцеплен солдатами, говорили, что порядок установился благодаря маршалу Жукову. Сталинская злодейская эпоха заканчивалась, но сотни москвичей погибли, устремившись в Колонный зал взглянуть на мертвого Сталина. Эти трагические события описаны многими очевидцами. Данные о числе погибших до сих пор засекречены. 8 марта было объявлено, что в Колонный зал Дома Союзов для прощания со Сталиным будут допускаться только официальные делегации, сформированные по месту работы. Дяде Давиду (папе Бори и Иры) удалось попрощаться с «вождем всех народов» - добравшись непостижимым образом до Пушкинской, он двумя руками ухватился за огромный венок, который несли делегаты Киргизии, с ними прошел через кольцо оцепления военного патруля у входа в Колонный зал, и оказался на втором этаже в траурном зале. Играл симфонический оркестр, гроб был далеко, генералиссимус показался ему маленьким высохшим лысоватым стариком с желтым лицом, рыжеватыми усами и рябым лицом. Давид говорил обычно мало, и вдруг это рассказал, видимо, перебирал в памяти события своей очень непростой жизни, и сразу запнулся, словно выдал тайну, за которую может получить суровое наказание. В тот вечер сидели мы у нас на кухне, незадолго до его смерти в марте 1976 года, вспоминали «минувшие дни». Я и его одиннадцатилетний сын - мой двоюродный брат Борюсик тоже «хоронили» Сталина. И вот как это было. Утром 6 марта баба Фаня помогла мне и «детям»- так называли двойняшек Борю и Иру, одеться, умыться, проверила в их портфелях книжки, тетрадки, пеналы и мы сели завтракать в большой комнате. Мне и Борюсику было вкусно все, Ира, как всегда, ела без удовольствия и упрятывала недоеденное в салфетку. По радио передавали классическую музыку, диктор Всесоюзного радио Юрий Левитан своим уникальным голосом сообщал о смерти «отца всех народов». До 1954 года школы делились на мужские и женские. Школа Борюсика была Товарищеском переулке, Ира училась на Большой Коммунистической. Из школы Боря пришел раньше обычного, занятия отменили, уроки не задали, всех отпустили на три дня. Печали в его голубых глазах не было. На вопрос бабы Фани: «Ну как, контрольная была?» он ответил, что всех собрали в актовом зале на линейку, выступали учителя, директор, вожатые и постановили – собрать деньги на похороны товарища Сталина. «Сколько сказали принести?» - спросила баба Фаня, Борюсик ответил, что не знает. Бабушка



Соня сидела на диване, раскладывала из двух колод карт любимый пасьянс «косыночка», было видно, что она думает о чем-то важном. «Баба, сколько ему дать?», - спрашивает баба Фаня бабушку. «Я тебе, не баба, а Софья Борисовна, дай ему десять рублей, а можешь и больше, пусть отнесет, на такое не жалко». Кстати, в 1953 году десяток яиц стоил 7 рублей, 1 литр молока - 2 рубля 20 копеек, а полный обед в заводской столовой - 3 рубля 50 копеек. Услышав этот разговор, я своим детским умом поняла, что Борюсик пойдет прощаться с товарищем Сталиным - «лучшим другом советских детей и всего человечества», я очень хотела пойти вместе с ним. Мне разрешили! Мы оделись, я попросила бабу Фаню завязать черную ленточку вокруг рукава моей цигейковой шубки с капюшоном. Но нам пришлось немного задержаться – пришла из школы Ира, она сняла пальто шапку, и заявила: «Форму снимать не буду, нельзя! Нам директриса сказала, что товарищ Сталин умер, и в траурные дни нужно носить черные фартуки!» Баба Фаня сказала ласково и неуклонно: «Хорошо, хорошо, скоро придет учительница музыки, переодевайся, ручки вымой, пора кушать», Ира послушалась. У двери баба Фаня нас наставляла: «Борюша, смотри, держи ее (т.е. меня) за руку и не потеряй деньги. Никуда больше не заходите, скоро надо обедать». Мы вышли из подъезда, и пошли налево, по Товарищескому переулку к школе, я боялась опоздать, думала, что все пионеры уже собрались, и мы дружными рядами, как на демонстрацию, направимся в Колонный зал. Я держалась за рукав Борюсика, у входа в школу мы встретили его друзей-одноклассников - Мишу Кузнецова – он жил в высотке на Котельнической и ждал маму, чтобы пойти домой, Володю Толкунова (Толкушу) с маленькой сестренкой – после уроков она всегда была на попечении брата, и отличника Юлика Гамбурга. Ю.Д.Гамбург стал профессором, доктором химических наук, ведущим специалистом по электрохимии Института физической химии РАН. В 1992 году мы с ним были в командировке в Австралии. Это была мечта-идея Бориса - объединиться для внедрения научных изысканий, мы вспоминали Таганку, школу, детство, напишу когда-нибудь и об этом. Итак, из вестибюля с лозунгами «Да здравствует наша Великая Советская Родина!», «Учиться, учиться и еще раз учиться. В.И.Ленин», и гипсовой скульптурой маленького Ленина с книжками под мышкой, мы все поднялись на второй этаж, и я впервые в жизни оказалась в пионерской комнате. Ребят было много, все толпились вокруг стола, учителя и вожатые следили за порядком, мы встали в очередь у двери, чтобы подойти к столу, зачем и почему, я не поняла и стала разглядывать пионерскую комнату. На фанерном постаменте, затянутом красным сатином, стояли белые бюсты Ленина и Сталина, на подставке – знамя дружины школы и флаги отрядов, рядом с ними, на столике - горн с вымпелом, барабан с палочками, почетные грамоты за сбор макулатуры и металлолома, памятные кубки, видимо, за спортивные успехи учеников и журналы «Пионер». На стенах висели портреты героев – пионеров и комсомольцев, в рамках под стеклом - Торжественное обещание и Законы юных пионеров, еще помню, плакат пионера с горном и девизом «Будь готов! Всегда готов!», плакат салютующих розовощеких мальчика и девочки в пионерской форме на фоне красного знамени с профилями вождей и словами «К борьбе за дело Ленина-Сталина будь готов!». А еще, на гвоздике висела веревочка с рейкой, к ней был кнопками прикреплен лист ватмана с текстом пионерского гимна, написанным большими буквами: «Взвейтесь кострами синие ночи!!! Мы пионеры-дети рабочих!...». Мне было все интересно, я открывала мир и всему удивлялась, но то, что я увидела, когда мы подошли к столу, меня просто ошеломило и оставило впечатление на всю жизнь, такого я больше не видела никогда. На большущем столе пионерской комнаты высился холм ... из денег. Друг на друге, крест-накрест, по-всякому – по-разному лежали 25- 50- и 100 рублевые банкноты (бумажные деньги), было немного 10-рублевков. У окна стояли три учительницы, одна из них высокая, в темном шерстяном платье с белым воротничком и модной тогда «шестимесячной» завивкой «перманент». Она сортировала деньги по достоинству – 25 руб. к 25 руб., 50руб. к 50 руб., 100 руб. к 100 руб., и ровненько укладывала их друг на друга - «Ленина к Ленину», делала она это очень сосредоточенно. Другие учительницы и вожатые стояли вокруг стола, следили за учениками и смотрели за порядком. Подошла наша очередь, наверное, Борюсику было неловко, он опустил голову, уши его покраснели (так было всякий раз, когда он волновался) – у него в кармане была только одна десятирублевка. Он украдкой достал из кармана сложенную пополам десятку, тронул меня за рукав и незаметно вложил ее в мою руку, наши глаза встретились – мы всегда понимали друг друга с полувзгляда. Я сделала шаг к столу, тихонько подсунула эту злополучную десятку под чью-то 50-рублевку и мы вышли из пионерской комнаты. Домой шли молча, на вопрос бабы Фани: «Ну, как?», - Боря промолчал, а я рассказала, как было, и мы сели обедать. Короче, не хоронили мы с Борюсиком товарища Сталина, и этот мартовский день оставил в моем детском сознании разочарование и досаду. Осенью 1953 года я пошла в школу, открывались новые страницы жизни. Москва-Кратово 2014